

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
СРЕДНИХ ВЕКОВ
И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ**

Издается с 1996 года

Выпуск 6

Межвузовский сборник

Под редакцией д-ра ист. наук *Г. Е. Лебедевой*

Издательство С.-Петербургского университета

2005

ББК 63.3(0)4+63.3(0)5

П78

Редколлегия: *Г. Е. Лебедева* (отв. редактор), д-р ист. наук *С. Е. Федоров*,
д-р ист. наук *В. А. Якубский*

Рецензенты: д-р ист. наук проф. *Э. Д. Фролов* (С.-Петербург. гос. ун-т),
д-р юрид. наук *К. Е. Ливанцев* (С.-Петербург. гос. ун-т)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
исторического факультета
С.-Петербургского государственного университета*

Проблемы социальной истории и культуры Сред-
П78 **них веков и раннего нового времени. Вып. 6:** Сб. ста-
тей / Под ред. Г. Е. Лебедевой. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-
та, 2005. — 326 с.

Шестой выпуск сборника (вып. 5 вышел в 2005 г.) содержит статьи и публикации по социально-политической истории и культуре Западной Европы, Византии и славянских стран эпохи средневековья и раннего нового времени. Часть материалов посвящена узловым проблемам развития современной западной историографии, истории отечественной медиевистики.

Для историков, социологов и философов, а также широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой Средних веков и раннего нового времени.

ББК 63.3(0)4+63.3(0)5

© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2005

I. СТАТЬИ

Г. Е. Лебедева, В. А. Якубский

Первый заведующий

(из прошлого кафедры истории Средних веков СПбГУ)

Предвоенная кафедра истории Средних веков исторического факультета Ленинградского университета ассоциируется прежде всего с именами И. М. Гревса и О. А. Добиаш-Рождественской, представлявших профессию старой, дореволюционной закалки, и О. Л. Вайнштейна и М. А. Гуковского, принадлежавших к следующему, уже марксистского толка, поколению отечественных медиевистов. Говоря о кафедре тех лет, зачастую вспоминают и более молодых историков, которые тогда, в середине — второй половине 1930-х годов, формировались как исследователи — таких, как А. Д. Люблинская или И. В. Арский. Но нигде, насколько знаем, в подобном контексте не фигурирует Н. Н. Розенталь. Его фамилию медиевисты эпизодически называют в историографических очерках, но вне связи с кафедрой. А между тем Розенталь был как-никак ее первым заведующим. Впрочем, он заслуживает внимания не только по такой причине. Судьба этого бесспорно незаурядного ученого по-своему характерна для ранней советской медиевистики.

Николай Николаевич Розенталь (1892–?) поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета в 1910 г. Его научным руководителем стал И. М. Гревс, который привил своему ученику интерес к истории духовной культуры, вдохновив на занятия переходной эпохой от античности к средневековью, и тот

заялся проблемой языческой реакции в годы правления Юлиана Отступника. Но потом пути их резко разошлись. Как деликатно выразится в своих воспоминаниях другой ученик Гревса — Н. П. Анциферов, «Н. Н. Розенталь не пошел по следам своего учителя».¹ Проще говоря, если И. М. Гревс не принял послеоктябрьских новаций ни в политике, ни в науке, то его былой питомец, увлекшись социологическими схемами в духе не то марксизма, не то вульгарного экономизма, довольно легко адаптировался к советским условиям.

Первая книга Розенталя «Юлиан Отступник (Трагедия религиозной личности)» (Пг., 1923) еще несла на себе печать так называемого идеалистического мировоззрения (см. рец.: Малеина А. И. Русская книга об Юлиане Отступнике // *Анналы*. Т. 3. 1923. С. 252–253). Она мало отличалась от появившихся почти одновременно с ней таких культурологических работ школы Гревса, как «Кастильоне — друг Рафаеля» А. И. Хоментовской (Пг., 1923) или «Абеляр» Г. П. Федотова (Пг., 1924). Но следовавшие за ней труды Н. Н. Розенталя «Западноевропейское Средневековье» (Л., 1925), «История Европы в эпоху торгового капитализма» (Л., 1927) и другие уже не отстают от принятых в 1920-х годах вульгарно-марксистских стандартов. По ним видно, что ученый успешно овладевал тогдашним лексиконом и манерой письма. Вместе с тем нельзя не отметить и эрудицию, профессионализм Розенталя. Не напрасно на его статью «Монархия и феодализм во Франции после смерти Ришелье (К вопросу об отмене политического завещания Людовика XIII)», опубликованную в «Ученых записках Института истории РАНИОН» (т. 6. М., 1928. С. 110–126), четыре десятилетия спустя обратит внимание А. Н. Чистозвонов.²

Первейшей обязанностью марксиста тогда, как известно, считалась непримиримая борьба с любыми иными идейными течениями и их носителями. Полемика, где в ходу была хлесткая, пусть и малосодержательная, фразеология, а изречения Маркса, Энгельса, Ленина служили высшим аргументом, легко соскальзывала в плоскость сиюминутной политики, сплошь и рядом обретая форму пря-

¹ *Анциферов Н. П.* Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 178.

² *Чистозвонов А. Н.* Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // *Вопросы истории*. 1968. № 6. С. 46–47.

мого политического доноса. Этим искусством Розенталь тоже овладевал, но все же не всегда в должной, с точки зрения более бойких его коллег, мере. Он избличал «врагов марксизма» из числа соотечественников, однако, по наблюдениям А. И. Добкина³, предпочитал объектом своей критики выбирать людей либо мертвых, либо уже арестованных. Против И. М. Гревса, который, подобно многим другим нашим историкам старшего поколения, подвергался грубым нападкам, его ученик не выступил ни разу, как, впрочем, и не поднял голоса в защиту старика. Сознвая, что не проявляет нужного рвения, он оправдывался: «Если в отношении к нашим классовым врагам у меня нет надлежащей большевистской ненависти, то это объясняется отнюдь не моими принципиальными колебаниями, но лишь пережитками буржуазно-интеллигентской психологии [. . .], в условиях конкретно-практической деятельности мне легче любить, чем ненавидеть».⁴

Среди историков-марксистов шла неустанная грызня. На научную почву переносились приемы фракционной борьбы, не утихавшей в партии. Выискивая в своих рядах скрытых меньшевиков, левых и правых уклонистов и прочих отступников от марксизма-ленинизма, ортодоксы громили их с еще большим азартом, чем так называемых буржуазных ученых. В зависимости от зигзагов партийной политики иной раз менялись роли: вчерашний гонитель оказывался гонимым, и наоборот. Н. Н. Розенталь на себе тоже испытал превратности судьбы. В 1930 г. в журнале «Историк-марксист» появилась статья М. Волина, где избличались ошибки увидевшей свет за три года до того его книги «История Европы в эпоху торгового капитализма». Автору ставились в вину великодержавный шовинизм (в 1968 г., рассказывая об этом эпизоде, О. Л. Вайнштейн прокомментирует: «без всяких оснований»), непонимание колониального характера внешней политики царской России (по Вайнштейну: «с известными основаниями»)⁵ Заодно был вынесен безапелляционный приговор: «В лице Розенталя мы имеем один из ярких образчиков псевдомарксизма, в его книге — попытку под марк-

³Добкин А. И. Примечания // Анциферов Н. П. Указ. соч. С. 430.

⁴Цит по: Там же. С. 430.

⁵Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики: 1917–1966. Л., 1968. С. 64.

систской фразеологией скрыть свою буржуазную, далекую от марксизма и ему враждебную сущность»⁶. В ту пору печатная аттестация такого рода не звучала еще столь убийственно, как оно будет года через четыре, и Розенталь тогда перенес удар без особого для себя урона. От своих ранних работ он самокритично отрекся и как ни в чем не бывало продолжал участвовать в обличительных кампаниях, нападая, в частности, на Е. В. Тарле. Его самого тоже не забывали в ходе взаимных изобличений. Так, в резолюции «О положении и задачах на фронте исторической науки», принятой 5 февраля 1931 г. на объединенном заседании ячейки ВКП(б) Института Истории ЛОКА⁷ и Фракции Ленинградского общества историков-марксистов, он фигурировал среди «попутчиков», чьи «антимарксистские концепции», по мнению собравшихся, разоблачались все еще недостаточно. В другом месте того же, насыщенного инвективами, документа, там, где перечислялись различного рода прегрешения и их носители (например, «псевдомарксисты, прикрывающие марксистской фразеологией буржуазные концепции», одним из каковых оказался будущий академик С. Д. Сказкин), Розенталь отведено было место в малопонятной категории «протаскивающих идеологические концепции».⁸

Н. Н. Розенталь не остался в стороне от разворачивавшихся в начале 30-х годов острых дискуссий по проблемам феодализма. Опубликовал статью «К вопросу о развитии форм эксплуатации в западноевропейском обществе в период возникновения феодализма» (Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 9-10). На пленуме ГАИМК (Государственной академии истории материальной культуры), собравшемся летом 1933 г. и посвященном основным проблемам генезиса и развития феодального общества, выступил по вопросу об основном противоречии феодальной формации. Где-то на грани проблемности и разоблачительности (с перевесом в сторону последней) была написана его большая статья «Проблемы запад-

⁶ *Валин М.* Против великодержавных тенденций в истории // Историк — марксист. 1930. № 18-19. С. 201

⁷ ЛОКА — Ленинградское отделение Коммунистической академии.

⁸ *Кондратьева Т. Н.* «О положении и задачах на фронте исторической науки» в начале 1930-х годов // Европа: Международный альманах. Вып. 4. Тюмень, 2004. С. 206–207.

ноевропейской средневековой истории в освещении Доппа — Петрушевского» (Проблемы марксизма: Статьи и исследования. Т. 2. Л., 1930), в которой автор отдал дань долго не угасавшей в марксистских кругах оголтелой критике в адрес «Очерков из экономической истории средневековой Европы» Д. М. Петрушевского.

Розенталь печатался много и на разные темы. К примеру, когда будет реабилитировано преподавание гражданской истории в школе, он в помощь учителям напишет инструктивные статьи «Образование варварских государств» (История в средней школе. 1934. № 2) и «К вопросу о классовой сущности готического искусства» (Там же. 1935. № 1). Из его работ первой половины 30-х годов наибольший интерес представляет статья «Маркс и буржуазная историческая наука о западноевропейском феодализме», приуроченная к торжественной дате — пятидесятилетию со дня смерти основоположника марксизма. О значении, какое придавали ей сам автор и руководство ГАИМК, где он работал, свидетельствует двукратная публикация: сначала статья увидела свет в 84-м выпуске «Известий ГАИМК» (Л., 1934), а затем была воспроизведена в толстом томе «Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций: Сборник к пятидесятилетию со дня смерти Карла Маркса» (М.; Л., 1934), которым Академия откликнулась, правда, с некоторой проволочкой, на юбилей (этот том являл собой 90-й выпуск все тех же «Известий ГАИМК»).

Статья демонстрирует хорошее знание Розенталем научной литературы — старой и новой, его умение работать с материалом. Но на современного нам читателя она может произвести впечатление стандартного коллажа из классических цитат и столь же стандартных поношений буржуазной науки эпохи империализма. Едва ли это было бы справедливо. В том, что автор не терпел Фюстель де Куланжа, а еще больше Доппа с Петрушевским и возводил на них немало напраслины, сомневаться не приходится. Хватало в статье и достаточно избитых трюизмов вместе с реверансами в сторону всепобеждающего учения. И все-таки дело вовсе не сводилось к повторению культивируемых у нас в ту пору пропагандистских поделок.

Убедиться в этом проще всего сопоставив произведение Розенталя с появившейся несколькими месяцами раньше и близкой по

тематике статьей А. И. Тюменева «Марксизм и буржуазная историческая наука», недавно (в 1932 г.) избранного академиком, известного специалиста по древней истории (в упомянутом 90-м выпуске «Известий ГАИМК» был напечатан и его очерк — «Разложение родового строя и революция VII–VI вв. в Греции»). На сей раз Тюменев выступил как авторитет в области историографии и методологии. Место, где была напечатана его статья, — книга «Памяти Карла Маркса: Сборник статей к пятидесятилетию со дня смерти — 1883–1933» ([Л.], 1933) — придавало ей дополнительный вес: книга готовилась под крылом самой Академии наук СССР, а не просто одного из академических учреждений, как «Известия ГАИМК», среди ее авторов преобладали весьма именитые ученые. Похоже, что в интересующей нас статье (к слову сказать, она одна из самых больших в сборнике — примерно 6 печатных листов) излагались не только личные соображения А. И. Тюменева. Скорее всего, соображения эти следовало воспринимать как официальную установку, каковой историкам надлежит руководствоваться.

Главная мысль академика состояла в том, что «упадок буржуазной исторической науки начался не со вчерашнего дня. Уже более столетия буржуазная общественно-историческая мысль движется не вперед, а назад»⁹. По поводу Ф. Гизо, Ф. Минье, О. Тьерри было сказано, что «обыкновенно их изображают как сторонников классовой теории и непосредственных предшественников Маркса». Сама конструкция фразы предполагает несогласие. И действительно, по Тюменеву, «не историки времени реставрации, вступившие на путь откровенной буржуазной реакции, являются непосредственными предшественниками Маркса, как принято думать, но сен-симонисты»¹⁰. Поскольку, как не уставал повторять академик, у Тьерри и его собратьев понятие классов постоянно сбивалось на понятие сословия и даже нации, а классовая борьба подменялась борьбой сословной и национальной, их труды «представляют шаг назад», отступление от «чисто классовой точки зрения» Сен-Симона, возврат к старой идее о борьбе расы побежденной против

⁹ Тюменев А. И. Марксизм и буржуазная историческая наука // Памяти Карла Маркса: Сборник статей к пятидесятилетию со дня смерти. [Л.], 1933. С. 429.

¹⁰ Там же. С. 442, 445.

завоевателей. От социального учения Сен-Симона и философии Гегеля буржуазная наука, по убеждению Тюменева, способна была идти только по пути реакции. Соответственно оценен позитивизм: он «перевел окончательно общественную мысль буржуазии с материалистических на идеалистические рельсы, лишив ее вместе с этим всякого научного значения». Дальнейшее движение рисуется в еще более мрачных тонах. А. Допш, М. Вебер, Р. Ю. Виппер, Д. М. Петрушевский и многие другие удостоены самых нелестных эпитетов. Короче, «мысль буржуазных историков за все это время шла не вперед, а назад»¹¹.

Высоко оценив заслуги А. И. Тюменева перед наукой, Э. Д. Фролов считал возможным противопоставить начетничеству и догматизму массы порожденных советским режимом усредненных историков-пропагандистов «ученую деятельность таких высокоинтеллектуальных людей, еще до революции увлекшихся марксизмом и позднее, в советское время, с умом и совестью прилагавших его к истории, как А. И. Тюменев».¹² Но, на наш взгляд, тюменевская статья 1933 г. заставляет несколько усомниться в точности такого разделения. Изложенная в ней по-своему целостная концепция — а Тюменев не был ни первым, ни последним глашатаем подобных идей — скорее убеждает в том, что послевоенная антикосмополитская кампания выросла не на пустом месте. Когда М. А. Алпатов, к примеру, заявлял по поводу высказываний М. В. Ломоносова о падении Рима, «что вся последующая буржуазная историография XIX и особенно XX в. не только не прибавила чего-либо принципиально нового к этой картине гибели Римской империи, но, как правило, шла назад»,¹³ он был не так уж оригинален. Конечно, Алпатов и его собратья — с подачи Отдела науки ЦК партии — существенно дополнили классовый подход откровенной ксенофобией. Конечно, после войны изменились масштабы и накал идейной борьбы. Но, как видно, база закладывалась задолго до того, и А. И. Тюменев здесь не отставал от «историков-пропагандистов».

¹¹ Там же. С. 446, 460.

¹² Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999. С. 430.

¹³ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1985. С. 69.

В сравнении со статьей академика статья Н. Н. Розенталя определенно выигрывает. Последний следовал за Марксом (которого усердно цитировал) и за Плехановым (которого даже не упоминал), т. е. признавал заслуги «французских историков эпохи Реставрации», именуя Огюстена Тьерри «отцом классово-борьбы» и не объявляя сен-симонизм высшим достижением буржуазной исторической мысли. Вместе с тем Розенталь тоже полагал, что буржуазная наука уже растеряла свой творческий потенциал и способна лишь деградировать — что поделаться, в советские времена этот тезис стал аксиомой. Розенталем в очередной раз был обруган Петрушевский, который якобы не понимает даже того, что было ясно еще Вольтеру. Им осуждена «чудовищная фальшь новейших реакционных историков [...]», начиная с Фюстель де Куланжа.¹⁴ Бросаются в глаза его голословные выпады против буржуазных ученых, увенчанные выводом (автор, понятно, имел в виду только немарксистские школы): «... Все то, что писалось в последнее время о западноевропейском феодализме, ни в какой степени не выдерживает критерия научности. Нет надобности, конечно, останавливаться на новейших произведениях буржуазной историографии, которая в эпоху загнивания капитализма окончательно утратила способность “исторического разумения”». ¹⁵ Но в итоге Розенталь по меньшей мере вдвое урезал период загнивания немарксистской науки, реабилитировав предшественников Фюстель де Куланжа.

В полемику с Тюменевым по поводу периодизации исторической мысли XIX в. Розенталь, разумеется, не вступал — иначе получилось бы, что он защищает даже не отдельных буржуазных авторов, а буржуазную историческую науку в целом от принципиальной критики со стороны советского академика. Зная порядки тех лет, такую ситуацию вообще трудно себе вообразить. Выход у Розенталя был один: не заикаясь о существовании столь радикальной концепции, излагать свою точку зрения, благо тут можно было опереться на недвусмысленные заявления самого Маркса (заявления, которые Тюменев приводил выборочно и истолковывал на свой лад).

¹⁴ *Розенталь Н. Н.* Маркс и буржуазная историческая наука // Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций. М.: Л., 1934. С. 662.

¹⁵ Там же.

Впрочем, здесь нельзя не отметить и другое: А. И. Тюменев также не выразил желания полемизировать и даже проявил терпимость к иномыслию. Ему, занимавшему высокое положение в ленинградской ученой иерархии, одному из руководителей ГАИМК, ничего не стоило просто не допустить публикацию статьи, идущей вразрез с его взглядами.

Когда в мае 1934 г. было предписано возродить преподавание гражданской истории и в Ленинградском университете стали создавать исторический факультет, Н. Н. Розенталя назначили заведующим кафедрой истории Средних веков. В пользу его кандидатуры говорила, очевидно, кипучая и созвучная духу времени деятельность ученого. У него был и опыт педагогической работы. О Розентале-лекторе лет через семьдесят вспомнит Г. Р. Левин, видный специалист по истории Английской революции, повествуя о своем поступлении в далеком 1933 г. на социально-экономическое отделение Педагогического института имени А. И. Герцена: «Запомнился мне и профессор Николай Николаевич Розенталь, который очень живо излагал нам краткую историю феодального общества».¹⁶ В лаконичные автобиографические записки Левина попали, заметим, имена лишь весьма немногих из встретившихся ему на жизненном пути людей.

При назначении Розенталя, судя по всему, немалую роль сыграло покровительство Г. С. Зайделя. Сейчас эта фамилия мало кому что-то говорит, но в начале 1930-х годов особых пояснений не требовалось. Зайделя знали как одного из самых ретивых разоблачителей «классового врага на историческом фронте». Делая на этом карьере, он — к тому времени директор Института истории Ленинградского отделения Коммунистической академии — в мае 1934 г. стал первым деканом исторического факультета ЛГУ, одновременно возглавив на истфаке кафедру истории нового времени. Розенталь же, как говорилось выше, также участвовал — пусть не с такой железной хваткой — в кампаниях против Д. М. Петрушевского, Е. В. Тарле и других, и декан, очевидно, поддержал соратника, хотя ранее достаточно сурово его критиковал (Зайдель, в частности, руководил тем объединенным заседанием ревнителей чистоты марк-

¹⁶ *Левин Г. Р.* Страницы жизни. Ростов н/Д., 2003. С. 8.

сизма, чья резолюция с выпадами в адрес Розенталя цитировалась выше).

Однако всего через полгода ученая карьера Г. С. Зайделя оборвалась, когда после убийства Кирова Ленинград накрыла волна политических репрессий. В январе 1935 г. он лишился своих постов, был исключен из партии. После месячного ареста его выслали в Саратов. Там весной 1936 г. «враг народа» был вновь арестован и год спустя расстрелян.¹⁷ Близость к Зайделю не прошла для Н. Н. Розенталя даром. Приказ № 153 по истфаку от 26 апреля 1935 г. предписывал задним числом Розенталя «исключить с 4/IV из списков факультета».¹⁸ Как понимать такую формулу из его личного дела, хранящегося в университетском архиве? В перестроечные годы Розенталь назывался в числе репрессированных в середине 30-х годов сотрудников Ленинградского университета.¹⁹ В пользу версии говорит отсутствие этого имени в изданной в 1940 г. «Историографии средних веков» О. Л. Вайнштейна, где о ленинградской медиевистике рассказывалось достаточно подробно. Но как бы то ни было — избежал каким-то образом Розенталь ареста или был освобожден, но в июле 1940 г. в ЛГУ поступил запрос из Курского педагогического института, и туда были отправлены материалы из личного дела профессора (потому в университетском архиве его личное дело содержит всего несколько листов). До начала войны историк успел опубликовать в Курске статью о готах в Италии.²⁰

Больше судьбы истфака ЛГУ и Розенталя не пересекались. В 1943 г., будучи в эвакуации в Туркмении и вспомнив проблематику, какой занимался в молодости, он защитит докторскую диссертацию «Социальные основы языческой реакции императора Юстиниана».²¹ После войны выступит со статьями на тему о мировоззре-

¹⁷ *Брачев В. С.* Первый декан истфака ЛГУ Григорий Соломонович Зайдель (1893–1937) // Мавродинские чтения: 2004. СПб., 2004. С. 96–98.

¹⁸ Архив СПбГУ. Ф. 1. Д. 86. Л. 3.

¹⁹ *Брачев В.* На «белых пятнах» // Ленинградский университет. 1988. 8 марта.

²⁰ *Розенталь Н. Н.* Гражданская война в Италии V–VI вв. («Варварские» государства Одоакра и вестготов) // Ученые записки Курского педагогического института. Вып. 1. Курск, 1941.

²¹ Автореферат диссертации будет опубликован после войны. См.: Известия АН СССР. Секция истории и философии. 1945. Т. 2. № 5.

нии поздней античности,²² о происхождении и сущности христианства²³, издаст научно-популярную брошюру о Жанне д'Арк²⁴. . .

Вернемся, однако, к делам кафедры истории Средних веков ЛГУ середины 30-х годов. После Розенталя временно исполняющим обязанности ее заведующего назначили профессора Александра Евгеньевича Кудрявцева, специалиста по истории Англии и Испании, больше связанного с Институтом имени А. И. Герцена, чем с университетом. А с осени 1935 г. на это место пришел перебравшийся из Одессы в Ленинград Осип Львович Вайнштейн. Его длившееся полтора десятилетия правление наложило сильный отпечаток на облик кафедры, на ее традиции. Все привыкли смотреть на профессора Вайнштейна как на основоположника кафедры, тогда как недолгое пребывание на ней Н. Н. Розенталя, казалось бы, прошло бесследно. Но так ли это?

О. Л. Вайнштейну ставят в заслугу, что он, марксист-ортодокс, привлекал к преподаванию ученых старой, немарксистской выучки и умел находить с ними общий язык. Это бесспорно так. Только не годится упускать из виду, что, придя на кафедру, Вайнштейн уже застал там И. М. Гревса, О. А. Добиаш-Рожественскую, В. Н. Бенешевича. Еще 9 июня 1934 г. Добиаш-Рожественская, сообщая в письме Д. М. Петрушевскому о новостях («Их немало. Они хорошие»), начала их перечисление с того, что: «1. Ив. Мих-ч [И. М. Гревс. — Г. Л., В. Я.] получил предложение вести в будущем году “сверхсеминарий” по Дино Кампаны в Университете аспирантам — в самой милейшей форме [...]: “Мы Вас знаем. Будьте тем, что Вы есть”. И. М. согласился и, по-моему, глубоко доволен [...]. 2. Я получила предложение вести для тех же аспирантов курс по палеографии с практическими занятиями и семинар по истории».²⁵

²² *Розенталя Н. Н.* 1) Социально-политические воззрения языческой интеллигенции поздней Римской империи // Труды Одесского ун-та. Вып. 49. Одесса, 1949; 2) Религиозно-политическая идеология Зосима // Древний мир: Сб. М., 1962.

²³ *Розенталя Н. Н.* Христианство, его происхождение и сущность. М., 1955. (2-е изд. — М., 1960.)

²⁴ *Розенталя Н. Н.* Жанна д'Арк: Народная героиня Франции. М., 1958.

²⁵ *Добиаш-Рожественская О. А.* Культура западноевропейского средневековья: Научное наследие. М., 1987. С. 258.

Как у первого заведующего кафедрой складывались отношения с его старым учителем и другими, как тогда выражались, старорежимными профессорами? Как те ощущали себя, вновь очутившись в университетских стенах? Сведений об этом у нас мало. Должно быть, не напрасно, говоря о себе и о Гревсе, О. А. Добиаш-Рожественская в письме к нему примерно за месяц до начала занятий, в конце июня 1934 г., размышляла о том, что «не все, конечно, и тут безоблачно [...] Встают и тревожат разные “но”». ²⁶

И. М. Гревса, зачисленного с первого сентября 1934 г. профессором всеобщей истории на истфаке ЛГУ и одновременно привлеченного к работе с аспирантами в ЛИФЛИ, где он также работал под началом Н. Н. Розенталя, и радовало возвращение к любимой работе, и многое тревожило. «Не без волнения приступаю после 11-летнего перерыва; не знаю, как удастся вновь войти в работу, которая прежде наполняла жизнь. [...] Жалею, что столько лет пропало даром!», — писал он Н. П. Анцифорову 3 сентября 1934 г. Два месяца спустя в письме к тому же своему давнему ученику он вернется к этой больной теме: «Настроение только перебивается досадным чувством, что столько лет у меня прошло, как я был оторван от научного и профессионального дела». Жаловался на низкий уровень подготовки аспирантов и студентов. По этой причине у него были некоторые претензии к Розенталю — тот «навязал мне семинарий по Дино Кампаньи, который осуществить невозможно». Относительно самого Розенталя Гревс выразился неопределенно: «С Н. Н. Розенталем отношения наружно дружественные, что внутренне — не разберешь». Все-таки письмо заканчивалось на более или менее оптимистической ноте: «Вообще во всех учебных заведениях ко мне и к Ольге Антоновне (Добиаш-Рожественской) выражают внимание и почтение» ²⁷.

Во всяком случае, как видим, между Н. Н. Розенталем, на долю которого выпал изначальный подбор преподавательского коллектива, и О. Л. Вайнштейном в вопросе так называемой кадровой политики имела место прямая преемственность.

²⁶ *Вахромеева О. Б.* Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941). СПб., 2004. С. 331.

²⁷ Там же. С. 331–332

Руфин и Сульпиций: два взгляда на церковную историю IV в.

В начале V в. с незначительной разницей во времени в латинской литературе на свет появились два сочинения, в той или иной степени посвященные одной проблеме, а именно прошлому и настоящему церкви. Сначала в 402 г. аквилейский пресвитер Руфин по заказу епископа своей церкви Хромация взялся за перевод на латинский язык «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, дополнив текст Евсевия рассказом о церковных событиях от Константина Великого до Феодосия Великого. Затем в 403 г. аквитанский послушник, оставивший карьеру адвоката, Сульпиций Север закончил свою «Хронику» рассказом о церковной истории, в котором особое место уделено также событиям IV в. Можно не сомневаться, что эти два произведения, созданные в рамках общей латинской христианской литературной традиции, появились на свет независимо друг от друга. Это обстоятельство делает не только возможным, но и весьма интересным сопоставление двух самостоятельных рассказов об одних и тех же церковных событиях, что позволит увидеть сложность формирования в христианской церкви единого отношения к собственному прошлому, существование среди ортодоксально настроенных писателей разных церковно-исторических концепций и различного понимания самого феномена церкви.

Уже беглое прочтение рассказов Руфина Аквилейского и Сульпиция Севера о недавнем церковном прошлом, несмотря на то, что оба историка выбирают в качестве важнейшей темы своего повествования тему противостояния ортодоксов и еретиков и сообщают читателю о ключевых событиях этого конфликта, прежде всего о соборах начиная с собора епископов в Никее, убеждает читателя, что перед ним два совершенно разных взгляда на происходившие в церкви в IV в. события. Несмотря на то, что оба историка сосредоточивают внимание на внутрицерковных событиях, почти отказываясь от изложения светской истории, разрабатывается эта об-

щая тема внутрицерковного противостояния авторами с совершенно разных позиций.

Руфин Аквилейский взялся за написание истории по вполне определенному поводу, наложившему отчасти отпечаток на общую тональность повествования. Только что, в 401 г., Северная Италия была сотрясена нашествием вестготов Алариха, что, конечно же, многих привело в смятение и уныние. Не случайно Руфин в предисловии к «Церковной истории» пишет о себе как о врачевателе душ, пострадавших от пережитых несчастий: следовало, чтобы «душа, обращенная в слух, пока будет стремиться узнать о событиях прошлого, забыла о случившихся несчастьях» (Ruf. *HE* pr.).¹ Условия написания «Церковной истории» изначально определяли тональность ее изложения: это должен был быть труд нравоучительный и имеющий позитивную направленность. Также не надо забывать, что Руфину приходилось продолжать труд Евсевия, финальная книга которого исполнена позитивного смысла: к власти приходит Константин, положивший конец гонениям и даровавший церкви мир.²

Сульпиций Север строит свое повествование на совершенно других основаниях. Сложно судить о конкретных причинах написания «Хроники», но мы вправе говорить о разных контекстах, в которых оказались рассказы о церковной истории IV в. у Руфина и Сульпиция Севера. Если Руфин включал изложение событий IV в. в контекст церковной истории, ориентируясь на оптимистическую концепцию Евсевия Кесарийского, то Сульпиций рассматривал историю минувшего века в рамках универсальной священной истории и подчинял рассказ о недавних событиях ее логике. Создавая «Хронику» как историю избранного народа от сотворения мира, Сульпиций обнаруживает во всей этой длительной истории вполне определенную закономерность. Он обращается к исторической теории

¹Текст «Церковной истории» опубликован вместе с «Церковной историей» Евсевия: *Eusebius. Die Kirchengeschichte mit der lateinischen Übersetzung des Rufinus* / Hrsg. von E. Schwartz und Th. Mommsen // *Die griechischen christlichen Schriftsteller*. Bd. IX. Leipzig, 1903–1909. — Далее отсылки к «Церковной истории» даются в тексте, в скобках указываются номера книги и главы.

²*Кривушин И. В. Ранневизантийская церковная историография*. СПб., 1998. С. 103–106.

Саллюстия, чтобы объяснить причины бедствий и несчастий сначала иудеев, а затем и христиан.³ Кратко эту теорию можно сформулировать следующим образом: мирные времена, когда избранникам Божиим никто не угрожает (инородцы — иудеям; императоры-гонители — христианам), создают почву для внутреннего надлома. Именно в такие периоды прежде иудеи обращались к идолопоклонничеству, а теперь христиане (что и становится предметом особого внимания Сульпиция в последних главах «Хроники») начинают раздоры на религиозной почве. Озабоченность Сульпиция по поводу этих раздоров внутри церкви и определяет общий пессимистический настрой конструируемой им истории, который противостоит историческому оптимизму Руфина Аквилейского. Рассмотрим это несколько подробнее.

Важнейшей фигурой нового этапа церковной истории, этапа, связанного с прекращением гонений, для христианских историков являлся, конечно же, Константин Великий. Современные Константину авторы превратили его в фигуру поистине эпохальную. Лактанций поднимает его до уровня Энея, превращая в родоначальника нового государства,⁴ правителя, при котором возвращается на землю «золотой век».⁵ Именно такое понимание исторической миссии Константина станет общим местом в последующей христианской историографии.⁶ И именно такой образ эпохи Константина обнаруживает читатель Руфина на страницах его «Церковной истории».

Руфин, считая Константина безусловно «добродетельным и религиозным императором», максимально «обеляет» ход событий религиозной жизни в период его правления. Рассказав о торжестве единомыслия на Никейском соборе, на котором «всеми было со-

³Прежде всего см.: *Andel G. K. van. The Christian concept of history in the Chronicle of Sulpicius Severus.* Amsterdam, 1976. P. 70–74.

⁴*Christensen A. S. Lactantius the Historian. An analysis of the De Mortibus Persecutorum.* Copenhagen, 1980. P. 34–41.

⁵*Тюленев В. М. Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох.* СПб., 2000. С. 118.

⁶См., напр., характеристику времени правления Константина у Орозия: *Тюленев В. М. Кризис 410 г. и судьба теории «христианской империи» в «Истории против язычников» Павла Орозия // Раннесредневековый текст: проблемы интерпретации.* Иваново, 2002. С. 65–66.

гласовано и сформулировано, будто бы единым сердцем и устами, писать “единосущен”» (X.5), Руфин ничего не говорит о мелетиа-нах и о последовавших вскоре после собора атаках на Александра Александрийского. Сразу же за рассказом о никейских событиях историк предлагает картину триумфального шествия христианской веры по миру: после чудесного обретения Еленой Креста Спасителя (X.7–8) подданные Римской империи приносят веру в Христа индийцам и иберийцам (X.9–10). Для того чтобы снять даже тень религиозных разногласий со времен Константина, Руфин намеренно меняет последовательность ряда событий. Он относит конфликт между Александром Александрийским, с одной стороны, и Евсевием Никомедийским и Арием — с другой, ко времени правления Констанция II (X.12).⁷ Также с периодом правления Констанция II (337–361 г.), а не Константина, Руфин соотносит работу Тирского собора (335 г.), осудившего Афанасия Александрийского (X.16).⁸ Первые попытки ариан добиться влияния в государстве при Константине историк относит лишь к концу жизни этого императора. Поскольку Руфин не использует объективных датировок при изложении событий, у читателя неизбежно создается впечатление, будто деятельность арианского пресвитера-духовника Констанция по реабилитации Ария непосредственно предшествовала смерти императора (X.11). Но и это «отступление» Константина, связанное с возвращением Ария, подается Руфином как очередная победа ортодоксов и пример справедливости императора. Константин, прочитав изложение веры Ария и не найдя в нем серьезных противоречий с Никейским символом, отправил дело на решение собора, который без особого труда вскрыл притворство ересиарха: «... ибо уловки уместны для незнающих, а у знающих обман ничего другого не вызывает, кроме усмешки» (X.11). В результате, как показывает Руфин, ортодоксальная церковь в конце жизни Константина вновь торжествует над своими врагами.

Нельзя сказать, что Сульпиций не сознает важности перемен,

⁷ Александр Александрийский скончался через три года после Никейского собора в 328 г. задолго до кончины Константина Великого и воцарения Констанция.

⁸ См. о некоторых «неточностях» Руфина: *Лебедев А. П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. СПб., 2000. С. 113.

произошедших с воцарением Константина Великого. Напротив, этот аквитанский историк рисует, казалось бы, вполне оптимистическую картину периода правления Константина. Христиане «стали наслаждаться среди мирных дел покоем» (II.33.3),⁹ сама «вера христианская чудесным образом умножилась» (II.33.4), священный же город Иерусалим, недавно еще пребывавший в руинах, «украшился многочисленными и пышными церквями» (II.33.4). Однако Сульпиций не забывает упомянуть, что при Константине появляется арианская ересь, потрясая весь мир, и, что самое важное, подчеркивает, что в заблуждение был ввергнут и сам император (II.35.2). Неоднозначное отношение Сульпиция к Константину Великому выразилось уже в том, что вовсе не он, а его мать Елена становится главным персонажем в главах, посвященных времени его правления. Именно с именем царицы Елены связаны у Сульпиция главные успехи христианства: «... когда все это (возрождение Иерусалима, обретение Креста Господня. — *B. T.*) произошло через Елену, мир принял свободу в христианском вероисповедании и образец веры» (II.35.1). В то же время Константин, сбитый с толку двумя арианами, даже открыл гонение на православных епископов и мирян (II.35.2).

Так же, как и Руфин, Сульпиций создает собственную картину прошлого, весьма вольно меняя события местами. Если Руфин Аквилейский помещает рассказ о религиозных подвигах Елены (X.7–8) не только после сообщения об Арии (X.1–6), но и после рассказа о победе православной партии на Никейском соборе,¹⁰ то Сульпиций намеренно сообщает о возникновении арианской ереси (II.35.2) по завершении рассказа о деяниях царицы Елены (II.33.4–34.5), тем самым показывая, что самые яркие события, украсившие историю церкви, произошли сразу после гонений, еще до внутрицерковного раскола и никак не связаны с периодом смуты.

⁹Мы пользовались венским изданием «Хроники»: *Sulpicius Severus. Chronica // Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum*. Т. 1. Wien, 1866. При отсылках к нему в скобках указываются номера книги, главы и отрывка. Существует также новый перевод на русский язык в книге: *Сульпиций Север*. Соч. / Пер., статья, комм. А. И. Донченко. М., 1999.

¹⁰Именно такая последовательность событий будет принята церковными историками V в. Сократом, Феодоритом и Созоменом.

Говоря далее о событиях времен Константина, Сульпиций Север отказывается видеть подвиги христиан после раскола церковного сообщества на партии. В отличие от Руфина, рассказ которого о Никейском соборе наполнен экскурсами к примерам благочестивых епископов (Пафнутий Египетский: X.4; Спиридон Кипрский: X.5) и мирян (исповедник, победивший в споре философа-диалектика: X.3), Сульпиций лишь сообщает о факте собора, который не принес ощутимой победы ортодоксальной партии (II.35.4–5).¹¹ Он ничего не говорит о твердости Александра Александрийского в борьбе с Арием и Евсевием Никомедийским. Сульпиций отстраняется от популярного в церковно-исторической литературе рассказа о крещении во времена Константина индов Фрументием и Эдесием и иберийцев римской женщиной-пленницей.¹²

Рассказы Руфина и Сульпиция о противостоянии церковных лидеров и партий после смерти Константина также серьезно отличаются друг от друга своей тональностью. Руфин явно стремится обнаружить серьезную позитивную составляющую в недавнем прошлом церкви, он последовательно изображает стойкость ортодоксов в борьбе со своими религиозными противниками, как из еретического, так и из языческого стана. Мотив торжества ортодоксальной церкви становится ведущим для обеих финальных книг «Церковной истории» Руфина.

В пользу утверждения о том, что идея торжества православной церкви доминирует в «Церковной истории» Руфина, а «отступления» от истинной веры выглядят случайными, говорит формальное сравнение рассказов о победах ортодоксов или о примерах стойкости православных епископов в период временного торжества еретиков с рассказами о еретических соборах. Так, отрывок, посвя-

¹¹Исторический пессимизм Сульпиция Севера проявился уже в особом моделировании им никейских событий. Если, согласно Руфину, появление арианского учения сначала вызывает отпор Александра Александрийского, а затем и созыв императором собора (X.1–2), то, по Сульпицию, ариане еще до собора обманывают Константина, который начинает гонения на противников Ария, как из числа духовных лиц, так и из числа мирян, в результате чего созывается собор, при этом историк не видит в созыве собора какой-либо инициативы Константина: он просто пишет, что «был собран со всего мира собор» (II.35.2–4).

¹²Ср.: Ruf. HE X.9–10.

ценный никейским событиям, включает в себя шесть глав: Руфин наряду с изложением хода Вселенского собора приводит также рассказ об исповеднике Пафнутии, по добродетельным поступкам не уступавшем апостолам (X.4), о епископе Спиридоне Кипрском, исполненном пророческого дара (X.5), о славной победе неизвестного исповедника, «через которого говорил Бог», над изощренным диалектиком (X.3). На этом фоне незначительными и исключительными выглядят успехи еретиков. Не желая специально останавливаться на фактах «отступления» в рядах ортодоксальных священников, Руфин укладывает сообщение о Медиоланском синоде в три предложения (X.20) и немногим больше места в своем сочинении отводит рассказу об Ариминском соборе (X.21). Победы еретиков выглядят, по крайней мере, не достойными особой исторической памяти. В то же время Руфин придает особое значение стойкости православных епископов и паствы в периоды торжества их религиозных врагов, как еретиков, так и язычников. На страницах своей «Истории» он пишет настоящую драму Афанасия Александрийского, стойко переносящего как ложные обвинения ариан (X.16–17), так и гонение со стороны императорской власти (X.18). Обращение к эпохе Юлиана Отступника позволяет ему сообщить о подвигах христиан в Антиохии (X.35–36) и о тщетности попыток иудеев вернуть себе храм в Иерусалиме (X.38–39). Последняя же книга «Церковной истории» наполнена у Руфина примерами стойкости ортодоксальных епископов во времена гонений Валента II. Читатель Руфина узнает не только о непреклонности египетских отцов, но и о религиозном служении Григория Назианзина и Василия Каппадокийского, которые «стойко переносили смуту еретиков» (XI.9), о победе праведника Моисея, ставшего епископом сарацин, над гонителем-еретиком Луцием (XI.6).

Утверждая идею торжества православной церкви, активной участницей исторического процесса Руфин делает также паству. Не случайно, обратившись к временам Валента, Руфин вспоминает не только о египетских старцах (XI.4), но и о решительности эдесской православной женщины, спешившей с ребенком на руках к месту предстоящей казни, чтобы принять со многими другими православными мученическую смерть (XI.5). Руфин восхищается не только стойкостью Амвросия Медиоланского в борьбе с Юстиной, мате-

рию Валентиниана Младшего, но и твердостью веры его паствы. Историк сообщает, что, когда дело Амвросия дошло до вмешательства императора, отправившего против епископа солдат, приказав «ломать двери, врваться в святые места, тащить священника и отправить его в изгнание», именно народ остановил насилие над епископом. «Однако такая твердость веры была у народа, — заканчивает рассказ историк, — что он был готов утратить скорее душу, чем епископа» (XI.15). Завершая рассказ о гонениях Валента, Руфин говорит даже о полезности для церкви гонений, возвращаясь, таким образом, к положениям, закрепленным в раннехристианской литературе. «В то время, — пишет историк, — когда был разожжен пожар гонений, Церковь, еще более чистая, засверкала словно золотом, ибо вера каждого испытывается не на словах, а через изгнания и тюрьмы» (XI.6). А чуть позже, перечисляя египетских отшельников, Руфин, показывая многочисленность и силу армии православных в годы гонений, подтверждает эту идею цитатой из «Послания римлянам» апостола Павла: «Ибо когда умножился грех, стала преизобиловать и благодать» (Римл. 5:20; Ruf. XI.8).

В отличие от Руфина Сульпиций предлагает абсолютно пессимистический взгляд на недавнее прошлое церкви. Озабоченность автора по поводу внутреннего состояния церкви особенно заметна на фоне образа гонимой церкви, созданного им в предшествующих отрывках. Сульпиций намеренно отказывается от упоминания ранних ересей, о существовании которых он безусловно знал не только по таким ересиологическим сочинениям своих единоверцев, как «Против ересей» Иринея Лионского, но по «Церковной истории» Евсевия Кесарийского. За счет этого умолчания Сульпиций представил перед своим читателем церковь времен гонений, совершенно избавленную от внутренних разногласий и смут. Смута же, изображаемая им в последней части «Хроники», напротив, постоянна и непрерывна. Это ощущение непрерывности смуты создается не только через умолчания о кратких периодах хотя бы кажущегося согласия (например, торжество ортодоксов на Никейском соборе, когда подавляющее большинство участников собора подписывает его постановления, или совместная борьба ортодоксов и еретиков против антихристианской политики Юлиана Отступника). Сульпиций показывает, как споры вокруг догматических вопросов влекут

за собой раскол прежде всего среди высших иерархов церкви, а затем хаос распространяется все шире и шире. Не успел утихнуть пожар арианской ереси, как весь мир потрясла ересь Присциллиана. Никакая сила не способна остановить подобную смуту. Сульпиций, конечно, пишет о попытках достойных пастырей вернуть церковный мир, однако признает, что все их усилия были тщетны, а если и приносили успехи, то весьма кратковременные, апелляция же к светской власти еще более осложняла ситуацию.

Причины подобного пессимизма Сульпиция следует видеть не только в его зависимости от саллюстиевой концепции истории, но и в особом понимании им самого феномена церкви. В отличие от Руфина, который видит в церкви исключительно объединение сторонников православия, Сульпиций рассматривает церковь как весь народ Божий, как совокупность всех верующих. Поэтому там, где Руфин увидел борьбу церкви с ее врагом, Сульпиций обнаружил хаос, гражданскую войну и смуту. Так, если Руфин четко отделяет благочестивых священнослужителей, сторонников Никейского символа веры, от недостойных священников-еретиков, то Сульпиций позволяет себе критику не только сторонников Ария или Присциллиана, но и ортодоксальных епископов.¹³ Так, выступление Идация Эмеритского против сторонников Присциллиана не только не принесло мира, но еще более осложнило ситуацию. «Он, — пишет Сульпиций, — словно подбросил факел, породивший пожар, ибо скорее усилил зло, нежели подавил его» (II.46.9).

Несчастья в церкви после Константина оказываются у Сульпиция зеркальным отражением ее подвигов предшествующего времени. Если в годы гонений «многие устремлялись к славному состязанию и жаждали славной мученической смерти», то «теперь с такой же страстью домогаются, следуя дурным помыслам, епископата» (II.32.4). Неоднократно Сульпиций указывает на духовную слабость ортодоксальных епископов, сменивших свою веру. Так, после собора в Аримине большинство из партии ортодоксов, «кто по

¹³Неверно было бы полагать, как это принято в историографии, что Сульпиций Север, выступая решительным сторонником ортодоксальной веры, всю вину за нарушение внутрицерковного мира возлагает на еретическую партию. Подобную точку зрения см., напр.: *Laistner M. L. W. Some Reflections on Latin Historical Writing in the Fifth Century // Classical Philology. 1940. Vol. 35. P. 249.*

немощи ума, кто сломленный боязнью ссылки, ввергли себя в руки противников» (II.43.4). «Уже после возвращения послов, — продолжает историк, — те, кто прежде держались нашей церкви, покинули ее, и поскольку отпавшие толпой переметнулись в другую партию, количество наших сократилось до двадцати человек» (II.43.4). Позже, как пишет Сульпиций, уже в лагерь присциллиан перешли испанские епископы Инстанций и Сальвиан (II.46.7).

Руфин, изображая внутрицерковную борьбу, стремится свести все объяснение происхождения смуты к обману немногими. Все повествование этого историка показывает, что главная и единственная причина всех ересей кроется прежде всего в порочных качествах незначительной части церковных лидеров и в их мелочных эгоистических страстях. Лидеры еретических партий используют как против православных священнослужителей и паствы, так и против власть имущих обман и притворство. Еретики лицемерят: некоторые из сторонников Ария, по словам Руфина, подписывали Никейский символ веры «только рукой, но не сердцем [*manu sola non mente*]» (X.5). Ими движет расчет: Евсевий Никомедийский «ждал удобного момента», чтобы добиться от императора восстановления Ария (X.12). Они испытывают страх перед правдой: боясь, как бы Афанасий Александрийский не открыл перед императором истину и не уличил их в извращении веры, ариане измышляют против этого епископа обвинения (X.15). Еретики изначально дурные люди: ересиарх Евномий прокажен не только телом, но и душой (X.25); в Аримине и Селевкии собрались «хитрые и лукавые люди [*callidi homines et versuti*]» (X.21). Даже если они скрывают свою дурную суть, она все равно открывается: арианский епископ Луций, дождавшись кончины Афанасия, получил возможность проявить «свою жестокость» в отношении православных (XI.3). Еретические учения часто выглядят на страницах «Церковной истории» не столько извращением веры, сколько способом, используемым недостойными священнослужителями для решения вопросов, не имеющих прямого отношения к вере. Не случайно Руфин говорит, что Арий «человек более религиозный по форме и виду, нежели по добродетели [*vir specie et forma magis, quam virtute religiosus*]» (X.1), который «безмерно жаждал власти и почестей» (X.1).

Сульпиций, во многом соглашаясь с подобной характеристикой

еретиков, тем не менее настаивает на том, что ортодоксальные епископы также могут отличаться отсутствием должного здравомыслия и нравственной чистоты. Наиболее показателен в данном случае рассказ о борьбе епископов Ифация и Идация против Присциллиана. Осуждая этих ортодоксальных священников за излишнее полемическое рвение, Сульпиций пишет: «Ифаций ничего ни умного, ни правильного не сказал. И вообще был дерзок, многословен, бесстыден, расточителен, уделяя много внимания брюху и глотке. По глупости он дошел до того, что всех святых мужей, которых он находил склонными к чтению или постам, обвинил в преступлении как сообщников и учеников Присциллиана» (II.50.2–3). Раскол же внутри церкви, современный автору, также связан с борьбой среди ортодоксов. Сульпиций, оговорившись, что со смертью Присциллиана беды для церкви не прекратились, сообщает, что «война постоянных раздоров вспыхнула среди наших (*inter nostros*), которая вот уже пятнадцать лет, раздуваясь безобразными разногласиями, никак не может прекратиться» (II.51.8).

Конфликт внутри церкви, по мнению Сульпиция, настолько глубок, что помочь прекратить его не может также и паства. Сульпиций Север сводит к минимуму ее активность и рассматривает конфликт внутри церкви исключительно на уровне взаимоотношений церковных лидеров. Если Руфин Аквилейский, приводя примеры вмешательства паствы в ход внутрицерковного конфликта, в еще большей степени оптимизировал церковную историю, показывая, что даже в периоды временного торжества еретической партии не только православные епископы, но и христианский народ держался истины, то Сульпиций Север, напротив, исключает все яркие примеры поддержки паствой православных епископов. Единственным исключением выступает в «Хронике» упоминание о том, что изгнанный из Рима епископ Либерий «был возвращен в город из-за бунта римлян» (II.39.8).

Оба историка особое внимание уделяют лидерам церковных партий, при этом каждый из них создает на страницах своего произведения вполне определенный образ идеального пастыря. Руфин в число достойных священников включает только служителей ортодоксальной церкви. В основе создаваемого им образа идеального пастыря лежит модель, сформированная еще в раннехристиан-

ской литературе. Священник должен прежде всего стойко противостоять своим противникам. Если епископ времен гонимой церкви сражался с языческими императорами-гонителями и их агентами на местах, то современный Руфину епископ противостоит «обманщикам» из числа недостойных священнослужителей и императорам, поддерживающим ересь (Констанций II, Валент II, Валентиниан Младший и его мать Юстина) или выступающим за реставрацию язычества (Юлиан Отступник). Православный священник стойко переносит гонения (Афанасий Александрийский, Дионисий, Иларий Пиктавийский, Либерий Римский, Василий Кесарийский и другие). Руфин умалчивает о многих недостойных для православных священнослужителей фактах, известных по другим источникам. Так, он нигде не сообщает о переходе того или иного священнослужителя из лагеря ортодоксов в стан еретиков, тем более не приводит факты массового бегства из ортодоксальной церкви, о чем пишет Сульпиций Север. Ортодоксальный епископ у Руфина Аквилейского тверд и непримирим в отстаивании своей позиции. Руфин подражает Евсевию Кесарийскому, когда превращает противостояние епископов и представителей имперской власти в словесную полемику.¹⁴ Так, в частности, он включает в свою «Историю» спор Василия Великого, приведенного на суд, с префектом (XI.9). Непременным качеством, отличающим православного священнослужителя, является его святость, подтверждением которой часто выступают у Руфина сопровождающие жизнь такого священника чудеса. Мотивы, заимствованные из агиографической литературы, насквозь пронизывают сочинение Руфина. Читатель узнает о чудесах, творимых через епископа Спиридона (X.5), о чудесах, сопровождавших жизнь египетских старцев (XI.4, 8), о провидческой способности монаха Иоанна, дававшего советы Феодосию Великому (XI.19). Руфин намеренно сближает святость ряда епископов и исповедников со святостью апостолов. Он пишет, что через исповедника Пафнутия являлись «знаки не меньшие, чем через апостолов» (X.4), а египетских старцев он именует «апостолами нашего времени» (XI.4; 8).

¹⁴См. пример такого диалога в рассказе Евсевия о мученичестве Поликарпа (Eus. HE IV.15).

Святость, присущая лидерам православной партии, не требует от священника или исповедника из мирян особых дополнительных качеств и способностей, в том числе и мирской образованности. Руфин возвращается к идеалам раннего христианства, к идеям «святой простоты» (*sancta simplicitas*: X.3) и «непросвещенной учености»,¹⁵ когда он рассказывает о сущности дебатов на Никейском соборе. Одним из центральных моментов собора историк делает спор исповедника с философом-диалектиком, в ходе которого «мастер научной полемики», умеющий, «подобно изворотливому змею», ускользать из любого тушика, был посрамлен простыми аргументами необразованного мужа. Руфин показывает, как после выступления исповедника философ, «будто бы он никогда не учился парировать аргументы, так пораженный доблестью речи, и стоял, молча, ни на что не отвечая, и молчаливый вид его был красноречивее слов» (X.3). Не случайно, подводя итог работе Никейского собора, Руфин делает акцент на том, что Ария главным образом «поддержали мужи, искушенные в полемике и из-за этого противящиеся простоте веры [*viri in quaestionibus callidi et ob id simplicitati fidei adversi*]» (X.2). В дальнейшем Руфин, как правило, также не подчеркивает начитанность православных епископов в светской литературе, умение пользоваться знаниями риторики в ходе полемики. Более того, в рассказе о Григории Назианзине и Василии Каппадокийском Руфин сообщает, что эти отцы, отказавшись в свое время от карьеры риторов, за мудростью обращались лишь к текстам Священного Писания, «и шли к пониманию их не через собственное толкование, а через писания более ранних писателей и их авторитет».¹⁶

Сульпиций Север, создавая картину глубокого кризиса, поразившего современную ему церковь, тем не менее также находит место достойным пастырям. Так же, как и у Руфина, это сторонники ортодоксального учения: Афанасий Александрийский, основная мишень последователей Ария, Иларий из Пуатье и Мартин Тур-

¹⁵См.: Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989. С. 145–148.

¹⁶Исключительным оказывается рассказ Руфина Аквилейского о слепце Дидиме Александрийском, который был искушен не только в вопросах веры, но и «в диалектике, в геометрии и даже в астрономии и арифметике» (XI.7).

ский. Они стойко сопротивляются еретическим учениям: Афанасий в своей борьбе против ариан «стоял как стена» (II.37.6); они призывают всех к исправлению и покаянию, беседуют с епископами, растолковывая ложь еретических учений: благодаря этому Иларий «возвратил веру церкви в прежнее состояние» (II.45.5). В достижении же своих целей они чаще всего отказываются от поддержки со стороны светской власти. Если же Иларий и апеллирует к светской власти и даже умоляет о встрече с императором, то это апелляция ради установления мира (II.45.3), так же как и обращение Мартина к узурпатору Максиму ради смягчения преследований еретиков (II.50.5). Эти епископы прямо высказываются за решение религиозных споров без участия в них императорской власти. Не случайно Сульпиций, рассказывая о соборе в Аримине, участникам которого было предложено государственное содержание, приводит в качестве достойного примера решение епископов Аквитании и Галлии, отказавшихся от казенных средств (II.41.1–4).

Одним из качеств достойного пастыря Сульпиций в отличие от Руфина называет его образованность, главным образом знание религиозных вопросов и умение оперировать этими знаниями.¹⁷ Не затрагивая в «Хронике» проблему светского знания, Сульпиций тем не менее ратует за то, чтобы ортодоксальные епископы были готовы к обсуждению сложных теоретических вопросов.¹⁸ Именно недостаточная образованность послов (*pauci docti*) от ортодоксальной партии становится, с точки зрения Сульпиция, причиной победы ариан в споре перед императором в ходе Ариминского собора (II.41.7). Непонимание тонкостей религиозных разногласий некоторыми ортодоксальными епископами позволяет образованным и

¹⁷В этом примирении Сульпиция с мирским знанием следует видеть прежде всего влияние со стороны таких интеллектуалов западного христианства, как Иларий Пиктавийский и Амвросий Медиоланский. Об их отношении к светскому знанию см.: *Уколова В. И.* Античное наследие... С. 151–152.

¹⁸Свою позицию в традиционном для раннего христианства споре по поводу места классического образования в христианской образованности более четко Сульпиций обозначает в других сочинениях, в частности, в «Житии Мартина». Как пишет А. И. Донченко, Сульпиций, казалось бы, отвергает великие культурные традиции греко-римского мира, но «на самом деле он возрождает их, но уже в собственной интерпретации». — *Донченко А. И.* Сульпиций Север и его произведения // Сульпиций Север. Соч. М., 1999. С. 250.

изошренным в спорах еретикам скрывать ложь под маской истинного учения и приводит некоторых ортодоксов к отступлению от православной веры. Так, Сульпиций пишет, что Валент Мурсийский внес на Ариминском соборе добавление о том, что Бог Сын отличается от прочих тварей Господа, и еретический смысл этого добавления, утверждавшего, что Сын также является творением, хоть и исключительным, никем замечен не был, поэтому еретики вновь одержали верх (II.44.7–8). Наконец, образованность ересиарха Присциллиана, который оказался духовным пастырем *de facto* (пусть и со знаком минус), его начитанность и знание законов риторики не только не вменяются ему в вину, но и преподносятся Сульпицием как несомненные достоинства (II.46.3–4).

Особое значение для понимания различия церковно-исторических теорий Руфина и Сульпиция имеет анализ того, насколько этим авторам удастся сделать Бога реальным участником событий. Оба латинских историка, решая вопрос о причинах внутрицерковных конфликтов, остаются в рамках античных теорий об универсальности человеческого порока и возлагают всю вину на конкретных людей. Ни Руфин, ни Сульпиций не склонны видеть в развязывании споров ни попустительства Бога, ни зависти демонов. Однако понимание того, насколько Всевышний участвует в разрешении конфликта, у автора «Церковной истории» и автора «Хроники» абсолютно разное.

Участие Бога в религиозном противостоянии у Руфина определено вполне четко. Всевышний вмешивается в церковную историю у Руфина в двух основных формах. С одной стороны, Бог помогает сторонникам православия, с другой же — наказывает врагов истинной веры. Так, Бог обеспечивает победу ортодоксов в спорах на Никейском соборе. Именно Бог, как пишет Руфин, «допустил [...] чтобы среди прочих слушавших епископов присутствовал один исповедник», который простыми аргументами разрушил логические построения философа-диалектика и заставил его обратиться в христианство, после чего ортодоксальная партия одержала на соборе уверенную победу (X.3). В другом месте Руфин рассказывает о том, как Александр Александрийский всю ночь молил Бога о спасении церкви от Ария, в результате чего на другой день ересиарх постыдно скончался в отхожем месте (X.12–13). Историк специально

подчеркивает присутствие руки Божьей в этом событии. «Тогда, — пишет он, — исполнилось решение во славу Господа, о котором в молитве к Богу просил Александр, говоря: “Сверши, Господи, суд между мной и угрозами Евсевия и силой Ария”» (X.13). Всевышний помогает Афанасию Александрийскому избежать насилия при Констанции. Несмотря на то, что на поиски епископа были брошены все силы государства, «трибуны, препозиты, комиты, войско», и предлагалось вознаграждение доносчикам, все это не имело силы «против того, кому помогал Бог» (*Ita totis regni viribus frustra adversum eum, cui Deus aderat, certabatur*: X.18). Бог защищает Афанасия и от гонений Валента: «... когда он был жив, словно огражденный некоей божественной добродетелью, Валент, хотя и безумствовал в отношении прочих, против него ничего дурного совершить не смел» (XI.2). Бог выступает защитником римского епископа Дамаса, претерпевшего несправедливости от диакона Урзина: «Но был Бог, заступник невинных, и кара пала на головы тех, кто учинил обман» (XI.10). Рассматривая подобным образом участие Бога в церковной истории, превращая Его в одного из основных участников религиозного противостояния, Руфин придает этой истории безусловно оптимистическое звучание: действия сторонников никейского вероисповедания просто не могут не иметь успеха.

Сульпиций в отличие от Руфина не склонен видеть участия Бога даже в разгоревшихся в церкви спорах и смутах. Это тем более удивительно и показательно на фоне всего предшествующего повествования Сульпиция об истории избранного народа: из текста исчезают традиционные для первой части «Хроники» ссылки на Провидение или Божью волю. Лишь однажды Сульпиций пытается объяснить Божьей волей прибытие Илария из Пуатье на собор в Селевкию Исаврийскую (II.42.3). Однако прибытие Илария на Восток не оказывается действительно ключевым событием. Рассказ о нем сводится к доказательству аквитанским епископом своей приверженности Никейскому символу веры, и вовсе не Иларий становится главным действующим лицом в рассказе о соборе, и не его инициатива приводит к победе ортодоксов, а, скорее, их единомыслие (II.42.5). Таким образом, если для Руфина именно активная помощь Всевышнего ортодоксальным епископам и пастве приводит к

победе сторонников никейского вероисповедания, в результате чего аквилейскому пресвитеру удается без труда наполнить церковную историю оптимизмом, то Сульпиций, напротив, подчеркивая негативный характер тех процессов, которые происходят в церкви на протяжении последнего столетия, исключает Бога из истории.

Весьма показательны финальные части «Церковной истории» Руфина и «Хроники» Сульпиция Севера. Последние восемнадцать глав «Церковной истории» посвящены времени правления Феодосия Великого. Так же, как и рассказ о временах Константина, финал произведения максимально наполнен позитивной информацией. Руфин сообщает как о торжестве Феодосия над политическими врагами (Максим: XI.17; Арбогаст и Евгений: XI.33), так и о победах христианской веры над язычеством (разрушение храма Сераписа: XI.23; разоблачение хитростей, связанных с почитанием идолов: XI.24–26) и ортодоксов над еретиками (осуждение ереси Аполлинария: XI.20).¹⁹ Финальные фразы «Хроники» Сульпиция, напротив, еще больше усиливают ощущение глубочайшего кризиса, в котором оказалось христианское сообщество: «... ныне, когда ясно видно, что несогласиями епископов все взбаламучено и перемешано и все из-за них исполнено ненавистью, страхом, непостоянством, злобой, мятежом, произволом, жадностью, надменностью, бездействием, извращенной праздностью, наконец, тем, что многие против немногих, правильно советующих, с упрямым усердием и безумными мыслями воюют, — среди всего этого народ Божий и всякий лучший подвергается поношению и насмешкам» (II.51.9–10).

Различия, которые мы обнаруживаем в оценках собственного настоящего латинскими церковными историками начала V в., конечно, можно рассматривать в рамках традиционных для античной мысли споров об общей направленности исторического процесса, которые проникают и в христианскую мысль. В Сульпиции в этой связи вполне можно было бы видеть последовательного сторонника Саллустия, пессимистически оценивавшего современное ему состояние римского общества на фоне доблестного прошлого. Однако разные оценки, которые получает история церкви в тру-

¹⁹ А. П. Лебедев справедливо замечает, что для Руфина Феодосий становится таким же религиозным героем, как Константин для Евсевия см.: *Лебедев А. П.* Указ. соч. С. 111.

дах Руфина и Сульпиция, отражали прежде всего существовавшее в христианской мысли IV в. разнообразие мировоззренческих установок, различия в самом понимании церкви и тех путей, придерживаясь которых она могла исполнить свою историческую миссию.

«Церковная история» Руфина, ориентированная не просто на широкий круг читателей-христиан, но главным образом на читателей из церковной среды, отражала общий оптимизм, вызванный к жизни религиозной политикой Феодосия Великого. Большинство исторических примеров, которые привлек к своему рассказу Руфин — это примеры стойкости истинных верующих в самые тяжелые для церкви годы, примеры, способные воодушевить читателя сохранять веру в условиях социально-политического кризиса начала V в.

В свою очередь, ориентированный не только на церковного, но преимущественно на светского читателя, знакомого с античной исторической прозой, труд Сульпиция Севера отражал озабоченность образованной элиты христианского общества по поводу постоянных распрей внутри церкви, корень которых виделся в нравственном кризисе, переживаемом церковью. Было бы неверным думать, что Сульпиций был одинок в подобных оценках. Здесь уместно вспомнить переживания Иеронима относительно современного ему состояния церкви, высказанные им еще в 386/87 гг. в «Житии Малха», где он признался в намерении написать собственную «Церковную историю»: «Я намеревался написать [...] от прихода Спасителя до нашего века, каким образом и через кого Церковь Христова возникла и возмужала, как она окрепла через гонения и украсилась мученичествами, и каким образом, после того как перешла к христианским императорам, она хотя и стала более сильной и более богатой, но менее добродетельной [et postquam ad christianos principes venerit, potentia quidem et divitiis maior, sed virtutibus minor facta sit]» (Hieron. *Vita Malchi*. 1).

С. М. Соловьев и его «История падения Польши»

С. М. Соловьев, убежденный в том, что «польский вопрос [...] родился вместе с Россией» (22, 200)¹, к истории Польши обращался многократно. Тема русско-польских взаимоотношений проходит через всю монументальную «Историю России с древнейших времен». Польские сюжеты занимают значительное место в ряде монографий и статей историка. Но даже ограничиться он одной лишь «Историей падения Польши» — исследованием, о котором на исходе XX в. не без оснований будет сказано: «Вплоть до наших дней эта книга остается не только первым, но фактически единственным в отечественной историографии трудом по этой проблеме»², — все равно С. М. Соловьева по праву следовало бы причислить к выдающимся отечественным полонистам. Недавно, в 2002 г., вышел труд П. В. Стегния³, где внешнеполитические аспекты темы получили освещение более полное и более объективное, чем у Соловьева. Но в том, что касается концептуальной стороны дела, положение, насколько можем судить, не очень изменилось.

Соловьевская «История падения Польши», которой посвящена данная статья, явила собой отклик ученого на злобу дня: никогда не терявший остроты вопрос о причинах гибели Речи Посполитой и о том, на какой из держав лежит главная вина за ее разделы, в 1863 г., с началом Январского восстания, приобрел особую актуальность. Объемистая книга увидела свет, когда в Королевстве Польском, Белоруссии, Литве еще сражались повстанцы, — цензурное разрешение датировано 3 декабря 1863 г. Даже для предельно целеустремленного, трудившегося не разгибая спины С. М. Соловьева,

¹ Ссылки на произведения С. М. Соловьева даются в тексте в скобках: первая цифра означает книгу, вторая — страницу по изданию: *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. М., 1988–2000.

² *Каменский А. Б.* Комментарии к шестнадцатой книге «Сочинений» С. М. Соловьева // Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. Кн. XVI. М., 1995. С. 699.

³ *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М., 2002.

такой темп был малопривычен — тем более, что ученый не прерывал работу и над своей «Историей России». Правда, нужно учесть, во-первых, что для монографии в ход пошли заготовленные впрок материалы к «екатерининским» томам «Истории России» (до «царствования императрицы Екатерины II Алексеевны» очередь непосредственно дойдет нескоро — только в 1876 г.). Обширные выписки из архивов, недоступных простому смертному, историк привез из Петербурга как раз в январе 1863 г., где в течение полугода читал лекции по истории наследнику престола — вскоре умершему цесаревичу Николаю, сочетая преподавание с архивными поисками. Во-вторых, если замысел монографии возник все же под влиянием варшавских потрясений, то часть текста будущей книги к тому времени была не только готова, но и опубликована. Дело в том, что в «Русском вестнике», начиная с четвертого номера за 1862 г., печатался цикл статей Соловьева под названием «Европа в конце XVIII века», посвященный восточному и польскому вопросам в екатерининскую эпоху. Шестая из статей, повествующая о событиях 1771–1772 гг., включая первый раздел Речи Посполитой, появилась в мартовской тетради журнала за 1863 г. На том публикация оборвалась. И напечатанные, и оставшиеся в рукописи фрагменты «Европы в конце XVIII века» подверглись незначительной авторской редакции и вошли в «Историю падения Польши».

При превращении цикла статей о политике России на ее юго-западных рубежах в книгу о крахе Польского государства кое-что было изъято, кое-что добавлено. В некоторых частях монографии явно видны следы спешки. Еще Н. И. Кареев обратил внимание, что только начало шестой главы книги касается событий в Польше после первого раздела, большая же часть главы посвящена восточным делам до присоединения Крыма к России⁴. Нетрудно догадаться, что эта глава — первая из тех, что не имеют прямого соответствия в журнальной публикации, — все-таки писалась для «Русского вестника», где уклон в сторону турецкой проблематики был вполне естественен, и затем не подверглась заметной редакции. Столь важные для судеб Речи Посполитой события конца

⁴ Кареев Н. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб., 1888. С. 230.

1780-х — первой половины 1790-х гг. изложены в книге не так подробно, как предшествующие. О восстании Тадеуша Костюшко рассказано бегло, на первый план больше выходят третьеразрядные мелочи, относящиеся к последнему российскому послу в Польше барону И. А. Игельстрому. Заключительные эпизоды и вовсе отрывочны. За сообщением, что «8 января 1795 года Станислав Август простился с главнокомандующим и был так тронут нежным прощанием Суворова, что растерялся и не припомнил всего, что хотел ему сказать», следует финальная фраза: «Станислав Август не возвратился в Варшаву; Польша исчезла с карты Европы» (16, 628). То есть третий раздел Речи Посполитой в книге вообще отсутствует. Впрочем, не исключено, что дело было не столько в спешке, сколько в нежелании автора вдаваться в подробности, которые могли бы в какой-то степени бросить тень на внешнюю политику Петербурга.

Книга написана в привычной для Соловьева манере: в основу положены дипломатические источники, и именно дипломатическая деятельность находится в центре внимания историка. Происходящее чаще всего и видится глазами русских дипломатов — так, как написано в их депешах. Движение сюжета — борьба за опустевший со смертью Августа III польский трон, избрание Станислава Понятовского и пр. — преломляется сквозь призму переписки императрицы либо ее сановников с русскими послами, берлинским и венским дворами. Текст — также по обыкновению Соловьева — перенасыщен цитатами. На протяжении десятков страниц читателю предлагается нечто вроде коллажа из корреспонденции: Репнин пишет Панину, Панин отвечает Репнину и т. д. Безусловно, нельзя не отдать должного исследователю, как никто другой разбиравшемуся в закулисной дипломатической кухне XVIII в.: депешы, многие из которых впервые входили в научный оборот, были скомпонованы и препарированы с присущим С. М. Соловьеву мастерством. П. В. Стегний так оценит труд своего прямого предшественника: «Что касается фактологической стороны работы С. М. Соловьева, то она, как всегда, предельно добросовестна и объективна»⁵. Похвала, правда, несколько теряет в весе из-за неясности, что означает объективность в фактологии. Остается неясным и то, как

⁵ *Стегний П. В.* Указ. соч. С. 20.

сочетать высокую оценку соловьевской объективности с готовностью признать приукрашивание ученым политики России — готовностью, которая тут же амортизируется странной, мягко говоря, оговоркой, что, мол, стремление приукрасить эту политику, «разумеется», вряд ли можно считать проявлением националистических и великодержавных настроений⁶.

В. Е. Иллерицкий, подсчитав, что извлечениям из дипломатической переписки в книге отведена примерно треть всего листажа, объяснил это стремлением Соловьева усилить таким образом доказательность оценок и выводов своей монографии⁷. Возможно. Но сильнее оказывается впечатление, что автор «Истории падения Польши» просто не отделял свою позицию от позиции екатерининских дипломатов. Дистанция между его собственным мнением и мнениями тех же Репнина либо Игельстрома если и существует, то касается частных, и оттого развернутые пояснения к цитатам казались, судя по всему, излишними.

Констатируя, что авторский комментарий в книге минимален и что историк лишь изредка считал необходимым вмешиваться в повествование, А. Б. Каменский в то же время отметил изредка проскальзывающее у Соловьева неодобрение действий Петербурга. Так, тот прямо назвал ошибкой отзыв в июне 1769 г. князя Н. В. Репнина из Варшавы (16, 463). Дальше Каменским выстраивается логическая цепочка: поскольку Репнин был сторонником более мягкой линии в отношении Польши, «то можно предположить, что Соловьев считал ошибкой не только замену Репнина в Варшаве, но и изменение самого курса польской политики Петербурга»⁸. Но насколько в данном случае пригодна формальная логика?

Знаменательная фраза: «Редкий государь восходит на престол с такими миролюбивыми намерениями, с какими взошла на русский престол Екатерина II», — уже фигурировала в журнальной статье 1862 г. (22, 203). Но там она как-то терялась в контексте. В книжном же варианте она открывает первую главу (16, 412), придавая соответствующую тональность всей монографии, где апология порой теснит исследование. Вместе с тем эта ключевая фраза четко

⁶Там же. С. 19.

⁷*Иллерицкий В. Е.* Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980. С. 157.

⁸*Каменский А. Б.* Указ. соч. С. 699.

обозначила угол зрения, под которым анализируется проблема: у Соловьева Речь Посполитая — это, можно сказать, тот объект, к которому императрица прилагала свои миролюбивые усилия, а поляки попадают в поле зрения историка постольку, поскольку они или выступали послушным орудием петербургского двора, или, не пожелав принять предлагаемые им правила игры, проявляли неблагодарность. Следуя такой схеме, компонуются фрагменты из дипломатической корреспонденции. И, что любопытно, на следующей же странице после процитированной выше фразы о высочайшем миролюбии историк как ни в чем ни бывало воспроизводит депешу, отправленную Екатериной 1 апреля 1763 г. графу К. Кайзерлингу, своему послу при польском дворе. «Разгласите, — повелевала императрица, проявляя заботу о патронируемой ею тогда партии Чарторыйских, — что если осмелятся схватить [...] кого-нибудь из друзей России, то я населю Сибирь моими врагами и спущу Запорожских казаков [...]» (16, 413).

Если С. М. Соловьев не усматривал никакого противоречия между своим тезисом насчет миролюбия и подобными угрозами (и деяниями) Екатерины, то едва ли стоит предполагать, что, осудив отставку Репнина, историк тем самым осудил и монарший курс на разделы Речи Посполитой. Да и чего ради в таком случае он стал бы так лукавить и маскировать свои истинные воззрения, провозглашая, например: «Во второй половине XVIII века, волею-неволею, России надобно было свести старые счета с Польшею» (16, 409).

Данная цитата взята из введения, целью которого было поместить рассматриваемый в монографии период 1763–1795 гг. в общие рамки истории русско-польских отношений на фоне общеевропейской политики. Как раз этот краткий, занявший менее десятка страниц раздел, где ученый изложил свое понимание польского вопроса, с историографической точки зрения, пожалуй, наиболее интересен. Он к тому же напрямую перекликается с появившимся в том же 1863 г. тринадцатым томом «Истории России с древнейших времен», который, как известно, занимает особое место в научном наследии С. М. Соловьева, — с программной для ученого первой главой этого тома («Россия перед эпохой преобразования»). Не удивительно, что при анализе соловьевской концепции историко-

графы именно введению отводят центральное место: в частности, в капитальных обзорах литературы, посвященной разделам Польши, Н. И. Кареева⁹ и М. Х. Серейского¹⁰.

Введение это построено довольно сложно. «В 1620 году, — издадека начинает Соловьев свое рассуждение, — католицизм праздновал великую победу: страна, в которой некогда было высоко поднято знамя восстания против него во имя славянской народности, — страна, которая и теперь вздумала было восстановить свою самостоятельность вследствие религиозного движения, — Богемия была залита кровью; иезуит мог на свободе жечь чешские книги и служить латинскую обедню» (16, 406). Напоминание о чешских делах, о гуситах и Белогорской катастрофе, трактуемых в привычном для отечественной литературы этноконфессиональном духе, очевидно, должно было подготовить читателей к принятию предлагаемой сразу же после этого альтернативы: «Теперь оставались только два самостоятельных славянских государства в Европе — Россия и Польша; но и между ними история уже поставила роковой вопрос, при решении которого одно из них должно было окончить свое политическое бытие» (16, 406).

По мнению историка, при Алексее Михайловиче была надежда на то, что «Малороссия и Белоруссия, Волынь, Подолия и Литва» останутся навсегда за Россией. Этого не произошло из-за шаткости, изменчивости казаков, и после Андрусовского перемирия истощенное войной Московское государство почти на сто лет приостановило собирание православных земель, остававшихся под властью поляков (16, 406–407).

Очертив контур русско-польских контактов при первых царях из дома Романовых, Соловьев обратился к совсем далекому прошлому, к многовековым геополитическим сдвигам на просторах Восточной Европы. «С основания Русского государства, в продолжение восьми веков мы видим в нашей истории движение на восток или северо-восток. В XII–XIII вв. историческая жизнь видимо отливает с Юго-Запада на Северо-Восток, с берегов Днепра к берегам Волги; Западная Россия теряет свое самостоятельное существова-

⁹ Кареев Н. И. Указ. соч. С. 227–238.

¹⁰ Serejski M. H. Europa a rozbiory Polski: Studium historiograficzne. Warszawa, 1970. S. 368–373.

ние» (16, 407). Московское государство потом дойдет до океана, но на западе к прежним территориальным утратам прибавляются в первой четверти XVII в. новые потери в пользу поляков и шведов.

За подробностями отослав читателя к первой главе тринадцатого тома своей «Истории России», Соловьев отмечает вредные следствия удаления русского народа на Северо-Восток — «застой, слабость общественного развития, банкротство экономическое и нравственное». Но положительные результаты, на его взгляд, решительно перевешивали: уход на далекий Северо-Восток был хорош уже тем, что благодаря ему Русское государство могло окрепнуть вдали от западных влияний. «Мы видим, — настаивал автор, — что те славянские народы, которые преждевременно, не окрепнув, вошли в столкновение с Западом, сильным своею цивилизациею, своим римским наследством, поникли перед ним, утратили свою самостоятельность, а некоторые даже и народность» (16, 407).

Западничество С. М. Соловьева, как видно, черпало идеи и из арсенала славянофилов. Но все-таки он был уверен, что откат на восток был временным и что для продолжения своей исторической жизни Русскому государству необходимо было сблизиться с Западом, приобрести его цивилизацию. Итак, в конце XVII в. Россия поворачивает в эту сторону. Самостоятельности того могущественного государства, каким была она теперь, такой поворот уже не мог повредить. Одним из следствий поворота, т. е. петровских преобразований, стало расширение государства в западном направлении — «наступательное, завоевательное движение». Из тех трех вопросов, которые с начала XVIII в. господствовали в отношениях России и Западной Европы, один — шведский — был успешно решен, и страна получила доступ к Балтике. Остальные — турецкий (иначе — восточный) и польский — достались в наследство второй половине столетия.

Факторы, которые позволили России свести старые счета с Польшей и «привели дело к концу», были историком пронумерованы и рассмотрены один за другим.

На первое место он поставил «русское национальное движение, совершавшееся, как прежде, под религиозным знаменем». Связь между диссидентским вопросом и падением Польши казалась ему настолько ясной, что в проблемном по своему характеру введении

не было нужды о ней распространяться. В основных же главах о диссидентах, ущемлении их прав в Речи Посполитой и об акциях Петербурга в защиту единоверцев, опять же с опорой на дипломатическую корреспонденцию, повествуется подробно. Подчеркивая (и одобряя) национальный характер политики Екатерины в польском вопросе, ученый в этом смысле не усматривал различия между первым и последующими разделами Речи Посполитой. Считая такой подход не совсем верным и полагая, что национальная мотивация участия России в разделах появится только в 1790 г., П. В. Стегний констатировал общепризнанность этого, так сказать, унифицированного подхода «в работах отечественных историков как дооктябрьского, так и советского периодов». С некоторыми оговорками (например, о том, что в советских работах 1920-х годов превалировала отнюдь не позитивная оценка политики царизма в отношении Польши), констатацию можно было бы принять. Но современный исследователь почему-то убежден, что тезис о национальном характере екатерининской внешней политики стал у нас общепризнанным как раз «в силу высокого авторитета Соловьева-историка»¹¹. Впрочем, не правильнее ли сказать иначе? А именно, что автор «Падения Польши» разделял более или менее общепризнанное в его времена официальное мнение, и что позднее, уже в советский период, все более ощутимые с конца 1930-х годов имперские замашки в политике Советского Союза вновь сделали актуальной ту трактовку вопроса, какой придерживался Соловьев.

Вторым пунктом в перечне причин гибели Речи Посполитой у С. М. Соловьева были названы «завоевательные стремления Пруссии». Историографическая традиция, к которой принадлежал историк, всегда — до наших дней включительно — акцентирует внимание на пруссаках, вообще на немцах, поскольку на козни Берлина и Вены можно списать многие, если не все, негативные моменты в политической драме конца XVIII в. Правда, чрезмерное подчеркивание инициативы Пруссии в разделах тоже несет в себе некоторую опасность: оно способно создать неприятное для поклонников екатерининской политики впечатление, что Петербург был не самостоятелен в своих действиях и послушно шел в фарватере Берлина. Но

¹¹ *Стегний П. В.* Указ. соч. С. 20.

Соловьеву, во всяком случае, антипруссские выпады нисколько не мешали воспевать заслуги императрицы, которую, как он считал, только стечение обстоятельств вынудило пойти навстречу стремлениям прусского короля.

К немецкой историографии у него имелись серьезные претензии. В писавшемся, как уже говорилось, почти одновременно с «Падением Польши» тринадцатом томе «Истории России» С. М. Соловьев недобрым словом помянул «непомерное восхваление своей национальности, какое позволяют себе немецкие писатели», будучи убежден (едва ли основательно), что такое самолюбование «не может увлечь русских последовать их примеру» (7, 9). Тем не менее и в статье 1862 г., и в монографии он, переходя ко второй причине краха Речи Посполитой, предпочел «за объяснениями обратиться к немецким историкам» — вернее, к одному из них, Генриху Зибелью. Длинный, на пару страниц, фрагмент из его «Истории революционной эпохи», вышедшей незадолго до того, в 1859 г., авторитетно свидетельствовал, что Прусское королевство было заклятым врагом Речи Посполитой и прилагало все силы, чтобы завладеть прежде всего польскими землями, отделявшими герцогство от Бранденбурга.

Вместе с тем Соловьева привлекла та, весьма нелестная для поляков, историческая параллель, какую провел Зибель: «Шляхетская республика в XVI столетии взяла на себя относительно Восточной Европы ту же самую роль, какую относительно Запада взял на себя Филипп Испанский, то есть: стремление к всемирному владычеству во имя католицизма» (16, 409). Автору «Истории падения Польши», по-видимому, импонировала мораль, какую тот вывел из сравнения завоевательных попыток Филиппа II и польских монархов: «следствия были одни и те же, как на востоке, так и на западе: повсюду кончилось неудачей». Соловьев даже дополнил аналогию, указав, что «отпадение Малороссии вследствие религиозной борьбы вполне соответствует отпадению Нидерландов от Испании» (16, 410).

Третьей причиной падения Польши были названы «преобразовательные движения XVIII века». В принципе историк их вовсе не осуждал. Напротив, о преобразованиях Петра Великого сказано, что благодаря им Восточная Европа приняла новый вид и соединилась с Западною. Вполне одобрительно оценен отклик трех мо-

нархов — Екатерины II в России, Фридриха II в Пруссии, Иосифа II в Австрии — на новые движения в литературе и обществе. Поражения заслужило разве что французское правительство, но потому только, что оно «не сумело удержать в своих руках направление преобразовательного движения — и следствием был страшный переворот, взволновавший всю Европу» (16, 411).

Польшу, на взгляд Соловьева, преобразования не могли не затронуть — «тем более, что в ней преобразования были нужнее, чем где-либо». По сему случаю упомянуты безобразно одностороннее развитие одного сословия, внутреннее безнарядье, вследствие чего независимость Польши была лишь номинальной. Естественно, что «некоторым полякам» преобразование государственных форм казалось единственным средством спасения их отечества. Станислав Понятовский, как полагал историк, именно с этой мыслью вступил на престол, собираясь подражать монархам России, Пруссии, Австрии. Но задача припала ему не по силам — ни как королю, ни как человеку.

В этом кратком сравнительном обзоре преобразовательных движений XVIII в. акцент явственно сдвинут на личные качества правителей. При этом на одну доску поставлены реформы Иосифа II и Екатерины II. Язвительные строки А. К. Толстого по поводу императрицы («... и тут же прикрепил украинцев к земле») будут написаны только лет пять спустя, однако направление екатерининской внутренней политики и без того было достаточно известно, равно как и то, насколько различались между собой российский и австрийский варианты просвещенного абсолютизма. Но любопытным образом историк, который на протяжении всей книги политике Екатерины в польском вопросе решительно противопоставлял политике ее венского и берлинского партнеров, не стал разграничивать реформаторскую деятельность трех монархов. Объяснение напрашивается только одно: если в первом случае противопоставление способствовало прославлению императрицы, то во втором могло бы бросить на нее нежелательную тень.

«Попытка преобразования, — уверенно писал историк, — только ускорила падение Польши». В пояснение была приведена эффектная, хотя и не слишком доказательная сентенция: «что бывает спасительно для крепких организмов, то губит слабые» (16, 411).

Но ежели так, то, значит, преобразовательное движение в Польше лишь приблизило и без того неизбежный финал и напрасно оно названо «третьей причиной» гибели республики? Однако упрекать автора в непоследовательности было бы преждевременно. Диагностика (даже ретроспективная) применительно к государственным организациям — вещь тонкая и весьма условная. Хороший пример тому находим все у того же С. М. Соловьева, который в одной из своих статей 1867 г. упомянул о «смертельно больной Польше» (16, 633). Дело в том, что, во-первых, речь в ней шла о первой четверти XVIII в. и, выходит, с таким диагнозом государство может жить еще довольно долго. А, во-вторых, на равных правах с Польшей историком тут же была названа и «смертельно больная Турция», которая, как было хорошо известно автору и его читателям, худобно, но продолжала существовать и в их времена.

Не включая «внутреннее беззастенчивое», из-за коего независимость страны стала номинальной, в перечень причин упадка, Соловьев тем не менее отметил значимость этого фактора. Какой вес придавался ему историком, можно судить по монографии «Александр I. Политика. Дипломатия» (1877 г.). Там сказано безоговорочно и однозначно: «Польша погибла вследствие своих республиканских форм» (17, 213). Остается только строить догадки, отчего в книге 1863 г. «беззастенчивое» и «смертельная болезнь» не вышли на первый план — вместо «преобразовательной деятельности». Поскольку кончину смертельно больного государственного организма трудно ставить в вину участникам разделов (недаром аргументация такого рода остается в ходу до наших дней включительно), тогда попросту был бы снят ряд щекотливых для российского историка-государственника вопросов. Но автор выбрал другой ракурс, вероятно, подсказанный ему стержневой темой исследования 1863 г., каковой являлось противодействие императрицы любым шагам польских реформаторов.

Рассуждение на тему о губительных для поляков результатах преобразовательной деятельности перешло в неприкосновенном виде из статьи 1862 г. Но в книге С. М. Соловьев счел нужным его дополнить: «Чтобы понять преобразовательные попытки в Польше во второй половине XVIII века, мы должны обратиться к устройству республики, в каком застал ее Станислав Август» (16, 411).

Речь Посполитая, на его взгляд, представляла собой «обширное военное государство». Погоду в нем делало «вооруженное сословие, шляхта. Она, имея у себя исключительно все права, кормилась на счет земледельческого народонаселения». Город не понимался, мещанство не могло уравновесить силу шляхты, «потому что промышленность и торговля были в руках иностранцев, немцев, жидов». Из всего этого сделан вывод: «Войско, следовательно, было единственною силою, могущею развиваться беспрепятственно и определить в свою пользу отношения к верховной власти» (16, 412). В самом своем начале ограничиваемая, королевская власть неуклонно никла «перед вельможеством и шляхтою». В сейме действовал принцип *liberum veto*, шляхетские конфедерации придавали вид законности восстаниям против правительства, короля избирала только одна шляхта, высшие сановники были независимыми и несменяемыми. . . . Иначе говоря, отсутствовали какие-либо (государственного либо общественного плана) сдерживающие факторы, и «сознание своей силы, исключительной полноправности и независимости усложняли в польской шляхте крайнее развитие личности, стремление к необузданной свободе, неумение сторониться с своим *я* перед требованиями общего блага» (16, 412).

Добавленная к введению в 1863 г. страничка сжато и наглядно показывает, как ученый сводил воедино, осмыслил, ранжировал почерпнутую из литературы и источников информацию о строе Речи Посполитой, о тех социальных язвах, которые свели ее в могилу или, по крайней мере, немало тому способствовали. В этом своего рода реестре шляхетских прегрешений перед историей кое-что было заведомо схематизировано, подано односторонне, даже по меркам середины XIX в.

Общим местом в тогдашней историографии было утверждение о перманентной слабости польского города и ее объяснение засильем иноземцев. Интерпретировалось явление по-разному. Зачастую вопрос поворачивали в этнокультурное русло, рассуждая о свойствах славянской души и о немецком культуртрегерстве. В трактовке школы Иоахима Лелевеля (и следовавшей за ней европейской демократической публицистики) тезис о губительном влиянии немцев на развитие польского города работал, так сказать, в пользу Польши,

рисуя ее жертвой тевтонского натиска (благодаря Энгельсу формула «немцы помешали созданию в Польше польских городов» потом надолго станет аксиомой для советских полонистов). Однако С. М. Соловьева эти аспекты интересовали меньше всего. Он просто присоединил констатацию слабости мещанства к прочим упрекам, адресованным шляхте. Здесь (как и во всем добавлении 1863 г.) Россия вообще не упоминалась. Между тем стержневой сюжет книги — участь Речи Посполитой, в конечном счете решаемая в российской столице, — подсказывал, казалось бы, необходимость постоянного сравнения польских социальных параметров с российскими. Историк, однако, пренебрег этим без объяснения причин.

В любом случае такое сравнение не укрепило бы его концепцию: не так уж сильно две страны различались по своим темпам урбанизации и по политическому весу мещанства. Примечательно, что в своем антишляхетском увлечении в укор польским порядкам историк поставил даже то, что шляхта «кормилась за счет земледельческого народонаселения», как будто в России (и не только в ней) дело обстояло иначе. Нетрудно заметить, что взгляды на польскую историю, развиваемые С. М. Соловьевым, своими корнями восходили к стереотипам, которые получили распространение еще в дореформенную пору¹².

Но важно то, что историк заметно углубил, отчасти верифицировал прежние представления и свел их в систему, послужившую ему своего рода опорой при создании очерка дипломатической истории последних трех десятилетий существования Польского государства, в котором по-своему логично гибель Речи Посполитой была представлена как нечто закономерное и предсказуемое. Дискуссионность целого ряда авторских утверждений не исключает того факта, что для отечественной исторической науки 1860-х годов выход монографии С. М. Соловьева безусловно стал событием. Более того, хотелось бы повторить еще раз, эта книга и поныне представляет не только историографический интерес. Наглядным тому доказательством служат неоднократные ее переиздания последних лет.

¹²См., в частности: *Аржакова Л. М., Якубский В. А.* Польский вопрос в русской историографии и публицистике первой трети XIX в. // *Albo dies notanda lapillo*: Коллеги и ученики — Г. Е. Лебедевой. СПб., 2005.

Не вникая сейчас в те споры, которые сопровождают «Историю падения Польши» с момента ее появления и вплоть до наших дней, остановимся лишь на вопросе о характере разработанной С. М. Соловьевым модели социально-политического устройства Речи Посполитой, и, в частности, о том, насколько эта модель учитывала происходившие в республике структурные перемены, или, иначе говоря, насколько модель была динамичной. «В “Истории падения Польши” Соловьев правильно наметил основную линию ее внутреннего развития, процесс разложения шляхетской Польши, определившийся в итоге банкротства ее внутренней и внешней политики XVI–XVII вв.», — авторитетно утверждал Н. Л. Рубинштейн¹³. При всем уважении к его фундаментальной «Русской историографии», понапрасну «обруганной» за мнимые идеологические грехи в послевоенные годы, с подобной оценкой согласиться трудно. Разумеется, не стоит придавать большого значения лексике, пришедшей в книгу 1941 г. издания из официальной прессы времен нового, советско-германского, раздела Польши. Но была ли у С. М. Соловьева линия — да к тому же линия, правильно намеченная — внутреннего развития Речи Посполитой?

Кто спорит, в «Истории падения Польши» показаны ход и результат многих закулисных и публичных акций, т. е. событийная, так сказать, динамика налицо. При большом желании на счет развития можно записать констатации вроде той, что, мол, «войско», т. е. шляхта, беспрепятственно развивалось, а верховная власть «все никла более и более перед вельможеством и шляхтою» (16, 412). Но и только. С. М. Соловьев не ставил перед собой задачу подробно разбираться в метаморфозах, какие на протяжении веков переживало польское общество. По ходу дела он показывал роль, какую играли магнатские партии, их взаимные интриги и их связи — зачастую небескорыстные — с иностранными дворами. Иногда, как в только что приведенной цитате, им отделялось «вельможество» от «шляхты». Хотя, стоит заметить, и на этот раз действие обоих компонентов подано суммарно: принципиальное различие между XVI и XVII вв., когда в первом случае на политическую авансцену выходила, ущемляя королевскую власть, средняя шляхта, а во вто-

¹³ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 340.

ром — магнатство, оставлено незамеченным. Очень часто историк вовсе не делал разграничения, и под «шляхтой» им разумелось все дворянство, начиная с захудалых загородовых шляхтичей и кончая Радзивиллами, Потоцкими и их ясновельможными собратьями.

В обиходе Речи Посполитой до конца ее дней оставалась горделивая (хотя и пустая) поговорка: «Шляхтич на загороде равен воеводе». Магнаты и простые шляхтичи составляли, как известно, одно сословие. Так что формальные основания для объединения этих двух понятий имелись. Тем не менее такого формально-юридического довода все-таки маловато для того, чтобы побудить знающего и опытного исследователя пройти мимо внутренней трансформации той самой «золотой шляхетской вольности», которую он считал виновницей многих бед Польского государства. Как объяснить, что С. М. Соловьев по существу абстрагировался от свершившегося в XVII в. перерождения шляхетской республики в магнатскую олигархию, плоды которого столь болезненно давали о себе знать на закате Речи Посполитой?

Тут действовали, надо думать, политические реалии XIX в. В польских событиях и 1830, и 1863 года официальные российские круги, а вместе с ними весьма значительная часть русского общества, винили всю мятежную шляхту (опять же в широком смысле этого слова). Однако корень зла виделся именно в мелко- и среднешляхетской массе — сильно пережившей со времен Речи Посполитой, зачастую пауперизированной и неотличимой по быту от разночинцев, но, так или иначе, до конца не расставшейся с былыми старопольскими идеалами. При таком настрое у достаточно консервативно ориентированного русского историка, должно быть, и не возникало внутреннего стимула углубляться в разбирательство, каковы были позиции давней мелкой и средней шляхты в период формирования Речи Посполитой и как они деформировались на протяжении XVII–XVIII вв. по мере политического усиления вельможества.

Параллельно с этим не мог не сказаться историографический фактор — своего рода отталкивание от лелевелевской концепции польской истории. Иоахим Лелевель — не только выдающийся историк-романтик, но и видный идеолог демократического крыла польского национально-освободительного движения, — под-

черкивал в своих трудах деструктивную роль магнатства в судьбах страны, идеализируя при этом гражданские доблести средней шляхты. Соответственно им строилась периодизация польского исторического процесса. Период «шляхетского гминовладства», относимый историком к 1374–1607 гг., — это время «цветущей Польши», его сменяет «вырождение» шляхетской демократии, датированное 1607–1795 гг. и характеризующее господством аристократии. Нужно ли говорить, что неприятие консервативной историографией этой, во многом наивной даже по меркам XIX в., схемы диктовалось в первую очередь ее политическим звучанием.

Эти внешние по отношению к проблематике XVIII в. моменты в известной мере коррелировали с самим материалом изучаемой Соловьевым екатерининской эпохи. Разграничение таких социальных категорий, как шляхта и магнатство, противопоставление их друг другу по ряду позиций, и, наконец, выявление стадийности исторического процесса по признаку доминирования той или иной из этих социальных групп, — все это нормальные, так сказать, исследовательские процедуры. Однако здесь историк имеет дело с довольно высокой степенью абстракции. Надо учитывать, что между такой абстракцией и исторической конкретикой возможны расхождения. Даже если исходить не из примитивной лелевелевской схемы, а из более современных концептуальных построений, взаимозависимость между переходом лидерства от средней шляхты к магнатству, с одной стороны, и состоянием польского общества и государства — с другой, все равно оказывается весьма относительной. Не удивительно, что, к примеру, линия раздела между враждующими лагерями в годы Барской или Тарговицкой конфедераций, Четырехлетнего сейма или восстания Костюшко выглядит в исторических сочинениях крайне извилистой и шаткой. И при синхронном, и при диахронном анализе событий истории Речи Посполитой строгое распределение социальных ролей в соответствии с положением человека в обществе — скорее исключение, чем правило.

Следует подчеркнуть, что на раннем этапе изучения проблемы было вдвойне трудно, отыскивая в осложненном этноконфессиональными противоречиями политическом хаосе клонящегося к упадку Польского государства сколько-нибудь надежные ориентиры, связывать их с происходившими в обществе социальными изме-

нениями. Поэтому упрекать С. М. Соловьева в том, что социально-политическая модель Речи Посполитой получилась у него статичной, было бы едва ли справедливо. Помимо субъективных причин тут действовали объективные факторы. Убедиться в этом смогут поколения полонистов после С. М. Соловьева, ломая голову над расшифровкой того кода, которому подчинялась социально-политическая динамика Польши раннего нового времени.

А. Ю. Прокопьев

Открытие социального?

Княжеская элита конфессиональной эпохи в современной немецкой историографии

Для любого, интересующегося проблемами элиты в немецкой истории, название статьи может показаться шокирующе дерзким: мы не ставим целью осветить проблему всецело и тем более наметить решительное преодоление некоего сложившегося к ней отношения. Речь идет скорее о размышлениях над моделями, родившимися в спорах последних десятилетий. Нет нужды еще раз — вслед за потоком великолепных исследований — выделять особый интерес к столетию между Аугсбургским религиозным миром и миром Вестфальским в немецкой истории. Споры вокруг этого столетия, видимо, еще долго будут определять приоритеты, так же как и спор о государстве. Собственно обе категории — властная элита и государство, правда, в неравной степени, стали главными героями немецкой исторической литературы задолго до минувшего века. И именно давность этой дихотомии заставляет вначале обратиться к истокам.

1. Да здравствует государство!

Вопрос государственности, особенно с XIX в., имел одно из центральных значений в судьбах немецкого народа. Он очень хорошо отразился в сознании академической элиты, в мыслях и исследованиях многих поколений немецких историков. Причин тому было много. Дух Просвещения, с его обожествлением государственной мудрости, окончательно утвердил великую миссию власти, контролировавшую благо всех подданных. Тем самым расширился путь идеям национального единства, чувствам единой «национально-территориальной» общности, восторжествовавшим в годы либеральных революций в начале XIX в. В преддверии своего распада

старый сословный мир пытался в последний раз приспособиться к менявшимся идеям, помещая сословную иерархию в национально-государственные координаты. Высокий пафос этатизма, всевластия государства окончательно, после многих столетий своего генезиса, воцарился в общественной мысли Запада. Лишь государство, прочное и незыблемое, способно удовлетворить запросы каждого своего подданного.

Для немцев этот поворот совпал с драмой крушения «Старой Империи». Отречение императора Франца в 1806 г. неизбежно открывало новые общественные перспективы для земель, говоривших в основном на немецком языке. Возникший австро-прусский дуализм следовал современной ему государственной перспективе: будущее Германии должно покоиться на «государственной» почве, под которой понималось соединение нации и территории в единый суверенный комплекс. 1871 год ознаменовал логичную точку в полувековом развитии. Ответ был дан: Пруссия под державной десницей Гогенцоллернов воплощала идею и форму этого государства, душой же его отныне должен был стать протестантизм, лучше всего отражавший глубинные чаяния немецкого народа.¹

Отзвук борьбы за государство, новое и единое для всех немцев, ярко предстал на страницах исторических исследований, по-

¹Общий обзор государственно-правовых идей в немецкой историографии XIX в. см.: *Bökenförde E. W. Deutsche Geschichtsschreibung im 19. Jahrhundert*. Berlin, 1980; Литература, интерпретирующая идеологические мотивы, решительно необозрима. Отметим лишь: *Bökenförde E. W. Die Entstehung des Staates als Vorgang der Säkularisation // Bökenförde E. W. Staat, Gesellschaft, Freiheit. Studien zur Staatsatheorie und zum Verfassungsrecht*. Frankfurt a. M., 1976. S. 56 сл. Работа Бруннера может считаться давшей исходный толчок всей современной дискуссии по проблемам «государственности» прошлого и настоящего: *Brunner O. 1) Vom Gottesgnadentum zum monarchischen Prinzip. Der Weg der europäischen Monarchie seit dem hohen Mittelalter; 2) Neue Wege der Sozialgeschichte*. 3. Aufl. Göttingen, 1980. S. 195 сл.; Опыт критического разбора бруннеровских постулатов: *Kosellek R. Begriffsgeschichtliche Probleme der Verfassungsgeschichtsschreibung // Gegenstand und Begriffe der Verfassungsgeschichtsschreibung / Hrsg. von R. Kosellek*. Berlin, 1983. S. 10 сл., особенно S. 15–21; *Skalweit S. Der “moderne Staat”. Ein historischer Begriff und seine Problematik // Skalweit S. Gestalten und Probleme der frühen Neuzeit. Ausgewählte Aufsätze*. Berlin, 1983. S. 216–218; Характерный пассаж относительно государственной рефлексии: *Morav P. Вормский рейхстаг 1495 г. // Средние века*. 1997. 60. С. 203.

священных прошлому. Мучимые поиском предтеч, историки никак не могли найти соответствие старых имперских структур будущим государственным принципам. Взвизывая на соседние державы, на ход французской или английской истории, где в согласии с новой политологией государство должно было формироваться едва ли не с высокого средневековья, немецкие ученые заражались тем, что сегодня часто называют «комплексом неполноценности». Германская модель явно проигрывала в сравнительных параллелях. «Старая Империя», пережившая свой взлет в золотой век Штауфенов, потом с каждым столетием неизбежно клонилась к упадку. Ни реформаторское подвижничество Максимилиана I, ни «универсалистские» амбиции его внука Карла, ни рывок в сторону «имперского абсолютизма» при Фердинанде II не могли спасти слабеющую корону Габсбургов. Католический дух этой империи, сама ее структура не соответствовали тому национально-суверенному стандарту, который выделялся в протестантской Пруссии середины XIX в. С неподдельной скорбью писал о поздней империи великий патриот Л. Ранке, в глазах которого на рубеже XV–XVI вв. наметилось мощное пробуждение национальных чувств, не смогшее, однако, соединиться с государственными задачами в век религиозного раскола.² С не меньшим скепсисом смотрел на империю Г. Ульман в своей дилогии о Максимилиане I, и жесткий приговор от имени истории ей же выносил Г. Трейчке.³

Разочаровываясь в империи, пытались, однако, отыскать альтернативу. Собственно к середине XIX в. она уже была найдена. Королевство Пруссия должно было воплотить иллюзии. И неизбежно координаты современности перебрасывались в прошлое. В исторически сложившихся ландшафтах, в крепнувшей век от века княжеской власти на местах, в отдельных территориях и княжествах усматривали силы будущего, которые после крушения дела Штауфенов должны были выйти из тени. Под сенью слабеющей империи, вытесняя собой отмиравшие общеимперские структуры, эти

² Речь идет, конечно же, о главном труде прославленного историка: *Ranke L. von. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation*. 6. Aufl. Bd. 1-6. Leipzig, 1881.

³ *Ullmann H. Kaiser Maximilian I*. Bd. 1-2. Leipzig, 1884–1891; *Treitschke H. von. Deutsche Geschichte*. Bd. 1. Leipzig, 1927.

силы пришли на смену всему старому порядку. «Территория» — в типично немецком, историческом смысле — стала колыбелью будущей «государственности». В ней увидели желанную антитезу дурному прошлому.

Как в критике «Старой Империи», так и в создании этой антитезы в авангарде шла «малогерманская», или, иначе «барусская» школа, наложившая с тех пор глубокую печать на трактовку германской истории — вплоть до середины XX в. Монументальный труд Иоганна Густава Дройзена по истории прусской политики наиболее зримо проводил нить преемственности между средневековыми региональными силами и будущим возвышением Пруссии, став своеобразным знаменем исторической альтернативы.⁴

Но при всем критическом запале в отношении имперских структур, при всем очевидном идеологическом крене, в новом направлении содержался мощный позитивный импульс. Детально реконструировалась история отдельных регионов, кропотливо изучались движущие силы. В итоге к началу нового, XX столетия немецкая наука пришла с прекрасными наработками в области институционно-территориальной истории. Два великих имени тех лет навсегда стали гордостью мировой исторической мысли: Георг Антон фон Белов и Отто фон Гирке. Подобно двум капитанам исследовательской эскадры они своими титаническими усилиями на долгие годы определили подходы: один — под углом зрения на княжескую власть как на локомотив территориальной истории, другой — подчеркивая значение общинного права и общинно-сословных свобод.

Конечно, прошлое отдельных земель не было открытием науки в вильгельминовской империи. Историография регионов уходила вглубь веков, к средневековым хроникам, трудам эрудитов и энциклопедистов краеведческой истории. Новая империя во многом содействовала интеграции этого мощного пласта исторической мысли в общее русло: региональные монархические структуры не

⁴Общий обзор историографических тенденций в связи с проблемой «культурной нации» см.: *Schmidt G. Deutschland am Beginn der Neuzeit: Reichsstaat und Kulturnation? // Ansätze und Diskontinuität deutscher Nationsbildung im Mittelalter / Hrsg. von J. Ehlers. Sigmaringen, 1989. S. 3–7; Droysen J. G. Geschichte der preussischen Politik. Bd. 1–2. Leipzig, 1866.*

были упразднены, они лишь поглощались рамками нового государственного начала. Заслуга же регионалистов, носителей «территориально-государственных» идей, заключалась именно в том, что они смогли поставить предшествовавшую традицию на службу территориальному развитию как научной парадигмы, как данности немецкого прошлого и источника настоящего.

Так в начале XX в. сложились первые крупные краеведческие исследовательские центры. Одним из крупнейших, бесспорно, стал семинар Германа Кречмера в стенах Лейпцигского университета, с деятельностью которого саксонские историки по праву могут связывать рождение комплексного исследования местной территориальной истории. Впрочем, и для других исторических земель Германии перелом конца XIX в. оказался знаковым и очень плодотворным. Без написанных тогда и несколько раньше трудов З. Рицлера, Г. Пфистера, Э. Роммеля едва ли мыслимо (при всей естественной ограниченности авторов!) представить даже сегодня историографию Баварии, Пфальца или Гессена. Впервые в научный оборот были введены огромные пласты источников, началась регулярная публикация архивных материалов.

Но поиск государственности стал не единственным фактором влияния. Рядом с ним всегда ощущалось присутствие религиозной идеи. И даже в эпоху Просвещения, торжества разума и исторического оптимизма, рассуждения историков обладали весьма заметным конфессиональным привкусом. Огромное значение здесь имела протестантская доктрина немецкой истории, сформировавшаяся после Тридцатилетней войны. Если изучение истоков «современной государственности» указывало на конец немецкого средневековья как на стартовую площадку будущего рывка, то политология протестантизма также говорила о времени Реформации и Тридцатилетней войны. Учение Лютера не только положило конец прежнему религиозному единству Запада, не только избавило немецкий народ от векового рабства в лоне павшего католицизма, оно ознаменовало прорыв в новый мир, открыло совершенно новые перспективы и дорогу к ним. Итоги кровавого тридцатилетия закрепили права на свободу совести и противопоставили проигравшей католической империи мощный источник будущего возрождения в лице имперских сословий. Философы и теологи XVII–XVIII вв. видели в

статьях Вестфальского мира зародыш столь желанного гражданского права, который образовывал мост к либеральным идеям и национал-государственной доктрине XIX в.

Но не только общий лейтмотив духовного и социального освобождения был присущ немецкой конфессиональной идее. Разум мог торжествовать лишь под державной дланью образцово организованного государства. Лишь только усилиями тех имперских князей, тех региональных лидеров, которые отстаивали религиозные права своих подданных в кровавых смутах XVII в., могла постепенно созидаться будущая Германия, в кропотливом созидательном труде под бдительным оком рачительного государя. С момента возвышения Бранденбурга-Пруссии подобный ракурс становился все более очевидным и уже в XIX в. лег в основу специфического прусско-лютеранского этатизма. Так произошло соединение двух перспективных линий в немецкой исторической мысли — государствоведческой и конфессиональной. Долгое время они шли бок о бок, пока, наконец, не были синтезированы в трудах протестантских историков Второй империи. Если великий Л. Ранке лишь очертил, хотя и с определенными колебаниями, приукрашенный лютеранскими симпатиями национально-государственный подход, то последующее поколение уже твердо придерживалось политического конфессионализма. Даже, казалось бы, в многоликой Второй империи, где рядом с реформатским домом Гогенцоллернов обретали приют католические Виттельсбахи, генеральной линией немецкой истории постоянно подчеркивалась протестантская ориентация. В трудах И. Г. Дройзена и особенно Г. Трэйчке она получила полное обоснование и даже вызывающе провокационные формы.

Прямым следствием симбиоза государственно-конфессиональных мотивов и обожествления государственных ценностей стали два для нас весьма важных следствия. Во-первых, выработался стандартный, весьма характерный методологический прием, когда путем ретроспекции современных для XIX в. политологом в прошлом пытались отыскать или, напротив, констатировать отсутствие предтеч современных процессов. Здесь постоянно сохранялся государственный угол зрения. Причем с момента рождения территориальной историографии главное внимание все больше стало уделяться институтам и структурам власти, наконец, локомотиву государственной

истории — князьям. Дело доходило даже до механических трансляций юридических нормативов современного для историков периода на почву трехвековой давности. Нетрудно его угадать во всем множестве работ, в которых излагались хитросплетения политической борьбы эпохи религиозного раскола и Тридцатилетней войны.⁵

Другим следствием политико-юридической формализации стала оценка деятельности отдельных имперских сословий в кризисные годы, последовавшие после заключения Аугсбургского религиозного мира в 1555 г. Излишне подчеркивать, что в освещении протестантских историков представители католической Германии, прежде всего Габсбурги и баварские Виттельсбахи, заслуживали скептических, подчас нелицеприятных суждений и оценок. В них видели своего рода передовой отряд европейской католической реакции, когда в условиях начавшейся Контрреформации и консолидации тридентского католицизма эти имперские династии сплоченной фалангой мешали довести до победного конца дело Мартина Лютера. Характерно, что национал-государственный подход характеризовал и католических историков, что видно на примере обстоятельного исследования Морица Риттера. В основе лежали те же национально-государственные координаты, менялись лишь акценты. В глазах Риттера кальвинистский Пфальц в не меньшей степени нес ответственность за эскалацию внутриимперских противоречий, чем Виттельсбахи под пером Дройзена.⁶ Наиболее контрастно черно-белая шкала выступала при оценке героев Тридцатилетней войны. Дискуссия, развернувшаяся вокруг Валленштейна,

⁵Гегель может считаться самым последовательным выразителем «государственного оптимизма»: при взгляде на реалии XIX в. «Старой Империи» им было совершенно отказано в «государственности». См.: *Skalweit S. Der "moderne" Staat...* S. 217–219. Самое обстоятельное исследование феномена ретроспекции до сих пор представлено лишь у О. Бруннера в его полемике с Г. Беловым: *Brunner O. Land und Herrschaft*. Wien, 1939. Из поздних исследований: *Weinacht P. L. Staat. Studien zur Bedeutungsgeschichte des Wortes von den Anfängen bis ins 19. Jahrhundert*. Berlin, 1974. Вслед за Бруннером Х. Кварич также стремился доказать конъюнктурность использования постулатов XIX в.: *Quaritsch H. Staat und Souveränität*. Bd.1. Grundlagen Frankfurt a. M., 1970; *Koselleck R. Begriffsgeschichtliche Probleme...* S. 13 сл. (с критикой «историзма» Бруннера).

⁶*Ritter M. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation und des Dreissigjährigen Krieges*. Bd. 1-3. Bonn, 1898–1908.

была, пожалуй, самым показательным примером.⁷ В глазах немецкой протестантской историографии любой сословный чин XVII в., с клинком в руках отважившийся выступить против воли католического императора, превращался в подлинного защитника национальных интересов.

Но меркло не только прошлое «Старой Империи». За порогом ученых кабинетов оставалось сословное общество как социальная организация, как сложный мир традиционных отношений, разделенных перегородками иерархий. Был политический, государственно-правовой, в конце концов конфессиональный интерес, но не было большого внимания к социальной истории. Человек раннего нового времени, поставленный в драматические условия религиозной борьбы, крупных общественных перемен словно растворялся в перенятых из современной историкам эпохи идеологемах, подчас в схематичных, изначально заданных конструкциях. Речь не идет о культуроведческих штудиях, об опытах толкования повседневности: работы подобного рода время от времени появлялись, но часто они демонстрировали лишь чисто узкий антикварный интерес к деталям, к самому феномену в духе фактологического позитивизма, успешно пробивавшего себе путь в конце XIX в.

Более широкий и глубокий социальный аспект выпадал из поля зрения. Даже интерес к сословной элите был скорее выборочным. При всем обилии биографий настоящий интерес вращался вокруг дюжины персон, которых отчаянно втискивали в прокрустово ложе государственной идеи. Грандиозное издание «Всеобщих немецких биографий» при выборе персонажей времен Тридцатилетней войны главное внимание уделяло протагонистам именно национально-религиозной доктрины: далеко не все курфюрсты Священной империи могли поспорить по количеству страниц, о них написанных, например, с биографиями Бернгарда Веймарского или Валленштейна. Почти полностью отсутствовали обобщающие работы, в которых рассматривалась бы сравнительная история низшего и высшего дворянства в больших временных промежутках. Хрестоматийным примером может служить изучение имперского рыцарства: исследование Рота фон Шрекенштейна стало чуть ли не единствен-

⁷ *Droysen G.* Bernhard von Sachsen-Weimar. Bd. 1-2. Leipzig, 1885.

ным за полтора века. Лишь в 1980 г. наш коллега из тюбингенского университета Фолькер Пресс издал новую и в высшей степени важную работу, заполнявшую очевидную лагуну.⁸ Монография Йозефа Фикера о княжеской корпорации осталась незаконченной самим автором и рассматривала в общем контексте лишь преимущественно правовые аспекты формирования ведущей курии хофтага в Средние века. Она осталась единственной вплоть до недавних штудий Акселя Готтхарда, продолживших анализ на значительно более насыщенном историческом фоне.⁹

Интерес к носителям «государственной власти» в аспекте правовом, политическом и институционном не позволял видеть в протестантских и католических государях продукт времени, сословную группу, формировавшуюся в течение многих столетий и основанную на сложном механизме ленных отношений, династических, семейно-родственных интересах — иными словами, на тех факторах, которые считались в годы рождения новой немецкой государственности несущественными, анахронизмом, лишь тормозившим движение прогресса. Выводы напрашивались сами собой, поскольку проистекали из общего негативного взгляда на «Старую Империю», обреченную на неизбежную гибель в противостоянии с государством и религией нового типа. К тому же общество XIX в. слишком верило в силу денежного капитала и мощной промышленности, в силу городского, не сельского мира, обрекая на задворки своих интересов носителей сословной идеологии, связанных с крестьянским хозяйством и дворянской усадьбой.

В первой половине XX в. обозначились сдвиги, обусловленные успехами исторической социологии. Но должно было пройти еще почти пятьдесят лет, прежде чем серьезной ревизии подверглись основополагающие постулаты. Катастрофа 1945 г. не только разрушила национал-государственные иллюзии, но и дала пищу глу-

⁸ *Roth von Schreckenstein K. H.* Geschichte der ehemaligen Reichsritterschaft in Schwaben, Francken und am Rheinstrome. Bd. 1-2. Tübingen, 1859–1871; *Press V.* Kaiser Karl V, König Ferdinand I und Reichsritterschaft. Boppard, 1980.

⁹ *Ficker J.* Vom Reichsfürstenstande. Forschungen zur Geschichte der Reichsverfassung zunächst im 12. und 13. Jahrhundert. Bd. 1 / Hrsg. von P. Punschart. Innsbruck, 1932; Bd. 2. T. 1–3 / Hrsg. von P. Punschart. Innsbruck, 1861–1923; *Gotthardt A.* Die “Säulen des Reiches”. Bd. 1-2. Husum, 1999.

боким размышлениям об историческом прошлом в контексте социальной истории.

2. «Ревизионизм» последних десятилетий

Каковы были масштабы открытия «социального»? Конечно, взгляд на процессы, протекавшие между Реформацией и Тридцатилетней войной, стал меняться не сразу, но почти в унисон с гораздо более глобальной исследовательской перестройкой. По большому счету первые крупные шаги были сделаны уже в межвоенные годы, когда социология добилась признания в широких исследовательских кругах. В отношении немецкого прошлого первым крупным прорывом стали труды Отто Хинтце, Пауля Кирна, Эрнста Канторовича, сделавших очень многое и в теоретическом, и в практическом плане и широко, особенно Канторович, применявших социокультурный синтез.¹⁰ Результаты оказывались весьма необычными для того времени. Представители элиты, о которых принято было писать как о главных строителях территориальной государственности, оказывались плотно связанными множеством уз с глубоким прошлым. У них вообще было трудно отыскать черты революционного новаторства, воодушевленность эвентуальной государственной перестройкой. Ритм исторического процесса оказывался не столь порывистым, как казалось раньше, и лишь в диапазоне жизни нескольких поколений можно было заметить относительно заметные сдвиги. Швы, связывавшие Средние века и начало нового времени, представлялись теперь не столь очевидными.

Но по настоящему крупный поворот произошел лишь в середине века, с выходом в свет главных работ Отто Бруннера. Едва

¹⁰Мы укажем лишь на самые известные исследования этих, на самом деле очень разных по исследовательскому почерку, людей: *Kirn P.* Friedrich der Weise und die Kirche. Leipzig, 1926 (до сих пор одно из лучших исследований предреформационной эпохи); *Hintze O.* 1) Staat und Verfassung. Gesammelte Abhandlungen / Hrsg. von G. Oestreich. Göttingen, 1962; 2) Regierung und Verwaltung. Gesammelte Abhandlungen. Bd. 3 / Hrsg. von G. Oestreich. Göttingen, 1967; *Kantorowicz E.* Friedrich II. Bd. 1-2. Leipzig, 1927–1931 (впрочем, лучшая и итоговая его работа выйдет гораздо позже: *Kantorowicz E.* The “two bodies” of Kings. Princeton, 1958).

ли мы вправе ставить имя этого человека в один ряд с лучшими представителями школы Анналов во Франции. Между Бруннером и группой из Анналов всегда пролегалла ощутимая разница, замешанная на влиянии традиционных немецких воззрений и на различиях в культуре обработки материала. Бруннер с уважением относился к трудам предшественников, даже вопреки многим критическим пассажам в своей «Стране и власти». Его критический настрой никогда не подменял и не перечеркивал важность государственно-правовых исследований. Сама его концепция, сложившаяся в 1939 г., была призвана, по замыслу автора, не столько зачеркнуть наследие, сколько переосмыслить и поднять его на новый уровень понимания.¹¹ Но, подвергнув кардинальному пересмотру базовые основы, Бруннер как социолог и историк пришел к необходимости более глубокого понимания сословного мира Старой Европы, в котором надо было искать разгадку очевидных натяжек прежних историографических наработок. Помимо абсурдности терминологических ретроспекций Бруннера волновала крайняя изоляция духовных, юридических и политических сфер в трудах старых историков, нарочитое выпячивание привычных, например, для Белова, «государствообразующих» аспектов. Изучение сословного мира, не ограниченное только лишь государственными перспективами, давало ответ на многие вопросы, выходившие за рамки привычных политических и юридических ориентиров.

Программная книга австрийского и тогда уже западнонемецкого историка, вышедшая в 1949 г. «Сельская жизнь дворянина и европейский дух» стала своего рода манифестом нового подхода. Общество Старой Европы имело иную динамику жизни, потому следует изучать не столько отдельные импульсы, кажущиеся соблазнительными применительно к новому времени, сколько долговременные процессы и их духовные основы. Сословный мир и прежде всего элита выступали во внутренне едином социокультурном пространстве, в котором растворялись субсистемные модели, что позволяет говорить о всеобщем преобладании базовых исторических архетипов. Так, Бруннер сформулировал свою модель

¹¹ *Brunner O. Land und Herrschaft. Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Süddeutschlands im Mittelalter. 5. Aufl. Wien, 1965.*

так называемого «общего дома» — «Das ganze Haus», основанную на единстве внешне многообразных форм повседневности. В стенах этого «общего дома» политика и вера, хозяйство и воспитание, этика и эстетика были связаны единообразными духовными корнями, мало изменившимися со времен античности и аристотелевского «ойкоса». ¹² Не отказавшись ни от одной из разработанных им моделей, Бруннер позже резко акцентировал проблематику «общего дома», выставив его в системообразующий фактор всего общественного порядка сословного мира. ¹³

Но идеи Бруннера все же оставались лишь общим ориентиром, пока историки Берлинской школы в лице Дитриха Герхарда и Герхарда Острайха начиная с 50-х годов не принялись перерабатывать их на почве немецкой истории раннего нового времени. ¹⁴ Коллективными усилиями был сформулировано и новое понятие «Старая Европа», позволявшее избежать жесткой хронологии и крайне спорных социальных реконструкций. Впрочем, интерес к дворянству и княжеской корпорации XVI–XVII вв. с новой силой был заявлен гораздо позже, и связано это было с общей ревизией старых воззрений.

Эта ревизия, ощущавшаяся вначале у историков нового времени (Франц Шнабель, Макс Браубах), сводилась к представлению о «Старой Империи» как эластичной социальной организации, основанной на весьма прочных традициях сословного общества. Взгляд на империю именно как на общественную систему, а не политико-государственный организм, способствовал расширению кругозора социальных исследований. ¹⁵ Но вплоть до начала 70-х годов преимущественное внимание все же уделялось последнему столетию в ее жизни, где своими трудами выделялся Карл Отмар фон Артин, сформулировавший понятие сословного дуализма и внутриимперского компромисса как формы существования самой империи

¹² *Brunner O. Adeliges Landleben und europäisches Geist. Salzburg, 1949.*

¹³ Прежде всего в его программной статье: *Brunner O. Das «ganze Haus» // Neue Wege der Sozialgeschichte. Göttingen, 1968.*

¹⁴ Общий взгляд: *Lutz H. Reformation und Gegenreformation. München, 1998.*

¹⁵ Библиография ревизионизма представлена в проблемной статье Пресса: *Press V. Das Römisch-deutsche Reich — ein politisches System in verfassungs- und sozialgeschichtlicher Fragestellung // Press V. Das Alte Reich. Ausgewählte Aufsätze / Hsg. von J. Kunishc. Berlin, 1998(далее — AR). S. 21–23.*

в преддверии наполеоновских войн и либеральных революций.¹⁶ Лишь только усилиями исследовательского дуэта Петера Морава (позднее средневековье) и Фолькера Пресса (раннее новое время) — тогда еще молодых коллег по Гиссенскому университету — была разработана программа ближайших научных задач, суть которой сводилась к выявлению специфики и возможностей сословной элиты на большом отрезке времени от первых Габсбургов и до конца XVII в. Немецкое научное общество одобрило эту программу, а с 1975 г. стал выходить новый «Журнал исторических исследований», ставший рупором «ревизионистского» подхода в изучении сословного общества. В программной статье П. Морав и Ф. Пресс детализировали задачи своей исследовательской группы. Пожалуй, впервые в числе первых пунктов фигурировала необходимость преодоления старых стереотипов и всестороннего изучения имперского светского и духовного княжеского сословия как основы всей имперской организации.¹⁷

Спустя несколько лет Ф. Пресс, тогда уже признанный знаток истории немецкого дворянства, вернулся к оценкам «Старой Империи» в большой статье, освещавшей ее в аспекте взаимосвязей различных категорий элиты. Главное внимание фокусировалось, впрочем, не столько на социокультурных основах, сколько на правовых, политических и социальных связях «неформального» характера, т. е. тех, которые не находили места в юридических дискурсах прошлого столетия. Отталкиваясь от методологических постулатов О. Бруннера, историк призывал учитывать именно эти «архаичные» с точки зрения государствоведов «неформальные» основы. К их числу, по мысли Пресса, следовало отнести ленно-правовой фундамент, отнюдь не обесцененный в последние столетия существования империи. На нем вплоть до конца империи держалась вся пирамидальная общественная конструкция, позволявшая короне отыскивать эффективные рычаги воздействия на нижние ярусы иерархии. Здесь Пресс последовательно подчеркивал амбива-

¹⁶ Aretin K. O. Das Alte Reich 1648–1806. Bd. 1-3. Stuttgart, 1993–1997.

¹⁷ Moraw P., Press V. Probleme der Sozial- und Verfassungsgeschichte des Heiligen Römischen Reiches im späten Mittelalter und in der Frühen Neuzeit (13.–18. Jahrhundert) // AR. S. 5–17. — Критика старых воззрений сведена в семь тезисов: Ibid. S. 4–6; актуализация исследований «ведущих групп»: Ibid. S. 9.

лентную роль двора: и как средства «доместикации» региональной элиты, и как возможность низшего дворянства преодолеть кризисные явления в провинции.

В результате анализ распадался на две тесно взаимосвязанные сферы: с одной стороны, социально-политические возможности королевской (имперской власти), с другой — традиционные основы на службе региональных династов и дворянства. В первой Пресс поддерживал методологическую новацию Петера Морава, предложившего исследовать воздействие короны, разделив различные анклавные на «имперскоблизкие» и «имперскодальние» зоны. Таким образом было бы легче понять функционирование всей громадной пирамиды и логику имперской политики. Империя при подобном подходе выступала единым целым, сотканным из больших и малых региональных массивов. «В этом смысле, — писал Пресс, — Петер Морав предложил исходный пункт потрясающей простоты: последовательное изучение имперской организации от центра к регионам. . . Тем самым открылись перспективы для лучшего изучения королевской политики и влияния короля в империи в географически различных частях, легитимации и защиты некоролевских территорий и “правил игры” в королевские возможности. . . Из всего этого вытекает требование для пользы дела преодолеть барьеры имперской и территориальной истории».¹⁸

Относительно второй звучало требование всестороннего изучения «неформальных» связей в рядах элиты. «Собственно изучение истоков государственной истории “Старой Империи” вынуждает сделать более зримыми “неформальные” связи. Они воплощались в “длительных” (langer Dauer) нормативах, в устойчивых социальных позициях, привилегиях, отражавших эту “неформальную систему”, многократно обозначенную в исследованиях».¹⁹

Империя реабилитировалась не столько как политическая организация, сколько как мир иерархий. Одновременно ставился под сомнение и прежний, почти исключительно территориально-политический угол зрения. Ф. Пресс впоследствии неоднократно возвращался к этим главным идеям. Критическим взглядом он

¹⁸ *Press V. Das Heilige Römische Reich — ein politisches System. S. 23.*

¹⁹ *Ibid. S. 24.*

смотрел и на имперскую элиту времен Реформации и Тридцатилетней войны. В трех его статьях — 1980, 1983 и 1988 г. — мы видим последовательное развитие главных тезисов. Вновь следовала опора на важнейшие постулаты Бруннера. Структура сословной верхушки основывалась помимо вековых прерогатив на семейных связях. Князья образовывали, в известном смысле слова, собственно саму империю вместе с императором и как олигархический субстрат формировали важнейшие правительственные курии — хофтаг, позже — рейхстаг. Постоянно зримым, и весьма действенным, оставался персональный элемент власти, который хотя и изменился под влиянием роста княжеского могущества в век Реформации, но не был устранен совершенно. Семейная олигархия оставалась в высшей степени значимым фактором всей имперской организации. В основе же правовой легитимации лежали весьма устойчивые формулы ленного права, связывавшие князей с дворянской клиентелой, где роль важнейшего посредника продолжал играть двор. Вассально-ленная система не могла подавить очевидные, по мысли Пресса, государствообразующие процессы на уровне отдельных территорий: и в рамках придворных правительственных структур очевидными становились бюрократизация, подъем академически образованного бюргерства, отраслевое членение княжеской администрации. Но все это по-прежнему «упаковывалось» в оболочку традиционных нормативов, образовывало симбиоз целого.

Реформация, по мысли Пресса, не смогла взломать, разрушить единый организм империи. С самого начала она была канализирована социальными институтами, сложившимися за столетия до нее. Борьба за успех или против дела Мартина Лютера разворачивалась в традиционной системе координат сословного общества. Князья и дворянство, получая выигрыш от реформационного движения, тем не менее были вынуждены идти на компромисс с более широкими имперскими реалиями. После 1555 г. общество было стабилизировано. Но элита не превратилась только лишь в выразительницу «территориально-государственных» интересов. «Определенная индентификация князей с формирующимся государством означала усилившееся значение этого сословия. Но нельзя, однако, допустить ошибку, недооценив совершенно персональные и семейные узы княжеской корпорации. . . Княжеское сословие — не только

объект изучения для генеалогистов. Оно было сложным узлом родственных связей, обладавшим значением для социальных позиций, формальным рангом, а также ролью в политических комбинациях и конфликтах».²⁰

Пожалуй, Пресс был первым, кто обратил внимание на функционирование династических связей в условиях раскола. Аугсбургский религиозный мир стал актом сословной солидарности, но вместе с тем ознаменовал серьезную трещину в единстве княжеского сословия: конфессионализация разрушила семейные связи и влекла за собой изоляцию отдельных религиозно-династических блоков. Пресс особо подчеркивал этот фактор династического изоляционизма и возлагал на него ответственность за крушение спустя полвека имперского мира. Более того, менявшаяся конъюнктура не только не ослабила, но и усилила значение «неформальных» связей: перестройка сословий под воздействием религиозного раскола привела к мобилизации традиционных институтов, включая систему патронажа и придворные связи. Усиление евангелических династий за счет Реформации еще больше связывало с ними через двор провинциальное дворянство, лишившееся прежних институтов поддержки в виде церковных учреждений.

Тридцатилетняя война, по мысли Пресса, лишь закрепила мощные доминанты старого начала и при всей видимости «территориально-государственного скачка» не поставила под сомнение ценность сословных нормативов. Вестфальский мир сделал шаг вперед в сторону территориализации, но он, как и Аугсбургский компромисс, не разрушил базовых устоев. «Важным было то, — писал Пресс, — что тенденции к олигархизации предвоенных лет сохранились. Они связывались с феодальным менталитетом поднявшихся в XVI в. чиновных семейств... Семейные интересы играли свою роль».²¹

В последней своей монографии «Войны и кризисы. Германия 1600–1715 гг.» Пресс попыток не сделал, собственно, ни в чем его существенно не скорректировав. Социальный обзор предшествовал разбору политической организации и даже отдельных сосло-

²⁰ *Press V. Soziale Folgen der Reformation // AR. S. 440.*

²¹ *Press V. Soziale Folgen des Dreissigjährigen Krieges // Ibid. S. 654.*

вий: черты общности, свойственные всем этажам сословной пирамиды, были явно подчеркнуты. Семья, родство и разнообразные формы патронажа характеризовали и мир элиты, и мир низших сословий.²²

Бесспорно, заслугой Пресса можно считать проблематизацию основ. Но открытым остался вопрос региональной и более глубокой социальной дифференциации. Широкими мазками набросанная картина нуждалась в прорисовке. И как это ни покажется удивительным, большая часть коллег Пресса не пошла дальше уже сформулированных положений.

Рудольф Эндрес, ныне один из крупнейших знатоков имперского дворянства, весьма показательно ограничивается исследованием низших структур, лишь повторив аналитическую схему Пресса (статус, ленно-вассальные связи, проблема патронажа, двор, экономическая конъюнктура). В своей последней книге (1993), вынужденный неизбежно затронуть тему имперской княжеской корпорации, Эндрес весьма характерно обошел острые углы: «Намерение рассмотреть политические функции многочисленного верхнего слоя имперских князей и сословий означало бы заняться разбором политической, государственной и социальной истории Империи и ее территорий в раннее новое время, что не является нашей задачей».²³ Княжеская элита затрагивалась лишь в двух аспектах: по линии «старые» — «новые» князья и по линии механизма возведения в княжеское достоинство и деградации. Все остальное принадлежит общей истории империи.²⁴ Любопытно, что посыл автора

²² *Press V. Kriege und Krise. Deutschland 1600–1715. München, 1992. S. 55–56:* «По правилам игры сословного общества жизнь протекала в четко обозначенных сообществах, прежде всего в семье, бывшей, видимо, не “большой семьей”, как часто говорят, но все же важным базисом социальных связей. Родство, свойство, как тогда говорили, было самым значительным из всех ближних основ общественной паутины. . . Чем выше общественное положение, чем больше богатство, тем шире протягивались связи».

²³ *Endres R. Adel in der frühen Neuzeit. München, 1993. S. IX–X.*

²⁴ *Ibid. S. 1–3.* — Менее значимые для автора вопросы «воспитания, охоты, свободного времяпрепровождения» оставлены на следующую книгу из этой серии о княжеском дворе раннего нового времени (S. IX). Но, в свою очередь, этот справочник, автором которого стал Р. А. Мюллер, лишь в очень сжатом виде касается «второстепенных» деталей (*Müller R. A. Der Fürstenhof in der frühen Neuzeit. München, 1995. S. 42–59.* Ниже мы еще затронем эту работу).

оправдать саму элиту как часть империи обращен, скорее, к политическому ее составу. Проблемы «социального воспроизводства», в том числе воспитания и образования, семейных отношений, в придворных обществах с точки зрения регулирующей активности князей — все то, что Пресс считал фундаментом социальной жизни — остается за пределами его внимания. Под дворянством подразумеваются лишь имперское рыцарство и «земское» дворянство отдельных территорий, в меньшей степени — курия графов.

Хорст Рабе, труд которого хронологически и типологически является близнецом книги Пресса, ограничился, пожалуй, еще более сжатым воспроизводством давно известных идей. Сопоставление позиций сословий в 1500 и 1600 гг. наводит автора на выводы о воздействии религиозного раскола на единство элиты, на еще большую изоляцию княжеской когорты от низовых групп и на общий рост княжеской власти, на службе которой теперь стояла пышная придворная репрезентация. В отношении низшего дворянства разговор ограничивался лишь тривиальным указанием на две модели развития поместных хозяйств и на «доместикацию» в структурах территориальной власти.²⁵

Казалось бы, большего внимания к социокультурным категориям следовало ожидать от специальных исследований. Но Хельмут Нойхауз, автор единственного справочника по структурам империи раннего нового времени, который, если следовать приему Эндреса, должен был бы развернуть дискуссию о княжеской элите, дает лишь сжатую и самую общую справку. Речь в конце концов сводится к правовым и политическим позициям отдельных субъектов. В той части работы, где под рубрикой «основные тенденции исследования», казалось, можно было бы ожидать экспозицию мнений, ведущее сословие вообще обойдено глухим молчанием. Не по причине ли отсутствия большого дискурса в историографии?

Складывается впечатление, что новаторские для своего времени постулаты Бруннера, отчасти получившие воплощение в тру-

²⁵ *Rabe H. Reich und Glaubensspaltung. Deutschland 1500–1600. München, 1989. S. 419–424.* — Во вводном разделе Рабе, как и позже Пресс, лишь указывает на единство и многообразие отдельных социальных групп, но очерк о дворянстве строится по привычной линии исследования экономических и политических составляющих (*Ibid.* S. 46–55).

дах Пресса, застыли и не пошли дальше рубежей «долгой Истории», воспроизводства понятий «длительности» и «неформальности» нормативов применительно к отдельным крупным временным отрезкам. То, что Бруннер видел как принципиальные программные установки, вылилось лишь в общие замечания, в констатацию без широкого типологического исследования и обобщения. Вклад Пресса и его учеников выглядел, бесспорно, значительным. Но он представляется лишь первым, хотя и важным делом.

Не скрывает ли столь общий взгляд, казалось бы, насыщенный лексикой и категориями бруннеровской социологии, старые ориентиры? Еще при жизни Пресса в начале 80-х годов звучали, правда, одинокие, но полные скептицизма реплики. Франчишек Граусс, например, как историк-эмигрант увидел конкретное влияние бруннеровских идей лишь в рецепции самых общих постулатов (критика терминов), а сами идеи — слишком обобщенными, едва ли пригодными для конкретных штудий. Следствием, по его мнению, стал распад либо на «атомизированные», в духе исследования «микрокосма», плохо связанные с общими аспектами труда, либо откат к старым, испытанным политико-национальным и даже к «неомарксистским» ориентирам.²⁶ Не все суждения покойного историка кажутся справедливыми. Но очевиден крен в сторону своего рода социологической формализации, где цель остается прежней — изучение учреждений, структур управления, в более широком смысле — поиск все того же государства, но лишь в социальном срезе. Едва ли в этом случае может вызвать удивление подчеркнутое, как, например, у Эндреса, невнимание к сферам, прямо не касавшимся институтов власти. Дискуссия вокруг «территориальной государственности» и «абсолютизма», с новой силой развернувшаяся в последние годы, пожалуй, лишь подтверждает своеобразную раздвоенность между бесчисленными исследованиями больших и малых институтов и боязнью масштабных обобщений. Не в последнюю очередь усилиями того же Пресса была осуществлена сложнейшая и самая болезненная в плане историографической ретроспекции

²⁶ *Grauss F. Verfassungsgeschichte des Mittelalters // Historische Zeitschrift (далее — HZ). 1986. 243. Hft. 3. S. 569 сл.*

операция переосмысления старой версии развития территориально-государственных структур. Не переутомляя читателя перечнем и разбором работ, отметим, что общий смысл сводится, так сказать, к указанию на амбивалентность перспективной тенденции. Не отрицается рост княжеской власти под воздействием реформационных потрясений. Но сами основы ее еще не избавлены от груза средневековых отношений, и сама территория, все реже именуемая «территориальным государством», выступает своего рода «неготовой государственной единицей» (Г. Шуберт): важнейшие отрасли управления были чересчур насыщены симбиозом старого и нового.²⁷ Вообще, исследовательские наработки Пресса в этом аспекте весьма сильно содействовали переносу проблемы из области широких государственно-правовых абстракций к принципу широкой парадигмы: к началу Тридцатилетней войны в империи не существовало типологически унифицированного «территориального государства», было лишь множество региональных моделей. Но княжеская элита, невольно рассматриваемая в призме территориальных интересов, совершенно утрачивает ту широкую социокультурную почву, о необходимости учета которой говорил тот же Пресс. Тезис о внутреннем единстве сословной элиты приходит в грубое противоречие с партикуляризмом регионов как относительно самостоятельных структур. Преодоление старого наследия здесь следует с еще большим сбоем, нежели ревизия «Старой Империи». В дискуссии об абсолютизме, в которой в последние годы мы наблюдаем здоровое переосмысление старых постулатов и желание подхватить или хотя бы отчасти поддержать концепцию Н. Хеншела, фактор элиты вновь растворяется либо в политических, либо в институциональных координатах.²⁸

Впрочем, если часть критиков, подобно Ф. Грауссу, ставит в укор недостаточное отторжение старых политизированных постулатов, то другие, причем историки-социологи, видят огрехи, напро-

²⁷Исчерпывающий обзор литературы и контроверз: *Schubert E. Fürstliche Herrschaft und Territorium im späten Mittelalter*. München, 1996.

²⁸См. один из первых опытов критической переоценки немецких ученых: *Der Absolutismus — ein Mythos. Strukturwandel monarchischer Herrschaft* / Hrsg. von R. G. Asch, H. Duchhardt. Münster, 1996. — Самыми важными представляются статьи В. Шмале, И. Арндта и итоговый обзор Э. Хирихса.

тив, в гипертрофии бруннеровских парадигм, используемых Прессом. Винфрид Шульце справедливо говорит об обратной стороне увековечивания фактора «длительности» неформальных нормативов. Вся «Старая Империя» превращается, таким образом, в статичное, малоподвижное целое. Сословное общество уподобляется вечно неизменной пирамиде, и достаточно лишь нескольких самых общих тезисов, чтобы обозначить тенденции. Шульце противопоставляет этому неизбежность перемен. «Не будет ошибкой утверждать, — пишет он, — что термин сословное общество употреблялся и будет употребляться весьма часто, но скорее бессодержательно и без точного определения. Он был подвергнут пристальному разбору лишь в тех областях, где развивались исключительно социологические концепции истории раннего нового времени. Чаще всего он звучал там, где речь шла как раз об отрицании самого этого общества».²⁹ Именно поток перемен, наступивший в XVI в., разрушил иллюзию незыблемости. «Но не было жалоб сильнее тех, которых оплакивали утрату “старых” форм социального поведения. . . При этом было очевидно, что ядро всех жалоб коренилось в наблюдаемых переменах. . . Германия в 1600 г. — это бушующий поток реакций на безмерные перемены и огромное неверие в будущем мире».³⁰ Естественная самозащита общества — усиление власти, и Шульце много говорит о росте властного контроля и вместе с тем о созидании территориальной государственности под эгидой князей, о дороге в эру «абсолютизма». Вторая половина XVI в. влечет стабилизацию общественных устоев, следует реакция на смуты первой половины, но внутренние скрепы все еще недостаточно сильны, чтобы окончательно преодолеть кризис.

Критика понятна, но она удивительным образом в очередной раз обозначает давно известную цель или одну из целей: в конце перемен — обретение новой государственной жизни и новых институтов власти! Исследование с прицелом на развитие учреждений, «территориального государства» и «абсолютизма» меняется в сущ-

²⁹ *Schulze W.* Die ständische Gesellschaft des 16. / 17 Jahrhunderts als Problem von Statik und Dynamik // *Ständische Gesellschaft und soziale Mobilität* / Hrsg. von W. Schulze. München, 1988. S. 4–5.

³⁰ *Schulze W.* Deutsche Geschichte im 16. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 1987. S. 293–299.

ности лишь в методе. Что новое «государство» будет — в том нет сомнения.

Итак, замкнутый круг? Бруннер был нужен лишь для оправдания «государства» новым методом? И сословная элита — лишь только созидатель, пусть по-новому освещаемых, но все же властных институтов? Можно ли увидеть, наконец, иные импульсы, способные, помимо бруннеровских рецепций Пресса, преодолеть старые границы дискурса?

3. Конфессионализация: обращение к социальному?

Кажется, парадигма конфессионализации, разработанная школой В. Райнхардта и Х. Шиллинга, должна была предоставить больше возможностей в переосмыслении проблемы. Напомним, что под конфессионализацией немецкие историки полагают всеобъемлющее и многоплановое воздействие религиозных движений, вызванных Реформацией, на все стороны общественной жизни — феномен сращения лютеранства, кальвинизма и тридентского католицизма с сословным обществом. Это влекло, с одной стороны, изменения в повседневном быту, с другой — обратное воздействие на структуры церкви.³¹

Методологический прорыв предложенной схемы был очевиден: собственно, весь XVI в. превращался в движение трех религиозных потоков, типологически аналогичных, преобразовавшее общественные порядки и предопределившее не только кризис Тридцатилетней войны, но и во многом развитие немецких земель до эпохи Просвещения. Важно, что при этом разграничивались не только от-

³¹Весьма обстоятельный обзор литературы до 1991 г. см.: *Schmidt H. R.* Konfessionalisierung im 16. Jahrhundert. München, 1992; по отдельным религиозным направлениям: *Die reformierte Konfessionalisierung in Deutschland — Das Problem der "zweiten Reformation"* / Hrsg. von H. Schilling. Gütersloh, 1986; *Die lutherische Konfessionalisierung in Deutschland* / Hrsg. von H.-C. Rublack. Gütersloh, 1992; *Die katholische Konfessionalisierung* / Hrsg. von H. Schilling. Gütersloh, 1995; *Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время* / Под ред. А. Ю. Прокопьева. СПб., 2004; *Прокопьев А. Ю.* 1) Введение. Реформация, Контрреформация, Конфессионализация // *Конфессионализация в Западной и Восточной Европе...* С. 23–24. 2) *Германия в эпоху религиозного раскола 1555–1648.* СПб., 2002. С. 14–23.

дельные фазы, но и оказывался напрямую востребованным анализ отдельных и прежде всего ведущих общественных групп, приспособившихся к конфессионализации. Мы видим, что Пресс уже использовал эту категорию, хотя и не столь последовательно, и большее значение он безусловно придавал более общим социальным факторам.³²

Х. Шиллинг в отличие от тюрингенского коллеги предпринял гораздо более последовательную попытку синтеза. В его представлении конфессионализация распадается на несколько типологически схожих для всех вероисповеданий фаз. Причем именно вторая половина XVI в. маркирует эскалацию, нагнетание напряженности, вызванной адаптацией и протестантизма, и обновленного тридентского католицизма на общественной почве. Период с 1580 по 1620 гг. — высшая точка, пик конфессионализации. Он характеризуется окончательной консолидацией лютеранства после подписания Формулы Согласия 1577 г., триумфальным шествием кальвинизма по целому ряду территорий империи, главным образом в радиусе Пфальца («вторая Реформация»), наконец, мощным пробуждением Старой церкви, которая получает возможность одновременно и проводить реформу, и вести борьбу с протестантизмом за свои владения в империи. Тридцатилетняя война выступает логичным продолжением не столько нерешенных проблем в формально-юридическом или политическом значении, сколько взрывом, подготовленным более глубокими социокультурными и психологическими переменами, вызванными укоренением религиозных нормативов. Германия кануна Тридцатилетней войны — расколотое сообщество сословий, общественных групп, теперь находившихся под мощным воздействием новых конфессий.³³

Шиллинг, казалось, преодолевает тот узкий «атомизированный» микрокосм социологических этюдов, на который жаловался Ф. Граусс: панорама обретает широту и внутреннюю целостность. Притом не отрицается множество культурных и социальных связей, этого наследства от старого единства, и типологиче-

³² *Press V. Kriege und Krise*. S. 161. — Конфессионализация, не остановленная Аугсбургским миром, содействовала разрушению всей имперской системы. Но помимо нее в основе лежали общие системные условия.

³³ *Schilling H. Aufbruch und Krise. Deutschland 1517–1648*. Berlin, 1998.

ская схожесть обоих религиозных лагерей. Конфессионализация как историческая категория словно покрывает собой несостыковки предшествовавших концепций: религиозный фактор скрепляет все сферы социальной жизни, и противоречия между старыми политико-юридическими мифологемами и социологическими постулатами Бруннера блекнут, обнаруживая своеобразный компромисс. Не случайно уже сам Бруннер мог считаться в определенной мере протагонистом новой категории.³⁴

Вопрос, однако, в том, что Шиллингу и его последователям не удалось преодолеть структурную ориентированность, унаследованную как от государствоведов прошлого, так и от «социальных» историков послевоенных лет. Не получилось той «тотальной» истории, которой надлежало предстать под углом зрения конфессионализации. Разговор распался на крупные сюжеты, причем отдельные звенья общественной вертикали — от «простого человека» и до носителей верховной светской и духовной власти — вновь, как и прежде, ставились под углом зрения территориально-государственных перспектив. Вновь мотив «государственности» и проблемы властных структур выступал и фоном, и во многом целью исследовательского процесса. Взгляд на носителей высшей власти, на территориальных династов преследует целью уяснение прежде всего новых возможностей «государствообразующих» тенденций, открывшихся в буре религиозных потрясений.³⁵

³⁴ Речь идет о небольшом очерке, в котором впервые звучали слова о «конфессионализме»: *Brunner O.* Das konfessionelle Zeitalter 1555–1648 // *Deutsche Geschichte im Überblick. Ein Handbuch* / Hrsg. von H. Rassow. Stuttgart, 1953. S. 284–316; Ср.: *Прокопьев А. Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола. С. 14.

³⁵ Программная работа этого направления: *Reinhardt W.* Zwang zur Konfessionalisierung? Prolegomena zu einer Theorie des konfessionellen Zeitalters // *Zeitschrift für historische Forschung* (далее — ZHF). 1983. 10, S. 257–277; Ср.: *Schilling H.* Die Konfessionalisierung von Kirche, Staat und Gesellschaft — Profil, Leistung, Defizite und Perspektiven eines geschichtswissenschaftlichen Paradigmas // *Die katholische Konfessionalisierung*. S. 1–49; Обзор критических высказываний см.: *Schmidt H. R.* Konfessionalisierung. S. 117–120. — Помимо явной неудачи «тотального» обзора и выделения прежних ориентиров из поля зрения выпадают сферы, не затронутые конфессионализацией. «Не было конфессионализировано». Помимо стойкого иммунитета у части населения наблюдалась и живучесть «доконфессиональных форм»: *Ibid.* S. 122; *Schindling A.* Konfessionalisierung und Grenzen von Konfessionalisierbarkeit // *Territorien des*

4. Генерационно-типологический метод и возможности синтеза

Успехи и границы новых направлений неизбежно отражались на персональных зарисовках. Пожалуй, именно в них мы лучше всего видим возможности и тупики использования новых теоретических конструкций. Причем мы не можем посетовать на отсутствие у про-тагонистов новых воззрений «микrokосмической» опоры: и Пресс и Шиллинг начинали с тщательных исследований не только региональных сюжетов, но и региональных лидеров.

На первый взгляд за последние десятилетия мы стали свидетелями настоящей революции биографического жанра: адресного внимания удостоились почти все крупные представители сословной элиты кануна и периода Тридцатилетней войны. Разумеется, имеются досадные пробелы, как, скажем, по персоне Августа Саксонского (1553–1586) или бранденбургским курфюрстам рубежа веков. Но рывок все же значителен.

Уже сам факт оживления интереса к биографиям показателен, поскольку оно находится в русле «имперского ревизионизма» послевоенных лет. В центре внимания оказались персонажи, всегда бывшие на задворках патриотических рассуждений «малогерманских» историков. Многие из них, как, например, персоналии архиепископов Майнца, Пфальц-Нойбургских князей, биографические исследования по «окняжившим» домам Швабии (Лихтенштейн, Кауниц), наследственных земель Габсбургов (Дитрихштейны, До-

Reichs im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung (далее — TRZRK). 1997. 7. S. 14–18. — Вопрос психологических переживаний и спиритуалистских увлечений позднего средневековья еще не исследован в парадигме конфессионализации. В целом «интерес к истории повседневности, возросший сегодня, мог бы внести свой вклад в более интенсивное изучение «постреформационного времени». Это время, пожалуй, еще лучше, чем кульминация Реформации, склоняет к тому, чтобы прояснить роль веры и религии в повседневной жизни человека, «конфессионализация» должна стать социально-исторической концепцией, чем до сих пор она не была» (*Schmidt H. R.* Konfessionalisierung. . . S. 122). Добавим к этому необходимость определить степень взаимодействия доконфессиональных социальных основ сословной элиты с фактором воздействия конфессионализации. Причем речь идет именно об основополагающих категориях конфессиональной парадигмы, сформулированных Бруннером и до сих пор обойденных молчанием.

на), гессенским ландграфам (Людвиг IV Гессен-Марбургский) едва ли не впервые за полтора века воскрешают порядком подзабытые фигуры. К этому следует добавить множество компаративных очерков, образцом которых можно считать великолепные сборники по баварским Виттельсбахам.³⁶

Но в глаза бросается весьма характерный исследовательский ракурс большинства крупных биографий. Не будем говорить о нарочитом желании авторов избежать тривиальной реконструкции жизненного пути: оно очевидно. Но при этом герои погружаются в многополярный ракурс имперско-территориальной проблематики, заданный общим потоком новых наблюдений. И именно в этих координатах постоянно ощущается преобладание социально-политических интересов. «Исследование политики княжества Гессен-Марбург, — пишет М. Рудерсдорф, — носит [...] очевидный биографический характер, который не является, однако, самодовлеющим. Работа не преследует цели равномерно и обстоятельно вскрыть в едином хронологическо-биографическом порядке все направления в политике ландграфа от внутреннего законодательства до внешних отношений».³⁷ То же самое желание изъявляет Андреас Крауз в одной из лучших биографий о Максимилиане Баварском: «Запланирована не биография, ввиду главным образом того, что обстоятельства личности еще долго будут казаться недостаточными, но также и не история Баварии его времени».³⁸

Избегая (правда, не всегда последовательно) жизненной хронологии, портреты чаще всего помещают в трехмерное пространство: князя как объекты и субъекты имперской политики (отношения с имперским престолом), князя в ряду региональных территориально-династических сил и князя как территориальные государи. Бесспорно, что в этой трехгранной композиции огром-

³⁶Um Glauben und Reich. Kurfürst Maximilian I. Beiträge zur bayerischen Geschichte und Kunst / Hrsg. von H. Glaser. München, Zürich, 1980; Der Winterkönig. Der letzte Kurfürst aus der Oberen Pfalz / Hrsg. von Haus der bayerischen Geschichte. Amberg, 2003; Более полный указатель биографических работ: *Проконьев А. Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола. С. 148–149.

³⁷*Rudersdorf M.* Ludwig IV Landgraf von Hessen-Marburg 1537–1604. Landesteilung und Luthertum in Hessen. Mainz, 1991. S. 10.

³⁸*Kraus A.* Maximilian I. Bayerns großer Kurfürst. Graz; Köln; Wien, 1990. S. 13.

ное внимание уделяется динамике отношений с имперской властью. Вне зависимости от результатов в основе своей подчеркивается желание видеть в лидерах сословного Олимпа своеобразные «шарниры» (Пресс) всей имперской организации. Результаты, бесспорно, играют на руку апологетической концепции Пресса и его коллег: территориальные лидеры выступали протагонистами собственных интересов, но в системных координатах империи.

Сам Пресс на протяжении 70–80-х годов неоднократно апробировал свои взгляды на портретах вюртембергских, баденских, баварских и пфальцских князей, постоянно помещая их в поле имперско-территориальных отношений. По следам знаменитого метра следовали ученики. Манфред Рудерсдорф видит в ландграфе Людвиге IV Гессен-Марбургском государя-конфессора, озабоченного укреплением церковных институтов, династической стабильностью и сохранением мира в империи в годы уже наметившегося надлома. И Георг Шмидт, крупнейший ныне знаток национально-государственной проблематики «Старой Империи», смотрел на графов Веттерау прежде всего сквозь призму территориально-политических комбинаций.³⁹ И даже Андреас Крауз в своей самой блестящей за последние годы биографии баварского курфюрста не удерживается после великолепного введения, рисующего культурно-исторический фон, от, так сказать, политической реабилитации своего героя. Основная часть монографии обращена к хитросплетениям имперской и региональной политики в годы Тридцатилетней войны. В еще большей мере политический акцент заметен у Дитриха Альбрехта.⁴⁰ Реабилитация Максимилиана очевидна — из злого гения Германии, мрачного сторонника Контрреформации, первый курфюрст Баварии превращается в защитника имперских интересов и образцового ревнителя суверенитета и веры. В таком же разрезе — династическая политика и отношения с Габсбургами в условиях конфессионализации — ведет раз-

³⁹ *Schmidt G.* Die "zweite Reformation" im Gebiet des Wetterauer Grafenvereins. Die Einführung des reformierten Bekenntnisses im Spiegel der Modernisierung gräflicher Herrschaftssysteme // Die Reformierte Konfessionalisierung. S. 184–213. — Возможности властной перестройки с использованием кальвинистской реформации — в центре внимания.

⁴⁰ *Albrecht D.* Maximilian I von Bayern. Göttingen, 1998.

говор Франц Брендле, исследуя персоналии Христофора Вюртембергского и его наследников.⁴¹

«Ревизия» имперской истории использовала категорию конфессионализации, но отодвигала на задний план широкий, в смысле Шиллинга, социокультурный охват. Политический акционизм почти всегда выступает более самодовлеющей величиной, нежели его транскрипция, казалось бы, в уже давно выработанных историко-социальных категориях. Крауз, например, отнюдь не скрывает приоритеты: «Если речь идет о значении Баварии и баварского властителя для состояния европейских дел, то необходимо позади центральной темы оставить все прочие области, искусство, науку, территориальное развитие, которые лишь помогают осветить главное для Максимилиана I — внутреннее государственное строительство и внешнюю политику».⁴² Заметно, как авторы сторонятся более широких наблюдений: кажется, что предостережение Пресса по поводу опытов «тотальной» истории находит глубокое понимание, хотя далеко не все авторы могут быть занесены в разряд его учеников, подобно Рудерсдорфу.

Но проблема, кажется, даже не только в ограниченном использовании парадигмы конфессионализации. За порогом остаются исходные положения бруннеровской социологии, хотя, как видим, Пресс и «ревизионисты» весьма охотно поддерживали общие постулаты. Говорится о структурных подходах, постоянно воспроизводится топос «длительности» нормативов, важность семейных связей и династических интересов. Но почти никогда не представлена проблематика самих категорий на избранных примерах. Может показаться удивительным, но даже первичный элемент, казалось бы, признаваемый всеми — семья и династия — не исследуется ни в своих внешних параметрах, ни во внутренней структуре. Как правило, дело ограничивается историческим экскурсом с последующим торпливым переходом к рассказу об избранном персонаже как уже зрелом «политике». Почти позабыт синхронный структурный срез:

⁴¹ *Brendle Fr.* *Dynastie, Reich und Reformation. Die Württembergischen Herzöge Ulrich und Christoph, die Habsburger und Frankreich.* Stuttgart, 1998. — Важность династической социологизации вполне осознается, но пребывает лишь в виде общей формулы (*Ibid.* S. 17).

⁴² *Kraus A.* *Maximilian.* S. 13–14.

родительская чета не дает повода к компаративному разбору феномена семьи эпохи конфессионализации, равно воспитание и детство — к моделированию параллелей и к выходу на более широкие и не менее важные аспекты поведенческой культуры. О политическом лидере говорят уже как о данности, забывая стадии его социализации.

Быть может, именно осознание чрезмерно политизированного крена побуждало с началом 80-х годов к опытам широкой типологизации. Выявление схожих черт в пределах нескольких поколений или собирательного образа на одном рубеже избавляло от «политизированных» деталей, обрубало ту региональную «мелочь», которая при широком охвате казалась малозначимой. Но тотчас обозначились новые проблемы. Стефан Скалвейт, которому, пожалуй, принадлежало первенство среди немецких историков в реконструкции коллективного образа властителя XVII в., ответил на поставленный вопрос исключительно в духе современных тогда идей берлинской школы: государь времен Тридцатилетней войны и короля-солнца отражал главным образом новую стадию «социализации» общества. Он олицетворял и содействовал росту социальной дисциплины в самых широких проявлениях, но прежде всего в отношении властных структур и государствообразующих процессов. Кризисы столетия сплачивали общество вокруг власти как главного гаранта безопасности. В фокусе оказались и самые заметные сдвиги: военные реформы Оранских, рост институтов и новый скачок в политологии.⁴³

Пресс спустя много лет повторил попытку, расширив ее до впервые использованного им генерационного приема. В общем, он не был новатором в самой дефиниции поколений: Карлхайнц Блашке, например, за несколько лет до этого уже видел в Морице Саксонском характерные штрихи «второго поколения» реформационных князей.⁴⁴ Но Пресс отважился первым акцентировать на этом внимание, исходя из принципиальных соображений. В его представлении преемственность или дискрипанция меж-

⁴³ *Skalweit S.* Das Herrscherbild des 17. Jahrhunderts // HZ. 1957. 184. S. 165–180.

⁴⁴ *Blaschke K.* Moritz von Sachsen — ein Reformationsfürst der zweiten Generation. Gütersloh, 1983.

ду поколениями имперских князей была тесно связана с прочностью всей имперской конструкции, восстановленной Аугсбургским компромиссом 1555 г. Каждое поколение в своем срезе образовывало системообразующий фактор. Сперва лишь общими штрихами Пресс наметил разницу между тремя генерациями от Реформации до 1600 г. В основе лежал, как будто, социокультурный подтекст, сочетание религиозных и светских факторов: «Первое поколение реформационных князей, — пишет Пресс — испытывало определенную склонность к религиозному подвижничеству. За этим последовала тенденция к формированию на обоих конфессиональных полюсах «конфессиональных государей» (Betefürsten), с которым контрастировал иной тип грубоватых, увлеченных скорее охотой и военными лагерями, властителей. Эти последние несли на себе общие независимые от конфессий черты. В конце столетия наблюдается возрождение насыщенной придворной ауры, во всех сферах являвшей специфические формы конфессионального мышления. С этим была связана и повышенная увлеченность общеевропейскими веяниями — у Пфальца заметно западноевропейское влияние, у Австрии и Баварии — итало-испанское».⁴⁵

Однако позже, конструируя более сложную модель на примере южнонемецких династий, Пресс попытался подчинить социокультурные контуры проблемам территориально-государственного развития. От Реформации и до конца XVIII в. он выделил восемь поколений территориальных государей. Интересующая нас эпоха охватывалась четыремя поколениями конца реформационного века и Тридцатилетней войны. Она сопрягалась, по мысли Пресса, с четырьмя «ступенями» развития: 1) конфессиональное княжество конца XVI в. (1550–1590); 2) интенсификация двора и начальных форм абсолютизма (1590–1620); 3) «военный абсолютизм» (1620–1650); 4) абсолютизм «под тяжестью последствий войны» (1650–1680). Неслучайным здесь видится и совпадение второй фазы (соответственно второго из рассматриваемых поколений) с периодом конфессиональной эскалации в периодизации Шиллинга — с 1580 по 1620 г. Именно это второе поколение после Аугсбургского ми-

⁴⁵ *Press V. Soziale Folge der Reformation. S. 442–443.*

ра было подвержено самому сильному религиозному экстремизму.⁴⁶

Историк остался верен себе: он связал своих персонажей с системными сдвигами внутри империи и применил парадигму конфессионализации. Но, казалось бы, первоначальный взгляд — от человека к обществу, тот самый микромир с выходом на перспективы, о необходимости изучения которого говорит уже не одно поколение социологов, — оказался придавлен изначально заданным системным государственным конструктом: феномен «абсолютизма» и стадии развития территориальной государственности выступают главными маяками на пути поколений. Персонажи связываются с ними цепями неизбежности. Нет ни дифиниции, ни даже вариативности этих маяков: «абсолютизм» и «патриархальное территориальное государство» представлены лишь неизбежной данностью.

Впрочем, выявление генерационной специфики неизбежно заставляло искать перемены и в общем социальном фоне. Отсюда — некоторая неуверенность в декларации, казалось бы, твердых категорий. Можно лишь косвенно резюмировать модель «абсолютизм» в деятельности условно «второго» поколения князей, и кажется, что сам автор недостаточно хорошо представляет его в деталях. Парадокс! Но под пером Пресса и имперская лояльность Максимилиана, и антигабсбургская политика евангелических князей — все в равной мере принадлежит абсолютистскому стилю! Но при том же для времени военного поколения говорить об эпохе абсолютизма вообще, судя по контексту, не приходится. «Война, — пишет Пресс, — определенно прервала преемственность развития; ее цели совершенно различно воздействовали в разных регионах империи и в отдельных территориях — соответственно они влекли и совершенно различные результаты». И после 1648 г. «при всех автократично-абсолютистских тенденциях во множестве сохранялись и более скромные примеры».⁴⁷ Попытка соединить социально-культурные аспекты с политическими вызвала много недомолвок и оговорок.

⁴⁶ *Press V.* Der Typ des absolutistischen Fürsten in Süddeutschland // *Europäische Herrscher. Ihre Rolle bei der Gestaltung von Politik und Gesellschaft vom 16. bis zum 18. Jahrhundert* / Hrsg. von G. Vogler. Weimar, 1988. S. 123–141.

⁴⁷ *Ibid.* S. 129–130.

Ученик Пресса Рудерсдорф спустя несколько лет упростил и сузил такой взгляд, остановившись на поколении «лютеранских князей-эпигонов Реформации» середины и второй половины XVI в. На помощь ему пришел уже прекрасно исследованный материал по Людвигу IV Гессен-Марбургскому (1567–1604). Историк попытался обнаружить типологическое сходство между лютеранскими властителями в рамках первых поколений времен Аугсбургского мира. Стартовую площадку в его рассуждениях образует разработанная социологами оппозиция «личность и структура», исключаяя одностороннюю персонализацию.⁴⁸ Лишь к середине XVI в., с новой сменой поколений, более решительно, чем прежде, обозначились общие моменты и особенности, присущие сообществу протестантских князей. В своих усилиях по внутренней консолидации и в политической конкуренции друг с другом рождались общие, присущие этому поколению черты, хотя импульсы разного рода, и традиционного и модернистского оттенка, продолжали вторгаться в практику его представителей. Главная черта, присущая этому поколению — концентрация внимания на внутренней стабилизации в сочетании с желанием поддержать имперский мир вовне. В этом аспекте Рудерсдорф решительно отмежевывается от «барусской» традиции, видевшей в князьях Аугсбургского мира, за редкими исключениями, безвольные и слабые персоны. Конфессионализация не смогла состояться в территориях без живейшего участия в церковно-административных делах князей. В области политики главной показательной чертой выступало «укрепление» достигнутого, отсутствие колебаний, «постоянство» вовне. Как типы здесь фигурируют ипостаси благочестивого, персонально правившего и династически ориентированного государя. Пребывая в условиях территориализации и конфессионализации, поколение Аугсбургского мира вы-

⁴⁸ *Rudersdorf M.* Generation der lutherischen Landesväter im Reich. Bausteine zu einer Typologie des deutschen Reformationsfürsten // TRZRK, 7, 1997. S. 141–142; В несколько более сжатом виде положения были повторены: *Rudersdorf M.* 1) Die Reformation und ihre Gewinner. Konfessionalisierung, Reich und Fürstenstaat im 16. Jahrhundert // Europa in der Frühen Neuzeit. Festschrift für G. Mühlfort / Hrsg. von E. Donnert. Köln, Weimar; Wien, 2002. S. 115–141. 2) Reformation und Staatsbildung. Die deutschen Fürsten im konfessionellen Wandlungsprozess des 16. Jahrhunderts // Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время. С. 78–92.

ступало в качестве «структурных обновителей», «нередко даже в качестве структурных созидателей», имея в виду прежде всего институты территориально-церковной администрации. Следствие — новая стадия в становлении территориальной государственности, превратившейся наряду с имперским фактором в главный компонент немецкой истории. В этих координатах Рудерсдорф желает реабилитировать патриархальную государственность и одновременно сам опыт типологизации. «Тем самым создается почва к написанию истории имперского княжеского сословия», — пишет он. Путь лежит через синтетический анализ различных областей политики и персоналии и в «рамках всей комплексной биографии». Так можно было бы избежать опасности «расчленения», «изоляции» частных. ⁴⁹

Тщательная и несомненно более глубокая, в отличие от исследования Пресса, эта работа оказалась, впрочем, также ориентирована не столько на социальные аспекты, сколько на политическую сферу. Но Рудерсдорф гораздо последовательней Пресса, и впервые, пожалуй, в германской историографической традиции столь решительно «реабилитирует» модель патриархального правления. Целое поколение лютеранских государей не случайно усиленно хлопотало на ниве укрепления церкви и властных структур, их деятельность была ответом на процесс конфессионализации, побуждавшей перестроить институты власти с требованиями догмы и тем самым эскалировать столь критично воспринятый историками XIX в. консерватизм. Мы видим, как «ревизионизм» имперской истории перерос в «ревизионизм» типологических моделей на уровне регионов и элиты в целом. Но пересмотр, как и раньше, затронул социальную историю лишь в узкой имперско-политической призме.

Были ли более успешными опыты создания коллективного портрета безотносительно к поколениям? Сборник 1990 г. содержал, по сути, первые обобщения подобного рода. Крауз не пошел в нем дальше двух классических персонажей католического лагеря: Максимилиана Баварского и императора Фердинанда II, причем ограничился лишь изучением идеала, явленного в «Отеческом завещании Максимилиана» и правительственном зеркале императора

⁴⁹ *Rudersdorf M.* Die Reformation und ihre Gewinner... S. 141.

1632 г. Баварский историк настойчиво подчеркивал симбиоз схоластических и гуманистических элементов, в основе своей мало расходившихся у Габсбургов и Виттельсбахов, что явно играло на руку критикам «абсолютизма» кануна Тридцатилетней войны. Взгляды на княжеские добродетели совершенно исключали возможность классических политико-правовых определений «абсолютизма». Призыв к защите общественного блага, переживший столь долгую эволюцию со времен античности, потенциально обуславливал активизацию территориальной политики, но отнюдь не слом традиционных нормативов. Результаты наблюдений обнаруживали явную близость с теми бруннеровскими тезисами, которые были лишь только заявлены у Пресса. Характерен и источник: он коренился в эпистолярной «репрезентации» самого государя. Крауз получил возможность в отличие от институционалистов и политологов вступить в мир ментальности, плохо поддающийся «неизбежным переменам» в исследованиях Винфреда Шульце.⁵⁰ Хайнц Духхардт, взявшийся за коллективный образ протестантских династий, казалось, находился в более сложном положении: он апеллировал не столько к текстам, сколько к стародавней дилемме «идея и реальность». Так же, как и его коллега Духхардт, он сделал вывод в пользу консервативной позиции. Правда, ему пришлось отрезать от немецкого материала часто используемые публицистические инвективы, шедшие из Франции и Англии. Множество типов источников, применимых к неимперской Европе, как, например, государственная философия в трудах Гоббса или политическая публицистика, обыгрывавшая задачи власти в католических странах (Франция), были чужды империи и особенно ее протестантскому полюсу. Конкретика целей, стоявших перед протестантскими князьями времен Тридцатилетней войны и Вестфальского мира, в то же время исключала следование классической версии властителя «о пяти добродетелях»: новые правительственные задачи вынуждали говорить о талантах администратора уже не в духе общих рассуждений о философии и теологии власти. Отсюда проистекала и специфика жанра: политические наставления в эту эпо-

⁵⁰ Kraus A. Der katholische Herrscherbild im Reich dargestellt am Beispiel Kaiser Ferdinands II. und Kurfürst Maximilians I von Bayern // Das Herrscherbild im 17. Jahrhundert / Hrsg. von K. Repgen. Münster, 1991. S. 1–25.

ху выделяются в особый блок. Но это лишь тенденции. В части же пунктов явно проглядывали консервативные черты с вызывающей яркостью: патриархальный стиль правления и глубоко развита семейная этика. «Если нам не изменяет впечатление, — заключает Духхардт, — кажется, что в протестантских княжествах дольше, чем в католических, оставался господствующим и “патриархальный”, и “сословный” фундамент». Слова, по праву могущие знаменовать первый серьезный прорыв в типологизации элиты! И даже хлопоты по обустройству школ и университетов, представляемые историком отдельной строкой как особенность, напрашивались на тесную взаимосвязь именно с патернализмом самой власти, соответственно с более давней позднесредневековой традицией.

Апеллируя к хорошо знакомой ему верхнегессенской модели, историк пишет: «В полном осознании сложности обобщения заключаем: ранний абсолютизм с его латентной тенденцией к стеснению сословий, кажется, развивался скорее в католической половине империи, в Баварии и государстве, в то время как протестантский государь, мекленбургский или вюртембергский, Веттинец или Вельф, или князья обеих Гессенов придерживались поначалу традиционных внутривластных структур».⁵¹ Даже Фридрих Вильгельм Великий в свете своего завещания — очищенного от налетов «барусского» традиционализма — видится вполне сопоставимым с указанным собирательным образом. Имперская лояльность и относительная терпимость к сословным учреждениям характеризовали создателя Бранденбурга. Более того, портрет протестантского государя, по крайней мере на основе литературных источников, прежде всего завещаний, кажется совершенно чуждым липсианскому стоицизму, в нем отсутствует порыв к реформам, к изменению сложившихся структур. В этом смысле ставится под сомнение уже давно известный тезис Острайха о влиянии стоических идей в качестве руководящих на протестантскую Европу. Вообще лютеранская модель власти в представлении Духхардта выглядит гораздо консервативней кальвинистской.

⁵¹ *Duchhardt H.* Das protestantische Herrscherbild des 17. Jahrhunderts im Reich // *Ibid.* S. 36.

Духхардт, как никто до него, ясно определил двусторонность «процесса»: религиозный раскол и новые испытания XVII в. спровоцировали рост давно известных и, казалось бы, оставленных в XV в. явлений, свойственных протестантскому миру. В этом смысле его выводы были созвучны идеям Рудерсдорфа, но строились на гораздо более широкой основе.

Складывалась парадоксальная ситуация: чем больше Пресс и его ученики увлекались социально-политической плоскостью с неизбежным исследованием учреждений и «государственных» основ, тем менее заметными становились более общие духовные и социальные скрепы, тем явственней они превращались лишь в прикрытие социально-политических направлений, пусть и под лозунгом изучения неформальных структур. Стоило только заняться социальной типологизацией, где в центре оказывалась персона регента, как проверенные схемы начинали давать сбой. Требовались важные оговорки вплоть до полных скептицизма выпадов в адрес «абсолютизма».

Крауз и Духхардт «задели» важные основы, но лишь только появление статьи Вольфганга Вебера с его призывом заполнить, казалось бы, видимую всеми лакуну в изучении социологии самих династий, наметило качественно иной сдвиг. В сущности впервые (впрочем, достаточно разрозненные опыты появлялись и раньше — в сборнике Иоханнеса Куниша, в котором известный специалист в области саксонской истории Томас Клейн исследовал феномен династического законотворчества) была «реабилитирована» практика секундогенетуры, долго державшаяся в традициях протестантских княжеских домов.⁵²

Но Вебер подошел к проблеме гораздо шире. Взваливши на свои плечи нелегкую ношу не столько типологического, сколько именно социологического обобщения XVI–XVII вв., он попытался заделать

⁵² Klein T. Verpasste Staatsbildung? Die wettinische Landesteilungen in Spätmittelalter und früher Neuzeit // Der dynastische Fürstenstaat / Hrsg. von J. Kunisch. Berlin, 1984. S. 89–114. — Й. Куниц, в свою очередь, первым из известных нам историков поднял проблему взаимосвязи собственно территориально-государственного строительства с принципами семейной стратегии правящего Дома: Kunisch J. Staatsbildung als Gesetzgebungsproblem. Zum Verfassungscharakter frühneuzeitlicher Sukzessionsordnungen // Gesetzgebung als Faktor der Staatesentwicklung. Berlin, 1984. S. 63–88.

брешь, зиявшую со времен выхода в свет руководящих работ Брунера. Начать следует с азов и если иметь в виду проекцию микрокосма на макроструктуры, то в отношении власти конфессионального времени это выглядело бы как изучение в первую очередь феномена самой династии в качестве исходного ядра. Вебер совершенно справедливо намекает на ленивые, чисто символические отсылки к неформальным элементам, свойственные «ревизионистам»: до сих пор же феномен княжеской семьи не был предметом специальных работ. В сущности же династическая стратегия всегда восходила к более примитивным архетипам семейных интересов: биологическое воспроизводство и гарантия наследства. Только вокруг этих двух основополагающих аспектов всегда вращался сложный и подчас путаный клубок вопросов, часто трактуемых в категориях «государственной политики». Между тем династическое и клановое сознание даже в конфессиональную эпоху, в XVII в., т. е. в столетие, казалось бы, очевидного прогресса институтов, весьма последовательно отражало семейную, сугубо династическую форму власти. Вебер, прекрасный знаток «политической» публицистики, великолепно схватил суть всего многословия ученых правоведов, под пером которых семейные основы не акцентировались только потому, что династия воспринималась как основа правления. И все же намечались перспективы, явно входившие в противоречие с этим династическим «окрасом»: идея «государственного блага» все больше поглощала сугубо династический аспект. Правящая семья выглядела все более подчиненной «государственному будущему».⁵³ Век конфессионализации по Веберу выступает переломом, за которым открывалось рождение новых форм, связанных с полной государственной идентификацией правящих домов.

Возникает весьма характерная картина: «государственный» угол зрения превалирует и реабилитируется под пером исследователей, занимавшихся социальными структурами, т. е. в координатах «реальной истории». Погруженность представителей элиты в мир структур рассматривается аксиоматичным условием. В то же вре-

⁵³ Weber W. E. J. *Dynastiesicherung und Staatsbildung. Die Entfaltung des frühmodernen Fürstenstaats // Der Fürst. Ideen und Wirklichkeiten in der europäischen Geschichte / Hrsg. von W. Weber. S. 92–136.* — Относительно причин угасания интереса к собственно династической тематике см.: *Ibid.* S. 108 сл.

мя микроанализ, побуждающий скорее к скептическому взгляду в отношении «государственных перспектив», исходит от исследователей, имевших за плечами опыт изучения текстов, в более широком смысле — идей эпохи. И Хайнц Духхардт, и Вольфганг Вебер, и особенно Пауль Мюнх начинали с изучения крупных памятников.⁵⁴ Мюнх в этом отношении наиболее последовательно реабилитировал категорию «целого Дома» и в отличие от Вебера, увлеченного социологическими постулатами, попытался более решительно в духе Бруннера оправдать духовную взаимосвязь между содержанием и практикой власти в век конфессий.⁵⁵ Наконец, не менее внушительный задел был сделан Рудольфом Ленцем и руководимым им Институтом персональных исследований в Марбурге на материале надгробных проповедей.⁵⁶ Если Бруннер лишь обозначил контуры своим исследованием творчества Хохберга, то ныне перед нами успешно выполненные обобщения не только домохозяйственной литературы, но и патерналистских воззрений лютеранства, отраженной в деятельности евангелических князей.

5. Эпилог: да здравствует государство?

Имеем ли мы дело с извечными ножницами «реальной» и «литературной» истории? Вправе ли мы указывать на институты, придавая им ведущее значение, когда современники видели их лишь придатком семейной власти могущественного Дома? Складывается

⁵⁴ *Duchhardt H.* Protestantisches Kaisertum und Altes Reich. Die Diskussion über die Konfession des Kaisers in Politik, Publizistik und Staatsrecht. Wiesbaden, 1977; *Weber W.* Prudentia gubernatoria. Studien zur Herrschaftslehre ih der deutschen politischen Wissenschaft des 17. Jahrhunderts. Tübingen, 1992;

⁵⁵ *Münch P.* 1) Die "Obrigkeit im Vaterstand" — Zu Definition und Kritik des "Landesvaters" während der Frühen Neuzeit // *Daphnis*. 1982. 11. S. 15–40; 2) "Vater Staat". Staatsmänner als Vaterfiguren? // *Sturz der Götter? Vaterbild im 20. Jahrhundert* / Hrsg. von W. Faulstich und G. E. Grimm. Frankfurt a. M., 1989. S. 67–97; 3) *Lebensformen in der Frühen Neuzeit 1500 bis 1800*. Berlin, 1998. S. 167–201.

⁵⁶ Укажем лишь на обзорную и во многом итоговую работу Ленца, не менее энергично реабилитирующую бруннеровские категории: *Lenz R.* De mortuis nil nisi bene? Leichenpredigten als multidisziplinäre Quelle unter besonderer Berücksichtigung der historischen Familienforschung, der Bildungsgeschichte und der Literaturgeschichte. Sigmaringen, 1990. S. 43 сл.

впечатление, что «ревизионизм» имперской истории как широкой социальной парадигмы (Пресс и его школа) все больше расходится с «ревизионизмом» властных структур. Империя в век конфессий, бесспорно, стала феноменом социальных «неформальностей» (под блистательным пером Пресса), но она все больше насыщалась консервативными процессами, умаляющими «государствообразующие» перспективы, о которых, пусть и с серьезными оговорками, но все же рассуждал Пресс. «Ревизионизм» Пресса ищет новые элементы как резерв для последующей жизни имперских структур до 1806 г. Знаатоки духовной жизни и персональных проблем зачастую латентно, но корректируют воззрения покойного историка: чем больше углубляются в мир малых социальных структур элиты (семья, дом, династия), тем больше возникает сомнений в отношении «государственности» этих форм. Подчас мы наблюдаем даже натяжки, как, например, у того же Вебера: убедительный анализ входит в противоречие с итоговыми выводами, нарочито согласующимися с давней концепцией нового скачка в развитии государства в XVII в. Правда, лишь только Духхардт попытался на уровне типологизации противопоставить протестантскую фракцию князей католической — как экспонентов стадияльно различных форм власти. Но тем самым уже был нарушен привычный взгляд, отраженный Прессом, на сменявшие друг друга формы власти: патриархальная государственность позднего средневековья — «абсолютизм».

Заставляет призадуматься, впрочем, и другое: результаты микроанализа элиты хотя и не в вызывающих формах, но все же дистанцируются от социологических постулатов последних десятилетий, подвергших пересмотру основополагающие звенья бруннеровской концепции. Напомним, что школа Михаэля Миттерауэра и Юргена Шлюмбома в созвучии с англо-французскими коллегами давно и последовательно доказывает отсутствие «большой семьи» в «реальной истории конфессиональной эпохи, а заодно и феномена «целого дома», полагая его лишь метафорой, отражавшей духовный настрой и нигде не реализовавшейся на деле.⁵⁷ Эти

⁵⁷ Отметим лишь обзорные работы, содержащие экскурс в литературу: Зоколл Т., Кошелева О., Шлюмбом Ю. Введение. Историческое изучение домо-

воззрения тесно связаны с общей концепцией индивидуализации Запада в XVI–XVII вв. На более широкой почве имперской проблематики критика бруннеровских постулатов согласуется с мнением Шульце о глобальных переменах, захлестнувших немецкое общество после Реформации. Но именно критики обходят молчанием феномен княжеских династий и патримониальных структур власти, сосредотачиваясь преимущественно на истории «простого» человека. Не потому ли, что именно мир элиты, особенно в имперских землях, обладал слишком прочными скрепами перед вызовом времени? И не потому ли до сих пор количественный анализ и аргументация, вытекающая из него, были все же не самыми убедительными и проигрывали в поединке с постулатами текстов, обращенных к элите?⁵⁸ И если мир элиты, признающийся соответствующим категориям традиционной социологии, соседствовал с миром «нуклеарных семей» подданных, то почему (при всем обилии частных и весьма обстоятельных исследований!) до сих пор из среды критиков бруннеровского направления не вышло ни одной работы, которая объединила бы оба полюса в региональном и компаративном срезе и объяснила механизм «сосуществования»? Не видно ли здесь столь знакомой «отрыжки» либерализма, привыкшего с уверенностью смотреть в прошлое лишь для того, чтобы убедиться в собственной «биологической» преэминентности этому прошлому — и чем глубже, тем лучше! Видеть лишь новое, не замечая старого. Но тогда перед нами предстает давно привычная картина этого рокового столетия германской истории: она видится только лишь занавесом над сценой нового мира, стучавшегося в дверь слабеющей империи. Предостережения относительно «новаторских» увлечений в широком социальном смысле уже давно были озвучены Рилем. Бруннер их не только повторил, но и развил, придав им программный вид.⁵⁹ Морав и Пресс попытались

хозяйства, семьи и родства // Семья, дом и узы родства в истории / Под ред. Т. Зоколлы, О. Кошелевой, Ю. Шлюмбама. СПб., 2004. С. 7–27. — Характерно, что имя Бруннера вообще не упомянуто в списке создателей традиционной концепции.

⁵⁸Своего рода «оправдания» за преобладание количественного метода над качественным звучат со страниц того же издания (с. 17).

⁵⁹В последние годы социологический анализ семьи «старого порядка» все более распадается на множество региональных частных, напоминая лишен-

реабилитировать не только империю, но и методологию Бруннера, но мы видим, что переосмысление оказалось в заколдованном кругу «государственных» проблем. И даже микроанализ с трудом преодолевает «политический» угол зрения. Возможен ли здесь синтез, выходящей на комплексное понимание эпохи далеко не только в системах «территориально-государственных» или «имперско-государственных» координат? Или исследовательские поиски, так или иначе, но по-прежнему обречены вращаться вокруг монумента государственной идеи, воздвигнутого в позапрошлом веке?

ное внутренней композиции мозаичное полотно. Этим же, впрочем, грешат и исследования по конфессионализации. И тут и там мы сталкиваемся с боязнью широких обобщений и самостоятельных выводов, тем более — серьезной полемики. Нет ли здесь кризиса эпистолярного постмодернизма?

Раннестюартовская аристократия: историографический аспект

Историография, связанная с изучением раннестюартовской аристократии и более широко — титулованной знати, обладает рядом особенностей системно-методического (позднее — методологического) и концептуального характера, позволяющих видеть в ее развитии то ослабевающую, то усиливающуюся преемственность. Уже в первой половине XVII в. формируются основы двух активно используемых и впоследствии развиваемых подходов, определяющих рамки соответствующих объектов исследования.

В первом случае речь идет об отдельных представителях английской титулованной знати и аристократии, индивидуальные портреты которых тщательно создаются в соответствии с возможностями историко-биографического метода. Второй подход предусматривает анализ этих двух социальных феноменов с точки зрения их групповой целостности; при этом независимо от объема воссоздаваемого материала исходным для историков служит варьируемый в различных пределах просопографический материал (сначала данные генеалогии, затем по мере совершенствования самого исследовательского приема — ономастики, сфрагистики, нумизматики, демографии и т. д.).

Со второй половины XVIII в. и по сей день каждый из указанных подходов начинает испытывать на себе влияние сначала различных философских, а позднее — социологических, антропологических и культурологических теорий, определявших дискурс методологических исканий самих исследователей, но при этом сохраняет общие рамки «ремесленной» технологии.

В 20–30-е годы XX в. концептуальная сторона таких исследований значительно обогащается, проявляясь в стремлении рассматривать раннестюартовскую аристократию либо как одну из составляющих последовательного развития тюдоровской знати, либо как самостоятельный феномен, отражающий качественно новую фазу

изменений в правящей элите, знаменовавшую собой начало длительного поступательного процесса, приведшего Англию к становлению одного из вариантов социальной структуры индустриального типа.

В послевоенное время в связи с дебатами относительно методов социальной истории¹ феномены раннестюартовской аристократии и титулованной знати за редкими исключениями теряют в работах исследователей самостоятельный характер. Оба явления не только активно включаются в масштабные схемы «национальных» и «локальных» стратификаций, но и постепенно становятся частью не менее впечатляющей по своим последствиям дискуссии о социальных предпосылках английской революции середины XVII в.

Интерес к целостной трактовке феномена раннестюартовской титулованной знати был до известной степени характерен уже для ее современников. В рамках так называемого антикварного движения предпринимаются первые попытки реконструировать историко-генетический аспект этого социального явления главным образом через призму его понятийно-терминологических соответствий. Технология, характерная для «исследовательского» почерка антиквариетов, позволяла устанавливать необходимую логическую связь понятий и их смысловых предикатов, с легкостью преобразуемую в структуру изучаемого явления (У. Кэмден, Д. Гвиллим, У. Сегар, Дж. Селден и др.). Именно тогда, в первой половине XVII в., антиквариями воссоздается тот начальный источниковый массив, часть которого и по сей день составляет исследовательскую базу для историков.

В конце XVII–XVIII в. «научная» традиция постепенно обогащается новыми материалами, появление которых было связано с

¹Более подробно об этом см.: *Репина Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 8–73. — Эта работа остается по сей день непревзойденной как в плане оценки основных тенденций развития социальной истории в Великобритании и отчасти в США, так и с точки зрения анализа отдельных концепций современных авторов. Выстраивая основную линию исследования, Л. П. Репина высказывает также ряд ценных наблюдений по поводу намечавшихся в 1980 — начале 1990-х годов тенденций, теперь превратившихся в самостоятельные направления. Приводимые ниже оценки школы локальных исследований, работ К. Райтсона и Э. Фитиян-Эдамса во многом созвучны оценкам, данным в свое время Л. П. Репиной.

активизировавшейся в те годы практикой издания исторических памятников, относящихся к истории отдельных знатных семей и родов. Развитие исследований в этот период в значительной степени подкрепляется совершенствующимися приемами антикварной деятельности (Д. Николс) и новыми веяниями европейского энциклопедизма (А. Коллинз). В работах возрастает роль описательных приемов в изучении не только отдельных персоналий, но и в реконструкции коллективных портретов знати².

В XIX в. на общем фоне публикаций историко-биографического плана³ расширяются возможности просопографических исследований. Создаются первые своды истории родов британской титулованной знати,⁴ в которых точность реконструкции индивидуальных биографий знати определяет основные черты коллективного образа реконструируемой таким образом группы. При этом работающие в таком ключе историки впервые выделяют в качестве своей особой задачи историю различных групп знати (пэрство, собственно титулованная знать, выморочные или угасшие титулы и семейства). Именно в этот период такие группы начинают осознаваться в качестве элементов политической истории, а характерные для них признаки рассматриваются в качестве основы для первичной групповой классификации⁵. Однако подобные примеры системного ис-

² *Collins A.* 1) *Historical Collection of the Noble Families of Cavendishe, Holles, Vere, Harley, and Ogle.* London, 1752; 2) *Peerage of England.* Augmented and continued by Samuel Egerton Brydges. In 9 vol. London, 1812; *Nichols J.* *The Progresses, Processions, and Magnificent Festives, of King James the First.* Society of Antiquares. In 4 vol. London, 1822 (первое издание — в 1789 г.).

³ Наиболее типичными в этом плане были сочинения: *Birch T.* *The Life of Henry Prince of Wales.* Dublin, 1760; *Carte J.* *The Life of James, Duke of Ormond.* In 6 vol. Oxford, 1851; *Burnet G.* *The Memoirs of the Lives and Actions of James and William Dukes of Hamilton and Castle-Herald.* Oxford, 1852; *Sanford J.* *The Great Governing Families of England.* In 2 vol. Edinburgh, 1865 и др.

⁴ *Cokayne G.* *The Complete Peerage.* In 8 vol. London, 1887–1898 (первый том полного издания труда вышел уже посмертно в начале следующего века: *The Complete Peerage. New Edition / Ed. by V. Gibbs.* In 13 vol. London, 1910–1953).

⁵ *Brydges S.* *Reflections on the Late Augmentations on the English Peerage.* London, 1798; *Beatson R.* *A Political Index to the Histories of Great Britain and Ireland: or, a Complete Register of the Hereditary Honours, Public Offices, and Persons in Office, from the Earliest Periods to the Present Times.* In 3 vol. London, 1806; *Broun R.* *The Baronetage for 1844.* London, 1844; *Craik G.* *The Romance of the Peerage.* In 4 vol. London, 1849; *Burke B.* *A Genealogical History of the*

следования оставались единичными: число публикаций, ориентированных на воссоздание отдельных биографий знати⁶, значительно перекрывает количество просопографических исследований⁷.

Появление фундированных сводов, объединявших историю многих знатных родов, способствовало оживлению интереса к проблематике со стороны представителей историко-правовой школы. Значительным вкладом в изучение вопроса была серия работ Г. Раунда. Ему принадлежит заслуга первого обобщения по проблемам так называемого пэрского права⁸. Опираясь на отчеты Королевской комиссии по привилегиям, и в первую очередь на опубликованные ридесдейловским комитетом материалы, Раунд не только систематизировал средневековые источники по пэрскому праву, но и предпринял попытку рассмотреть титулованную знать в контексте споров английских судей и юристов о статусе британских пэров. Он был близок к тому, чтобы видеть в раннестюартовских лордах особый сословно-правовой институт — аристократию, сохранивший в себе многовековую преемственность. Раунд, таким образом, первым среди британских исследователей попытался снять царившую в их работах терминологическую путаницу, отождествив групповые рамки английской аристократии с наследственным пэрством и исключив тем самым синонимическое употребление обоих понятий. Подход Раунда получил дальнейшее развитие в работах его последователей Дж. Эллиса и Ф. Палмера уже в послевоенное время⁹.

Dormant, Abeyant, Fortified and Extinct Peerages of British Empire. In 3 vol. London, 1866.

⁶ *Townshend D.* The Life and Letters of the Great Earl of Cork. London, 1904; *Cecil A.* A Life of Robert Cecil first Earl of Salisbury. London, 1915; *Craven W.* The Earl of Warwick, A Speculator in Piracy // The Hispanic-American Historical Review. 1930. X. P. 457–479; *Stopes C.* The Life of Henry, Third Earl of Southampton. Cambridge, 1922. *Thomson A.* John Holles // The Journal of Modern History. 1936. VII. P. 145–172.

⁷ *Pitiley F.* A History of the Baronetage. London, 1900; *Shaw W.* The Knights of England. In 2 vol. London, 1906; The Scots Peerage / Ed. by J. Paul. In 9 vol. Edinburg, 1904–1914.

⁸ *Round H.* 1) Studies in Pedigree and Family History. Westminster, 1901; 2) Peerage and Pedigree. Studies in Peerage Law and Family History. In 2 vol. London, 1910.

⁹ *Ellis G.* Earldoms in Fee. A Study in Peerage Law and History. London, 1963; *Palmer F.* The Peerage Law. London, 1976.

Вариант концептуального осмысления накопленного материала индивидуальных и коллективных биографий титулованной знати, представленный работами Раунда, оставался длительное время единственной в своем роде попыткой. Только в 1930-е годы в исследованиях американского историка Д. Уилсона, заслуги которого в изучении данной проблематики несправедливо замалчиваются современными историографами, обозначаются контуры еще одного, ставшего впоследствии общепринятым подхода. В его работах проблематика, связанная с изучением раннестюартовской титулованной знати, обретает совершенно новые черты, теряя прежнюю, характерную для работ его предшественников самодостаточность. Английские лорды и титулованные особы впервые начинают рассматриваться как неотъемлемая часть крупномасштабной проблемы — двух гражданских войн или революции середины XVII столетия. Было бы ошибочным утверждать, что до Уилсона титулованная знать не фигурировала в исследованиях по истории гражданских войн, но ее присутствие в работах такого рода носило скорее вспомогательный, а в некоторых случаях иллюстративный характер. Это были упоминания об отдельных представителях знати, проявивших себя главным образом на административном, военном или религиозном поприще. Никто из его предшественников не ставил перед собой задачи осмыслить роль титулованной знати в событиях середины XVII столетия.

Уилсон впервые исследовал механизмы политической активности титулованной знати в первой половине XVII в., полагая, что именно в этот период она начинает оформляться в подобие политического класса, посредством патроната завоевавшего государственный аппарат и укрепившего свой авторитет в главах короны. Уилсон был первым среди американских исследователей прошлого столетия, обратившим внимание на определенный разрыв в процессах формирования тюдоровской и стюартовской титулованной знати. Он полагал, что в XVI и XVII вв., несмотря на известную схожесть внутригрупповой динамики, складываются независимые друг от друга условия для политической консолидации знати и джентри. Отмечаемые Уилсоном процессы отличались тем, что только при Стюартах прежние, основанные на принципах социально-имущественного единства групповые признаки зна-

ти окончательно вытесняются, и она безвозвратно становится «политическим классом». В этом тезисе усматривается влияние его университетского коллеги Д. Нотестейна, активно в те годы выступавшего с позиций функционализма¹⁰.

Уилсон, как известно, не принадлежал к плеяде социальных историков, и его выводы о природе изменений в коллективном портрете титулованной знати вытекали из метких наблюдений над политической и административной историей предреволюционной Англии. Тем не менее его выводы во многом предвосхитили тот интеллектуальный подъем, который определил более конструктивный интерес к проблеме титулованной знати среди американских историков конца 1950–1960-х годов. Этот подъем был связан с попыткой уточнить возможности социального анализа в интерпретации событий первой половины XVII в.

Д. Хекстер, а затем П. Загорин, упоминавшие в своих работах заслуги Уилсона,¹¹ сформулировали ряд положений, предопределивших дальнейшую исследовательскую перспективу. Речь шла о системе тезисов, тогда еще не во всем доказанных, рассчитанных главным образом на углубление научного представления о социальных факторах революции. Позиция Хекстера и Загорина определялась их тесными контактами с британскими историками, в то время активно спорившими о джентри и одновременно пытавшимися сформулировать очередную программу исследований в области социальной истории¹².

¹⁰ *Wilson D.* 1) *The Earl of Salisbury and the «Court» Party in Parliament, 1604–1610* // *American Historical Review*. 1931. XXXVI. P. 274–294; 2) *The Privy Councilors in the House of Commons. 1604–1629*. Minneapolis, 1940; *Notestein W.* *The Winning of the Initiative by the House of Commons* // *Proceedings of the British Academy*. 1924–1925. Vol. XI.

¹¹ *Hexter J.* *New Framework for Social History* // *Hexter J. Reappraisals in History*. Aberdeen, 1962. P. 14–15 (эта статья была опубликована впервые в середине пятидесятых годов); *Zagorin P.* 1) *The Social Interpretation of the English Revolution* // *Journal of Economic History*. 1959. Vol. 19. P. 376–401; 2) *The Court and the Country. The Beginning of the English Revolution*. London, 1969.

¹² Свидетельством определенной методологической близости Д. Хекстера и П. Загорина с их британскими коллегами является хрестоматия, опубликованная Л. Стоуном в 1965 г., в ней наряду с английскими помещены фрагменты из работ этих историков: *Stone L.* *Social Change and Revolution in England, 1540–1640*. London, 1965.

К моменту выхода в свет работ Хекстера и Загорина знаменитый спор о джентри вступил в новую фазу. Сторонники Р. Тоуни, с одной стороны, и Х. Тревор-Роупера — с другой, продолжили дальнейшее размежевание, обнаружив необходимость дополнительных аргументов в предлагаемых ими интерпретациях. Часть из них видела дальнейшую перспективу в «переписывании» социальной истории Англии «снизу» и предлагала создать схемы социальной структуры в национальном масштабе; другие усматривали выход из сложившейся ситуации в исследовании локальных или провинциальных сообществ с характерной для них стратификацией.

Интеллектуальные споры поражали своей остротой, но ситуация с созданием масштабных схем «национальной» стратификации складывалась далеко не в пользу участников спора о джентри. Дело в том, что, по справедливому наблюдению Л. П. Репиной, первенство в подобного рода построениях принадлежало марксистским историкам,¹³ среди которых лидировали Э. Хобсбоум и К. Хилл.¹⁴ В этом смысле активно сотрудничавшие с британскими историками Хекстер и Загорин, заинтересованные в создании своей собственной модели национальной стратификации, не могли не осознавать, на каком направлении будут сосредоточены усилия их английских коллег-марксистов. Предложенная ими схема, должно быть, уже тогда подавалась как альтернатива той, что разрабатывали единомышленники Хобсбоума и Хилла.

Хекстер и Загорин ориентировали историков на известный пересмотр традиционного представления о расстановке сил в подготовке гражданских войн середины XVII столетия. «Переписывая» заново известные события, эти историки предложили рассматривать основное содержание периода как реализацию готовившейся на протяжении предшествующих десятилетий «великой конституционной революции», главными антагонистами в которой вы-

¹³ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 56. — Известно, что первой крупной работой такого плана была монография Э. Томпсона о становлении английского рабочего класса: *Thompson E. The Making of the English Working Class*. London, 1963.

¹⁴ Позднее оба историка опубликуют свои программные проекты, тогда, в начале 1960-х годов звучавшие в их устных выступлениях: *Hobsbawm E. From Social History to the History of Society // Daedalus*. 1971. Vol. 100. P. 20–45.

ступали представители различных подгрупп «политического класса».

Использование понятия «политический класс» в качестве исходного для последующего анализа облегчало идентификацию основного конфликта эпохи в среде правящего класса. Пришедшая на смену «умеренной» революции «демократическая волна» была лишь временным успехом тех групп, которые по традиции были исключены из так называемой «политической» нации, в то время активно группировавшейся и тем самым испытывавшей текущие сложности.

Отрицание позитивных сдвигов в расстановке политических сил в ходе гражданских войн середины XVII столетия во многом способствовало выдвиганию на первый план тезиса о несущественном характере социальных последствий революции, так и не затронувших принципиальных моментов в организационном устройстве общества. На практике это означало, что события середины века рассматривались Хекстером и Загориним как результат начавшейся еще при последних Тюдорах политической консолидации правящей элиты и титулованной знати в целом.

Д. Эймлер, начинавший в те годы свои исследования по истории предреволюционной Англии, ученик Хилла, но при этом идейный сторонник Тоуни, опубликовал в 1963 г. свой первый капитальный труд, посвященный борьбе за конституцию.¹⁵ В целом далекая от сюжетов, разрабатываемых Хекстером и Загориним, эта книга, тем не менее, в отдельных сюжетах касалась поднятой ими проблематики. Оставаясь на протяжении всей своей жизни весьма далеким от того, чтобы вслед за своим учителем признать в событиях середины XVII в. революцию, он все-таки не разделял убежденности своих американских коллег относительно ее итогов. Полагая, что ограниченные сдвиги имели место практически во всех сферах английской жизни того времени, он затронул важнейший момент, связанный с интересующей меня тематикой. Выйдя за рамки собственно конституционных и религиозных проблем середины столетия, он указал на значение, которое имели социальные и экономические различия

¹⁵ *Aylmer G. The Struggle for the Constitution, 1603–1689: England in the 17th Century. London, 1963.* Более детальный анализ концепции Д. Эйлмера: *Ренина Л. П.* «Новая историческая наука»... С. 77–78.

для поляризации сил в ходе гражданских войн. В частности, он оставался убежденным сторонником включения геоэкономических компонентов в создание любых стратификационных схем, описывающих состояние английского общества той поры. Он был далек от категоричности Загорина, однозначно разделявшего политические силы на «двор» и «страну», и полагал, что экономические различия между отдельными английскими графствами и регионами имели куда более важное значение для политической ориентации обитавшего на их территориях населения, чем это было принято считать. Предвосхитивший во многом подходы, характерные для представителей локальной истории, он предложил рассматривать национальную стратификацию как сочетание, возникающее из сложного переплетения локальных стратификаций, подчеркнув при этом, что один человек, будучи составным элементом различных по своему значению иерархий, мог обладать различными статусами и выдвигать, следовательно, неоднозначные требования. Тем не менее при наличии всех этих различий он допускал возможным выделять два основных фактора, определявших размежевание сил в ходе гражданских войн. Восточные и юго-восточные, густо населенные и экономически развитые графства давали один наиболее распространенный тип стратификации и способствовали ориентации элементов и групп такой структуры на интересы «парламента». Менее населенные и отсталые в экономическом отношении северные графства были на стороне короля и представляли собой иной тип стратификации. Знать, руководившая такими локальными сообществами, обретала в исследовании Эйлмера соответствующие отличительные черты, определявшиеся геоэкономическими характеристиками территорий.

После выхода в свет монографии Эйллера интерес к созданию масштабных стратификаций заметно ослабевает, и затем эта тема на продолжительное время перестает волновать британских историков, занятых изучением XVII в. На этом фоне марксистская историография весьма активно продолжает осваивать предложенную Томпсоном тематику, и число работ, посвященных «обездоленным» классам и массам, резко возрастает. При этом ощутимой становится известная диспропорция тематических исканий британских историков, указавших в свое время на необходимость исследова-

ний групповых размежеваний в среде «политического», или господствующего, класса. Вплоть до появления фундаментального труда Л. Стоуна эта диспропорция оставалась непреодолимой.

В 1948 г. Л. Стоун опубликовал статью, в которой выступал за обновление исследовательской практики специалистов по истории XVI–XVII вв. при помощи так называемой «социально-научной истории»¹⁶. Статья была вкладом ученого в так называемый спор о джентри и известным подспорьем к тезису его университетского наставника Р. Тоуни.

Как известно, в 1941 г. Тоуни опубликовал свою программную работу, в которой выдвинул тезис о «возвышении джентри» во второй половине XVI — первой половине XVII вв.¹⁷ Обобщив в этой работе итоги своих многолетних исследований в области экономической истории¹⁸, Тоуни попытался показать, каким образом на протяжении почти ста лет в Англии совершался переход от старой феодальной собственности к собственности буржуазной. При этом, следуя логике манориальных подсчетов, он полагал, что накануне революции соотношение этих видов собственности складывается в пользу последней. В социальном плане это означало упадок старой аристократии и возвышение новой, групповая композиция которой оказывалась разнородной. Называя сложившуюся ситуацию «новым земельным балансом», Тоуни отождествлял владельцев рентабельных в экономическом отношении хозяйств-маноров (новая/ое знать/дворянство в его прочтении) с купечеством и прочими городскими предпринимательскими элементами, объединяя их в единый по своей природе класс.

Именно тогда, в 1940-е годы, Стоун, следуя логике благодарного ученика, активно поддерживал своего учителя, пытаясь на примере елизаветинской аристократии найти не столько известные доказательства правоты тезиса о подъеме джентри, сколько развить одно из выдвинутых в рамках этого тезиса положение. Речь идет о

¹⁶ *Stone L.* The Anatomy of Elizabethan Aristocracy // *Economic History Review*. 1948. Vol. 18. No. 1-2.

¹⁷ *Tawney R.* The Rise of the Gentry. 1558–1640 // *Economic History Review*. 2nd ser. 1941. Vol. XI. P. 45–83.

¹⁸ *Tawney R.* 1) *The Agrarian Problems in the Sixteenth Century*. London, 1912; 2) *Religion and the Rise of Capitalism*. Murray, 1926.

высказанном Тоуни предположении об упадке аристократии. Стоун, основываясь на принципах анализа своего учителя, попытался вскрыть причины этого упадка, связав их не столько с нерентабельными методами управления экономикой манора, сколько с расточительностью знати. Снабдив свои рассуждения извлеченными из архивных материалов доказательствами, он подсчитал, что две трети здравствующих в конце елизаветинского правления графов и баронов испытывали серьезные финансовые трудности и были близки к экономическому краху.

Вариант интерпретации одного из положений Тоуни, предложенный Стоуном, вызвал критику со стороны Х. Тревор-Роупера,¹⁹ указавшего на серьезные ошибки в определении размеров задолженности знати. Стоун, опубликовавший ответ, согласился с рядом выдвинутых замечаний, но остался верен предложенной в предыдущей статье концепции, усилив ее отдельные положения новыми статистическими данными.²⁰

Тревор-Роупер, не удовлетворенный результатами полемики с учеником Тоуни,²¹ выступил с разгромной статьей, в которой детально разобрал ошибки университетского наставника Стоуна. Он считал, что отмеченная Тоуни динамика является не более чем «оптическим обманом». Джентри, столь высоко возносимое Тоуни, оставалось даже перед революцией весьма раздробленным в политическом отношении образованием. Часть джентри, должно быть, наиболее преуспевающая, была задействована в управлении страной еще со времен Генриха VIII, часть же оставалась у себя в провинции, жила на доходы со ставших уже нерентабельными хозяйств и, естественно, была не довольна успехами своих прежних соседей, имевших доходные места при дворе. Разразившийся в середине XVII в. конфликт, по мнению Тревор-Роупера, был инициирован именно той частью джентри, которая была лишена доступа к институтам власти. Склонная к религиозному радикализму, она под-

¹⁹ *Trevor-Roper H. The Elizabethan Aristocracy: an Anatomy Anatomized // Economic History Review. 2nd ser. 1951. Vol. III.*

²⁰ *Stone L. The Elizabethan Aristocracy. A Restatement // Economic History Review. 1952. Vol. 4. No. 3.*

²¹ *Trevor-Roper H. The Gentry. 1540–1640 // The Economic History Review Supplement. London, 1953.*

держала индипендентов и по существу была ответственна за казнь короля. Poleмика между Стоуном и Тоуни²², с одной стороны, и Тревор-Роупером — с другой, помимо основного сюжета затронула еще один важный момент, который касался структуры «политического класса». Предлагаемая Тоуни комбинация объединяла в единое целое представителей старой феодальной знати и тех земельных собственников, которые управляли своими манорами, используя новые рентабельные технологии: первые, очевидно, составляли ядро имущего класса, вторые образовывали его интенсивно развивающуюся периферию. Основной конфликт эпохи, таким образом, по меньшей мере раздваивался, образуя клубок противоречий как в среде земельных собственников, так и за ее пределами. Тревор-Роупер, напротив, заметно упрощал схему, ограничивая сам конфликт рамками «основного земельного класса». Именно этот аспект полемики стал решающим для многих отечественных историков, касавшихся в своих работах самой дискуссии о джентри и, естественно, критиковавших если не реакционность, то ограниченность взглядов Тревор-Роупера и поддерживавших, хотя не без оговорок, позицию Тоуни²³.

Дальнейшее развитие полемики было связано с участием историков экономического направления, переместивших акценты в критике позиции Тоуни исключительно на использованный им статистический материал. Недостатки «языка цифр», положенного в основу доказательств тезиса «о подъеме джентри», стали предметом пристального внимания со стороны Д. Купера,²⁴ позиция которого во многом способствовала росту популярности концепции, предложенной Тревор-Роупером²⁵. Только в конце 1950-х годов благода-

²² Ответ на критические выступления Тревор-Роупера был опубликован: *Tawney R. The Rise of the Gentry: A Postscript // Economic History Review. 1954. Vol. VII. No. 1.*

²³ *Шарифжанов И. И. Современная английская историография буржуазной революции XVII века: Основные идейно-методологические тенденции и направления. М., 1982*

²⁴ *Cooper J. The Counting of Manors // Economic History Review. 1956. Vol. VIII. No. 3.*

²⁵ Тревор-Роупер, заметно воодушевленный поддержкой Купера, опубликовал знаменитый памфлет, где еще раз обстоятельно изложил свою точку зрения на динамику социальных сил накануне революции: *Trevor-Roper H. The*

ря усилиям К. Хилла и П. Загорина²⁶ авторитетность тезиса «об упадке джентри» значительно пошатнулась. Оба ученых выступили против упрощения ряда социальных терминов в интерпретации Тревор-Роупера. Они считали неоправданным объединение в единое целое среднего и мелкого джентри, отождествление последнего с испытывавшей финансовые сложности категорией; им виделось преждевременным утверждение как об обязательной нерентабельности аграрного сектора экономики, так и прибыльности придворных должностей; религиозный радикализм был обязан своему распространению не только факторам экономического упадка, но был порождением более сложных перемен, произошедших в английском обществе; индипендентская «партия» выражала не только интересы среднего джентри, но и более зажиточных слоев и т. д.

Сложившаяся вокруг спора о джентри ситуация убеждала в наличии слабых сторон в обеих интерпретациях причин и событий середины XVII в. Выступивший с обширной статьей Д. Хекстер постарался расставить необходимые акценты, упрекнув Тоуни в излишней увлеченности марксизмом, Тревор-Роупера в некритичном отношении к школе Л. Нэмира, а Стоуна в неверной интерпретации финансовой задолженности аристократии.²⁷ Считая, что Стоун, завышая размеры долгов елизаветинских пэров, неверно трактовал причины «кризиса аристократии», он выдвинул положение, согласно которому основной причиной упадка аристократии в XVI в. была потеря военного контроля над крупным джентри. При этом ослабление былого могущества аристократии привело к тому, что инициатива в стране постепенно перешла от палаты лордов к общинам, собственно, повинным в эскалации конституционного и религиозного конфликта.

В 1965 г. почти сразу же после выхода его капитального исследования²⁸ Стоун публикует упоминавшуюся хрестоматию «Социальные сдвиги и революция в Англии. 1540–1640», где в историо-

Social Origins of the Great Rebellion // *History Today*. 1955. June.

²⁶ Hill C. Recent Interpretations of the Civil War // *Puritanism and Revolution*. London, 1958; Zagorin P. The Social Interpretations of the English Revolution // *Journal of Economic History*. 1959. Vol. XIX.

²⁷ Hexter J. Storm over the Gentry // *Encounter*. 1958. Vol. X.

²⁸ Stone L. *The Crisis of the Aristocracy, 1558–1640*. Oxford, 1965.

графическом введении уточняет контуры своей новой концепции, ориентируя специалистов не на прежний тезис «о подъеме джентри», а на новый тезис «кризиса аристократии».

В самом общем виде предложенная ученым интерпретация «кризиса» выводила науку на признание трудностей, которые тюдор-стюартовская аристократия испытывала в связи с необходимостью адаптироваться к условиям постреформационного общества. Болезненный переход сказался во всех сферах жизнедеятельности последней, затронув как экономические и финансовые интересы аристократии, так и ее этические и религиозные представления.

«Панорама» кризиса разворачивалась Стоуном с учетом прежних критических замечаний, полученных от Тревор-Роупера и Хекстера в ходе полемики о джентри, но при этом сохраняла общую логику, намеченную исследователем в статье о елизаветинской аристократии. Стоун, соглашаясь с Хекстером, утверждал, что во второй половине XVI в. аристократия теряет свое прежнее военное могущество, но при этом, следуя логике своего учителя, указывал на оскудение ее богатства и сокращение территориальных владений. Новым аспектом кризиса, ранее не присутствовавшим в его статьях, оказывалось падение престижа и общественного положения.

Доходы аристократии заметно таяли уже при Генрихе VIII (утверждение, кстати, вызвавшее впоследствии заслуженные нарекания медиевистов), достигнув критической отметки в годы правления Елизаветы. Причиной оскудения аристократии при последних Тюдорах были, по мнению Стоуна, завышенные расходы, вызванные возросшей пышностью двора. Ситуация заметно изменилась с приходом к власти первых Стюартов, активно жаловавших фаворитам и новой аристократии земли и щедро расточавших всевозможные денежные дары, гранты и пенсии. Лишь незначительная часть старой аристократии смогла воспользоваться королевскими пожалованиями: на общем фоне подъема титулованной знати при Стюартах традиционное пэрство продолжало клониться к упадку. Назревавшая дисфункция раннестюартовской аристократии усугублялась факторами политического и религиозного характера. Монархия под влиянием новой титулованной знати стала поддер-

живать непопулярные в обществе конституционные и религиозные преобразования, которые в конечном счете привели страну к гражданской войне. Все составляющие кризиса умело подкреплялись статистическими выкладками, новыми архивными материалами и, как полагал сам Стоун, скорректированной методикой подсчета мажоритов.

Закрепившийся благодаря фундаментальному труду Стоуна подход к исследованию социальной элиты второй половины XVI — начала XVII в. оформил на долгие годы своеобразную систему представлений о тюдоро-стюартовской аристократии. Лежавшая в ее основе исследовательская модель и интерпретаторские приемы не могли не склонять к мысли о по существу конце традиционного группового единства, акцентируя внимание на кризисных, негативных тенденциях ее дальнейшего развития. В концепции Стоуна общество и элита поляризовались по мере того, как на смену старым приоритетам и ценностям приходили новые, до той поры неизвестные. Трансформация социальных отношений в позднетудоровской Англии привела к возникновению нового типа экономического и социокультурного единства, в рамках которого «традиционному» аристократу не оставалось места.

Усиливая доминирующий аспект позиции Тоуни в дискуссии с Х. Тревор-Рупером о джентри, концепция Стоуна модернизировала смысл социальной дихотомии английского общества конца XVI — первой половины XVII в. и в этом смысле упрощала исходную задачу исторической реконструкции. отождествив аристократию с пэрством, Стоун открыл для себя возможность воссоздать коллективный портрет анализируемой группы, представив его характеристики в соответствии с принятой в те годы практикой малых социологических анкет. После знаменитого свода Кокейна это была вторая значительная попытка реконструкции персонального состава английской титулованной знати.

Можно спорить о точности осуществленной Стоуном выборки, упрекать его за излишний англоцентризм, определивший диспропорцию собственно английского, ирландского и шотландского материала, но тем не менее его труд и по сей день остается непревзойденным ни по объему, ни по качеству использованного массива источников. Остается сожалеть, что критики, обрушившие свои за-

мечания сразу после выхода книги в свет, обстоятельно разбирали в основном всю ту же манориальную статистику и препарировали опубликованный материал исключительно в русле полемики о джентри, оставляя за рамками обсуждения исключительно важные вопросы²⁹.

Помимо ключевой темы исследования, которая, как явствует из заметок Стоуна, опубликованных в том же 1965 г.³⁰, воспринималась им как перспективная и открытая для дальнейших изысканий историков и представителей смежных областей гуманитарного знания, монография о кризисе аристократии ставила массу проблем, решить которые в одной, пусть даже столь фундаментальной публикации, было невозможно. Неясным оставалось, является ли рост джентри синонимом численного возрастания группы, как считал Тоуни, или же речь должна идти о росте реального могущества его отдельных представителей, вливавшихся в состав титулованной знати. Каковы были политические и экономические причины несомненного упадка или кризиса определенной части джентри и отдельных представителей пэрства? Что по тем временам было более перспективным и прибыльным занятием: эффективное, с привлечением новых технологий, ведение хозяйства или доходное место при дворе? Чьи интересы представляли парламентские лидеры в 1642 г., или какие силы реально стояли за их плечами? И многое другое. Тогда в полемике вокруг книги Стоуна эти вопросы остались незамеченными, но ответы на них последовали потом.

Прежде чем анализировать дальнейшее развитие историографии, хотел бы отметить существенные черты в эволюции представлений самого Стоуна. На протяжении 70 — начала 90-х годов взгляды Стоуна не без влияния развернувшейся вокруг книги полемики претерпели известную эволюцию, содержательные моменты которой были сформулированы в монографии об английской элите XVI–XIX вв., естественно, выходящей за рамки раннеюар-

²⁹Наиболее полно объем критических замечаний осмыслен и проанализирован в: *Bernard G. Introduction // The Tudor Nobility / Ed. by G. Bernard. Manchester, 1992. P. 1–49.*

³⁰*Stone L. Introduction // Social Change and Revolution in England, 1540–1640. London, 1965. P. XIV.*

товской тематики³¹. В общем виде суть этих изменений сводится к следующему.

Социальные приоритеты, действовавшие в Англии со времен последних Тюдоров, обеспечивали достаточно свободный доступ нетитулованных особ к системе властных институтов и с легкостью определяли перспективу аноблирования. Лидирующее положение Англии во всевозможного рода технологических новациях и повсеместной индустриализации создавало достаточно терпимое отношение земельной элиты к адаптации в составе социальной верхушки преуспевающих предпринимателей и бизнесменов и их последующему «оземеливанию». Англия всегда отличалась наличием стабильной и достаточно гибкой политической системы, обеспечивавшей действия механизмов социальной адаптации и манипулирования традиционными привилегиями знати и расширявшей традиционное представление об аристократии как титулованном пэрстве до границ, открывавших доступ к нему практически всем представителям крупной земельной собственности. Относительный промышленный и экономический упадок Великобритании за последние сто лет активно способствовал закреплению вышеназванных тенденций в целях сохранения политических интересов общества.

Нетрудно заметить, что коррективы, которые Стоун внес в концепцию «аристократии», во многом определялись тем влиянием, которое на него оказали работы Х. Хабаккука³². Идея «кризиса» уступает место стадийным обновлениям, носящим более или менее регулярный характер и организующим пэрство в подобие открытого класса.

При этом Стоун сохраняет известный интерес к проблематике своей знаменитой книги на протяжении всей оставшейся жизни. Дело было даже не в том, что, следуя традициям британской университетской практики, он издает в 1967 г. сокращенный, рассчитанный на студенческую аудиторию вариант монографии о кризисе аристократии³³, а затем в начале 1970-х заново возвращается к основным моментам предреволюционной ситуации, пытаясь осмыс-

³¹ Stone L. *Fawtier-Stone J. An Open Elite? England 1540–1880*. Oxford, 1984.

³² Habukkuk J. *Landowners and the Civil War // Economic History Review*. 1965. Vol. 18.

³³ Stone L. *The Crisis of the Aristocracy. Abridged Edition*. Oxford, 1967.

лить ее с точки зрения популярной в те годы теории структурно-функционального равновесия и дисфункции.³⁴

Как представляется, Стоун, продолжая разделять во многом программные задачи своего исследования, избирает объектом изучения ту часть общей «панорамы» кризиса, которая, по справедливому замечанию Д. Эйлмера, оказалась в его исследовании так и непревзойденной³⁵. В общем виде эту тему можно определить как «мир английского аристократа». Стоун очень успешно занимался образовательными симпатиями знати³⁶, ее досугом и увлечениями³⁷, охотно разбирал типы загородных жилищ аристократии³⁸, наконец, весьма обстоятельно исследовал социально-демографические проблемы благородного сообщества.

Брак и семья в жизни аристократа — проблематика, которая волновала Стоуна до самого последнего времени, оказалась не самой удачной в его научном наследии³⁹. Оппоненты заслуженно критиковали историка не только за достаточно вольное обращение с соответствующими свидетельствами источников, но и за излишнюю категоричность, приводившую, по их мнению, к «педалированию» сроков распространения нуклеарной семьи среди аристокра-

³⁴ Stone L. *The Causes of the English Revolution*. London, 1972.

³⁵ Aylmer G. *The Crisis of Aristocracy. 1558–1641 // Past and Present*. Vol. 32. P. 113–125.

³⁶ Stone L. *The Size and Composition of the Student Body // The University in Society / Ed. by L. Stone*. Princeton, 1974. См. также его более ранние статьи: *The Original Endowment of Wadham College // Wadham College Gazette*. 1959. CXLVI.

³⁷ Stone L. *Cole Green Park, Herts. // The Country Seat / Ed. by H. Colvin*. London, 1970.

³⁸ Stone L. *The Residential Development of the West End of London in the Seventeenth Century // After Reformation / Ed. by B. Malament*. Philadelphia, 1980; Stone L., Fawtier-Stone J. *County Houses and Their Owners in Hertfordshire, 1540–1879 // Dimensions of Quantative Research in History / Ed. by W. Aydelotte et al*. Princeton, 1972. См. также его более раннюю статью: Stone L. *The Building of Hatfield House // Archaeological Journal*. Vol. CXII. 1956.

³⁹ Stone L. 1) *Family and Fortune: Studies in Aristocratic Finance in the 16th and 17th Centuries*. Oxford, 1973; 2) *Patriarchy and Paternalism in Tudor England // Journal of British Studies*. 1974 Vol. 13.; 3) *The Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800*. New York, 1977; 4) *Road to Divorce: England 1530–1937*. Oxford, 1990; 5) *Uncertain Unions*. Oxford, 1992; 6) *Uncertain Unions and Broken Lives*. Oxford, 1995.

тов⁴⁰. Его отказ следовать в русле «эмансипаторских» тенденций современной «женской» историографии нередко служил поводом для нападок со стороны феминистски ориентированных историков⁴¹.

Научное наследие Л. Стоуна и по сей день остается одним из наиболее цельных явлений современной британской историографии⁴², занятой изучением различных аспектов раннестюартовской аристократии. Тем не менее с момента ожесточенной полемики специалистов относительно природы английского джентри британская историческая наука, в центре внимания которой оставалась предреволюционная эпоха, проделала свой самостоятельный путь, предложив по интересующей меня теме ряд ценных наблюдений.

Вопросы, поставленные Стоуном в его монографии о кризисе аристократии, тогда, в середине 1960-х годов, во многом остались без ответа, поскольку историки, занятые изучением социальной динамики тех лет, предпочли заниматься локальной историей, отказавшись от исследования этого явления на национальном уровне. Тому было несколько причин, но главной оставалась открывшаяся в начале 50-х–60-е годы возможность исследовать семейные архивы. Правительство Великобритании, заинтересованное в привлечении частных коллекций для изучения специалистами, активно поощряло их владельцев сдавать веками накапливавшиеся материалы в архивы по графствам или же предоставляло квалифицированных служащих для описи их на местах.

Открывшиеся возможности были использованы впоследствии известными специалистами для защиты основанных на локальных архивных материалах диссертаций по истории отдельных семей⁴³,

⁴⁰ *Bonfield L.* Marriage Settlements, 1601–1740. Cambridge, 1984; *Brundage J.* Law, Sex, and Christian Society in Medieval Europe. Chicago, 1987; *Cressey D.* Birth, Marriage and Death, Ritual, Religion, and Life-Cycle in Tudor and Stuart England. Oxford, 1997; *Houlbrooke R.* Death, Religion, and the Family in England, 1480–1750. Oxford, 1998.

⁴¹ *Lewalski B.* The Writing Jacobean Women. London, 1997; *Harris B.* English Aristocratic Women. Oxford, 2002.

⁴² *Ретина Л. П.* «Новая историческая наука»... С. 79–81 и др.

⁴³ *Cross M.* The Career of Henry Hastings 3rd Earl of Huntingdon, 1536–1595 (Unpublished Cambridge Ph. D. thesis, 1959); *Spence R.* The Cliffords Earls of Cumberland, 1579–1646 (Unpublished Ph.D. thesis, London, 1958)

имущественному положению аристократических кланов⁴⁴ и финансовым проблемам самого джентри.⁴⁵ Среди первых работ⁴⁶, выполненных в рамках этого направления, безусловный интерес представляют исследования Э. Эверитта, сформулировавшего концепцию так называемой локальной автономии.⁴⁷

Эверитт исходил из широко распространенного в те годы тезиса о преобладании вертикальных связей внутри локального сообщества над горизонтальными, полагая при этом, что представители низших слоев не представляли в такой стратификации самостоятельной силы. Реальное «лицо» подобного сообщества представляли имущие группы, объединявшиеся в английском варианте в различные категории провинциальной знати и джентри. Связанные между собой «локальным патриотизмом», они ощущали самодостаточность не только своих социальных ниш, но и представлявшего эти ниши провинциального сообщества. Особое, не повторявшееся на уровне отдельного графства сплетение таких ниш поддерживалось специфической по своей сути культурой, распространявшей свое влияние на все сферы жизнедеятельности объединявшейся ее

⁴⁴ *Batho G.* The Household Accounts of Henry Percy, 9th Earl of Northumberland (Unpublished M. A. thesis, London, 1953); *Finch M.* The Wealth of Five Northamptonshire Families, 1540–1640 (Unpublished Ph. D. thesis, Oxford, 1952) — позднее опубликована под тем же названием отдельным изданием: Northamptonshire Record Society Publications. 1955. Vol. XIX.

⁴⁵ *Cliffe J.* The Yorkshire Gentry on the Eve of the Civil War (Unpublished Ph.D. thesis, London, 1960); *Simpson A.* The Wealth of the Gentry, 1540–1640 (Unpublished Ph.D. thesis, London, 1959) — позднее опубликована под тем же названием в качестве отдельной монографии в издательстве Чикагского университета (1961).

⁴⁶ До этого времени опубликованные на локальную тему исследования затрагивали в основном проблемы местной администрации и управления: *Willcox W.* Gloucestershire: A Study in Local Government, 1540–1640. New Haven, 1940; *Hursfield J.* County Government, 1530–1660. London, 1657.

⁴⁷ *Ренуа Л. П.* «Новая историческая наука»... С. 86–88. *Everitt A.* 1) The Community of Kent and the Great Rebellion, 1600–1660. Leicester, 1966; 2) The Local Community and the Great Rebellion. London, 1969. Концентрированное изложение самой концепции см.: *Everitt A.* The County Community // The English Revolution, 1600–1660 / Ed. by E. Ives. London, 1968. Любопытной в плане намечающихся подходов является более ранняя работа Эверитта, посвященная Саффолку (*Everitt A.* Suffolk and the Great Rebellion, 1640–1660. Ipswich, 1960) и представлявшая собой вариант его докторской диссертации (Leicester, 1958).

авторитетом округа и дававшей каждому провинциальному миру устойчивый тип местной централизации.

Анализируя проявление этих особенностей на примере Саффолка, Кента, Нортгемптоншира и других графств, Эверитт пришел к выводу об источниках противостояния функционировавших на их территории провинциальных миров централизаторской политике Долгого парламента и до этого — самого Карла I. Подчеркивая консерватизм местной знати, Эверитт считал недопустимым отождествление этого явления с пережитками прошлого, полагая, что подобного рода настрой провинциальной знати формировался под влиянием и во многом зависел от экономических успехов самой территории графства. Недооценивая социальную динамику английского общества первой половины XVII в., он, по существу, отрицал возможность создания каких-либо стратификационных схем, объединявших английскую знать в единое целое.

Концепция локальной автономии Эверитта нашла поддержку со стороны Р. Хоуэлла, А. Рутса, Э. Хасселл-Смита.⁴⁸ Д. Андердаун и затем К. Холмс, разделяя общий план исследований Эверитта, попытались восполнить недостающие звенья в его концепции, исследуя механизмы обратной связи, формируемой за счет влияния, которое представители столичной аристократии пытались оказать на провинциальное сообщество.⁴⁹ Э. Флетчер уточнил ряд механизмов, определявших «корпоративность» провинциального сознания знати, указав на более сложную структуру «локального патриотизма» и полагая, что для некоторой части провинциального сообщества он определялся общим индифферентным настроением в отношении высокой политики; для другой — решающее значение имели родственные связи и клановые интересы. Религиозные и экономические проблемы образовывали, по мнению Флетчера, второй уровень мотивации, но оказывались для большинства представителей знати лишь дополнительными аргументами, редко влиявшими на конеч-

⁴⁸ *Howell R.* Newcastle-upon-Tyne and the Puritan Revolution. Oxford, 1967; *Roots I.* The Central Government and the Local Community // *English Revolution* / Ed. by E. Ives. London, 1968; *Hassell-Smith A.* County and Court: Government and Politics in Norfolk, 1558–1603. Oxford, 1974.

⁴⁹ *Underdown D.* Somerset in Civil War and Interregnum. Newton Abbot, 1973; *Holmes C.* The Eastern Association in the English Civil War. Cambridge, 1974.

ную позицию аристократа, джентри или прочих провинциальных обывателей.⁵⁰

Только в работах П. Кларка и Д. Моррилла влияние концепции Эверитта значительно ослабевает. Кларк по счастливому стечению обстоятельств исследовал социальные процессы в Кенте, т. е. в том же графстве, материал которого лег в основу первичных выводов Эверитта. Задействовав практически идентичный свод источников, он пришел если не к противоположным, то, во всяком случае, к весьма модифицированным заключениям. Отчасти поддерживая выдвинутый Флетчером тезис о многоуровневой организации «провинциального сознания», он указал на наличие более острых конфликтов между его отдельными «напластованиями», усилившимися под влиянием радикальных пуританских идей. Помимо традиционного деления социальной структуры графства на известные составляющие, он предложил рассматривать ее в тесной связи с меняющейся политической обстановкой, которая могла вызывать образование так называемых субструктур типа «приходской олигархии», как правило, возглавляемой представителями знати и джентри, «новой деревенской верхушки-элиты», образуемой за счет преуспевающих арендаторов и йоменов. В сложной цепи взаимоотношений между этими субобразованиями не выдерживали традиционные семейные узы и принципы родства. Формировались конфликты, часть из которых сохраняла свою злободневность и после революционных событий.

Моррилл еще более усилил аспект политического размежевания в провинциальном сообществе, показав на примере Чешира, как менялась ситуация в этом графстве на протяжении 30 лет (1630–1660).⁵¹ Предложив рассматривать политическую стратификацию провинциального общества как сочетание радикальных и умеренно настроенных групп, объединявших представителей различных

⁵⁰ *Fletcher A.* County Community in Peace and War: Sussex, 1600–1660. London; New York, 1975.

⁵¹ *Morrill J.* Cheshire, 1630–1660: County Government and Society during the English Revolution. Oxford, 1974. — Обращаю внимание лишь на наиболее характерные и в первую очередь связанные с моей темой исследования положения концепции Д. Моррилла. Л. П. Репина дает более обстоятельный анализ его взглядов, обращая внимание, в частности, на их эволюцию: *Репина Л. П.* «Новая историческая наука»... С. 92–94.

социальных статусов, он только позднее укажет на ее характерную особенность.⁵² Политические и прочие интересы национально-го масштаба оставались не чуждыми английским провинциалам, в первую очередь джентри и знати, которые, однако, препарировали их «государственный» контекст, пропуская через призму своих локальных интересов. Дисфункция провинциализма была возможна, но только тогда, когда религиозные разногласия достигали особого накала.

Локальные исследования внесли существенный вклад в понимание региональной специфики социальных процессов, протекавших в Англии в стюартовскую эпоху. Созданные представителями этого направления варианты провинциальных стратификационных схем продолжали и в 70-е годы прошлого века оставаться примером локальных моделей, так и не включенных в макроконтекст национальной истории. Только в 80-х годах последовали попытки осмыслить опыт таких исследований и представить обобщенный вариант стратификации⁵³.

Должно быть, под влиянием осмысляемого материала К. Райтсон и Ч. Фитиян-Эдамс во многом сохраняют принятую в локальных исследованиях фразеологию, лишь только в некоторых случаях вводят новые термины. Исходными в построениях этих ученых являются три ключевых понятия, которые представляют собой «стыковые» элементы в осуществляемой ими реконструкции. «Семья» — понятие, позволяющее определить многообразие стратификационных связей низового уровня: это наиболее устойчивый концепт, позволяющий осуществлять исходную верификацию индивидов. «Локальное сообщество» организует возникшие на низовом (исходном)

⁵² Morrill J. *The Revolt of the Provinces: Conservatives and Radicals in the English Civil War, 1630–1650*. London, 1976.

⁵³ Любопытно, что британская историография не всегда правильно оценивает вклад К. Райтсона в развитие социальных исследований середины 1980-х годов. В отечественной науке заслуги Райтсона были впервые верно оценены Л. П. Репиной (*Репина Л. П. «Новая историческая наука» ... С. 66–68*). См.: Wrightson K. *English Society. 1580–1680*. London, 1982; *Phythian-Adams C.* 1) *Re-thinking English Local History*. Leicester, 1987. — Позднее Фитиян-Эдамс представит более сжатый вариант своей концепции, уточнив ряд используемых понятий: *Local History and National History // Phythian-Adams C. Rural History*. 1991. Vol. 2. No. 1. P. 1–23.

уровне связи и преобразует их собственно в региональную систему. «Стратификация национального масштаба» — категория, указывающая на границы, в рамках которых происходит преобразование последнего уровня: мир региональных систем объединяется в новую организацию, подчиняющуюся системе «макропринципов», конституирующих собственно национальное.

Поясняя систему макропринципов («национальных нормативов»), Райтсон значительно четче, чем Фитиян-Эдамс, указывает на необходимость исследования их консолидирующей функции, считая, что традиционного внимания к таким понятиям, как «государственный интерес» и «общее благо», явно недостаточно. Райтсон предлагает и частично реализует программу исследования, в рамках которого все — от норм обыденного поведения до системы коммуникаций и торговли — должно быть расставлено в соответствии со своими «организующими» и «консолидирующими» функциями.

Оба исследователя обращают внимание на переходный характер английского общества конца XVI–XVII в., сочетавшего в своей стратификации («социально-пространственных структурах») элементы сословной и протоклассовой организации, — момент чрезвычайно важный, перекликающийся по форме с идеями, отстаиваемыми в работах К. Хилла и других марксистски ориентированных историков.⁵⁴ Предлагаемая модель национальной структуры определяла сложную комбинацию «исходных» объединений (семей), социальных пространств среднего уровня (локальных сообществ), образующих многопорядковые соединения уже на последнем уровне. Очевидно, что преобладавшие на двух первых уровнях вертикальные связи должны были модифицироваться, и возможный вариант «национального» синтеза преобразовывал их параметры в соответствии с традиционной системой неравенства и власти. На деле это означало, что провинциальные общества, продолжая сохранять определенную специфику, интегрируются в национальную структуру и, должно быть, при этом утрачивают часть своего своеобразия.

⁵⁴*Hill C.* A Bourgeois Revolution? // Three British Revolutions: 1641, 1688, 1776 / Ed. by J. Pocock. Princeton, 1980. P. 109–139; *Hobsbawm E.* The Seventeenth Century in the Development of Capitalism // Science and Society. 1960. Vol. 24. No. 2. P. 97–112.

разия. При этом структура или комбинация «политического класса» должна была включать в себя не только наиболее устойчивые в социально-экономическом и политическом отношении элементы локальной стратификации, но и, очевидно, тех, кто имел реальные способности выжить в условиях нарастающего конфликта.

Предложенный Райтсоном и Фитиян-Эдамсом вариант объединения провинциальных обществ в единую национальную структуру заставляет меня вернуться к той ситуации, которая складывалась в британской историографии в 50 — начале 60-х годов прошлого века, и вспомнить историю еще одного начинания. Именно тогда в Оксфорде уже упоминавшимся Д. Эйлмером была защищена диссертация, посвященная персональному составу центральной администрации Карла I,⁵⁵ впоследствии опубликованная в виде отдельной монографии.⁵⁶ Увлеченный в те годы идеями Г. Моски и Г. Михельса, он активно конструировал английский вариант «бюрократического государства», детально воссоздавая его организационную структуру и персонал. Именно в части реконструкции состава среднего и низшего звена королевских слуг того времени работа Эйлмера остается непрезойденной и по сей день.

Составляя исходный материал для просопографии, Эйлмер много и упорно работал в региональных и столичных архивах, проделав работу, практически равную той, что и его коллеги по локальной истории. Относясь с известным вниманием к концепции «локальной автономии»⁵⁷, он все-таки предпочитал видеть в ней лишь один из вариантов проявления специфики английского общества той поры. Отдавая должное региональным структурам власти, он видел в центральной администрации определенный залог стабильности английского государства и общества в целом. Следуя известной со времен Т. Таута схеме,⁵⁸ он рассматривал местную систему власти

⁵⁵ *Aylmer G. Studies in the Institutions and Personnel of English Central Administration* (Ph. D. thesis, Oxford, 1954)

⁵⁶ *Aylmer G. The King's Servants. The Civil Service of Charles I. 1625–1642*. London, 1961 (второе издание: London, 1974).

⁵⁷ *Aylmer G. Rebellion or Revolution? England 1640–1660*. Oxford, 1986 (переведена на русский язык: *Д. Эйлмер. Восстание или революция? Англия 1640–1660 гг.* / Пер. с англ. А. А. Паламарчук и С. Е. Федорова. СПб., 2004).

⁵⁸ *Tout T. Chapters in the Administrative History of Medieval England*. In 6 vol. Manchester, 1920–1933.

как одну из модификаций общенациональной (так называемый «де-легированный вариант») и в этом смысле не видел сложностей для их цельного рассмотрения.

Коллективный портрет королевских слуг, воссозданный в его исследовании, был, таким образом, с известными допущениями уже готовым вариантом структуры «политического класса», о котором писали участники спора о джентри и к реконструкции которого как одной из задач синтеза призывали Райтсон и Фитиян-Эдамс.

Продолжив серию своих работ, Эйлмер опубликовал аналогичные исследования, посвященные сначала республике и протекторату, а затем периоду Реставрации,⁵⁹ решив тем самым задачи напрашивавшейся перспективы. Эпохой Якова I Эйлмер предпочитал по вполне понятным причинам не заниматься, ссылаясь при этом на известную историю с появлением знаменитого труда Д. Юма.

Работы Райтсона и Фитиян-Эдамса оказали стимулирующее воздействие и побудили многих ученых выступить с аналогичными обобщающими схемами, «переосмысливающими» социальные процессы XVII в.⁶⁰ Однако уже в исследованиях Д. Эйлмера, Д. Шарпа и Т. Когсуэлла масштаб и логика «обновления» социологических интерпретаций уступают место более последовательному объяснению политических (отчасти конституционных) и религиозных обоснований характерных для этой динамики составляющих, весьма категорично отождествлявших начальный этап революции с конфликтом в среде «политического класса».

Снижение общего интереса к проблематике, поднятой в свое время в дискуссии о джентри, интерпретированной в новом ключе представителями локальной истории, было связано с развитием тенденции, набравшей силу в 1970-х годах в историографии по обе стороны Атлантического океана. К. Расселл (Великобритания), Д. Фарнелл (США) и П. Кристиансон (Канада) выдвинули почти одновременно программу «обновления» политической истории со-

⁵⁹ *Aylmer G.* 1) *The State's Servants. The Civil Service of the English Republic, 1649–1660.* London, 1973; 2) *State's Servants. 1661–1685.* Oxford, 2002.

⁶⁰ Об этом влиянии см.: *Репина Л. П.* «Новая историческая наука»... С. 69. Помимо упоминавшейся работы Д. Эйлмера (Oxford, 1986) следует назвать работы Д. Шарпа и Т. Когсуэлла: *Sharpe J.* *Early Modern England: A Social History.* Oxford, 1987; *Cogswell T.* *The Blessed Revolution.* Cambridge, 1989.

бытий середины XVII в.⁶¹ Помимо общего стимулирующего воздействия на изучение истории английской политической системы, «пересмотра» роли нижней палаты парламента в подготовке и в ходе революции⁶², возглавленное впоследствии Расселлом направление предопределило интерес сначала к феномену королевского двора, а затем к проблемам так называемой «композиционной» монархии.

Ключевым моментом в развитии западной историографии по проблемам королевского двора стала дискуссия между Дж. Элтоном и Д. Старки о сущности и характере административно-политических преобразований первой трети XVI в. и месте двора в государственной системе Англии раннего нового времени.

Основной тезис Элтона сводился к утверждению, что в 30-е годы XVI в. в Англии происходит так называемая «тюдоровская революция в управлении», которая означает переход от методов «хаусхолд-управления» (термин, предложенный в свое время Таутом) к долгосрочным стратегиям бюрократического администрирования. На смену королевскому двору, выполнявшему роль своеобразного центра административной деятельности, приходит система органов управления, относительно независимых от прямого королевского вмешательства и контроля со стороны двора.

Системообразующими элементами новой организации управления становятся не только Тайный совет, но и финансовые структуры во главе с Казначейством, где концентрируются лучшие силы английской «бюрократии». Двор сохраняет за собой функции по обслуживанию личных потребностей монарха и уже при последних Тюдорах превращается в место сосредоточения знати и интриг.⁶³

⁶¹ *Russell C.* The Crisis of Parliament: English History 1509–1660. Oxford, 1971; *Farnell J.* The Aristocracy and Leadership of Parliament in the English Civil War // Journal of Modern History. 1972. Vol. 44. No. 1. P. 79–86; *Christianson P.* The Causes of the English Revolution: A Reappraisal // Journal of British Studies. 1976. Vol. XV. No. 2. P. 40–75.

⁶² *Thompson C.* Parliamentary History in 1620s: In or Out of Perspective. Wivenhoe, 1986; *Cope E.* Politics Without Parliaments, 1620–1620. London, 1987; *Reeve L.* Charles I and the Road to Personal Rule. Cambridge, 1989; *Sharpe K.* The Personal Rule of Charles I. New Haven, 1992.

⁶³ *Elton G. R.* 1) The Tudor Revolution in Government. Cambridge, 1953; 2) England under Tudors. London, 1958; 3) Reform and Renewal: Thomas Cromwell and

Концепция Дж. Элтона была принята большинством историков и стала определяющей на протяжении последующих 20 лет, поскольку позволяла придать административной истории XVI–XVII вв. не только целостный вид, но и большую осмысленность в контексте революционных событий.

В конце 1970-х годов с критикой концепции Элтона выступила группа ученых во главе с его учеником Д. Старки, пытавшихся в своих работах оспорить основные положения концепции «тюдоровской революции». ⁶⁴ Дискуссия велась достаточно жестко. ⁶⁵ Старки и его единомышленники на основе изучения архивных материалов пришли к выводу об отсутствии каких-либо серьезных «революционных» изменений в управлении, связанных с деятельностью Т. Кромвеля. Они полагали, что многое из того, что, по мнению Элтона, определяло содержание «реформ», было внедрено задолго до его прихода и явилось результатом длительной эволюции в системе управления. При этом королевский двор по-прежнему сохранял за собой основные «административные» функции и являлся центром принятия политических решений ⁶⁶.

Тайный совет возникает как часть королевского хаусхолда и остается таковым на протяжении XVI и первой половины XVII вв. Снижение влияния Королевской палаты при Генрихе VIII за счет передачи контрольных функций над финансовой системой Казначейству, не означало, по мнению Старки, что доминирующими становятся методы административного управления. Активно формирующаяся в этот период Ближняя палата, помимо функций по организации ближайшего окружения монарха, приобретает статус ос-

Common Wealth. Cambridge, 1973; 4) Reform and Reformation in England, 1509–1558. London, 1977; 5) Studies in Tudor and Stuart Politics and Government. 2 vols. London, 1987; 6) «Tudor government». The Points of Contract III: The Court // Transactions of the Royal Historical Society. 1976. 5th ser. Vol. 26. P. 211–228.

⁶⁴ Revolution Reassessed: Revisions in the History of Tudor Government and Administration / Ed. by C. Coleman and D. Starkey. Oxford, 1986; The English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War / Ed. by D. Starkey. London, 1987.

⁶⁵ Elton G. R. Reform and Reformation in England, 1509–1558. London, 1977. P. 219–220; Starkey D. 1) From Feud to Faction // History Today. 1982. Vol. 32. P. 16–22; 2) Tudor Government: The Facts? // The Historical Journal. 1988. Vol. 31. No. 4. P. 921–923.

⁶⁶ Starkey D. 1) Court and Government // Revolution Reassessed... P. 29–58.; 2) Which Age of Reform? // Revolution Reassessed... P. 13–28.

новой административно-хозяйственной доминанты в управлении государственными финансами. Реальными носителями власти, таким образом, становится не бюрократия, как полагал Элтон, а лидеры придворных фракций и высшие королевские слуги. Степень их влияния зависела от допустимых пределов близости к монарху, которая, в свою очередь, определялась господствующим «стилем» королевского управления. Генрих VIII и Яков I, по мнению Старки, относились к типу правителей, которые культивировали так называемые «приватные» принципы в отношениях со своим ближайшим окружением; Генрих VII и Карл I, напротив, предпочитали дистанцироваться. Несмотря на различия в стиле и принципах государственной политики, период XVI — первой половины XVII вв. был периодом абсолютного господства «придворного управления».

Стимулирующий эффект дискуссии Элтона и Старки был многозначен, но в интересующем меня аспекте он во многом способствовал закреплению концепции постепенной аристократизации основных государственных структур позднетюдоровского и раннестюартовского обществ. Появление работ Л. Пэк о яковитском дворе достаточно убедительно продемонстрировало, каким образом вытеснявшая джентри из придворных структур титулованная знать решала свои финансовые проблемы, обострившиеся, как известно, при последних Тюдорах⁶⁷. Опубликованная под редакцией Пэк коллективная монография значительно расширила представление об аристократизации придворной культуры при Якове I⁶⁸.

В русле предложенного Старки и его единомышленниками подхода ко двору как к государственному институту выполнена работа Ч. Гивен-Уилсона, проследившего эволюцию придворных институтов и социальный состав королевского хаусхолда на протяжении XIV–XV вв.⁶⁹ Исследование Д. Лоудза представляет тюдоровский двор в качестве инструмента утверждения королевского

⁶⁷ *Peck L. Court Patronage and Corruption in Early Stuart England. London, 1990* (второе издание: London, 1993).

⁶⁸ *The Mental World of Jacobean Court / Ed. by L. Peck. Cambridge, 1991.*

⁶⁹ *Given-Wilson Ch. The Royal Household and the King's Affinity: Service, Politics and Finance in England, 1360–1461. New Haven, 1986.*

авторитета, центра управления, патронажа и культуры.⁷⁰ Персональный состав и карьеру королевских слуг и придворных изучают М. Прествич, Л. Л. Пек, Р. Шрайбер и К. Браун.⁷¹

Работы американского историка М. Сматса и немецкого исследователя Р. Аша ставят вопрос о необходимости интеграции придворных исследований с комплексом проблем, связанных с изучением английской революции.⁷² М. Сматс предлагает обратить более пристальное внимание на те институты, которыми пренебрегали последователи К. Расселла. Королевский двор в силу своей специфики обладает космополитическими ориентациями и поэтому является общенациональным и интернациональным центром всего общества. Р. Аш, рассматривая двор Карла I, подчеркивает его роль как центра интеграции ведущих социальных и политических сил общества, форума для принятия политических решений, «рынка» патроната, места единения правителя с политической и социальной элитой.

Термин «композиционная монархия» был впервые использован Д. Расселлом для обозначения особенностей политического ландшафта ряда европейских государств, объединенных усилиями испанских Габсбургов⁷³. Настаивавший на существенных различиях «континентального» и «островного» (в данном случае британского) вариантов, Эллиотт не допускал его использования для анализа раннестюартовской модели государственности, считая ее «со-

⁷⁰ *Loades D.* The Tudor Court. London; New Jersey, 1986.

⁷¹ *Prestwich M.* Cranfield: Politics and Profits under the Early Stuarts. Oxford, 1966.; *Peck L. L.* Northampton: Patronage and Policy at the Court of James I. London, 1982; *Schreiber R. E.* The First Carlisle: Sir James Hay, First Earl of Carlisle as Courtier, Diplomat and Entrepreneur, 1580–1636 // Transactions of the American Philosophical Society. 1984. Vol. 74. No. 7; *Brown K.* Courtiers and Cavaliers: Service, Anglicanization and Loyalty among Royalist Nobility // The Scottish National Covenant in Its British Context / Ed. by J. Morrill. Edinburgh, 1990. P. 193–212.

⁷² *Smuts M.* Introduction // The Stuarts Court and Europe. Essays in Politics and Political Culture / Ed. by M. Smuts. Cambridge, 1996. P. 1–20; *Asch R. G.* 1) Introduction: Court and Household from Fifteenth to the Seventeenth Centuries // Princes, Patronage and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age, 1450–1650 / Ed. by R. G. Asch and A. M. Birke. Oxford, 1991. P. 1–40; 2) *Der Hof Karls I von England: Politik, Provinz und Patronage, 1625–1640.* Köln, 1994.

⁷³ *Elliott J. H.* A Europe of Composite Monarchies // Past & Present. 1992. Vol. 137. P. 48–71.

ставной монархией». Очевидно, выдвигая свою гипотезу, Эллиотт опирался на традицию, берущую свое начало с опубликованной в 1985 г. статьи Д. Стивенсона, в которой британский вариант политического режима Стюартов 1603–1707 гг. был назван «составной монархией» (multiple kingdom).⁷⁴ Известно, что предложенный Стивенсоном вариант был в свое время поддержан К. Расселлом⁷⁵, авторитет которого способствовал последующей популяризации этого варианта среди историков, изучающих XVII век⁷⁶. Тем не менее разделение опыта европейских государств и стюартовской монархии представлялось некоторым исследователям искусственным, поскольку и в том и другом случае просматривалось определенное единство династических стратегий, ориентированных не только на более полную централизацию, но и на схожие методы религиозной и культурной ассимиляции различных «частей» королевства. В этом смысле термин «композиционный» виделся более точным, акцентирующим не многоуровневое объединение (англичане, шотландцы и ирландцы), а его желаемую британскую составляющую⁷⁷.

Исследования историков, разделявших эту точку зрения, привели к известному пересмотру традиционных трактовок⁷⁸ англо-шотландской унии⁷⁹, с одной стороны, и противоречий⁸⁰ в англо-

⁷⁴ *Stevenson D.* Scotland Revisited: the Century of the Three Kingdoms // *History Today*. 1985. March. P. 28–33

⁷⁵ *Russell C.* The Causes of the English Civil War. Oxford, 1990. P. 51.

⁷⁶ *Morrill J.* The National Covenant in its British Context // *The Scottish National Covenant in Its British Context* / Ed. by J. Morrill. Edinburgh, 1990. P. 1–30; *Perceval-Maxwell M.* Ireland and the Monarchy in the Early Stuart Multiple Kingdoms // *Historical Journal*. 1991. Vol. 34. P. 279–295.

⁷⁷ *Lee M.* The Road to Revolution: Scotland Under Charles I. Urbana, 1986; *Kishlansky M.* A Monarchy Transformed. Britain, 1603–1714. London, 1996.

⁷⁸ *Levack B. P.* Towards a more Perfect Union: England, Scotland and the Constitution // *After the Reformation* / Ed. by D. Malament. Manchester, 1980; *Grant A.* Independence and Nationhood: Scotland, 1306–1469. Edinburgh, 1984.

⁷⁹ *Cuddy N.* 1) Anglo-Scottish Union and the Court of James I, 1603–1625 // *Transactions of Royal Historical Society*. 5th ser. 1989. Vol. 39. P. 107–124; 2) The Revival of the Entourage: The Bedchamber of James I, 1603–1625 // *The English Court from the War of Roses to the Civil War* / Ed. by D. Starkey. London, 1987. Scots and Britons: Scottish Political Thought and the Union of 1603 / Ed. by R. Mason. Cambridge, 1994.

⁸⁰ *Bagwell R.* Ireland under the Stuarts. In 3 vol. London, 1953 (first ed. 1909–

ирландских отношениях — с другой.⁸¹ Определенным итогом обозначившихся таким образом перспектив стало известное обновление подходов в изучении социальных процессов в шотландском и ирландском обществе второй половины XVI–XVII вв. и рост интереса к титулованной знати. Наряду с признанием характерной для этих двух регионов специфики такие исследователи, как К. Браун, М. Мейкле и Д. Гудэ (Шотландия) и Д. Бекетт К. Брэди, Ф. Джеймс, В. Тридуэлл (Ирландия), рассматривают структуру благородного сообщества в едином британском контексте⁸².

Современная западная историография, таким образом, пришла к необходимости объединения усилий специалистов, изучающих титулованную знать и аристократию Англии, Шотландии и Ирландии конца XVI–XVII вв. Пока в этом направлении предприняты лишь самые общие усилия, далекие от того, чтобы вылиться в обобщающий труд. Интеграция, к которой в свое время призывали Райтсон и Фитиян-Эдамс, должна осуществляться не только и не столько на уровне «национально» ориентированных исследований, а с учетом теперь уже очевидного британского контекста.

Методологическая сторона таких масштабных проектов, без сомнения, будет сопровождаться повышением роли просопографиче-

1916); *Clarke A.* Old English in Ireland, 1625–1642. London, 1966; *Duffy P.* The Territorial Organization of Gaelic Landownership and its Transformation in County Monaghan, 1591–1640 // *Irish Geography*. 1981. Vol. XIV. P. 1–26.

⁸¹ *Natives and Newcomers: Essays on Making of Irish colonial Society, 1534–1641* / Ed. by C. Brady and R. Gillespie. Dublin, 1986; *Arnold L. J.* The Restoration Land Settlement in County Dublin, 1660–1688. Dublin, 1993; *Carty A.* Was Ireland Conquered? International Law and the Irish Question. London, 1996; *Ford A.* The Protestant Reformation in Ireland, 1590–1641. Dublin, 1997; *Treadwell V.* Buckingham and Ireland, 1616–1628. A Study in Anglo-Irish Politics. Edinburgh, 1998.

⁸² *Brown K.* 1) *Bloodfeud in Scotland, 1573–1625.* Edinburgh, 1986; 2) *Noble Society in Scotland. Wealth, Family and Culture from Reformation to Revolution.* Edinburgh, 2000; *Meikle M.* The Invisible Divide: The Greater Lairds and the Nobility of Jacobean Scotland // *The Scottish Historical Review*. 1992. Vol. LXXI. P. 70–87; *Goodare J.* The Nobility and the Absolutist State in Scotland, 1584–1638 // *History*. 1993. Vol. 78. P. 160–182; *Beckett J.* The Cavalier Duke: A Life of James Butler, First Duke of Ormond, 1610–1688. Belfast, 1990; *Brady C.* The Chief Governors: The Rise and Fall of Reform Government in Tudor Ireland. Cambridge, 1994; *James J.* Lords of Ascendancy: The Irish House of Lords and its Members. 1600–1800. Washington, 1995; *Treadwell V.* Buckingham and Ireland, 1616–1628. A Study in Anglo-Irish Politics. Edinburgh, 1998.

ских методик, о которых в свое время писал Стоун, акцентируя внимание на необходимости исследования не только индивидуальных биографий, истории отдельных семей, но и более широко — социально-этнических моделей.⁸³

⁸³ *Stone L.* 1) *Prosopography // Historical Studies / Ed. by F. Gilbert & S. Graubard.* New York, 1972. P. 107–140; 2) *Family History in the 1980s // The New History: the 1980s and Beyond. Studies in the Interdisciplinary History / Ed. by L. Stone.* Princeton, 1982. P. 51–87.

**Рецепция итало-византийского
церковного права IV–V вв.
в латинских канонических собраниях
италийского происхождения**

Проблема, вынесенная в название статьи, представляет собой необычайно важную тему, без сомнения, не только значимую для истории источников канонического права, но глубочайшим образом раскрывающую сложнейший спектр взаимоотношений между Римской и Константинопольской церквями в ранневизантийский период. Понять внутреннюю логику этих отношений, вероятно, невозможно без осмысления того, какое значение имело правовое и общественное наследие эпохи первых четырех Вселенских соборов, предшествовавшей падению западной Римской империи (а точнее, по словам А. А. Васильева, падению западной части Римской империи) для последующего исторического развития Римской и Константинопольской церквей, которое, как известно, осуществлялось в различных направлениях. В связи с этим возникает вопрос о наличии рецепции ранневизантийского права в юридическом сознании италийского общества в эпоху, когда военно-политическое присутствие Византии в Италии было восстановлено и сохранялось хотя бы частично вплоть до середины VIII в. Какую роль играли нормы так называемого церковного публичного права ранневизантийской эпохи IV–V вв. в процессе дальнейшего становления римской кафедры в качестве канонического лидера западной церкви? Вступали ли они в противоречие с устремлениями римских епископов к главенству в западной церкви, или ранневизантийское каноническое наследие, воспринятое Римом, было адаптировано и поставлено на службу этим устремлениям?

Все эти вопросы бесспорно требуют серьезного изучения, однако на подступах к нашему исследованию представляется необходимым определить конкретный объект, рассмотрение которого позволит в

будущем ответить на поставленные вопросы. По мнению выдающегося церковного историка рубежа XIX–XX вв. аббата Л. Дюшена, любое исследование, касающееся церковно-исторической проблематики, предполагает осуществление не только формального анализа тех или иных событий, но и глубинного выявления живой церковной традиции. «Мне кажется, — писал исследователь, — что первая обязанность, когда приступают к истории поместной церкви, заключается в том, чтобы осведомиться о ее традициях и ясно определить их значение. Традиция, если таковая существует, должна быть краеугольным камнем. Однако она присутствует не всегда; и часто вместо нее предлагают фикции, которые, правда, прошли через множество веков, коих, однако, не меньше, чем фикций. Отделить доброе зерно от плевел в этой области — не всегда легкая задача»¹. Именно для выявления живой церковной традиции и, в частности, традиции церковного права — как собственно канонического, так и обращенного к проблематике государственного права, касающейся церковной жизни, — необходимо обратиться к источникам, донесшим до нас эту традицию. Изучая прежде всего рукописное наследие, представляется возможным выявить процесс рецепции, т. е. процесс восприятия и наследования императивов ранневизантийского церковного права последующими поколениями политических деятелей и юристов церковной Италии, определить значение этих императивов для развития юридической мысли в период раннего средневековья.

Одним из наиболее богатых и значительных собраний латинских канонических рукописей, позволяющих решить задачи намеченного выше исследования, является собрание манускриптов, принадлежащее Французской национальной библиотеке (BNF). Парижская коллекция возникла еще в XVII в. благодаря таким выдающимся историкам канонического права, как Ж. Сирмонд, Э. Балюз, Ф. Квеснелл, которые в основном ограничивались деятельностью по изданию отдельных памятников из наиболее подробных рукописей. В XIX столетии рукописи парижского канонического собрания были систематически описаны и проанализированы с

¹ *Duchesne L. Fastes episcopaux de l'Ancienne Gaule. T. I. Paris. 1894. Preface. P. 5–6.*

точки зрения содержания таким прославленным исследователем, как Ф. Маасенн в рамках принадлежащей его перу «Истории источников и литературы по каноническому праву». Совсем недавно, в 2003 г., парижское собрание канонических латинских рукописей было еще раз систематизировано трудами С. Рамбо-Буо. Следует отметить, что на основании описания Ф. Маасенна и С. Рамбо-Буо стало возможным очень быстро определить круг тех канонических сборников, или, прибегая к греческому термину, в данном случае не аутентичному, тех номоканонов, которые являются сборниками италийского или североафриканского происхождения VI–VIII вв. и, будучи представленными в многочисленных списках, хранящихся в собрании библиотеки, представляют собой незаменимый материал для изучения процесса рецепции ранневизантийского церковного права в латинской канонической традиции. Рукописное собрание Российской национальной библиотеки (РНБ) также содержит несколько весьма значимых канонических латинских манускриптов, учитывать которые представляется необходимым для успешного осуществления исследования рецепции итало-византийского церковного права в канонических сборниках италийского происхождения.

Вопреки отдельным мнениям, встречающимся в историографии, на основании исследования, осуществленного Ж. Годмэ, очевидно, что несмотря на интенсивные сношения между Римом и Константинополем, вплоть до появления в Риме где-то между смертью Геласия и лаврентиевской смутой монаха-юриста Дионисия Малого в Риме (т. е. между 495 и 500 гг.) существовали латинские переводы только некоторых канонических грекоязычных документов — постановлений Никейского собора, латинской редакции постановлений Сердикского собора 343 г., латинского перевода канонов Константинопольского собора 381 г., первоначально на Западе не признававшегося вселенским, а также переводов постановлений хорошо известных пяти поместных соборов IV в.: Анкирского, Неокесарийского, Гангрского, Антиохийского и Лаодикийского. Эти переводы были осуществлены во второй половине IV в., в рамках трех канонических сборников «*Collectio Vetus Romana*», «*Vulgata*» и «*Collectio prisca*». Нужно отметить, что эти сборники, по всей вероятности, были распространены чрезвычайно ограниченно даже

в Италии, ибо они, с одной стороны, никак существенно не повлияли на дальнейшее бурное развитие италийских канонических коллекций (рукописи VI в. полностью самостоятельны), а с другой — каждая из них известна только по двум спискам². При этом исследователям совершенно не известны какие-либо канонические сборники Римской церкви V в., которые содержали бы постановления собственно италийских соборов IV–V вв., акты которых доносят сведения о чрезвычайно бурной и жестокой политической борьбе, связанной с арианской смутой, вмешательствами императорской власти в церковные дела и фелицианской схизмой, потрясшей в конце IV в. галльские диоцезы. Указанное обстоятельство тем более странно, что источники, в частности, постановления Папы Илария, изданные Римским собором 465 г., а также судебный протокол Римского собора 495 г., на котором Папа Геласий вынес амнистию бывшему легату Мисену, перешедшему под воздействием силы на сторону Акакия Константинопольского, содержат весьма определенные указания на наличие при базилике св. Петра кафедрального архива, за которым следил штат нотариев, имена которых также известны³; трудно поверить, что в рамках этого архива служба нотариев, подчиненная в конце V в. римским архидиаконам, не вела никакого учета канонических документов италийского происхождения. Факт наличия с конца IV в. сложного аппарата папской канцелярии признает также такой выдающийся исследователь истории Римской церкви рассматриваемого периода, как Ш. Пьетри⁴. Один из самых древних церковно-правовых кодексов (унциальная рукопись VII в.), представляющая собой вторую редакцию собрания Дионисия Малого «Dionysiana» II, содержит указание на то, что приведенные в конце собрания канонические документы извлечены из архивного хранилища Римской кафедры: «Expliciunt canones ecclesiastici ex scrinio ecclesiae Romanae translati»⁵. Можно предположить, что не только Римская церковь, но и другие италийские диоцезы имели

² *Gaudemet J.* Les sources du droit de l'Eglise en Occident du II au VII siecle. Paris, 1985. P. 76–78, 134.

³ *Hilarii Papae Epistalau.* Ep. 15, 5, 7–9; *Collectio Auellance.* 103.

⁴ *Pietri Ch.* Roma Christiana: Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son ideologie de Miltiade a Sixte (311–440). Paris, 1976. P. 607.

⁵ Ms. RNB. Lat. F. v. II. 3. f. 178 v.

свои кафедральные архивы, содержащие богатейший канонический материал, оставшийся от соборного движения IV в., но никак не систематизированный. В качестве примера таких архивных канонических документов провинциального значения можно привести известную «*Collectio Veronensis*», редакцию актов Ефесского собора 431 г., исследованную и изданную Е. Шварцем и Е. Штраубом⁶, или же Верцелльский регистр участников Медиоланского собора 355 г., подписавших послание к Евсевию Верцелльскому с требованием осудить св. Афанасия Александрийского, открытый в свое время кардиналом Ц. Баронием. По всей вероятности, к концу V в. в Италии вовсе не существовало единого систематического канонического сборника, такого как карфагенский «*Codex canonum ecclesiae africanae*» или марсельские «*Statuta ecclesiae antiqua*». Разбросанность италийского канонического предания уже в V в. способствовала утрате крайне важных памятников церковного права. Так, в течение века оказались потеряны акты чрезвычайно значимого для всей церкви Капуанского синода 392 г., рассматривавшего учение балканского еретика Боноса Наисского, пытавшегося урегулировать антиохийский раскол и вмешавшегося в дисциплину Карфагенской церкви. Уже в VI в. ни одна каноническая рукопись не содержит ни актов, ни постановлений, связанных с его деятельностью, следы которых встречаются только в упомянутом «*Codex canonum ecclesiae africanae*», а также в собрании писем св. Амвросия Медиоланского. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что до того исторического явления, которое Ж. Годмэ обозначил как «геласианский ренессанс канонистики», процесс рецензии и систематизации канонического наследия IV в. — первой половины V в. являлся исторической фикцией. Вероятно, причины этому следует искать в той внешней обстановке разорения, которому подверглась Италия и многие города в связи с остготским нашествием и новым распространением арианства, по крайней мере, на севере, о реальности которого утверждает на основании археологических исследований современный исследователь Дж. Чьурлетти⁷.

⁶Acta Conciliorum Oecumenicorum / Ed. E. Schwartz, cont. E. Straub. T. I: Concilium universale Ephesenum. Vol. 2. Berlin; Leipzig. 1925–1926.

⁷Ciurletti G. Antiche Chiese del Trentino, dalla prima affermazione del cristianesimo al X secolo (Breve excursus alla luce di trent'anni diverche e scavi arche-

Геласианский ренессанс, впрочем, был напрямую никак не связан с личностью самого Геласия, который скорее дал импульс дальнейшему совершенствованию понтификальной администрации. По-видимому, под влиянием данного импульса первые попытки систематизировать италийские и грекоязычные канонические памятники, осуществившиеся при преемниках Геласия и совпавшие по времени с таким внутренним катаклизмом, потрясшим италийское церковное сознание в начале VI в., как лаврентиевская смута, носили преимущественно спонтанный, чем действительно тщательно продуманный характер. Анализируя причины возникновения указанного процесса рецепции и систематизации канонического наследия предшествовавших двух веков, следует иметь в виду именно внутреннюю церковную смуту, произошедшую в Риме. Предположение, согласно которому начало упомянутой систематизации права было обусловлено особенностями социального положения церковной иерархии в остготском королевстве, представляется достаточно весомым, ибо известное состояние нейтралитета остготской арианской знати по отношению к православному епископату, которое З. В. Удальцова объясняла политическими симпатиями италийского клира⁸, вынуждало епископат Италии объединиться как бы в единую организацию, которая имела бы прочную основу в виде нового единого, внутренне целостного свода церковного права.

Однако пристальный анализ тех канонических документов, которые оказались прежде всего востребованы в рамках этой своеобразной юридической реформы, поражает прежде всего обильным появлением апокрифов или, по крайней мере, документов, аутентичность которых вызывает у исследователей серьезные сомнения. По всей видимости, появление документов полемического характера, о существовании которых ранее никто не знал, свидетельствует о степени накала политической борьбы, сотрясавшей Римскую церковь в начале VI в., которая разыгралась между сторонниками Папы Симмаха, поддержанного в основном представителями епископата центральной Италии, например Тусции, Лация, Умбрии, и сторонниками архипресвитера Лаврентия, поддержанного

ologici) // *Frühe Kirchen im östlichen Alpengebiet von der Spätantike bis in ottonische Zeit*. Bd. 1. Herausgegeben von H. R. Sennhauser. München, 2003. S. 358.

⁸ Удальцова З. В. Италия и Византия в VI веке. М., 1959. С. 13, 18.

в основном представителями проконстантинопольски настроенного римского сената и духовенства. Исследованные Л. Дюшеном корпус симмахианских апокрифов и лаврентианский фрагмент являют пример диаметрально противоположного толкования событий. Вероятно, прежде всего в контексте италийской церковной смуты следует рассматривать упомянутую каноническую реформу, продлившуюся около полувека и имевшую своей целью создание прочных основ для религиозного и канонического мира в Италии. Как достаточно убедительно продемонстрировал Ж. Годмэ, систематизация и рецепция предшествовавшего итало-греческого канонического наследия, предпринятая в рамках данной реформы, была ознаменована последовательным появлением в течение первых пятидесяти лет VI столетия десяти канонических сборников, которые, как показывает анализ рукописей, следует объединить в четыре группы (Ж. Годмэ предлагал выделять еще и пятую)⁹.

Первая группа, включающая три редакции канонического сборника, известного как «Codex ecclesiae Romanae», впервые изданного Ф. Квеснеллом и потому более известного как «Collectio Quesnelliana», представлена тремя же основными списками. Списки «Квеснеллианы», дошедшие до исследователей, — достаточно позднего происхождения. Наиболее полными из них являются кодексы BNF. Lat. 3842 A, 3848 A и 1454 из собрания Парижской национальной библиотеки. Данные кодексы — достаточно толстые манускрипты большого формата, датируемые рубежом IX–X вв. и исписанные традиционным каролингским письмом, столь характерным для канонических рукописей этого периода. Все три кодекса чрезвычайно богаты по содержанию, ибо представляют собой очень подробный сборник понтификальных декретов и императорских законов IV–V вв., отражающих основные принципы отношений церкви и позднеримского государства, которые предполагалось предъявить королю Теодориху в рамках политических инициатив Римской кафедры по урегулированию отношений церковной администрации и остготского двора. В основу канонического сборника, очевидно, были положены материалы понтификального архива и законы «Ко-

⁹ *Gaudemet J. Les sources du droit de l'Eglise en Occident du II au VII siecle. Paris, 1985. P. 133–137, 139–141.*

декса Феодосия», касавшиеся прежде всего положения италийских диоцезов, что бесспорно свидетельствует о значительной степени востребованности позднеримского права в целом даже в условиях остготского владычества, когда церковь стала единственным хранителем прежних юридических императивов.

Наиболее показательны в данном отношении именно императорские законы, вошедшие в «Квеснеллиану» из «Кодекса Феодосия». Среди них прежде всего следует отметить эдикт Грациана, Валентиниана и Феодосия «*Cunctos populos*» от 27 февраля 380 г., адресованный населению Константинополя¹⁰. Направленный некогда, по мнению П. Иоанну и Е. Ману-Нортье¹¹, против фессалоникийской арианской общины и призванный подчеркнуть истинность никейского омоусианства ссылкой на столь влиятельных первоиерархов, как Папа Дамас и Петр Александрийский, фессалоникийский эдикт демонстрировал в VI в. безусловную тождественность православной веры и римской государственной традиции. Особенно важно было продемонстрировать эту тождественность для равеннского двора Теодориха, который, хотя и был арианином, однако всеми силами стремился быть продолжателем традиций римской государственности. Яркий пример — вмешательство в деятельность Римского синода в октябре 502 г. королевских майордомов Аригерна, Бедеульфа и Гудилы, по приказанию Теодориха фактически спасших Папу Симмаха, представлявшего италийский православный епископат, от вооруженных сторонников архипресвитера Лаврентия¹². Бесспорно, Теодорих следовал примеру императора Гонория, предотвратившего подобную смуту в Римской церкви на Равеннском соборе в 419 г.¹³

Примечательно также то, что в «Квеснеллиану» оказались помещены знаменитые в свое время законы IV в., призванные ограничить влияние еретических учений; например, в рукописях сра-

¹⁰Mss. BNF. Lat. 3842 A. f. 101 v.; Lat. 3848 A. f. 134.; CTh. XVI, 1, 2.

¹¹*Magnou-Nortier E.* Le Code Theodosien, livre XVI et sa réception au Moyen Âge. SC 2. Paris. 2002. P. 96–97; *Joannou P. P.* La législation imperial et la christianisation de l'Empire Romain (311–476). OChA 192. Rome. 1972. P. 44.

¹²*Acta Syn. Rom.* 2, 19–20; *Pietri Ch, Pietri L.* La prosopographie chrétienne du Bas-Empire, II Italie (313–604). Vol. I. Paris, 1999. P. 186–187.

¹³*Ibid.* P. 680.

зу же вслед за фессалоникийским эдиктом следует закон Валентиниана, Феодосия и Аркадия от 16 июня 388 г., адресованный префекту претория Татиану, этим законом запрещалось вести публичные дебаты относительно религиозных истин¹⁴. Хотя закон, по мнению Е. Ману-Нортье, первоначально преследовал цель оградить единство империи от вероучительных смут, сотрясавших общество на протяжении почти всего IV в.¹⁵, тот факт, что данный закон оказался в «Квеснеллиане», может косвенно свидетельствовать о стремлении сохранить внешний политический нейтралитет между доминировавшей в Италии в VI в. православной церковью и остготским арианством. Вероятно, на основании анализа актов италийских соборов начала VI в. можно говорить о том, что при Теодорихе этот нейтралитет был реальностью (для сравнения стоит вспомнить ту ожесточенную борьбу между православными епископами северной Италии и арианами, которая вспыхнет в конце столетия при лангобардах). Впрочем, это лишь предположение, так как упомянутый закон логически завершали две конституции из «Кодекса Феодосия», включенные в «Квеснеллиану», которые представляли собой законы, непосредственно направленные против еретиков. Один из них — закон Валентиниана, Грациана и Феодосия от 10 января 381 г., адресованный префекту претория Евтропию, который в свое время обеспечивал государственной поддержкой проведение антиарианских Аквилейского и Константинопольского соборов, прямо запрещал предоставлять места для совершения служб последователям Фотина Сирмийского, арианам (под которыми, скорее всего, подразумевались омии) и аномеям, а также провозглашал обязательность исповедания никейского вероопределения¹⁶. Данный, очень ригористический закон в условиях Италии VI в., конечно же, нуждался в существенных комментариях, тем более, что никаких серьезных общин у фотиниан или аномеев тогда уже не существовало. Однако «Квеснеллиане» не дополняет закон никакими глоссами. Второй закон был более актуальным для эпохи, современной составлению «Квеснеллианы», и представлял собой постановление Феодосия II и Валентиниана,

¹⁴Mss. BNF. Lat. 3842 A. f. 102; Lat. 3848 A. f. 134 v.; CTh. XVI, 4, 2.

¹⁵*Magnou-Nortier E.* Op. cit. P. 186.

¹⁶Mss. BNF; BNF. Lat. 3848 A. f. 134 v. CTh. XVI, 5, 6.

адресованное префекту Рима Фаусту летом 425 г., запрещавшее внутри Рима придерживаться еретических и схизматических учений манихеев и математиков, т. е. был направлен против магии и астрологии. По мнению Е. Ману-Нортье, данный закон юридически обосновывал традицию, в контексте которой антиеретическим санкциям подлежал тот, кто разорвет общение с Римским епископом¹⁷. В связи с этим становится понятным, почему подобный закон оказался в «Квеснеллиане»: именно он обосновывал в тот момент в пределах Италии церковное главенство Римского епископа.

«Квеснеллиана» является одним из тех канонических сборников ранневизантийского времени, в котором единство церкви и государства по отношению к еретикам выражается наиболее явно, подтверждением чему служит наличие в рукописях «Квеснеллианы» эдикта, изгнавшего из Рима еретика Целестия по решению императора Гонория в 418 г.¹⁸ Вероятно, помещение в «Квеснеллиану» данного документа частного характера было обусловлено тем, что в глазах понтификальных нотариусов начала VI в. документ создавал прекрасный прецедент — на него можно было всегда сослаться при первой возможности¹⁹. В состав «Квеснеллианы» оказались включены также конституции Маркиана, адресованные Халкидонскому собору, послание «О Вере» св. Амвросия Медиоланского к Грациану и исповедание веры Папы Дамаса 378 г., что только подтверждает тот факт, что не только дисциплинарная, но прежде всего вероучительная проблематика оказалась востребована в начале VI в. в рамках правовой кодификации, осуществлявшейся в Римской церкви²⁰.

Большую часть собственно канонического материала «Квеснеллианы» составляют папские декреты римских епископов IV–V вв., в то время как соборная история Италии этого же периода нашла свое отражение только в том, что в сборник были включены два послания, первое из которых — послание Медиоланского собора 393 г. к Папе Сирицию, а второе — послание Медиоланского собора 451 г.

¹⁷ *Magnou-Nortier E.* Op. cit. P. 287.

¹⁸ *Pietri Ch., Pietri L.* Op. cit. P. 362–363.

¹⁹ Mss. BNF. Lat. 3842 A. f. 56, BNF. Lat. 3848 A. f. 33 v.

²⁰ Mss. BNF. Lat. 3848 A. f. 59 v. – 64, 84, 135 v. – 136.

к Папе Льву. По-видимому, авторов «Квеснеллианы» особенно не интересовало местное предание италийских диоцезов, ибо они готовили унификацию канонической системы по римскому образцу. Не случаен в связи с этим выбор названных соборных посланий: и тот и другой Медиоланские соборы адресовали Римскому епископу, поэтому в состав «Квеснеллианы» могли включить первые попавшиеся документы, иллюстрировавшие соборную активность предшествовавшего времени. Анализируя списки «Квеснеллианы», следует согласиться с Ж. Годмэ, который, указывая на галльское происхождение практически всех списков, утверждал, что коллекция стяжала популярность в большей степени в Галлии, чем в Италии, и сохраняла ее вплоть до второй половины VIII в., однако данное обстоятельство не может подвергнуть сомнению италийское происхождение сборника, в пользу чего высказывались аббат Л. Дюшен и Ф. Маасен²¹.

«Collectio Quesnelliana» как образец сборника декретов, конечно же, нуждалась в существенном дополнении такими каноническими материалами, которые представляли бы собой не столько завершенные формулировки юридических норм, сколько текущую документацию, иллюстрирующую сложнейшую историю становления италийских диоцезов в IV–V вв. Именно такую цель преследовало на протяжении всей первой половины VI столетия появление второй группы нескольких канонических сборников, объединяемых исследователями в две подгруппы на основании взаимозависимости их редакций²². Первая подгруппа этих канонических сборников бесспорно являет собрание св. Власия — «Collectio Sanblasiana» — в качестве главного памятника, который получил свое наименование от Лавангальского монастыря в каринтийских Альпах, откуда ведут происхождение три основных списка сборника (Mss. BNF. Lat. 1455, 3836, 4279). Среди них наиболее ранним и полным является кодекс BNF. Lat. 3836 (m/f 261), датируемый VIII в., прочтение которого дает исчерпывающее представление о характере документов, зафиксированных в собрании. Собрание св. Власия предлагает

²¹Societe d'histoire du droit. 1932; RHD. 1932. XI. P. 208–209; *Stickler A. M. Historia iuris canonici*. T. I: *Historia fontium*. Augustae Taurinorum. 1950. P. 50.

²²*Gaudemet J. Les sources du droit de l'Eglise en Occident du II au VII siecle*. Paris, 1985. P. 139.

вначале латинскую редакцию грекоязычных соборов: как четырех Вселенских, так и поместных, а затем разворачивает калейдоскопическую панораму безусловно апокрифических документов, которые призваны проиллюстрировать историю Римской церкви первой половины IV в., т. е. эпохи, современной большинству из представленных греческих соборов. Большая часть этих документов была составлена в эпоху Папы Симмаха, когда Симмах, борющийся против Лаврентия, пытался склонить на свою сторону короля Теодориха. Именно тогда некоторые местные предания Римской кафедры облакаются в форму документов, будто бы оставленных христианскими предшественниками. Среди этих апокрифов первое место занимают акты так называемого Синуесского собора, который будто бы произошел в окрестностях Капуи в конце правления Диоклетяна и имел в качестве объекта рассмотрения ряд дисциплинарных вопросов, в частности, вопрос об апостатах²³. Затем следуют еще более знаменитые апокрифы, озаглавленные как «*Constitutum Silvestri*», среди которых главным является протокол так называемого Римского собора 325 г., который демонстрирует инсценировку соборных суждений Сильвестра, изложенных при помощи специфического формуляра, в действительности выработанного гораздо позднее, в процессе деятельности Римских соборов конца V — начала VI в. Данные суждения касаются проблемы празднования Пасхи и хиротонии клириков, причем особенно примечательным представляется повеление, вложенное италийскими канонистами начала VI в. в уста Сильвестра, исходя из которого декларируется, что епископ не имеет права рукополагать какого-либо клирика без одобрения церковного народа²⁴. Данное постановление безусловно имеет прямое отношение к римской церковной смуте, ибо Симмах в своем противостоянии Лаврентию, поддерживавшемуся проконстантинопольскими сенаторами, надеялся именно на широкие слои римского клира и населения, которые могли даже в случае видимого торжества Лаврентия, ссылаясь на постановление, зафиксированное в собрании св. Власия, заблокировать совершаемые им хиротонии.

Именно «*Constitutum Silvestri*» обусловил дальнейшую популяри-

²³Ms. BNF. Lat. 3836. f. 47 v.

²⁴Ibid. f. 47 v.–51.

ность собрания св. Власия в североиталийских диоцезах, о чем свидетельствовал еще аббат Л. Дюшен, проводивший прямую стемму, которая указывает на непосредственное влияние рукописей «Санбласианы» на позднейшие редакции италийских канонических сборников вплоть до VIII в., в частности, на некоторые редакции «Collectio Pseudoisidoriana»²⁵. Концепцию Дюшена подтверждает распространение еще одного документа, содержащегося в «Санбласиане», отрицать аутентичность которого однозначно нельзя. Данный документ представляет собой латинскую редакцию так называемых «Gesta Liberii Papae», оригинал которых был написан на греческом языке и содержится в «Церковной Истории» Созомена и Феодорита Киррского²⁶. Данный документ — диалог Папы Либерия и императора Констанция, имевший место на завершающем этапе разгрома «омоусианской оппозиции» западных епископов, осуществленного императором на Медиоланском соборе 355 г. Текст диалога, в котором участвуют также сторонники императорской омиийской доктрины — Епиктет, епископ Центумцелльский и придворный евнух Евсевий, заканчивается неудачной попыткой подкупа папы императором. Несмотря на то, что Либерий, как известно, через два года все-таки капитулировал перед Констанцием, диалог демонстрирует непреклонность Папы. Среди исследователей не существовало единого мнения относительно происхождения данного памятника: если О. Зеек и Х. Лиетцманн отрицали всякую подлинность документа, приписывая его происхождение благочестивому преданию, то П. Баттифоль и Й. Халлер, напротив, утверждали, что хотя текст дискуссии и был записан в понтификальной канцелярии спустя несколько лет после 355 г., однако она бесспорно отражает воспоминание о недавно свершившемся событии²⁷. III. Пьетри характеризовал протокол дискуссии как крайне правдивый документ: «В маленькой драме, сообщенной двумя ис-

²⁵ *Duchesne L.* Le Liber Pontificalis. T. I. Paris, 1886. Preface.

²⁶ Ms. BNF. Lat. 3836. f. 51–53 v.

²⁷ *Seek O.* Geschichte des Untergangs der Antike Welt. T. IV. Berlin, 1911. S. 446; *Lietzmann H.* Geschichte der Alten Kirche. T. III. Berlin, 1938. S. 213; *Battifol P.* Le Paix constantienne et la catholicisme. Paris, 1914. P. 478; *Haller J.* Das Papsttum, Idee und Wirklichkeit. I. Die Grundlagen. Stuttgart, 1959. (1965). S. 365.

ториками, каждый персонаж играл собственную роль»²⁸. Если признать его правоту, тогда значение документа резко возрастает. Появление документа в «Санбласиане» не удивительно в контексте описанного выше собирания и синтеза Римского церковного предания, осуществленного в начале VI в., а тот факт, что латинская редакция данного документа затем войдет в некоторые редакции Псевдо-Исидоровых Декреталий, примером чему является кодекс XII в. BNF Lat. 3853 (Telleriano-Remensis 263),²⁹ еще раз подтверждает гипотезу Л. Дюшена о прямой зависимости редакций «Псевдоисидорианы» от «Санбласианы».

Несмотря на столь интересный подбор документов, задача широкого привлечения понтификального архива к формированию нового канонического корпуса не была решена в рамках собрания св. Власия. Более того, сборники, родственные «Санбласиане» по принципу комплектования, — «Collectio Vaticana» и «Collectio Teatina» еще в большей степени были далеки от обозначенной цели. Именно в силу данного обстоятельства римскими канонистами примерно в тот же период была проведена новая подготовительная работа по рецепции практически всех имевшихся документов IV–V вв., касавшихся истории канонического становления Римской кафедры и истории борьбы епископов с государственной властью в этот период. Результатом данной работы стало появление второй подгруппы канонических собраний италийского происхождения, которые в отличие от «Квеснеллианы» формировались не по систематическому, а по хронологическому принципу. Данную подгруппу образуют действительно необъятные по сравнению с «Квеснеллианой» и «Санбласианой» сборники канонических документов IV–V вв.: «Collectio Thessalonicensis», вмещающая документы этого греческого диоцеза, подчиненного Риму, и посланная на Римский собор в 531 г., а также «Collectio Auellana», в которую в середине VI в. вошел весь спектр документации, относившейся к внешнеполитической деятельности Римской церкви³⁰. Среди самых разных

²⁸ *Pietri Ch.* Roma Christiana. T. I. P. 247.

²⁹ Ms. BNF Lat. 3853 (Telleriano-Remensis 263), f. 278 v.

³⁰ (Thessalonic.) Mss. Vat. Lat. 5751, (Auell.) Vat. Lat. 3787, Vat. Lat. 4961. *Silva Tarouca K.* Collectio Thessalonicensis ad fidem Cod. Vat. Lat. 5751; *Textus et Documenta.* Universitas Gregoriana. I, 23. Romae, 1937; *Guenther O.* Epistulae

документов, вошедших в эти сборники, можно встретить императорские конституции второй половины IV в., касавшиеся статуса римских епископов, послания пап к местным епископам, чрезвычайно важные и редко встречающиеся акты Римских соборов 484, 485 и 495 гг., проходивших во время Акакиевской схизмы — первого действительно серьезного конфликта Рима и Константинополя. На этом рецепция римскими канонистами ранневизантийского императорского церковного права, а также соборных актов италийского происхождения фактически закончилась.

Примечательно то обстоятельство, что в отличие от наполненного апокрифами собрания св. Власия, «Авеллана», пестрящая уникальными, нигде более не встречающимися и, тем не менее, вполне аутентичными документами, оставшимися от италийской соборной истории IV–V вв., получила чрезвычайно слабое распространение, фактически она даже не была известна за пределами Италии. Вероятно, в силу данного обстоятельства колоссальному количеству документов указанного периода суждено было занять маргинальное положение в латинской канонистике. Ни один сборник церковного права, ни одна редакция, ни одна рукопись не содержат заголовка, который представлял бы читателю инципит под примерно таким названием: «*Incipiunt concilia Italiae*». Акты италийских соборов позднеримской эпохи либо присутствуют в италийских сборниках фрагментарно, как например, послания Медиоланских соборов 393 и 451 гг. в «Квеснеллиане», либо теряются среди бесчисленных папских декретов и императорских писем, как в «Авеллане». Очевидно, что наследие италийских соборов оказалось по большому счету не востребовано италийской канонической традицией. Вместе с тем императорское ранневизантийское законодательство оказалось весьма неплохо воспринято италийской канонической традицией, если иметь в виду как чрезвычайно популярную не только в Италии, но и в Галлии «Квеснеллиану», так и слабо распространенную даже в самой Италии «Авеллану». Однако это касается только императорского церковного права, не подвергшегося рецепции Юстиниана.

imperatorum, pontificum, et aliorum // CSEL. T. 35. Vol. II. Vindobonae. 1895–1898.

После того, как византийцы отвоевали Италию у остготов при Юстиниане, в результате деятельности светских юристов возникло большое количество редакций и комментариев к «Новеллам» Юстиниана, Институциям и Кодексу, таких как «*Epitoma Juliani*», «*Authenticum*», «*Glossa Taurinata*», «*Summa Perusina*». Однако, как отмечает О. Р. Бородин, все они представляли собой лишь юридические справочники, лишённые всякой самостоятельности³¹. «В самом деле, их зависимость от имперского законодательного свода *Corpus juris civilis* столь всеобъемлюща, что возникает вопрос: можно ли вообще воспринимать их как отдельные юридические памятники?» — замечает исследователь.³² Если даже светское содержание этих справочников заставляет задать вопрос относительно их самостоятельного значения, то почти полное игнорирование их канонической итальянской традицией заставляет признать, что итальянская церковь так и не восприняла юстиниановскую рецепцию императорского церковного права, сохраняя лишь представления о доюстиниановском состоянии римского права («Кодекс Феодосия»). Быть может, единственным крупным каноническим сборником, который подвергся определённому влиянию юстиниановского права, является достаточно позднее собрание галльского происхождения, датированное началом VIII в. и названное «*Collectio Sancti Amandi*» по имени аббатства, в скриптории которого были составлены три известных списка сборника³³. Впрочем, собрание св. Аманды представляет особый интерес для исследователя именно итальянского канонического права ранневизантийской эпохи, ибо рукописи данного сборника, в частности наиболее полный кодекс BNF Lat. 3846, помимо латинской редакции новеллы V Юстиниана, содержат ряд документов итальянского происхождения, которые не имеют никакого отношения к реалиям, связанным с историей галльских диоцезов. Среди них следует упомянуть рескрипт императора Гонория Папе Бонифацию 418 г. о порядке избрания римских епископов, акты римского собора 465 г., на котором происходил разбор апелляции испанских епископов к Папе Иларию, акты Римского собора 487 г.,

³¹ Бородин О. Р. Равеннский Экзархат, византийцы в Италии. СПб., 2001. С. 50–62.

³² Там же. С. 49–50.

³³ Gaudemet J. Op. cit. P. 149.

на котором Папа Феликс запретил североафриканскую практику повторных рукоположений и крещений, акты римских синодов, связанных с лаврентиевской схизмой, в них содержатся подробные списки участников этих синодов, сохранившиеся в виде подписных листов³⁴. В конце XVII в. Э. Балюз осуществил критическое издание этих подписных листов; актуальность издания признавалась даже в XX в. Т. Моммзенем³⁵. На основании труда Э. Балюза, уточненного Т. Моммзенем, можно также сделать вывод, что италийское каноническое предание через акты указанных синодов оказало колоссальное влияние на галльскую каноническую традицию, так как эти акты в сильно сокращенном виде вошли в особую группу канонических сборников, представляющую собой многочисленные редакции «*Collectio Dionysiana*». Именно «Дионисиане» будет суждено сыграть решающую роль в формировании раннесредневекового корпуса латинского канонического права. Среди многочисленных редакций «Дионисианы», восходящих к трудам упомянутого в начале настоящей статьи монаха-кодификатора Дионисия Малого, главной в процессе распространения италийских соборных актов стала редакция, известная как «*Dionysiana de Bobbio*»³⁶, в то время как наиболее ранним подтверждением итало-византийского правового влияния на галльское церковное право является «Санамандиана». Не случайно упомянутый кодекс «Санамандианы» содержит сравнительный лист греческого и латинского алфавитов, что может свидетельствовать о наличии у составителей некой коллекции греческих источников³⁷.

На основании анализа «Санамандианы» можно сделать вывод о том, что в VI в. в Италии была осуществлена такая тщательная работа в области рецепции ранневизантийского права, которая позволила не только создать единый систематический канонический свод, универсальный для всех италийских диоцезов, но и

³⁴Ms. BNF. Lat. 3846. f. 47 v. rescriptum Honorii, f. 97 v. Regulae Hilarii (Concilium Romanum a. 465), f. 101 v. Regulae Felicis (Concilium Romanum a. 487), f. 110 v. Synodi symmachianae, f. 123 Iustiniani V novella constitutio.

³⁵Nova Collectio Conciliorum sev supplementum ad collectionem Labbei / Ed. S. Baluzii. Parisii. 1707. P. 1460–1461; Cassiodori Variae / Ed. Th. Mommsen // MGH. T. XII. 1896.

³⁶*Gaudemet J.* Op. cit. P. 137.; *Maasen F.* Quellen des Kirchenrechts. P. 471–476.

³⁷Ms. BNF. Lat. 3846. f. 129.

определила дальнейшее распространение этого свода в областях, которые никак не были исторически связаны с византийской правовой традицией, в частности, в Галлии. Очевидно, что «Квеселлиана», хотя и составленная по систематическому признаку, а также включавшая значительное количество императорских законов, не могла быть востребована за пределами Италии на протяжении долгого времени, ибо она игнорировала наследие соборной истории италийских диоцезов, в рамках которого были выработаны канонические правила, необычайно важные для западной церковной жизни. Сборники другого типа, такие как собрание св. Власия или «Авеллана», напротив, оказывались перегружены многочисленными частными документами, имевшими когда-то значение исключительно в пределах Италии, и не были актуальны для последующих веков, тем более, что такие документы помещались в сборниках без всякой систематизации в хронологическом порядке. Именно поэтому действительно широкая рецепция ранневизантийского права требовала в VI в. создания систематического свода канонов, который включил бы в свой состав самые важные документы, актуальные не только для реалий италийской церковной жизни, но имеющие ценность для всей западной церкви, тем более, что такое распространение итало-византийского права в Европе уже отвечало церковно-политическим замыслам римских епископов в VI в. Благодаря указанным обстоятельствам и оказалась востребована та кодификация, которую предпринял в начале VI в. монах Дионисий Малый, результатом его трудов явилось создание самой главной группы италийских канонических сборников, объединяющих многочисленные редакции «Дионисианы».

Подробный анализ того, каким образом осуществлялась поэтапная рецепция ранневизантийского права IV–V вв. Дионисием Малым требует отдельного исследования, ибо именно редакции канонических сводов Дионисия Малого определили пути дальнейшего восприятия этого права западной канонистикой³⁸. Достаточно только отметить, что, по наблюдению исследователей, эволюция редакций «Дионисианы» шла по пути все большего усложне-

³⁸ *Gaudemet J.* Opus cit. P. 134–137; *Peitz P. W. M.* *Dionysius-Exiguus Studien.* Berlin, 1960. S. 229–251.

ния собрания: с каждой новой редакцией появлялись все новые и новые канонические документы, дополнявшие восприятие ранне-византийского правового наследия IV–V вв. Если «Dionysiana» I (ок. 500 г.) демонстрирует чрезвычайно ограниченный состав соборных актов греческого происхождения, примером чему являются такие краткие и поздние кодексы, как BNF. Lat. 3842 (Regius 3887 4)³⁹ или BNF. Lat. 3848 (Colbertinus I S 46, Regius 3887 11)⁴⁰, то «Dionysiana» II содержит более полный перечень соборных постановлений, что касается прежде всего африканских соборов⁴¹. Составленная позднее «Dionysiana» III (около 520 г.), напротив, исключала некоторые памятники греческого происхождения, как, например, Каноны Апостолов, 28-й канон Халкидонского собора, что свидетельствует о живом и сложном процессе рецепции, однако она не учитывает всей полноты италийского соборного наследия IV–V вв., не говоря уже об императорских законах. Вероятно, для компенсации данного упущения в этот период было составлено собрание палских декретов, приписываемое также Дионисию Малому, в которое из числа памятников V в. были включены акты Римских соборов 465 и 487 гг., а также акты трех Римских синодов, связанных с лаврентиевской смутой⁴². Однако составленная только в середине VIII в. «Dionysiana de Bobbio» и появившаяся сразу после нее знаменитая редакция «Dionysio-Hadriana» наряду с «Collectio Pseudoisidoriana» получают самое широкое распространение в Европе и будут положены в основу дальнейших канонических изысканий по кодификации церковного права уже на другом методологическом уровне. Произойдет это потому, что «Dionysio-

³⁹Ms. BNF. Lat. 3842. — Кодекс X в. заканчивается правилами Сардикийского собора — f. 20.

⁴⁰Ms. BNF. Lat. 3848. — Кодекс XIII в. содержит «Dionysiana» I только до послания Карфагенского собора 419 г. Папе Целестину (f. 37 v.).

⁴¹Ms. Lat. F. v. II. 3. — Одна из самых древних рукописей собрания Дионисия, датируемая VII в. См.: *Dobias-Rozdestvenskaya O. Les anciens manuscrits latins de la Bibliotheque publique de Leningrad. V–VII siecles. Leningrad, 1929. P. 43–47 (Analecta Medii Aevi. Fasciculus III).*

⁴²Ms. Lat. F. v. II. 12. f. 207 v., 214 v., 232 v., 236 v., 242 r.; *Staerk A. Les manuscrits du V au XIII siecle conserves a la Bibliotheque Imperiale de Saint-Petersbourg. Description, texts inedits, reproductions autotypiques. T. I. Saint-Petersbourg, 1910. P. 56 et sq.*

Nadriana» включает соборные акты, оставленные драматическими событиями ранневизантийской истории италийских церковных диоцезов, в частности, акты Римских соборов 465, 487 гг., «*Decretum Gelasianum*» с перечнем еретических книг, акты Симмахианских синодов, а также некоторые постановления императоров V в. во всей их полноте⁴³.

Основной вывод, к которому подводит рассмотрение процесса рецепции ранневизантийского права в латинской канонической традиции VI в., заключается в следующем. Кодификация, предпринятая Дионисием, оказала огромное влияние не только на последующий систематический метод западной канонистики, примером чему является появление на рубеже VI–VII вв. первой в своем роде «*Concordia canonum*», более известной как «*Collectio Cresconiana*»⁴⁴; в рамках дионисиевой рецепции западное каноническое сознание приобретало фиксированное представление как о греческом церковном праве, так и каноническом наследии позднеримской и ранневизантийской Италии IV–V вв. В дальнейшем латинская канонистика на протяжении очень долгого времени, вплоть до Грациана и Ирнерия, будет смотреть на ранневизантийское право, условно выражаясь, «глазами» Дионисия, ибо редакции «Дионисианы» в конечном итоге вытеснили на периферию практически все остальные канонические собрания, представлявшие собой альтернативные передатчики канонических документов и памятников императорского законодательства ранневизантийского времени. Вероятно, причина этого явления заключается в том, что метод систематизации, использовавшийся Дионисием и его последователями, наиболее соот-

⁴³Mss. BNF. Lat. n. 8921 (331) (VIII в.); 11, 710 (Sangermanensis 367) (IX в.); 3844 (Colbertinus 1572, Regius 3887) (X в.).

⁴⁴Ms. BNF. Lat. 3851 A (Sancti Martialis Lemovicensis 134). — Этот кодекс XI в. являет яркий пример того, как не только папские декреты, но и каноны, представленные анонимно, излагаются в систематическом порядке (f. 12 v.). Относительно происхождения сборника велись дискуссии (см.: *Gaudemet J. Op. cit.* P. 134). Например, П. Пинедо отстаивал североиталийское происхождение сборника, приписывая его создание самому Дионисию, в то время как Маасен настаивал на африканском происхождении собрания: *Pinedo P. Concordia canonum Cresconii // Ius canonicum.* 1964. Т. IV. P. 35–64.; *Maassen F. Geschichte der Quellen und der Literatur des canonischen Rechts im Abenlande bis zum Ausgange des Mittelalters.* Paris; Turin; Florenz; Oxford, 1870. S. 807–810.

ветствовал стремлениям и замыслам римских епископов. Для оптимального, централизованного управления италийскими диоцезами, равно как и для оказания влияния на другие церковные провинции, им было необходимо составление систематического свода канонов для насущного и повседневного употребления — канонов, понимаемых в качестве законов, которые имеют тенденцию устаревать и уходить в прошлое, а не бесконечное переписывание содержимого понтификального архива, коим занимались составители столь ценных для современных исследователей собраний, как «Квеснеллиана», «Санбласиана» или «Авеллана». Именно поэтому всевозможные малые канонические сборники и выдержки, составлявшиеся после VI в., так или иначе зависели от той подборки документов, которую предлагали редакции «Дионисианы» (в частности, кодекс BNF. Lat. 3880 (Mazarinaeus 4247))⁴⁵, а периферийные сборники, свободные от влияния «Дионисианы», как правило, оказывались долгое время не востребованы понтификальной канцелярией (например, кодекс BNF. Lat. 3848 В («Baluzianus»))⁴⁶.

Конечное доминирование «Дионисианы», отдаленно напоминающее доминирование титулов Номоканона XIV в Византии, привело к тому, что в латинской канонистике право воспринималось как постоянно обновляющийся юридический стержень церковного

⁴⁵Ms. BNF. Lat. 3880 (рукопись XII в.): f. 4 v. et 5 Index capitulorum de poenitentia et de ordinatione clericorum, f. 41 v. Ex exemplare Symmachi papae in Synodo Romano A.D. 502 recitato, “Ut nulli apostolicae sedis. . . His ergo perpensis mansuro. . . Ut non liceat presbyteris titulorum”, f. 43 v. Ex eodem “Quod si minore animae. . .”, f. 49 Ex decreto Hilarii papa sive ex gestis Concilii Romani A.D. 465 “Cavendum ergo in primis. . .”, f. 49 v. Item ejusdem de eadem, f. 56 Ex decreto Gelasii papae, ut clerici nullas negociationes inhonestas. . ., f. 64 Canon XLVIII ex codice canonum ecclesiae africanae sive Sydodi Capuanae A.D. 393 decretorum interpretation, f. 70 Incipit excerpta decretalium, f. 71 Decretum factum ad virum illustrem Agricolam praefectum Galliarum augustorum Honorii et Theodosii “Saluberrima magnificentiae tuae suggestione”.

⁴⁶Ms. BNF. Lat. 3848 В (Кодекс IX в., содержащий, как указывается в Каталоге королевской библиотеки, «Collectio Vetus canonum»). f. 46 v.: Exemplum testimoniorum Sancti Hilarii de fide “Humani enim generi incipit cetera. . .”; f. 48: Sancti Ambrosii episcopi Mediolanensis ad imperatorem Gratianum in libro secundo De fide; f. 68: Symbolum Sancti Athanasii “Quicumque”; f. 70: libellus canonum graecorum; f. 70 v.: Libellus canonum latinorum, inter quos sub titulo XX canones Silvestri papae, et sub titulo XXXVIII canones taurinantium episcoporum; f. 75 v.: Symbola diversa fidei.

строю, а не как незыблемый для изменений исторический фундамент церковного предания, что привело, по словам современного исследователя иезуита отца Галлагера, к формированию двух различных экклезиологических систем в латинской и византийской канонистике⁴⁷.

Однако данная констатация не может не озадачить исследователя новым вопросом: существовала ли в недрах италийской канонистики ранневизантийской эпохи альтернатива дионисиевскому методу систематизации права, предполагавшему отсеб устаревавших памятников?

Утвердительный ответ на этот вопрос в состоянии дать только будущее текстологическое изучение так называемых периферийных рукописей, связанных с каноническими собраниями, подобными собранию св. Аманда или собранию «Дахерианы», которым не суждено было серьезно повлиять на формирование корпуса канонического права Римской церкви.

⁴⁷ *Gallagher C.* Gratian and Theodore Balsamon: Two Twelfth-Century Canonistic Methods Compared // Athens. Byzantium in the 12 th Century. Canon Law, State and Society / Ed. N. Oikonomides. Athenai, 1991. P. 85–86.

Л. А. Самуткина

Седмины пророка Даниила в «Пасхальной хронике» VII в.

Как предмет исследования история христианской византийской хронологии появилась в России в конце XIX — начале XX в. и, не успев закрепить свои успехи, в 1926 г. исчезла. Она исчезла, когда была разгромлена типография Троице-Сергиевой Лавры и вместе с ней пропала и готовившаяся к печати статья свящ. Дим. Лебедева по хронологии «Пасхальной хроники»¹. Значение «Пасхальной хроники» для истории хронологии по-настоящему оценили только в середине XX в., хотя к ней обращались все хронологи нового времени начиная с И. Скалигера. Она стала решающим аргументом в дискуссии о появлении византийской эры, которой до сих пор пользуется Русская православная церковь. Известно, что Дим. Лебедев придерживался в отношении хронологии «Пасхальной хроники» взглядов Ед. Шварца, чья позиция со времени появления классического труда В. Грумеля в середине XX в. считается отвергнутой. Цель данного исследования — на примере привлечения в «Пасхальную хронику» знаменитого пророчества Даниила о 69-й и 70-й седминах показать, сколь многосложна хронология данного памятника. Возможно, результаты этой статьи склонят новых отечественных исследователей византийской хронологии внимательнее отнестись к господствовавшим в конце XIX — начале XX в. взглядам на «Пасхальную хронику». Кроме того, можно проследить, как многие факты, казалось бы, исторические, теряли для автора всякую историческую ценность и становились аргументами в его хронологических построениях. В этом отношении седмины Даниила, пожалуй, самое яркое доказательство. Дело в том, что два из трех толкований пророчества о седминах сопровождаются в хронике длинным, в 21 пункт, списком первосвященников и иудеев. Более того, этот дважды повторенный в соответствующих местах хроники

¹Подробнее об этом см.: *Медведев И. П.* Мир ученого одиночества: священник Димитрий Лебедев // Деятели русской науки. Вып. 1. СПб., 2000. С. 227–261.

список представляет собой таблицу, суммирующую годы и содержащую сведения о еврейских первосвященниках. А эти сведения и есть тот материал, который по всем историческим параметрам должен быть назван историческим, так как на протяжении почти 80 страниц (р. 273–349)² под определенными годами анонимный автор «Пасхальной хроники» вносит информацию об иудейских первосвященниках, взятую из «Хроники» Евсевия Памфила, где подобные факты названы «эпитомой истории».

Текст хроники представлен одной греческой рукописью X в., известной как Ватиканский кодекс № 1941 (Vat. gr. 1941), и несколькими ее списками XVI в. Однако следует отметить, что в рукопись включены вставки, сделанные более поздней рукой. Они относятся к XI в. Это очень важный факт, который свидетельствует о том, что, с одной стороны, текст «Пасхальной хроники» претерпевал изменения после времени создания рукописи, с другой стороны, тот же факт позволяет допустить, что текст изменялся и до закрепления его в рукописи X в. Данная статья имеет также конкретную задачу показать, что седмины из пророчества пророка Даниила явно свидетельствуют о том, что текст хроники изменялся тем автором, который после Пролога написал лемму произведения, носящего название «Эпитома времен»³. Имя «Пасхальная хроника» оно получило от знаменитого французского филолога XVII в. Ш. Дюканжа.

Пророчество Даниила дано в анонимной «Пасхальной хронике» в версии Феодотиона, греческого переводчика II в. н. э., который сверил и исправил Септуагинту по оригиналу. В полном объеме с незначительными перестановками и добавлениями оно представлено на с. 307–308 издания Л. Диндорфа, в прочих местах хроники пророчество цитируется частично. Слова Даниила о седминах в «Пасхальной хронике» гласят:

«70 седмин были отрезаны народу твоему и городу твоему святому, чтобы покончить с грехами и запечатать грехи, и стереть беззакония, и усмирить

²Здесь и далее «Пасхальная хроника» цит. по первому тому издания Л. Диндорфа: *Chronicon Paschale* / Ed. L. Dindorf. Vol. I–II. Bonn, 1832.

³Полное название хроники — «Эпитома времен от первозданного человека Адама до двадцатого года царствования Ираклия Благочестивейшего, девятнадцатого года после его консульства, восемнадцатого года царствования его сына Ираклия Нового Константина, третьего индиктиона» (р. 32).

обида, и привести вечную справедливость, и запечатлеть видения и пророка, и совершить помазание Святого святых. Узнай и осознай, что от исхода слова ответа и строительства Иерусалима до Христа игумена 7 седмин и 62 седмицы; и вернется [народ], и будут построены улицы и стена, и времена будут полностью опустошены, после седмин 7 и 62-х совершенно погибнет миропомазание и суда не будет в нем. Погубит город и святилище [народ] с игуменом пришедшим, и будет истреблен в катаклизме, и до конца войны отмеченной будет проводить уничтожение; и сделает сильным завет одна седмина для многих, и за половину седмины исчезнут жертвенники и жертвоприношения, и до крыла храма, от [времени] гибели и до свершения, будет устраивать для уничтожения возлияния, и сделает сильным завет для многих одна седмина, и в половине седмины будут принесены жертвы мои и возлияния; и в святом [месте] будет мерзость запустения, и до завершения времени будет дано свершение для запустения»⁴.

Это пророчество имело разные толкования в иудейской и христианской традициях⁵. Как полагает У. Эйдлер, при толковании той или иной даты или места священной истории у христианских хронологов и историков возникали многочисленные и разнообразные точки зрения. Они суммировались и появлялись в хрониках в виде обзоров⁶. Примером такого обзора можно считать в «Пасхальной хронике» рассуждение «По какой причине и из-за кого произошел потоп», которое растянулось на несколько страниц (р. 37–40). «Пасхальная хроника» предлагает сразу несколько толкований пророчества Даниила, однако представлены они не в виде одного обзора, а в виде заметок под разными годами, на которые в хронике поделен весь временной континуум начиная с Авраама.

Можно выделить шесть мест «Пасхальной хроники», которые так или иначе связаны с этим пророчеством. Они составляют три пары соотносимых между собой заметок. Два соответствия автор отмечает сам, а последнее легко проверить, рассчитав между ними время. Автор или сам соотносит время, от которого он начинает отсчитывать седмины, с датой, когда седмины завершаются (17-й год Артаксеркса — правление Тиберия), т. е. движется к будущему по шкале времени, или же, когда седмины свершаются, отсылает

⁴Ср.: Dan. 9:24-27 (Versio Theodotionis).

⁵См.: *Fraidl Fr.* Die Exegese der siebzig Wochen in der alten und mittleren Zeit. Graz, 1883; *Adler W.* Time Immemorial: Archaic history and its sources in Christian chronography from Julius Africanus to George Syncellus. Washington, 1989. P. 82, n. 39.

⁶*Adler W.* Time Immemorial... P. 113–131, 233.

читателя ко времени, когда они начинаются (8-й год Дария Гистаспа 2-й год 63-й олимпиады — 4-й год 183-й олимпиады), т. е. автор возвращается в прошлое. Или, наконец, при проверке времени оказывается, что действительно проходит 70 седмин с той даты, где приведено пророчество (10-й год Дария Нофа — 2-й год Веспасиана). Этот прием движения по шкале времени, возможно, по мнению анонима, делает хронологию точной. Тем самым он может избежать ошибок в счете времени, хотя, надо признаться, все-таки арифметические погрешности остались. Этот прием перекрестных отсылок встречается уже у Евсевия Кесарийского, однако в «Пасхальной хронике» он практически повсеместен.

Самая ранняя заметка относится ко времени Дария Гистаспа (8-й год правления Дария Гистаспа и 2-й год 63-й олимпиады)⁷: «С этого года, в который завершилось строительство храма, до последнего года Гиркана, иудейского первосвященника и последнего царя из жреческого рода, прошло 483 года, столько, как предсказал Даниил, пройдет седмин, 7 и 62» (р. 273).

В год, который отмечен как «8-й [год правления Клеопатры]. Консульство Альвина и Пуллиона. 3-й [год] Гая Юлия Цезаря», введено толкование пророка Даниила, которое вслед за У. Эйдлером можно назвать обзором, но небольшим. Приведем его полностью, сократив лишь список иудейских священников. Из двадцати одного пункта этого списка укажем только 1-й и 21-й:

«Первосвященники, которые предводительствовали над евреями после исхода из семидесятилетнего плена, а именно с 8-го года Дария Гистаспа и 2-го года 63 олимпиады⁸, следующие: 1. Иисус, сын Иоседека, вместе с Зоровавелом, 32 года <...> 21. Ианней, он же Александр, царь и первосвященник, 30 лет.

До него игумены христы⁹ [со времен] Кира продержались [у власти] 483 года, которые составляют 69 седмин. О них Даниилом было сказано таким образом: «Узнай и осознай, что от исхода слов, в которых был ответ, [разрешающий] вновь построить Иерусалим, — и вернется [народ], и будут построены улицы и стена, и уничтожатся времена — до Владыки Христа 7 седмин и 62 седмины»¹⁰.

⁷4981 г. по эре «Пасхальной хроники».

⁸Расчет времени: $183 - 63 = 120$ (олимпиад), которые составляют 480 лет, $480 + 2 = 482$, но, возможно, счет был включительным, поэтому добавляем еще 1 год и получается нужное число — 483 года.

⁹Букв. «помазанники».

¹⁰Дан. 4:25.

Когда у иудеев прекратился [род] первосвященников и царей, стал царствовать инородец Ирод, сын Антипатра Аскалонита и Киприды Аравийской, от римлян получивший царство над иудеями. При нем, когда рождение Христа приблизилось, наследование от предков, первосвященство и царская власть иудеев были разрушены, так как исполнилось пророчество Моисея: «Не прекратится правитель от Иуды и игумен от чресел его, пока не придет тот, о котором упоминалось выше, и он сам будет ожиданием народов»¹¹.

Здесь же предсказанный Даниилом христос игумен получает конец, ведь до Ирода христы [были] игуменами¹². Они же были первосвященниками, которые стояли во главе своего народа, начиная от обновления храма при Дарии Гистаспе; это произошло во 2-й год 183-й олимпиады¹³. Между ними прошло 483 года, т. е. 69 седмин лет. Столько дает пророчество Даниила» (Р. 357–359).

Таким образом, автор «Пасхальной хроники» утверждает, что пророчество о седмицах предрекает Пришествие Христа, которое будет тогда, когда исчезнут правители Иудеи из жреческого рода.

Синкелл¹⁴ называет автором этого толкования Евсевия Памфила¹⁵. Действительно, в латинском переводе Иеронима под 1983 г. Авраама приводится очень похожий текст. Евсевий здесь также связывает пророчество Даниила с приходом к власти в Иудее Ирода Великого, в конце правления которого было Пришествие Христа. У Евсевия 1983 год Авраама — 10-й год правления Октавиана, он же последний, 34-й, год первосвященника Гиркана I, которого сделал жрецом Помпей. После Гиркана власть над иудеями получил от римлян Ирод, иноплеменник. Заметка у Евсевия занимает в сравнении с другими его сообщениями много места¹⁶:

«Ирод, сын Антипатра Аскалонита и матери Киприды Аравийской, получил принципат над иудеями от римлян. В его время, близкое к Рождеству Христа, царская власть и первосвященство Иудеи, которые прежде через младших наследников переходили, были разрушены согласно исполнившемуся пророчеству, которое так изрекает Моисей: [. . .]¹⁷. В том месте также Христос, которого предрекла книга Даниила, получает конец. Ибо до Ирода христы, т. е. священники, были царями иудеев, которые начали править от 65-й олимпиады и от строительства храма до Гиркана и 186-й олимпиады. Между ними 483 года.

¹¹ Gen. 49:10.

¹² Букв. правитель, водитель.

¹³ Место представляется явно испорченным, следует читать: 63-й олимпиады.

¹⁴ Georgii Syncelli Ecloga chronographica / Rec. L. Dindorf. Bonnae, 1829. P. 586.

¹⁵ Eusebius. Die Chronik des Hieronymus / Hrsg. v. R. Helm. Berlin, 1956 (далее — Eus. Can.).

¹⁶ Eus. Can. 160a–161.

¹⁷ Пропущено: Gen. 49:10.

Их Даниил также обозначил, говоря: “*Знай и разумей: с того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, до Христа Владыки семь седмин и шестьдесят две седмины*”. Эти 69 седмин образуют 483 года, в которые христы, т. е. священники-помазанники, правили до Гиркана. Когда этот последний из всех был пленен парфянами, Ирод, сын Антипатра, Иудею, не имеющую к нему никакого отношения, от Августа и сената получил. И сыновья его после него царствовали до новейшего пленения Иерусалима, хотя, согласно порядку наследственной передачи в жреческом роде, они никоим образом не были первосвященниками и не служили всю жизнь Господу согласно закону Моисея. Вовсе безвестные люди и иногда и несколько человек сразу покупали у римских императоров священнический сан на год и менее. Это все также пророк Даниил предрек, так говоря: “И после 7-й и 62-й седмин погибнет помазание и суда не будет в нем. И храм, и святыню разрушит народ, когда придет вождь, и погибнут в катаклизме войны” и в следующих [словах]: “Над храмом, говорит, мерзость запустения и по свершения времени будет дано завершение опустошению”».

Евсевий (и аноним) начинают отсчитывать время от Дария Гистаспа, но у Евсевия это 2-й год 65-й олимпиады и соответственно 3-й год 186-й олимпиады, а у анонимного автора «Пасхальной хроники» 2-й год 63-й олимпиады и 4-й год 183-й олимпиады. Незвестный автор «Пасхальной хроники» указание о том, что предсказание сбылось, помещает вместе со списком первосвященников после сообщения об изгнании Цезарем первосвященника Гиркана и о том, что в честь победы над ним Юлий Цезарь устраивает цирковые представления (р. 356). Эта ссылка на Гиркана важна для автора «Пасхальной хроники» только тем, что она подтверждает слова заметки под 5481 г. м., когда упоминался Гиркан, и доказывает правильность расположения этой таблицы и всего толкования, и свидетельствует о верности самой хронологической таблицы. Однако этого Гиркана в списке нет, последним стоит Ианней, он же Александр, а то, что он последний, закреплено в заметке года, который обозначен как «9-й [год правления Птолемея Нового Диониса Авлета]. Консульство Ортинсия (Ортенсия) и Метелла». Заметка гласит (р. 349):

«21-й первосвященник Ианней, он же Александр, царь и первосвященник одновременно, 30 лет. Всего 483. Он правил очень жестоко. Следует заметить, что отсюда затем прекратилась преемственность царской власти Иуды».

Если мы отсчитаем от 5434 г. м., под которым помещено это объяснение, еще 30 лет, то мы попадем в 5464 г. м. эры «Пасхальной

хроники», а это тот год, который на единицу больше года, куда вставлена заметка-обзор, уже нами рассмотренная.

Таким образом, данное толкование пророчества Даниила необходимо для того составителя хроники, который внимательно следил за правильностью хронологической таблицы. Строго говоря, заметка к 5434 г. м. как комментарий к списку первосвященников, начатому с Иисуса, сына Иоседека, и завершеному именем «Ианней», подошла бы более, чем та, что мы читаем в обзоре к 5463 г. м. Ведь аноним комментирует этот список словами: «До него игумены христы [со времен] Кира» и тем самым допускает значительную ошибку. Впервые на эту ошибку указал Г. Гельцер¹⁸.

О пророчестве Даниила в «Пасхальной хронике» Г. Гельцер писал в конце XIX в. В соответствии с интересами времени он стремился определить первоисточник списков иудейских первосвященников в хронике. Для этого он привел еще три списка: один из хроники Синкелла, другой из *Χρονογραφείων σύντονον*¹⁹ и третий из неопубликованной в то время рукописи Parisinus 1773²⁰. Именно Г. Гельцер обратил внимание на несоответствие таблицы с ее толкованием, когда, начиная список со времен Дария Гисдаспа, комментатор указывает, что он считает время от царя Кира. Немецкий ученый заметил, что Синкелл в своей хронике отмечает как общепризнанное мнение утверждение: «от 21-ого года Кира Иисус, сын Иоседека, священник в течение 21 года, становится первосвященником» (S. 456. 18)²¹, сам же, напротив, начало служения Иисуса в сане первосвященника помещает в 1-й год правления Кира, а конец — в 20-й год Дария, получая, таким образом, 60 лет (Кир 31 г. + Камбиз 8 лет + Дарий 20 лет). Для своего анализа немецкий ученый привлек *Demonstratio Evangelica* VIII. 2. 55 и сумел показать, что для свидетельства 483 лет пророчества Евсевий Памфил начал интерпретировать время не от Кира до Помпея, поскольку выходило 495 лет, а от Дария Гисдаспа до Ирода (*Dem. Ev.*

¹⁸ *Gelzer H. Sextus Julius Africanus und die byzantinische Chronographie. Bd. 2. Leipzig, 1885. S. 170–176.*

¹⁹ *Chronographieion synthonon // Eusebi Chronicorum Libri duo / Ed. A. Schoene. Bd. 1. Berlin, 1875. App. IV.*

²⁰ *Ibid. S. 175.*

²¹ Цит. по: *Gelzer H. Sextus Julius Africanus... S. 172.*

VIII. 3. 80), и эту интерпретацию он привел под 1983 годом Авраама²².

Итак, аноним поместил, подобно Евсевию, заметку о пророчестве Даниила перед правлением Ирода Великого, прибавив к нему список первосвященников, в котором не оказалось Гиркана, получившего первосвященство от римлянина Помпея. Здесь явно прослеживаются проиудейские настроения писать только о независимом периоде еврейского государства, в отличие от хроники Евсевия, который указал годы римской зависимости иудеев. Таким образом, время, которое отсчитывалось в «Пасхальной хронике» по правлениям Птолемеев с синхронизацией правлений Юлия Цезаря и Августа (это так называемый период «склейки» двух таблиц (Египет + Рим), которые были у Евсевия), контролировалось данными о сроках правления иудейских первосвященников, а затем эти данные были сведены в одну таблицу. (У Евсевия была отдельная таблица, отличная по именам и срокам правления от этой традиции, которую рассматривал Гельцер в своей работе.) Однако, «заполняя» языческую таблицу времени Птолемеев, аноним привел материал о покорении евреев Помпеем в качестве исторической эпитомы. Автор «Пасхальной хроники» сообщил о том, что Помпей покорил Иерусалим, а затем назначил первосвященником Гиркана, сына Александра Ианнея (р. 351), который был в списке первосвященников последним подлинным еврейским первосвященником и что он был разбит Цезарем (р. 356). Однако автор «Пасхальной хроники» опустил материал Евсевия о том, что Гиркан был пленен парфянами. Столь многие несовпадения не позволяют утверждать, что неизвестный автор «Пасхальной хроники» заимствовал материал непосредственно из Евсевия. Можно заметить, что, переняв толкование о седминах у Евсевия Кесарийского, автор позаимствовал здесь сразу две временные точки: начало и конец, сместив их на 8 лет соответственно (разница в две полные олимпиады). Он, как и Евсевий, стал считать время по иудейским первосвященникам, но и здесь изменил состав первосвященников, сохранив только независимых от чьей-либо власти, а для этого изменил сроки правления, например, Иуда Маккавей правит у Евсевия 3 года, а у анонима —

²²Ibid. S. 174.

33 года. А для того, чтобы крайняя точка пророчества стала заключительным годом Гиркана, вводит о нем материал из Евсевия и другого источника.

Рассмотрим более подробно толкования пророчества Даниила о 70 седминах в «Пасхальной хронике». В них он ссылается на Юлиа Африкана. Толкуя пророчества Даниила, наш автор ссылается на него дважды: в первый раз, когда соотносит пророчество Даниила с Крещением Христа и его Распятием, а во второй раз, когда связывает свершение 70 седмин с падением царства иудеев во 2-й год императора Веспасиана.

Секст Юлий Африкан, греческий историк первой половины III в. н. э. в «Пасхальной хронике» предстает не только как хронист, но и как историческое лицо (D. 499); родом он из Иерусалима (по другой версии — из Африки); служил офицером в армии Септимия Севера; участник похода против Эдесского княжества в 195 г. Оставив службу, обратился к философским занятиям; посещал лекции Иракла в Александрии, принял христианство и стал священником; затем обосновался в Эммаусе (Никополе) в Палестине. Поздняя традиция называет его епископом Эммауса. Юлий Африкан умер после 240 г. От двух его основных сочинений — трактата «Узоры» в 24 книгах и исторического труда «Хронология» в пяти книгах (от Творения до 221 г.), сохранились лишь фрагменты. До нас дошло Послание Секста Юлиа Африкана к Аристиду и Оригену, которое цитирует Евсевий Кесарийский в «Церковной истории» (I. I. 7. 2–16).

Как считают историки хронологии, Юлий Африкан первым делает изобретательную попытку доказать, что пророчество Даниила относится к рождению Христа. К началу VII в. сложилась историографическая традиция христианской хронологии. Анонимный автор «Пасхальной хроники» из всей этой традиции упоминает только Юлиа Африкана и начинает с года потопа во времена Ноя. Он принимает африкановскую дату — 2262-й год от основания мира — в отличие от традиционной даты (2242-й год). Вслед за Евсевием аноним упоминает Юлиа Африкана при введении отсчета времени по олимпиадам.

Первый раз заметка о пророчестве Даниила, связанная с именем Юлиа Африкана, дается в правление Артаксеркса Долгору-

кого, точнее, в 17-й год Артаксеркса (81-я олим., 3-й год) [5054 г. с. м.]. Сначала приводится цитата из Ветхого Завета с самим пророчеством (р. 307–308):

«В это время Неемия, сын Ахелла, из семени Израиля, строит Иерусалим, будучи главным евнухом царя Артаксеркса, попросив у царя [разрешения] строить Иерусалим и получив его, он прибыл в Иудею с большой властью. Он поставил стену города, построил в нем улицы согласно пророчеству Даниила, высказанному так: [...]».²³

Затем автор сразу обращается к своей хронологии и сообщает, что Юлий Африкан относит пророчество к событиям, которые последовали после Крещения Христа: само крещение — 14-й год Тиберия (1-й год 202-й олимпиады), когда произошло крещение и завершилась 69-я седмина, середина следующей седмины около 19-го года Тиберия (4-й год 202-й олимпиады), когда Христос, истинный Бог, претерпел добровольный животворящий Крест, а завершается седмина в 22-й год Тиберия (Р. 307–308):

«Вот от этого времени Африкан отсчитывает число 70 седмин в этом самом пророчестве так, чтобы оно относилось не только к явлению проповеди Спасения, но к 490-м годам; они, предсказанные Даниилом, взяли начало 70 седмин и завершаются на 22-м году гегемонии Тиберия Цезаря, точнее, в 4-м году 201-й олимпиады, когда 69 седмин завершились в 14-м году правления Тиберия Цезаря в 1-й год 202-ой олимпиады, в котором [было] явление, имеется в виду Крещение и начало проповеди спасения великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. Когда же завершилась последняя одна седмина, которая делает завет сильным для многих, как сказано [было] около 22-го года монархии Тиберия Цезаря. Середина же седмины, в которую, говорит пророк, “прекратятся мои жертвоприношения”, приходится на 19-й год монархии Тиберия, точнее, 4-й год 202-й олимпиады, когда Христос, истинный Бог наш, претерпел добровольный Животворящий Крест».

Рассмотрим все три ссылки на даты по олимпиадам. Следует отметить, что здесь мы находим недочеты. Попытаемся их исправить. Прежде всего следует ввести одну конъектуру: 22-й год правления Тиберия никак не может падать на 201-ю олимпиаду, если 14-й и 19-й годы выпали на 202-ю олимпиаду. Исправим 201-ю олимпиаду на 203-ю. Все же остальные даты оказываются верными, если учесть, что смена олимпиад происходит летом, а значит, можно соотнести 4-й год 201-й олимпиады, куда помещен год крещения

²³Перевод пророчества Даниила (Дан. 9:24–27) дан в начале статьи.

Христа, с 1-м годом 202-й олимпиады. Если же мы не будем учитывать, что олимпиады проводились летом, а посмотрим, что написано в хронике под датой 1-й год 202-й олимпиады, то узнаем, что это был 15-й год Тиберия, а вовсе не 14-й, как указывается в заметке. Причем в этой заметке номер года Тиберия совпадает с номером в лемме года. Это 15-й год Тиберия, в заметке также уточняется, что 5536 год — год Крещения Христа, этот же год определяется и по лемме года.

Интереснее заметка к 4-му году 201-й олимпиады. Год назван «15-й индиктион. 14-й [год правления Тиберия Кесаря]. Консульство Гемина и Гемина»²⁴. Именно под этим годом дана заметка, которая соотносит, по мнению автора, этот год с годом, на который указывает Юлий Африкан, и именно этот год включает список первосвященников. Заметка следующая (Р. 389–390):

«При этих консулах первосвященником в Иерусалиме был Анна. Иоанн Креститель, пророчествуя, сказал: *“Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему; всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся, и неровные пути сделаются гладкими; и узрит всякая плоть спасение Божие”*²⁵. Он же сам, когда увидел идущего к нему Иисуса, сказал: *“Вот агнец Божий, который берет [на себя] грех мира”*²⁶. Первосвященники, которые руководили евреями, они же иудеи, в Иерусалиме после исхода из Вавилона: Первый первосвященник Иисус, сын Иоседека, вместе с Зоровавелем, 32 года. [. . .] 21. Ианней, он же Александр, царь и первосвященник 30 лет.

До него христы [со времен] царя персов Кира правили на протяжении 483 лет, которые составляют 69 седмин лет, о которых Даниилом было сказано таким образом. Ибо до Ианнея Александра правили помазанники, на нем прекратилась преемственность правителей из первосвященников, называемых в пророчествах христами»²⁷.

Здесь возникает вопрос, почему надо привлекать данные об иудейских первосвященниках, правление которых в хронике начинается вовсе не со времен Неемии, а со времен Дария Гисдаспа. Если же считать со времени Дария Гисдаспа, то получаем: 5535 – 4981 = 554 г. Автор еще более усугубляет ошибку во време-

²⁴5535 г. = 5054 + 483 – 2 (погрешность составляет 2 года).

²⁵Лк. 3:4–6.

²⁶Ср. Ин. 1:29.

²⁷Данный список первосвященников можно назвать редакцией первого варианта списка, данного выше (см. р. 357).

ни, ибо говорит, что время рассчитано от персидского царя Кира. С позиций автора, который думает о непротиворечивости своей хронологии, которая нужна ему для правильного вычисления Пасхи в любой год его анналистической таблицы, этот список первосвященников лишний. Он является здесь подложным доказательством.

Следующая дата «4-й год 202-й олимпиады» из этой заметки имеет лемму «[5539 г. м.] 4-й индиктион. 18-й [год правления Тиберия Кесаря]²⁸. Консульство Персика и Ветеллия». А в сообщении дано:

«Иисус Христос, сын Божий, [...] отправился на страдание в 19-й год монархии Тиберия, берущий начало 21 марта, 4-го индиктиона, в 11 год по природе 19-летнего лунного цикла и в 24-й год по природе 28-летнего солнечного цикла» (р. 408–409).

Итак, «18-й год Тиберия» леммы именуется 19-м годом Тиберия в заметке. В конце этого многостраничного толкования указывается 5540-й год от основания мира по эре «Пасхальной хроники», который отличается от даты леммы (5539-й год):

«И оказывается, что 14-й [день первого лунного месяца] в 5540-м году от Сотворения мира и в 19-м году монархии Тиберия Цезаря, берущем начало от 21 марта, согласно римлянам, в котором Господь наш Иисус Христос претерпел добровольный и Животворящий Крест, выпал на 23 марта в день Параскевы» (р. 415).

Если вспомнить, что дата Страсти Христа по счету олимпиад, которая фигурирует в заметке к 17-му году Артаксеркса, неоднократно упоминается в хронике позднее, становится понятно, что она вставлена тем автором, который заинтересован, чтобы эта дата, хотя бы и не выводимая из хронологической таблицы, присутствовала в хронике.

Эта дата оказывается важным свидетельством при описании времени Страсти Христа: «И внешние [писатели] этот год обозначают точно, говоря, что было землетрясение; особо Флегон, который сводит воедино Олимпиады. Ибо он говорит в 13-й книге: “В 4-м году 202-й олимпиады было величайшее из известных прежде затмений солнца, ночь была уже в 6 часов дня такая, что на небе

²⁸17/18 г. (4 инд.) — 5540 г. (31 г. н. э.): 1) 5539 г. виз. эры Страсти 23 марта, воскр. 25 марта (Sedgenus CB 307); 2) по Африкану 5533 г. м. Страсти 23 марта, воскресенье 25 марта = по Гельцеру и Грюмелю, конец 5532 г. — весна 31 г.

появились звезды, произошедшее в Вифинии землетрясение разрушило многие строения в Никее» (р. 412).

Продолжая свое доказательство, анонимный автор еще раз привлекает свидетельство Флегона (р. 418). Дата «4-й год 202-й олимпиады» не забыта автором и при описании начала второго пасхального Великого индиктиона во времена Юстиниана Великого. Он пишет о начале Великого индиктиона, отсылая читателя к дате Страсти — «к 19-му году [правления] Тиберия Кесаря, точнее к 4-му году 202-й олимпиады, в котором было спасительное страдание Господа нашего Иисуса Христа» (р. 687).

Если, наконец, мы обратимся к третьей дате, т. е. к 22-му году Тиберия, то мы действительно окажемся в 4-м году 203-й олимпиады (в 5543 г. м. по счету согласно лемме года).

Итак, тот, кто вводил толкование пророчества Даниила, чтобы им обосновать дату Страсти Христа, не обращал внимания, что обозначения времени уже не совпадают с обозначением леммы года, а соотносятся с обозначением года в заметке к этому году. Эти обозначения разнятся на единицу (лемма отстает на единицу). Причем лемма начинает отставать с 16-го года Тиберия. Дата «4-й год 202-й олимпиады», которая появилась благодаря этому толкованию, была востребована в хронике при описании времен Юстиниана Великого, но, главное, в 35-й год правления Юстиниана она использовалась при другом методе расчета времени. Поэтому можно говорить о втором авторе «Пасхальной хроники».

Третий пример толкования пророчества Даниила в «Пасхальной хронике» можно соотнести с еще одной его интерпретацией у Евсевия Кесарийского. Опираясь на Ветхий Завет²⁹ и упомянув все того же Неемию, под 32-м годом правления Артаксеркса (1584 г. Авраама) Евсевий пишет:

«Ездра упоминает, что Неемия, который стены Иерусалима построил, закончил строительство в 32-й год персидского царя Артаксеркса. Если бы кто-нибудь от этого времени отсчитал 70 седмин, о которых написал Даниил и которые составляют 490 лет, то обнаружил бы, что они исполнились в царствование Нерона, при котором была начата осада Иерусалима, который был взят позднее во 2-й год Веспасиана» (Eus. Can. 114f).

²⁹II Esdr.15:14 = Неем 5:14.

Сходная заметка в «Пасхальной хронике» относится к 10-му году Дария Нота (5088 г. м.):

«Отсюда Африкан считает число 70 седмиں согласно пророчеству Даниила, оно простирается на 490 лет. Всякий бы нашел их завершение после Вознесения Христа в начале [правления] Нерона, самодержца римлян, при котором город [Иерусалим] начали осаждать, и во 2-м году царствовавшего после него Веспасиана, во втором году 212-й олимпиады, город претерпел падение, точнее, пленение» (р. 311).

Однако у Евсевия не назван автор этого толкования, а аноним называет имя Юлия Африкана. Анализ текста обеих заметок позволяет утверждать, что в латинском переводе Иеронима было изъято начало толкования. Здесь у Евсевия дано только условное предложение без упоминания Юлия Африкана, хотя в другом произведении Евсевия Памфила (*Dem. Ev. VIII. 2. 50*) в подобном толковании имя первого христианского хрониста названо.

Обратившись к анналистической таблице «Пасхальной хроники» и опустившись во времени на 490 лет после 10-го года Дария Нота, обнаруживаем в 5578 г. (2-й год 212-й олимпиады и 2-й год правления Веспасиана) сообщение:

«Затем в начале 40-го года Вознесения Господа на небеса, во 2-ой год Веспасиана правители иудеев окончательно лишились власти, так как последнее пленение отменило их.

Всего времени ко 2-му году Веспасиана и последнего пленения Иерусалима с 15-го года Тиберия Цезаря и начала проповеди Спасения насчитывается 42 года. А от 6-го года Дария Гистаспа, когда произошло второе строительство храма, т. е. от 2-го года 63-й олимпиады до текущего 2-го года Веспасиана — 597 лет; от первого строительства храма при Соломоне — 1103 года»³⁰ (р. 463).

У Евсевия в 2088 г. Авраама³¹ дана следующая таблица с небольшими примечаниями (*Eus. Can. 187 b*):

«Всего времени насчитывается во 2-й год Веспасиана и в новейшее разрушение Иерусалима от 15-го года правления Тиберия Цезаря и начала проповеди Евангелия — 42 года; от пленения, которое они перенесли от Антиоха, — 238 лет; далее от 2-го года Дария, при котором храм вновь был восстановлен, — 590 лет; от первого же строительства храма при Соломоне и до новейшего его падения — 1102 года».

³⁰Ср.: *Sync. 342d* (648. 4); *Dion. Tellm. 57*; *Ios. B. Iud. VI. 269–70*; *Clem. Al. Strom. I. 145. 5* (90. 14); *Orig. c. Cels. IV. 22* (291. 25).

³¹70 седмиں исполняются на 14 лет раньше (1584 + 490 = 2074) — в 4-й год правления Нерона.

Сделаем небольшое уточнение: Евсевий отсылает читателя к началу правления Нерона, именно тогда завершаются 70 седмин по его таблице, хотя его интересует год падения Иерусалима и еврейского государства. Но этим он сохраняет верность Ветхому Завету. Аноним же, как уже не раз случалось, отходит от расчета времени Септуагинты, но верен своим анналистическим расчетам.

Итак, на примере «Пасхальной хроники» можно заметить, что к VII в. христианская традиция обладала несколькими вариантами толкования пророчества Даниила о седмицах. В первом случае седмины были приурочены ко времени исчезновения системы первосвященства в Иудее и правлению Ирода Великого. При этом пророчество Даниила было дополнено пророчеством Моисея (Gen. 49:10). Здесь вычисления анонимного автора не совпадают с евсеевским на 8 лет³². Второе толкование связано с именем Юлия Африкана, и оно наиболее важно для анонимного автора, ибо связывает воедино все события земной жизни Христа от Крещения до Страсти и 22-й год Тиберия, а главное, в этом толковании указана важная для автора дата Страсти Христа — 4-й год 202-й олимпиады. То, как введена эта дата, позволяет утверждать, что анонимный автор стремился к усилению своей доказательной базы, а потому неудачно привлек таблицу иудейских первосвященников. В третьем случае, хотя автор заимствовал интерпретацию у Евсевия Кесарийского, он отошел от хронологической таблицы предшественника и был точен в своих хронологических расчетах, пренебрегая при этом ветхозаветными данными. Третья интерпретация связывала пророчество Даниила с падением государства иудеев во времена Веспасиана.

³²65 – 63 = 2 (олимпиады).

Монофиситский раскол в Хронике Евтихия Александрийского

Монофиситская ересь V в. имела отрицательные последствия для восточных христиан, живущих на территории средневекового Халифата. Христиане, разбитые на несколько конфессиональных групп, внутри которых имели культурную автономию, были религиозными конкурентами и в течение последующих веков были обречены на бесплодные дискуссии относительно чистоты и правильности своего вероучения вместо полноценного исторического и культурного развития. О монофиситстве писали многие ранневизантийские церковные историки. Ценная информация о распространении монофиситства содержится в Хронике Евтихия Александрийского. Задачей настоящей статьи является анализ этой информации и выяснение позиции ее автора.

Подборка разнообразных сведений по церковной и политической истории ранней Византии показывает, что распространение монофиситства среди восточных христиан было связано не только с развитием ересей, неустойчивой политикой правительства в религиозных делах, но и особенностями устройства Александрийской (египетской) церкви.

Церковная жизнь Александрийского патриархата сложилась своеобразно. Египет в Римской империи занимал особое положение, сохранил целостность территории и составлял отдельную административную область (диоцез) во главе с префектом-августалом, резиденция которого находилась в Александрии. Александрия стала и церковной столицей, откуда христианство распространялось в Египте, Эфиопии и Ливии.

Начало египетской церкви связано с евангелистом Марком, учеником апостола Петра, который проповедовал христианство в Александрии в 40–60-х годах и сумел организовать там первую христианскую общину. Во главе общины он поставил епископа Анания (63/64–83/84 гг.) и учредил коллегию из двенадцати пресвитеров,

которые должны были после смерти епископа избрать на его место другого епископа из своей среды, а потом пополнить свою группу новым членом. Так в Египте появился обычай, по которому александрийские пресвитеры имели право выбирать епископов. Этот древний порядок держался очень долго и был изменен только патриархом Александром (313–328), который отстранил пресвитеров от выборов и передал их полномочия епископам. Епископы всего Египта собирались в Александрию выбирать нового патриарха. После избрания они возводили его на патриарший престол св. Марка через особую церемонию рукоположения¹. Остатком древнейшего строя было то, что епископ Александрии был церковным владыкой всего египетского диоцеза. Хотя во внутренних областях страны, в Фиваиде, местные епископы собирались на соборы для обсуждения церковных дел и выборов епископов, но рукоположение (хиротония) епископов всегда принадлежало александрийскому патриарху. Сложившийся в Александрийской церкви порядок пытался изменить Мелетий, епископ Ликопольский, который самовольно принял титул архиепископа и стал рукополагать епископов для соседних и даже отдаленных мест. Возникший конфликт был разрешен на I Вселенском соборе в Никее в 325 г. в пользу Александрии, епископ которой был признан главой всей египетской церкви. Власть александрийского епископа, который именовался архиепископом, патриархом и даже папою, была очень сильна и распространялась не только на Египет, но и на соседние земли — Эфиопию и Киренаику. Эти территории находились в церковном подчинении Александрии, и только там происходило рукоположение местных епископов. Все епископы Александрийской церкви, утверждаемые в своей должности патриархом, были связаны с ним личными отношениями.

Власть александрийского патриарха была особенно полной над египетскими епископами. После преодоления мелитианского раскола в Египте (в отличие от других диоцезов ранней Византии) не сложилась система митрополий, поэтому не было митрополитов и епархиальных соборов. Александрийский патриарх сам был мит-

¹Contextio gemmarum sive Eutychii Patriarchae Alexandrini Annales // Patrologiae Graecae. 1863. Т. CXI. Col. 982.

рополитом для огромной территории египетского диоцеза². Никто из других епископов никогда не достигал такого положения, какое имел александрийский папа. В условиях значительной автономии патриархатов в IV–V вв. его власть в Египте была подобна царской. Не случайно современники называли самовластных александрийских патриархов фараонами.

Концентрация огромной власти в руках александрийских патриархов помогала им поддерживать порядок в Александрийской церкви, но оказалась чреватой опасностью в условиях распространения монофиситской ереси.

В ранневизантийской историографии, которая служила образцом для Евтихия, сложились две идеи относительно происхождения ереси. Одна давала метафизическое объяснение ереси как борьбы сатаны против Бога и его церкви. Другая сводилась к земному толкованию ереси, связывая ее с развитием богословской мысли и деятельностью отдельных лиц³. Евтихий был сторонником второй, рационалистической идеи. Земное происхождение ереси у историка выступает в названии еретических сект, образованных от имен ересиархов: ариане произошли от Ария, несториане — от Нестория, евтихиане — от Евтиха, севериане — от Севера, яковиты — от Якова Барадея. Он дает всем еретикам общую характеристику: «Они (ересиархи. — *Л. И.*) хотели доказать свои представления и, дерзкие против Бога, уклонились от Божьего пути по причине ложности своего учения; своими искаженными рассуждениями, которые погрузили их в море заблуждений, они соблазнили своих последователей»⁴.

Из этой выдержки ясно, что для историка ересь — это интеллектуальное заблуждение отдельных лиц, которые осмелились пойти против истины и увлечь за собой своих сторонников.

Под истиной в византийской церковной историографии подразумевалось чистое неиспорченное христианство, известное еще вет-

² *Малышевский И. В.* Александрийский патриарх Мелетий Пегас и его участие в делах Русской церкви. Т. 1. Киев, 1972.

³ О византийской церковной историографии см.: *Кривушин И. В.* Ранневизантийская церковная историография. СПб., 1998.

⁴ *Contextio gemmarum. . . Patrologiae cursus completus / Ed. P. Migne // Series graeca. 1863 (далее — P. G). Т. CXI. 1036.*

хозаветным пророкам, потом переданное от Иисуса Христа апостолам, которые, в свою очередь, передали его епископам. Списки епископов показывали преемственность истины в церкви от времени апостолов до современности. Хранителями истинного христианства были соборы как выразители коллективного мнения церкви.

Основоположником монофиситской ереси историк называет ученого, медика Евтиха, проживавшего в Константинополе, который первым выступил с идеей о наличии у Иисуса Христа божественной природы. Это учение было осуждено константинопольским патриархом Флавианом. Но из-за того, что Евтих был хорошим врачом, его оставили в столице, где он продолжал пропагандировать свою идею и скоро приобрел сторонников в лице императора Феодосия II и патриарха Александрийского Диоскора⁵.

Связывая начало монофиситства с неким врачом Евтихом, историк сознательно умалчивает, что монофиситство зародилось в среде египетских богословов задолго до выступления Евтиха и что его идеи высказывались еще Кириллом Александрийским во время прений с несторианами. Преемник Кирилла Диоскор был убежденным монофиситом, а не последователем Евтиха, который публично распространял в столице идею александрийских богословов.

На Втором Эфесском соборе, созванном по предложению Феодосия II в 449 г., на котором верховодил Диоскор, учение Евтиха было утверждено и вошло в официальное вероучение церкви. Но Халкидонский собор (II Вселенский), созванный новым императором Маркианом в 451 г., отверг монофиситство и объявил учение Евтиха ересью, а его самого и его последователей еретиками⁶.

Решение Халкидонского собора вызвало бурную реакцию в Египте и восточных провинциях. Когда Диоскора Александрийского (444–451) обвинили в монофиситской ереси и сместили с патриаршего престола на Халкидонском соборе, то все епископы Египта, безоговорочно подчинявшиеся ему, приняли его сторону и отказались от участия во всех церковных делах. Они не подписали Определение Халкидонского собора, причем отказались подписаться под ним не только сторонники Диоскора, но и его противники.

⁵Ibid. Т. CXI. Col. 1052.

⁶Ibid. Т. CXI. Col. 1052.

Вот как пишет об этих событиях Евтихий: «Осужденного Диоскора поддержали и жители Египта, и особенно Александрии. Считая, что он проклят несправедливо, они приняли учение Диоскора, но, боясь императора Маркиана, не смели открыто выражать свое мнение»⁷. На место смещенного Диоскора был поставлен присутствовавший на Халкидонском соборе архидьякон Протерий. Но после смерти Маркиана александрийцы, узнав об этом, напали на патриарха Протерия и убили его в Царской церкви, потом его труп на верблюде доставили на большой ипподром, построенный еще Птолемеем Лагом, и сожгли. Он был патриархом шесть лет. После него они избрали монофисита Тимофея Элура, брата Анатолия⁸.

Патриарх Протерий (451–457), впоследствии канонизированный, был уроженцем Египта, но жил в Константинополе в качестве посланника Александрийской церкви. В составе ее делегации он участвовал в работе Халкидонского собора. Правительству Протерий казался лояльным, поэтому он и был назначен на место смещенного Диоскора. Его недолгое правление осуществлялось в трудной обстановке вражды и ненависти к нему как ставленнику Константинополя, избранному не в Александрии; одно это обстоятельство делало его фигуру неприемлемой для населения Александрии, так как противоречило древнему обычаю Александрийской церкви. Преследования монофиситов и стали причиной его гибели. Протерий нигде не появлялся без охраны, но это его не спасло. Церковь, где был убит Протерий, в просторечии называемая Царской, была достопримечательностью Александрии. Это был самый большой и красивый храм, построенный в Александрии еще царицей Клеопатрой в честь Сатурна, который после запрета язычества во времена патриарха Феофила (384–412) был превращен в христианскую церковь, посвященную св. Михаилу. Церковь св. Михаила была кафедральной и официальной резиденцией Александрийского патриарха до X в. Она сгорела во время нападения на Александрию войска Фатимидов в 912 г.

Хотя убийцы Протерия были наказаны, Тимофей II Элур (457–январь 460) остался на патриаршем престоле. Историк объясняет

⁷Ibid. T. CXI. Col. 1054–1055.

⁸Ibid. T. CXI. Col. 1055.

эту снисходительность правительства к патриарху–монофиситу, называя его братом Анатолия. Константинопольский патриарх Анатолий (449–458) был уроженцем Египта и многолетним послом Александрийской церкви в Константинополе. На Втором Эфесском соборе он был поставлен патриархом Константинополя вместо смещенного патриарха Флавиана (446–449) по предложению Диоскора. Но когда победило православие при императоре Маркиане, Анатолий изменил своему покровителю и перешел на сторону константинопольского духовенства, настроенного враждебно к александрийскому фараону. Поэтому Диоскор возненавидел Анатолия и преследовал его родственников, оставшихся в Египте. Вражда Диоскора и поддержка Анатолия и помогли Тимофею остаться патриархом. После смерти Анатолия Тимофей II был смещен и отправлен в ссылку. Отстранение Тимофея происходило с помощью военного отряда из-за опасения возможных беспорядков⁹. На его место был поставлен Тимофей III Салофациол (460–475), православный, который после смерти императора Льва (457–474) и воцарения Зинона (474–491), монофисита, бежал из Александрии и укрылся в отдаленном монастыре, а на патриарший престол вернули Тимофея II Элура (475–477). После его смерти монофиситы избрали его помощника Петра III Монга (лето 477 – сентябрь 477), которого сместил префект-августал Египта и посадил на его место Тимофея III Салофациола (сентябрь 477–июнь 482), вызволенного из монастырской неволи, а Петр III Монг бежал в Константинополь. После смерти Тимофея II патриарший престол занял пресвитер Иоанн I Талайя (июнь 482 – декабрь 482), православный, тоже при поддержке гражданского правителя Египта, но Константинополь не признал Иоанна I Талайя, который, боясь участи Протерия, бежал в Рим через шесть месяцев после своего избрания. После него в Александрию вернули Петра III Монга, который вторично стал патриархом (декабрь 482–489)¹⁰. После патриарха Петра III Монга все александрийские патриархи уже были монофиситами до времени императора Юстиниана. Они захватили в свои руки все церкви, церковное имущество, рукополагали епископов не только в Египте, но и

⁹Ibid. Т. CXI. Col. 1056.

¹⁰Ibid. Т. CXI. Col. 1056.

в соседней Нубии (современной Эфиопии. — *Л. И.*), поэтому официальное вероисповедание Нубии тоже стало монофиситским¹¹. Историк называет монофиситами даже Тимофея III Салофациола и Иоанна I Талайю. Это неточность не случайна. Оба патриарха правили в сложной обстановке и, не получая поддержки от правительства, не сумели сдержать распространение монофиситства. О накале внутрицерковной борьбы и вовлеченности в нее народа говорит и появившийся в это время обычай, которого не было раньше и который останется в восточно-христианской среде, — награждать противников прозвищами. Тимофей II имел прозвище Элур, т. е. кот, Тимофей III — прозвище Салофациол, т. е. Белая шапка, Петр III — прозвище Монг, т. е. гнусавый. По Евтихию, именно в это смутное время впервые появляется название «мелькиты», которое в арабском халифате будет обозначать ортодоксальных христиан.

Следует отметить, что, перечисляя монофиситских патриархов, Евтихий воздерживается от отрицательных выпадов в их адрес, которые были бы совершенно недопустимы в книге, предназначенной для его читателей — восточных христиан, среди которых было много монофиситов. Он даже хвалит патриарха монофисита Авинаса (т. е. Афанасия II) (484/90–496/97) за то, что он построил в Александрии много церквей и памятников, но отмечает, что при нем в городе были крупные беспорядки, во время которых сгорел большой ипподром, построенный Птолемеем Лагом и где был сожжен патриарх Протерий¹².

Монофиситство распространилось и в соседней Палестине. Виновником монофиситского переворота в Палестине историк называет Диоскора, который «отправился в Палестину и Иерусалим и там столь испортил веру всех жителей, что они стали держаться одного с ним вероучения. Он склонил на свою сторону их епископов и супругу императора Феодосия Евдокию, которая выслушала Диоскора, приняла его и послала ему много даров»¹³.

Душой монофиситского переворота в Палестине была вдовья императрица Евдокия. Ее судьба была столь необычна, что при-

¹¹Ibid. Т. CXI. Col. 1123.

¹²Ibid. Т. CXI. Col. 1057.

¹³Ibid. Т. CXI. Col. 1055.

влекла внимание многих писателей и хронистов, сведения которых использовал Евтихий. Евдокия была писательницей, сохранилось несколько ее литературных произведений, свидетельствующих об ее учености и обширных знаниях в области греческой литературы и мифологии¹⁴. Она получила прекрасное образование у отца — ученого софиста Леонтия из Афин. В юности она была язычницей, и звали ее Элия Афинаида. После смерти отца из-за семейных неурядиц она переехала в Константинополь. Когда молодой Феодосий решил на ней жениться, она приняла крещение и была наречена новым именем Евдокия. Брак Евдокии и Феодосия устроила его старшая сестра Пульхерия, которая была фактически правительницей при брате. Но когда Пульхерия увидела в новой родственнице соперницу, то постаралась ее обезвредить. Благодаря интриге Пульхерии Феодосий заподозрил жену в любовной связи с одним из своих придворных вельмож. Раскрылось это случайно, Евтихий передает знаменитую историю о яблоке, большом и красивом, которое Феодосий подарил жене в то время, когда яблок еще не было. Вскоре это яблоко было обнаружено в доме придворного. Следствием была казнь придворного и ссылка Евдокии в Иерусалим, где она прожила всю оставшуюся жизнь. Находясь в Иерасулиме, Евдокия, будучи уже ревностной христианкой и имея в своем распоряжении значительные средства, выделенные ей мужем, занималась строительством церквей и монастырей, благотворительностью, литературной работой, и своей активностью оживила затхлую атмосферу захолустного города Элии Капитолины — таково было официальное название Иерусалима.

Евдокия не приняла Халкидонского собора не из-за различий богословских догматов, в тонкости которых она едва ли разбиралась. Халкидонский собор был собором императрицы Пульхерии, ее недруга, жены Маркиана, и поэтому был непреемлемым. Низложенный Диоскор был, напротив, участником двух Эфесских соборов (431 и 449 гг.), созванных ее мужем. Он был сторонником и преемником патриарха Кирилла Александрийского, которого глубоко уважал Феодосий II. Хотя с супругом произошел разрыв, но это было в далеком прошлом, кроме того, Феодосия уже не было

¹⁴Византийская литература. М., 1974. С. 40–45.

в живых. Поэтому Евдокия приняла монофиситское учение поверженного Диоскора, объединилась с епископами и монахами, враждебно настроенными к Халкидонскому собору, которые рассматривали его Определение как ревизию осужденного несторианства. Когда епископ Иерусалима Ювеналий, принявший Определение Халкидонского собора, вернулся в Иерусалим, то встретился с такой серьезной оппозицией, что вынужден был бежать из Иерусалима в Константинополь, опасаясь за свою жизнь.

Движущей силой монофиситского переворота в Египте, Палестине и Сирии было монашество. V столетие было временем умножения монашества, которое вело привольный образ жизни, свободно путешествовало из города в город, участвовало там в богословских спорах, внося расстройство и беспорядок в гражданские и церковные дела. Евтихий определяет численность только палестинских монахов огромной цифрой — 10 тыс. — и вряд ли слишком ее преувеличивает. Анархичное монашество с трудом признавало церковную власть. Но и в организованных городских монастырях оппозиция Халкидонскому собору нашла опору. Особое решение Халкидонского собора о монахах, которое запрещало их сборища и предписывало изгонять их из городов и силой возвращать в монастыри, а власть над монастырями передавало в руки городских епископов, расположило всех монахов против Халкидона. В Египте на сторону Диоскора перешли все монахи. С этого времени египетское монашество перестало поддерживать отношения с официальной православной церковью. В арабскую эпоху египетские монастыри будут оплотом и идейным центром монофиситской коптской церкви.

Палестинское монашество также взбунтовалось против Халкидона. Многотысячная толпа монахов собралась в Иерусалиме и на место Ювеналия, бежавшего в Константинополь, поставила монаха Феодосия. Евтихий умалчивает об узурпаторе Иерусалимского патриаршего престола Феодосии, но у него имеется небольшая заметка о другом Феодосии — основателе и настоятеле Феодосиевой лавры, активном борце против монофиситства второй половины V в., молодость которого совпала с этим бурным временем. В этой заметке рассказывается о посещении им Симеона Столпника, известного сирийского подвижника, противника Диоскора и монофиситов, под впечатлением личности которого Феодосий отправился в

Иерусалим и стал там монахом¹⁵. Монашеский бунт в Иерусалиме был подавлен военной силой, Ювеналий восстановлен на престоле, а узурпатор Феодосий бежал на Синай.

Императрица Евдокия была пощажена и не тронута и продолжала вести с ожесточением монофиситскую агитацию, которая была успешной, ибо для горожан и монахов она, хотя и ссыльная, продолжала оставаться царицей. Ювеналий был снова смещен и на его место поставлен монахами монофисит Анастасий (452–458). Роль Евдокии в иерусалимских делах прекрасно понимали в Константинополе и Риме. В то время как Маркиан и Пульхерия вели переговоры с монахами, с Евдокией вели переписку Папа Лев и ее царские родственники, жившие в Риме, тщетно уговаривая ее отойти от монофиситской ереси. Мятежная Евдокия смирилась только под ударами судьбы. В 455 г. ее зять, западноримский император Валентиниан (425–455) был убит во время бунта. После этого на Рим напали вандалы, подвергли его разграблению и увели в плен ее дочь и внучек. Потрясенная Евдокия увидела в этом божью кару и сошла со сцены церковной борьбы. К этому времени уже умерла Пульхерия (453 г.) и исчез повод для противостояния.

Монофиситство не держалось долго в Иерусалимском патриархате. Греческое население Палестины не было значительным. Христианские святые Палестины всегда пользовались поддержкой Константинополя, поэтому сохранение дружеских отношений с ним было в интересах палестинских греков. Местное негреческое население не было христианским, и его национальный и социальный протест не облачался в религиозную форму монофиситства. Поэтому попытки насадить в Палестине монофиситство закончились в конце V в. провалом, и преобладание получило православие, утвержденное на Халкидонском соборе.

Монофиситство распространилось и на территории Антиохийской церкви, т. е. в Сирии, северной Месопотамии и Армении, преимущественно среди коренного населения. Его агитаторами были воинственные сирийские монахи. Привилегированное греческое население крупных городов и особенно Антиохии, желая удержать свои позиции, всегда тяготело к Константинополю и поддерживало

¹⁵Contextio gemmarum... P.G. T. CXI. Col. 955.

патриархов, сторонников Халкидонского собора. В Антиохии тоже имел место переворот, во время которого монахам удалось посадить на патриарший престол монофисита Петра Сукновала в 470 г.,¹⁶ но мятеж был подавлен военной рукой при поддержке населения.

После смерти императора Льва сирийские монофиситы нашли себе поддержку у императора Зинона, которого Евтихий называет монофиситом. Будучи из малоазийских исавров, Зинон принял крещение только поступив на римскую военную службу. Служа в одном из сирийских гарнизонов, он сблизился с сирийскими монофиситами, у которых впоследствии нашел укрытие во время заговора Василиска (475–476). Едва ли понимая догматические различия, Зинон правил, опираясь на монофиситов столицы и партию зеленых, тяготеющих к монофиситству. Он вернул на антиохийский престол монофисита Петра Сукновала, после смерти которого на престоле опять оказались православные епископы, которых поддерживали горожане, до патриарха Флавиана (498–512), которого сместил и сослал император Анастасий, поставив на его место монофисита Севера (512–518)¹⁷.

Монофиситский курс Анастасия (491–518) был тесно связан с внешней политикой. При нем окреп Иран после социальных потрясений второй половины V в. и начал наступление на византийские владения. Шах Кавад провел две войны против Византии (488–496 и 498–516), во время которых взял и разграбил многие города, сжег предместья Антиохии и Александрии¹⁸. В 516 г. был заключен мир при условии сохранения прежних границ. Не желая допустить потери богатейших восточных провинций, Анастасий попустительствовал монофиситам. Поэтому Евтихий, как и все византийские хронисты, называет его монофиситом.

К концу правления Анастасия монофиситство прочно утвердилось среди коренного населения Египта и восточных провинций, для которых оно начинало превращаться в течение протеста против деспотии Константинополя.

Восстановление православия произошло при императоре Юстине I (518–527), который вернул всех ссыльных епископов на свои

¹⁶Ibid. Т. CXI. Col. 1057.

¹⁷Ibid. Т. CXI. Col. 1064.

¹⁸Ibid. Т. CXI. Col. 1062.

места и разослал повсюду послания о восстановлении православия, утвержденного на Халкидонском соборе. Это событие с особенным восторгом было принято в палестинских монастырях, которые к этому времени уже стали оплотом православия. Палестинские монахи в его честь устроили великолепное торжество¹⁹. Юстин I сместил всех епископов-монофиситов за исключением Александрии, где уже прочно закрепились монофиситы.

Восстановление православия в Египте произошло при императоре Юстиниане (527–565), который вызвал Александрийского патриарха монофисита Феодосия в столицу и приказал отречься от ереси, а после отказа хотел даже лишить его жизни. Патриарха спасло лишь заступничество царицы Феодоры. По возвращении в Египет он укрылся на западе страны в небольшом местечке, придерживаясь своего вероучения и поддерживая связи с единомышленниками. Узнав об этом, император прислал послание прогнать его и на его место поставил Павла (539–540). Но яковиты через два года убили Павла, тогда на его место императором был поставлен Далмий (541–551) (или Зоил), который правил пять лет, терпя большие неприятности и злобу от яковитов, которые стремились уничтожить и его, поэтому он бежал из Александрии и провёл в добровольном изгнании еще пять лет, где и умер²⁰. Когда Юстиниану стало известно, что монофиситы, захватившие Александрийскую церковь, убивают патриархов, которых он ставит, он сильно прогневался и поставил патриархом Александрии одного из своих военных командиров по имени Аполлинарий, которого отправил в Египет с большим войском, наделив широкими полномочиями. Евтихий рассказывает о том, как был наведен порядок: «Этот полководец, когда прибыл в Александрию, вошел в нее в военном мундире, так как был назначен ее правителем. Но когда он пришел в церковь, то снял мундир, надел одеяние патриарха и стал вести богослужение. А жители Александрии стали забрасывать его камнями со всех сторон и чуть не убили. Сбежав от них, спустя три дня он объявил, что привез от императора послание, которое должен зачитать народу. Он напомнил народу, чтобы в воскресенье, ко-

¹⁹Ibid. T. CXI. Col. 1066.

²⁰Ibid. T. CXI. Col. 1067.

гда ударит колокол, все собрались в церкви и выслушали послание императора. И, когда наступило воскресенье, пришли все. А Аполлинарий накануне договорился со своими воинами, чтобы, когда он подаст им условный знак, они убили мечами всех присутствующих в церкви. Он взошел на амвон и сказал: “Послушайте, жители Александрии! Если вы вернетесь к истине и откажитесь от яковитской веры, будет хорошо, а если нет, то бойтесь, что он пришлет к вам того, кто прольет вашу кровь, обесчестит ваших жен и сделает ваших детей сиротами”, и, пока он говорил, они бросали в него камнями, поэтому он испугался за свою жизнь и подал своим людям условный знак. Они набросились на присутствующих в церкви и перебили внутри и за пределами ее такое множество людей, что кровь убитых доходила воинам до колен. Но многим удалось спастись. Они бежали в монастырь св. Макария в долине Хабиб. С тех пор вероучение мелькитов стало соблюдаться открыто, они возвратили себе храмы, которыми раньше владели яковиты²¹.

О патриархе Аполлинарии сохранилось мало сведений. Из рассказа Евтихия следует, что он стал патриархом из мирян, минуя церковные чины²². Аполлинарий получил от Юстиниана большую власть. Он был поставлен не только патриархом, но фактически и правителем Египта. Права патриархов Александрии и прежде были велики, но со времени Аполлинария они получили дополнительные полномочия. Аполлинарий правил Александрийской церковью и Египтом твердой рукой. Он устранил монофиситов, изгнал из Александрии монофиситское духовенство, вернул Александрийскую церковь в лоно православной церкви. Выдворенный из Александрии монофиситский патриарх устроил свой престол в монастыре св. Макария, где он находился и во времена Евтихия.

В начале своего правления Юстиниан, поддерживая официальную церковь, ко всем иноверцам и еретикам, включая монофиситов, проявлял враждебность, которая вызывала беспорядки не только в Александрии, но и в соседней Палестине, где восстали самаритяне и

²¹Ibid. T. CXI. Col. 1069–1070.

²²Существуют расхождения по поводу правления Аполлинария: у Евтихия начало его правления в Египте приходится на 15-й год царствования Юстиниана, т. е. 542 г., но список александрийских патриархов указывает на более позднюю датировку — 551–570 гг.

разграбили и сожгли много христианских церквей и перебили много христиан²³. Но под влиянием Феодоры, которая симпатизировала монофиситам и оказывала им поддержку, он занял гибкую позицию и решил с ними договориться. На Втором Константинопольском соборе 553 г. (V Вселенском) он сделал монофиситам важную уступку, осудив трех писателей-богословов, активных участников Халкидонского собора, которых монофиситы особенно ненавидели, обвиняя их в несторианской ереси. Церковная политика Юстиниана, сопровождаемая широким церковно-монастырским строительством, укрепила позиции ортодоксальной церкви на христианском Востоке.

Императоры, правившие после Юстиниана — Юстин, Тиберий, Маврикий и Фока — не уделяли должного внимания религиозным делам. Поэтому в восточных провинциях снова началось восстановление позиций монофиситов.

Сирийские монофиситы в 40-х годах VI в. обрели подлинного вождя в лице Якова Барадея, ученика Севера, который с проповедью монофиситства обошел восточные провинции, везде имел успех, «испортил веру людей и заставил принять его учение. От ветхой одежды, которую он носил, из альбардады или попоны, которой обычно покрывали верховых лошадей, произошло его прозвище Барадей²⁴. От Якова Барадея сирийские монофиситы получили прозвище яковиты. Это название в эпоху арабского владычества станет общим названием всех христиан-монофиситов.

При Маврикии появляется новый еретик — Марон, который первым начал проповедовать учение, связанное с монофиситством, получившее в VII в. название монофелитства. У Марона были последователи преимущественно из коренного населения Сирии, но среди них встречались и греки, которые стали называться маронитами. После смерти Марона жители города Хамы построили монастырь, названный в его честь. Монастырь св. Марона будет религиозным центром маронитов во времена Евтихия²⁵.

В Египте также происходило укрепление позиции монофиситов. Здесь, как и в Сирии, фактически существовала двойная церковная

²³P. G. T. CXI. Col. 1050.

²⁴Ibid. Col. 1067.

²⁵Ibid. Col. 1075.

иерархия — официальная православная и коптская монофиситская. В VII в. монофиситство становится знаменем сепаратизма восточных провинций, стремящихся к отпадению от Константинополя. Его слабой стороной была раздробленность: в начале VII в. насчитывалось около 13 монофиситских сект.

Император Ираклий (610–641) пытался добиться унии с монофиситами с помощью компромиссного учения монофелитизма. Его церковная реформа не удалась, хотя некоторые монофиситские секты вернулись в лоно православия. Реформа провалилась, потому что у Ираклия не было нужных для ее проведения значительных средств. Кроме того, проведение реформы совпало с неблагоприятными внешними условиями — началом экспансии арабов, которые сумели захватить восточные провинции и Египет, ослабленные религиозным противостоянием. Арабы признали все религии и верования покоренных народов, позволив еретикам сформировать свои самостоятельные церкви, тем самым санкционировали церковный раскол. В арабском Халифате произошло объединение разрозненных монофиситских групп в единую яковитскую церковь.

Евтихий не только описывает историю развития монофиситской ереси, но пытается установить причины церковных беспорядков. Первопричиной церковной борьбы выступает у него непостоянство в вере, которое проявляют все: еретики, искажающие веру, епископы, монахи, императоры и народ.

Особенно опасным было непостоянство веры у пастырей, которые оказывают большое влияние на народ. Историк показывает, как египетские епископы склонились перед Диоскором, палестинские епископы — перед Евдокией, сирийские — перед монахами, избирая на престол Петра Сукновала. Ярким примером непостоянства в вере является история иерусалимского епископа Ювеналия, который сначала поддерживал Диоскора против Нестория на Первом Эфесском соборе (431). Он был сопредседателем и сотоварищем Диоскора и на Втором Эфесском соборе (449), на котором монофиситство одержало победу. Но Халкидонском соборе переметнулся на сторону противников Диоскора. Такая политическая гибкость позволила Ювеналию расширить территорию Иерусалимской епархии и повысить статус Иерусалимского епископа до патриарха. Но его беспринципность поражает историка, поэтому он замалчивает

промонофиситскую деятельность Ювеналия на Втором Эфесском соборе и пытается его даже обелить, замечая, что он вместе с римским папой осудил деяние Диоскора. Но это осуждение произошло только в Халкидоне в 451 г.

Этим неустойчивым в вере и беспринципным епископам историк противопоставляет образ идеального пастыря, который защищает истину и может поддерживать в церкви порядок. Таким идеальным пастырем в Хронике выступает Иоанн V Милостивый, который был патриархом Александрии с 610 по 619 гг. Он был греком, уроженцем о. Кипра, и стал одним из самых почитаемых деятелей в мелькитской среде. До своего избрания он был пресвитером. Он прославился своей мудростью и широкой благотворительностью, за что и получил свое прозвище, объяснение которого дано у Евтихия: «Он все, что имел, раздавал всегда на милостыню, и даже одежды, которые носил, раздавал беднякам от избытка у него милосердия. Поэтому его и прозвали Иоанном Милостивым».²⁶ Широкою благотворительностью он поставил на службу церкви, с ее помощью он сумел завоевать симпатии населения Александрии, отвратил многих от монофиситской ереси и вернуть их в лоно ортодоксальной церкви. Он поступил так, как в свое время Иоанн Златоуст, которому удалось справиться с арианством в Константинополе в конце IV в. Во время нашествия персов на Палестину и Иерусалим он предоставил убежище и содержание в Александрии палестинским монахам и духовенству, чтобы укрепить позиции мелькитской церкви. А когда узнал, что персы сожгли и разорили иерусалимские церкви, то послал значительные средства на их восстановление Модесту, настоятелю монастыря св. Феодосия, будущему Иерусалимскому патриарху (632–634). Иоанн Милостивый был и крупным политиком, боролся против монофиситства и монофелитской унии, авторитет его был так высок, что с ним должны были считаться и наместник Египта и Константинополь. Величие образа Иоанна Милостивого раскрывается через два сновидения. Первое сновидение, относящееся ко дням его юности, показывает, что обостренная совестливость, не позволявшая пользоваться соответствующей его сану роскошью, была присуща ему от природы. Второе видение от-

²⁶Ibid. Col. 1083.

носились к последним дням его жизни и было на корабле во время его бегства из осажденной персами Александрии, когда ему во сне явился евнух и сказал: «Зовет тебя Царь царей». Это видение — не просто предчувствие скорой смерти. В Житии Иоанна Милостивого, откуда историк черпал информацию, фраза евнуха более пространная и фактически описывает ритуал царского погребения. В обязанности церемониймейстера входило возгласение над мертвым одром умершего императора фразы: «Выйди, царь, зовет тебя Царь царствующих и Господь господствующих». Похоронен Иоанн Милостивый на Кипре в родной деревне Амафунте²⁷.

Значительную роль в церковной борьбе играла позиция императоров. Поддержка правоверных императоров Константина Великого, Феодосия Великого, Феодосия II помогла церкви справиться с ересями Ария, Македония и Нестория. Но неустойчивые в вере императоры способствовали укреплению монофиситства. Непостоянство в вере проявили Феодосий II в последние годы жизни и его супруга Евдокия, поддержавшие Евтиха и Диоскора. Зинон и Анастасий, потворствовавшие еретикам из политических соображений, довели церковь до раскола. Иракий тоже попустительствовал еретикам. Его неудачная церковная реформа оттолкнула от него как монофиситов, так и православных, и в немалой степени благоприятствовала арабскому завоеванию христианского Востока и Египта.

У Евтихия есть представления и об образе идеального правителя. Из набора добродетелей совершенного императора он особенно подчеркивает правоверие и компетентность в государственных и религиозных делах. Таким императором у Евтихия выступает Юстиниан. Он хвалит его за восстановление православия не только в Александрийской церкви, но и во всей империи, за широкое церковное строительство на государственные средства, за восстановление иерусалимских церквей, разрушенных во время самаритянского восстания. При Юстиниане было завершено строительство церкви Богородицы в Иерусалиме, перестроена заново Вифлеемская церковь, построены большой монастырь на Синайской горе, госпиталь для чужестранцев в Иерусалиме для обеспечения развития паломничества. Он превозносит построенный заново Софийский собор в

²⁷Ibid. Col. 1070–1074; 1076.

Константинополе как «строение в высшей степени безукоризненное», хвалит законодательство Юстиниана — «Свод гражданского права». Несмотря на отход царя от строгого правоверия на V Вселенском соборе в Константинополе, для историка Юстиниан остается царем православным, заботящимся о благе и процветании церкви и подданных, и врагом монофиситства²⁸.

Нестойкость в вере проявляют и монахи, которые поддерживают то одну церковную партию, то другую. Причиной непостоянства монахов часто служит невежество, которое толкает их в стан еретиков. Монахи часто защищают не столько истину, сколько интересы своих лидеров и пастырей.

Непостоянство в вере народа — это наименьшее зло. Народ, даже мятежный, изгоняющий и даже убивающий своих пастырей (Протерий, Павел, Далмий), всегда жертва неразумной церковной и государственной политики. Народ показан в Хронике как мощная, но не самостоятельная сила, используемая противоборствующими сторонами в своих интересах.

Автор включает в свою книгу и идею активного сопротивления ортодоксов еретикам, используя приемы, заимствованные у византийских хронографов. Сам хорошо образованный, историк высоко ставит значение убеждения слова. Магическая сила слова может изменить ход событий и дать им новое направление. Поэтому у него часто встречается тема наставничества еретиков. Наставления в форме посланий или бесед обычно дают положительные результаты. Наставниками заблудших или закоснелых еретиков обычно выступают подвижники — епископы, монахи, рядовые христиане.

Св. Евфимий, защитник православия в Иерусалиме, наставляет императрицу Евдокию, причем текст его послания звучит повелительно, подразумевая скрытую угрозу: «Не принимай учение Диоскора, ведь он смещен со своего места и проклят со всеми еретиками. Вернись к той вере, которую исповедовала раньше»²⁹.

Наставниками императора Анастасия выступают Илья Иерусалимский и монах св. Савва, который во время посещения Констан-

²⁸Ibid. Col. 1054.

²⁹Ibid. Col. 1063.

тинополя в составе палестинского посольства имел личную беседу с императором. Его проповедь содержит прямую угрозу: «Кто думает против учения мелькитов, достоин проклятия. Мы просим не тревожить церковь; пока она находится в мире, мы тоже наслаждаемся покоем, не принимай учение еретиков».³⁰

Историк включает сюжеты, касающиеся мужественного и даже дерзкого поведения подвижников перед лицом еретиков. Проклятием грозит Анастасию Флавиан Антиохийский, который был смещен за это и отправлен в ссылку. Илья Иерусалимский за то, что проклял Севера и Анастасия, тоже был смещен и отправлен в ссылку, где вскоре и умер. Иоанн Иерусалимский за переход на сторону ортодоксов был арестован и брошен в тюрьму. Дерзко ведут себя все палестинские монахи, возглавляемые своими предводителями св. Феодосием и св. Саввой, проклинающих на массовых сборищах в Иерусалиме еретиков и им сочувствующих, бунтующих против правительства³¹. Общим во всех примерах является то, что активное сопротивление всегда оказывается успешным. Даже когда герои погибают (как Максим Исповедник) они одерживают победу.

Подведем итоги. Хроника Евтихия позволяет по-новому взглянуть на монофиситскую ересь, распространение которой объясняется причинами политическими, социальными, религиозно-национальными и даже морально-этическими. Монофиситство, родившееся в Египте, получило широкое признание и стало национально-религиозной идеей Александрийской церкви. Высокий авторитет Александрии в церковных делах сделал монофиситство общепризнанным и во вселенской церкви.

Борьба Константинополя за централизацию вселенской церкви и подчинение полунезависимых восточных патриархатов новому религиозному центру — Константинополю — вылилась в борьбу против монофиситства, которое из Египта распространилось и среди коренного населения Сирии и Армении, став и там выражением национального и социального протеста против деспотии Константинополя. Неустойчивая религиозная политика лавирования между разными церковными партиями привела к складыванию моно-

³⁰Ibid. Col. 1064.

³¹Ibid. Col. 1064.

фиситской церковной организации в VI в. и одновременному существованию двух церковных иерархий.

Успех монофиситства историк объясняет и морально-этическими причинами — непостоянством в вере высших чинов церкви, императоров, монахов и народа, которое они демонстрировали в религиозной борьбе. Преодоление монофиситского раскола было возможно благодаря проведению последовательной твердой политики в церкви и смягчению социального и национального напряжения путем улучшения жизни народа.

Проводником такой политики выступает император Юстиниан, которому удалось вернуть ортодоксию в Египет, укрепить ее в Сирии и Палестине. Преемники Юстиниана своей бездеятельностью только содействовали возрождению монофиситства, которое с конца VI — начала VII вв. становится религиозно-сепаратистским движением. Завоевание арабами восточных провинций помогло монофиситам полностью отделиться от ортодоксов и образовать самостоятельную церковь.

К истории изучения документов Афонских монастырей

После окончания периода иконоборческих споров в империи, по определению И. И. Соколова, происходят своеобразный взрыв аскетических настроений и повышение значения монашеского института, что выражалось прежде всего в строительстве множества новых монастырей.¹ Монастыри становятся важнейшей частью общественной и экономической системы Византийской империи в целом. Развитие аскетических настроений изменяет самосознание конкретного византийца, усиливая в нем идеалы монашеской жизни. Поэтому проблеме организации монастырского хозяйства и формирования правовой базы монастырской собственности в средневизантийский период уделяется значительное внимание в современной византинистике.

Именно с X в. растут авторитет и значение такого центра византийского монашества, как Афон.² Афонские монастыри начинают играть огромную роль в политической, социальной и экономической жизни империи, а каждый византиец, начиная с императора и заканчивая малоземельным крестьянином, считал своим долгом одарить каким-либо имуществом афонские обители.

Документальный материал, хранившийся в архиве Святой Горы, является одним из важнейших массовых источников, из которых мы черпаем информацию об организации хозяйства Афонских монастырей, а также о становлении земельного комплекса Афона и о поземельных отношениях в фессалоникийской феме. Поэтому естественно, что изучение различных проблем, связанных с развитием афонского монашества, зависит прежде всего от новых публикаций документации святогорских архивов и ее изучения. Можно выделить несколько периодов этого изучения.

¹ *Соколов И. И.* Состояние монашества в византийской церкви в IX–XIII вв. Казань, 1894. С. 56.

² О становлении земельного комплекса афонских монастырей см.: *Dolger G.* Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948. S. 20–48.

Впервые Афонские акты стали издаваться и изучаться еще в середине XIX в. русскими исследователями. Это было связано с общим возрастанием интереса русской исторической науки к наследию православного Востока. Епископ Порфирий (Успенский) во время своей поездки на Афон переписал многие монастырские документы, которые затем частично опубликовал.³ Но следует заметить, что это издание не сопровождалось критическим анализом актового материала. Зачастую наряду с подлинными документами в нем встречались и поддельные.⁴ Опираясь именно на это издание, отечественные византинисты В. Г. Васильевский и Ф. И. Успенский исследовали организацию светского и монастырского землевладельческого хозяйства и его связи с крестьянским землевладением. Они пришли к выводу о большой роли в экономике Византии крестьянской общины, которую императорская власть поддерживала в противовес динатам.⁵ На материале в том числе афонских монастырских актов ученые доказали, что основные положения антидинатского законодательства Македонской династии продолжали претворяться в жизнь и в XI–XIV вв. Много внимания Ф. И. Успенский уделил проблеме развития пронии во фракийских провинциях Византии и пришел к выводу, что именно этот институт с конца XI в. представляет собой главную опасность для свободного крестьянства. Под пронией исследователь понимал «по-

³ *Еп. Порфирий (Успенский)*. История Афона. Ч. 3: Афон монашеский. Киев, 1877. См. также: *Еп. Порфирий (Успенский)*. Второе путешествие по св. Горе Афонской в 1858, 59 и 61 гг. и описание скитов Афонских // ЖМНП. 1886. С. 45–132. О деятельности еп. Порфирия (Успенского) см. также: *Герд Л. А.* Еп. Порфирий (Успенский): из эпистолярного наследия // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995. С. 8–21.

⁴ *Dolger F.* Karayannopoulos J. Byzantinischen Urkundenlehre. . . Т. I. München, 1968. S. 3–5.

⁵ *Литаврин Г. Г.* Василий Григорьевич Васильевский — основатель Санкт-Петербургского центра византиноведения (1839–1899) // ВВ. 1994. Т. 55 (80). С. 9–10; *Васильевский В. Г.* Материалы для внутренней истории Византийского государства // ЖМНП. 1878. Ч. 202. С. 161; *Курбатов Г. Л.* История Византии (Историография). Л., 1975. С. 107–108; *Успенский Ф. И.* 1) К истории крестьянского землевладения в Византии // ЖМНП. 1883. Ч. 225. С. 45; 2) Следы писцовых книг в Византии // ЖМНП. 1885. Ч. 230; См. также: *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. II. М., 1998. С. 198–203.

жалование служилым людям населенных земель и других приносящих доход угодий в награду за оказанные услуги и при условии исполнения государственной службы». ⁶ Это типичное условное владение, которое Ф. И. Успенский отождествлял с западным бенефицием. Причем он считал, что только влияние западных аграрных отношений было стимулом развития в Византии института прони. Этот процесс получил особенное развитие при Комнинах, которые, по мнению исследователя, в своей политике ориентировались на Запад, что и послужило одной из причин гибели Византии. ⁷ Большая заслуга Ф. И. Успенского состояла в том, что он привлекал при изучении особенностей византийских институтов земельной собственности (например, харистикариата, монастырской вотчины) монастырскую документацию.

Б. А. Панченко выступил против концепции В. Г. Васильевского — Ф. И. Успенского. Исследовав большой комплекс византийских юридических документов, в том числе известных ему афонских актов, ученый предположил, что в Византии на протяжении всей ее истории господствовала личная крестьянская собственность на земельные наделы, которая основывалась на устойчивых традициях римской квиритской собственности. ⁸ Особенно следует отметить, что Б. А. Панченко внес немало нового в методiku исследования аграрных отношений, перейдя к системно-массовому изучению монастырских актов.

Только в начале XX в. афонские документы были подвергнуты исследованию на подлинность Л. Пти и П. Кораблевым, систематизированы и изданы в приложении к «Византийскому Временнику» с добавлением вновь найденных документов. Это издание способствовало появлению исследований в области конкретных институтов земельной собственности. Так, П. А. Яковенко и К. Н. Успенский

⁶ Успенский Ф. И. 1) Значение византийской и южнославянской прони // Сборник по славяноведению в честь В. И. Ламанского. СПб., 1883. С. 56; 2) История Византийской империи. Т. III. М., 1998. С. 90.

⁷ Успенский Ф. И. Уклон консервативной Византии в сторону западных влияний // ВВ. 1916. Т. 22. С. 22–39.

⁸ Панченко Б. А. Крестьянская собственность в Византии. (Земледельческий закон и монастырские акты) // ИРАИК. Т. IX. София, 1904; Курбатов Г. Л. История Византии... С. 118; См. также: Сюзюмов М. Я. Научное наследие Б. А. Панченко // ВВ. 1964. Т. 25. С. 36.

на основе опубликованного актового материала изучали генезис византийского иммунитета — экскуссии, показав, что он развивался в Византии независимо от Запада.⁹ К. Н. Успенский отводит особое место «монастырскому феодализму», считая его специфическим для Византии. Именно борьба, по его мнению, между светским и монастырским землевладением составляла основной стержень общественного развития Византии. Она закончилась в XI в. победой монастырей. Основой «монастырского феодализма» К. Н. Успенский считал экзиминовую монастырскую собственность.¹⁰ Следует, однако, заметить, что сейчас издание Л. Пти и П. Кораблева уже не отвечает современным требованиям публикации подобного рода актов.

Следующий этап изучения афонских архивов приходится на начало деятельности французской археологической школы в Афинах. В 1918–1920 гг. Г. Милле, археолог, представитель этой школы, во время своих поездок на Святую Гору сделал серию снимков афонских актов, особенно связанных с Лаврой св. Афанасия. Эти акты, как считал исследователь, должны были быть изданы как греческие документы византийской эпохи. Данную работу выполнили его последователи Ж. Руйяр и П. Коломп. Они выпустили один том актов Лавры св. Афанасия, снабдив издание солидным научным комментарием.¹¹ Это издание способствовало появлению многочисленных исследований актового материала. Прежде всего следует выделить исследования Ж. Платона, занимавшегося изучением права предпочтительного отчуждения имущества. Ученый впервые связал право предпочтительного отчуждения недвижимости с общеправовыми отношениями в византийской деревне. Особое значение имеют работы Г. А. Острогорского, посвященные проблемам функционирования налогового ведомства, развития крупного и мелкого землевладения, в том числе монастырского, становления

⁹ Яковенко П. А. К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908; Успенский К. Н. Экскуссия-иммунитет в Византийской империи // ВВ. 1923. Т. 23.

¹⁰ Успенский К. Н. 1) Очерки по истории Византийской империи. Ч. I. СПб., 1917. С. 45; 2) Экскуссия-иммунитет в Византийской империи // ВВ. 1923. Т. 23. С. 98.

¹¹ Archives de l'Athos. T. I. Actes de Lavra / Rec. G. Roujard et P. Colomp. Paris, 1937.

прониарной системы и экскуссии.¹² На основе изучения институтов пронии и византийского иммунитета он пришел к выводу, что с X в. Византия являлась типичным феодальным государством. Крупная собственность провинциальных магнатов окончательно складывается в XI в., превратившись к XIV в. в наследственную собственность.¹³ Но характерной чертой византийского феодализма, по мнению Острогорского, было отсутствие иерархии собственности.¹⁴ И хотя некоторые выводы автора, в частности, об общем упадке византийской экономики в XI в., были затем пересмотрены, многие его положения нашли подтверждение в дальнейших исследованиях.

Третий этап публикаций и исследования афонской документации начинается с середины XX в. В 1941 г. на Афоне побывал Ф. Дэльгер, который сфотографировал множество документов, в число которых входили не только акты Лавры, но и акты других афонских монастырей. В результате в 1948 г. ученый смог издать многие из ранее не публиковавшихся актов с научными комментариями.¹⁵ Наконец, в 1958 г. М. Гийю, член французской афинской школы, посетил Святую Гору и сделал еще несколько фотоснимков актов, не вошедших в публикацию Г. Миллета. Большая часть их относится к эпохе Палеологов. Тогда же были сделаны фотоснимки актов многих других афонских монастырей. Они легли в основу издания, которое носит общее название «L'Archives de l'Atchos». На сегодняшний день издано около 30 томов этого собрания. Оно отличается качественным изданием каждого акта, с использованием новейших археографических методов, систематическим подбором актов, комплексным анализом документов.

В дальнейшем афонские документы стали объектом исследо-

¹²См. общий труд исследователя: *Ostrogorsky G.* 1) *Geschichte des Byzantinischen Staates.* München, 1963; 2) *Pour l'histoire de la feodalité Byzantine.* Bruxelles, 1954; 3) *Quelques problèmes d'histoire de la paisannerie byzantine.* Paris, 1956.

¹³*Острогорский Г.* 1) Пронія (Прилог историји феудализма у Византији и јужнословенским земљама). Београд, 1951; 2) К истории иммунитета в Византии // ВВ. 1958. Т. 13. С. 24–58; 3) Пронія при Комнинах // ЗРВИ. 1970. Т. 12. С. 35–47.

¹⁴*Ostrogorsky G.* *Pour l'histoire de la feodalité...* P. 106.

¹⁵*Dölger F.* *Aus dem Schatzkammer...* S. 15. См. также отдельные статьи исследователя, посвященные афонским монастырям: *Dölger F.* *Byzantinischen Diplomatie 20 Aufsätze zum Urkundenwesen der Byzantiner.* Ettal, 1956. S. 10–28.

вания Г. Острогорского и Ф. Дэльгера. Ученые изучали материал актов как источник по истории развития крупной земельной собственности и как материал по византийской дипломатике. Они не рассматривали афонские акты в разных историографических аспектах.

После второй мировой войны в связи с началом издания первых томов афонских документов актовый материал стал привлекаться исследователями как один из основных видов источников. Появляются исследования конкретных проблем византийской истории, таких как налогообложение, функционирование центрального и провинциального аппарата управления, судебного ведомства, соотношение крупного и мелкого землевладения. П. Лемерль обратился к изучению актового материала Афона с точки зрения развития аграрно-правовых отношений. По мнению ученого, сущность аграрной эволюции в Византии заключалась в расширении монастырской и светской привилегированной собственности частного характера, освобождении от государственных налогов, что привело в конце концов к ослаблению центральной власти.¹⁶ Но по мере изучения актового материала П. Лемерль начал признавать существование в Византии условного землевладения, которое, по мнению исследователя, было кардинально отлично от западного бенефиция в правовом аспекте, базируясь на частноправовой основе.¹⁷ Исследователь смог показать на основе анализа материала различных документов, что в XI в. провинциальное землевладение не приходит в упадок, а наоборот, приобретает черты денежного хозяйства и втягивается в рынок.¹⁸ Однако, как считают некоторые ученые, П. Лемерль преувеличивал роль фискального фактора в аграрно-правовых отношениях. Д. Закитинос также считал, что финансовый кризис, охвативший Византию в XI–XV вв., был причиной ее упадка. Но в то же время исследователь показал, что именно рост крупного землевладения, в том числе монастырского, был следствием этого кризиса.

¹⁶ *Lemerle P. Esquis pour une histoire agrarie de Byzance (le sources et les problemes) // Revue historique. 1958. Vol. 219–220.*

¹⁷ *Lemerle P. The agrarian history of Byzantium from the origins to the twelfth century. The surces and problems. Galway, 1979. P. 251–261.*

¹⁸ *Lemerle P. Cinq etudes sur le XIe siècle byzantin. P., 1977. P. 234.*

Исследования Н. Звороноса, также принимавшего активное участие в издании актов Святой Горы, посвящены изучению податного обложения византийского крестьянства, проблемам управления крупными вотчинами. Он пришел к выводу о противоположности в хозяйственной организации крупного и мелкого землевладения, но тождественности их юридической природы. По мнению ученого, весь период византийской истории характерен господством мелкого крестьянского землевладения, вначале в виде парцелл, затем в виде долгосрочной аренды.¹⁹ На наш взгляд, Н. Зворонос оказался в плену юридического подхода к изучению землевладения, что привело его к пониманию пронии как «нетелесного владения» и к признанию господства в Византии собственности римского квиритского типа.²⁰ Ф. Дэльгер исследовал на материале афонских документов вопросы функционирования крупного земельного хозяйства.

В отечественной византистике к исследованию афонских актов обращались Б. Т. Горянов, А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин, М. М. Фрейденберг, К. В. Хвостова, И. П. Медведев. В своих работах они касались проблем развития крупного землевладения — проний — фракийских провинций. Г. Г. Литаврин видел этот процесс довольно сложным и полагал, что в XI в. крупное византийское земельное пожалование отличается от западного бенефиция только тем, что византийский прониар получал не все экономические права, он не получал полного освобождения от налогов.²¹ По мнению исследователя, скорее можно говорить о процессе постепенного превращения проний в полностью иммунитетные феодальные владения (феоды). Причем этот процесс затягивался в связи с тем, что, с одной стороны, государство не давало развиваться крупному экзиминованному землевладению, а с другой стороны, сами динагты

¹⁹По этому вопросу: *Svoronos N.* 1) Sur quelques formes de la vie rurale à Byzance. Petite et grande exploitation // Etude sur l'organisation intérieure de la société et l'économie de l'Empire Byzantin. London, 1973; 2) Recherches sur les structures économiques de l'Empire Byzantine // ТМ. Т. 6. P. 125–152.

²⁰*Svoronos N.* Sur quelques formes de la vie rurale à Byzance. Petite et grande exploitation // Etude sur l'organisation intérieure de la société et l'économie de l'Empire Byzantin. London, 1973. P. 15–17.

²¹*Литаврин Г. Г.* 1) Византийское общество и государство в X–XI вв.: Проблема истории одного столетия, 976–1081. М., 1977. С. 171 и далее; 2) Проблема государственной собственности в Византии X–XI вв. // ВВ. 1975. Т. 35. С. 76.

не стремились быть экономически и политически независимыми от государства.²² В настоящее время К. В. Хвостова, занимаясь проблемами прониарных владений, в основном поддерживает точку зрения Г. Г. Литаврина.²³ Но она склонна также отмечать вслед за немецкой византинисткой Х. Коппштейн и французскими исследователями Н. Звороносом и Э. Арвейлер, что прония — это дальнейший этап развития стратиотского надела²⁴. Прониару делегировались государством некоторые полномочия в управлении вверенной ему территорией, в особенности по сбору налогов. Но в последующем наблюдалась тенденция превращения пронии в наследственное владение, что особенно хорошо прослеживается на основе материала монастырских актов.

В 70-х годах XX в., когда во Франции началась большая работа по изучению афонских актов, появляются исследования в области аграрного и социального строя империи. Работы П. Лемерля, Н. Звороноса, Э. Арвейлер охватывают широкий круг вопросов, связанных с развитием аграрно-правовых отношений. В Германии традиционно исследуются проблемы административного, налогового и военного устройства Византии. При их изучении Х. Г. Бек, И. Карайяннопулос использовали в том числе материал афонских актов.

²² *Литаврин Г. Г.* Византийское общество... С. 217–218.

²³ *Хвостова К. В.* Прония: социально-экономические и правовые проблемы // ВВ. 1988. Т. 49. С. 13–14.

²⁴ См: *Ahrweiler H.* La Pronia... Р. 2–8; см. представленную там библиографию.

Кризис римской военной системы после битвы при Адрианополе

После поражения императора Валента под Адрианополем (378 г.) восточная половина Римской империи оказалась в очень тяжелой ситуации: не только императорская армия была почти полностью уничтожена, но и многие Балканские провинции подверглись беспощадному опустошению¹. Разорение последних стало страшным ударом по всему военному потенциалу римского Востока, поскольку на протяжении практически всего IV в. именно эти провинции, и прежде всего Фракия, служили основным источником пополнения личного состава армии.

О Фракии следует сказать особо. Согласно данным трактата «*Expositio totius mundi et gentium*», составленного в середине IV в., боеспособных рекрутов восточная армия получала из Галатии, представлявшей императорам «превосходных воинов»², из Малой Армении, славившейся своими всадниками и лучниками³, а также из Фракии⁴. О последней анонимный автор говорит, что она населена «рослыми и отважными в битвах людьми» и что именно отсюда обычно вербуют воинов. Его слова подтверждает и Аммиан Марцеллин, по свидетельству которого император Констанций, проводя зиму в Константинополе, укомплектовывал молодыми и крепкими рекрутами свои отборные легионы⁵. Таким образом, Фракия была одним из важнейших источников пополнения не только частей, охранявших восточные провинции, но и императорской армии, и если Галатия лишь «в некоторых случаях» отправляла рекрутов

¹ *Ammianus Marcellinus. Res gestae / Recensuit V. Gardthausen. Leipzig; Teubner, 1879* (далее — Амм.). На рус. яз.: *Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. А. И. Сонни, Ю. А. Кулаковского. СПб., 1994. XXXI, 16, 7.*

² *Expositio totius mundi et gentium. Paris, 1964* (далее — *Expositio*). На рус. яз.: *Анонимный географический трактат «Полное описание вселенной и народов» / Пер. С. В. Поляковой и И. В. Феленковской // ВВ. 1956. Т. VIII. С. 277–288.*

³ *Ibid.*, 43.

⁴ *Ibid.*, 50.

⁵ *Амм. XX, 8, 1.*

на военную службу, а из армян набирались только кавалерия и лучники, то наборы во Фракии были обычным делом⁶.

Насколько мы можем судить, фракийское население, несмотря на свои длительные контакты с греко-римской цивилизацией, лишь в очень малой степени испытало на себе ее воздействие. К тому же в IV в. Фракия оставалась одной из немногих областей Римской империи, где значительную часть сельского населения составляло свободное крестьянство⁷. Поэтому понятно, что именно среди фракийцев императоры находили необходимые резервы для армии. Однако к середине IV в. положение заметным образом меняется. Два фактора оказали самое отрицательное влияние на положение коренного населения Фракии. Первый — это быстрое разорение свободного крестьянства и превращение его в колонов⁸. Второй — набеги готов. В похвальном слове к Констанцию Либаний говорит об опустошении готами отдельных районов Фракии⁹. Некоторые земли, очевидно, совершенно обезлюдели. На одной из таких территорий, населенных прежде фракийскими крестьянами, в 343 г. Константин поселил жителей захваченного им города Адиабены¹⁰. Уменьшение численности населения провинции позволило императору Валенту в 376 г. поселить во Фракии огромное количество готов и выделить им земли для обработки¹¹. Последовавшее затем готское восстание окончательно превратило Фракию и соседние провинции в пустыню¹².

⁶Expositio, 50.

⁷Курбатов Г. Л. Либаний о Фракии // Българска Академия на науките. Известия на Института за история. 1962. Т. XI. С. 160.

⁸Там же.

⁹Libanius. Orationes et declamationes. Leipzig, 1903–1922 (далее — Lib.). LIX, 85.

¹⁰Ibid. LIX, 83.

¹¹Аmm. XXXI, 4, 8.

¹²По этому поводу достаточно привести свидетельство Иеронима, писавшего в 396 г. о состоянии балканских провинций следующее: «Viginti et eo amplius anni sunt, quod inter Constantinopolim et Alpes Iulias cottidie fere Romanus sanguis effunditur. Scythiam, Thraciam, Macedoniam, Dardanium, Daciam, Thessaliam, Achaiam, Epiros, Dalmatiam cunctasque Pannonias Gothus, Sarmata, Quadus, Alanus, Hunni, Vandali, Marcomanni vastant, trahunt, rapiunt» («Более двадцати лет, как между Константинополем и Юлиевыми Альпами почти ежедневно проливается римская кровь. Скифию, Фракию, Македонию, Дарданию,

Тем не менее еще в начале своего правления император Феодосий I, стремившийся восстановить силы армии, пытался опереться в борьбе с готами именно на местное население. Э. Гиббон полагал, что моральный шок, потрясший римское общество после битвы при Адрианополе, был столь велик, что римляне приходили в ужас при одном упоминании о готах, и армия, составленная из подобных солдат и выведенная в поле, была бы побеждена собственным страхом¹³. Однако наши источники свидетельствуют как раз об обратном. Сразу же после гибели армии Валента жители Константинополя, вооружившись чем попало, отогнали готов от города¹⁴. Либаний сообщает, что для борьбы с варварами правительство, за неимением солдат, стало в массовом порядке призывать в армию земледельцев¹⁵. Фемистий также говорит о том, что в 379 г. Феодосий отдал приказ вооружить крестьян и рабочих рудников¹⁶.

Проведенные мероприятия сразу же дали положительный результат. При поддержке западных войск Феодосий перешел в наступление. Иордан говорит, что возглавляемые им римские силы вытеснили готов из пределов Фракии¹⁷. Об успешных действиях против варваров сообщает и Фемистий, выражающий надежду, что счастливое для «скифов» время прошло и распространившийся повсеместно пожар будет потушен¹⁸.

Впрочем, так же несомненным является и то, что уже в начале своего правления Феодосий начал активно привлекать в ряды регулярной армии и варваров. Зосим утверждает, что в некоторых подразделениях количество последних стало превышать ко-

Дакию, Фессалию, Ахайю, Эпиры, Далмацию, и все Паннии, готы, сарматы, квады, аланы, гуны, вандалы, маркоманны опустошают, растаскивают, грабят») (*Hieronimus. Epistulae. Corpus Scriptorum ecclesiasticorum latinorum. Patrologia Latina / Ed. J. P. Migne. Paris, 1844–1864. T. 22, col. 326–1224. LX, 16*).

¹³ Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. В 7 т. Т. III. М., 1997. С. 209.

¹⁴ *Socratis Scholastici Historia Ecclesiastica // Patrologia Graeca. Ed. J. P. Migne. Paris, 1857–1866. T. 67, col. 30–842 (далее — Socrat. Hist.)*. V, 1.

¹⁵ *Liban., XXIV, 15*.

¹⁶ *Themistius. Orationes. Leipzig, 1927 (далее — Themist. Or.)*. XIV, 181 b.

¹⁷ *Jordanes. Getica // MGH AA, 5, 1. P. 53–138. Edidit Societas Aperiendis Fontibus rerum Germanicarum Medii Aevi. Berlin. Weidmannos, 1882 (далее — Jord. Getica)*. На рус. яз.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Пер. Е. Ч. Скрижинской. СПб., 1997. 140.

¹⁸ *Themist., Or., XIV, 181 b, c*.

личество римлян¹⁹. Варварам, поступившим на римскую службу, разрешалось свободно покидать свои части, уходить на родину или выставлять вместо себя других лиц²⁰.

Понятно, что в создавшихся условиях не могло быть речи ни о какой дисциплине или обучении новых солдат римским приемам ведения боя, как не могло быть речи и об их романизации. Боевые качества новых войск были крайне низки. Феодосий не мог не видеть этого. Чтобы как-то изменить положение, он пытался отправить часть своих наемников-варваров под командованием перса Хормизды в Египет, а на смену им вызвал оттуда старые регулярные части²¹.

Кроме мероприятий, направленных на восстановление армии, Феодосий пытался привлекать на свою сторону и отдельных готских вождей. Он заключил договор с готом Модаром, предоставив, по-видимому, его людям права федератов. После этого Модар произвел страшное истребление противников Феодосия, захватив у них при этом четыре тысячи повозок²².

Уже к лету 379 г. римляне нанесли готам ряд ощутимых поражений²³. Их успех облегчила эпидемия чумы, поразившая варваров²⁴.

Современники, видимо, посчитали, что над врагом одержана окончательная победа. Авсоний, произнесший несколько месяцев спустя панегирик в честь императора Грациана, утверждал, что за один год молодой император умиротворил рейнскую и дунайскую границы, навел порядок на Востоке и отомстил за позорное поражение дяди²⁵. Феодосий по случаю победы устроил торжество²⁶, а 17 ноября 379 г. он заявил перед константинопольским сенатом о

¹⁹ *Zosimus comes et exadvocatus fisci*. *Historia nova*. Leipzig, 1887 (далее — *Zosim. Hist.*). IV, 30.

²⁰ *Ibid.* IV, 31.

²¹ *Ibid.* IV, 30.

²² *Ibid.* IV, 25.

²³ *Socrat. Hist.* V, 6.

²⁴ *Ambrosius*. *Opera Omnia*. *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*. Wien, 1866. Т. 73 (далее — *Ambros. Ep.*); *Ep.*, XV; *Themist. Or.* XIV.

²⁵ *D. M. Ausonii Burdigalensis Opuscula* / Ed. S. Prete. Leipzig, 1978 *Gratiani actio* (далее — *Auson. Grat. Actio*). 2, 7–8. На рус. яз.: *Авсоний*. Стихотворения / Изд. подг. М. Л. Гаспаров. М., 1993.

²⁶ *Socrat. Hist.* V, 6.

полной победе над готами, аланами и гуннами²⁷. «В какой-то момент, — замечает Х. Вольфрам, — показалось, что катастрофы под Адрианополем не было»²⁸.

Однако Адрианополь наглядно продемонстрировал уязвимость империи. Теперь не договоры, а лишь постоянное присутствие реальной военной силы могло удерживать варваров от вторжений на римские земли. Уже в 379 г., воспользовавшись уходом императорской армии, аламанны совершили набег на Галлию²⁹. Для их отражения Грациан был вынужден спешно вернуться на Запад³⁰.

В 380 г. началось новое вторжение варваров, закончившееся тотальным опустошением балканских провинций³¹. Ответственность за неудачу Феодосия, пытавшегося отразить нашествие, Зосим возлагает на его солдат-варваров, предавших римлян и присоединившихся к своим соплеменникам³².

После понесенного поражения Феодосий предпринимает ряд дополнительных мер, чтобы собрать новую армию. Некоторые законы, изданные им в это время, были направлены против дезертиров³³.

В 380 г. он издал закон против сыновей ветеранов, избегавших военной службы³⁴. Следующим законом он запретил заменять рекрутов рабами и людьми низких профессий. Уклонявшиеся от призыва на военную службу преследовались. Те, кто рубил себе пальцы, подлежали строгому наказанию³⁵.

Остро нуждаясь в средствах на покрытие военных расходов, Феодосий был вынужден увеличить налоги, взимаемые с населения.

²⁷ *Consularia Constantinopolitana ad a. CCCXCV ad. a. CCCCLXVIII*. MGH AA. T. IX. (далее — *Cons. Const.*). An. 379. P. 243.

²⁸ *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003. С. 189.

²⁹ *Socrat. Hist.* V, 6.

³⁰ Эта военная кампания Грациана была очень недолгой и закончилась успешно для римлян, так как, очевидно, уже в сентябре 379 г. н. э. император возвратился в Треверы (*Auson., Grat. Actio*, 18, 82).

³¹ *Lib. Or.*, XXIV, 15.

³² *Zosim. Hist.* IV, 31.

³³ *Codex Theodosianus*. Berlin, 1905 (далее — *CTh.*). VII, 18, 4, 6.

³⁴ *Ibid.* VII, 13, 8.

³⁵ *Ibid.* VII. 22. 9.

Зосим утверждает, что для их выплаты жители Македонии и Фессалии должны были отдавать не только деньги, но также и женские украшения и даже собственную одежду³⁶.

Наконец Феодосий отправил письма императору Грациану с просьбой о помощи³⁷. Последний, однако, не спешил двинуть свою армию на Восток. Объясняется это тем, что наученный опытом кампаний 378 и 379 гг., когда уход императорской армии непременно провоцировал германцев совершать свои набеги на Галлию, Грациан предпочел более не подвергать риску опустошения свои земли и уделить основное внимание обороне рейнской границы. В то же время он не мог оставаться безучастным к судьбам балканских провинций, ставших жертвой новой волны варварского нашествия. Поэтому на этот театр военных действий был отправлен корпус под командованием Баутона и Арбогаста³⁸. С помощью западных войск готы были вновь вытеснены из империи.

В начале сентября 380 г. года в Сирмии состоялась встреча Грациана с Феодосием³⁹. По заключенному там договору под власть Грациана перешли диоцезы Дакия и Македония⁴⁰.

Возвращаясь из Сирмия в Константинополь, достигнув уже

³⁶ *Zosim. Hist. IV, 32.*

³⁷ *Ibid. Hist. IV, 32.*

³⁸ *Zosim. Hist. IV, 33.*

³⁹ *Piganiol A. Histoire romaine. T. IV: Deuxième partie. L'Empire Chrétien (325–395). Paris, 1947. P. 222.*

⁴⁰ Переход этих диоцезов от Феодосия к Грациану — немаловажный факт. Некоторые ученые полагают, что Грациан потребовал их под предлогом передачи во владение своему брату Валентиниану (*Piganiol A. Histoire romaine... P. 222.*). При этом упускается из виду то, что это требование было предъявлено в сентябре 380 г., а не в январе 379 г., когда Грациан, будучи старшим августом, мог сразу указать, до каких пределов должна была распространяться власть Феодосия. Объяснение этому факту может быть дано только одно: к началу января 379 г., т. е. спустя пять месяцев после гибели Валента, ситуация на Балканах оставалась крайне опасной; поэтому Грациан и решил разделить бремя власти с Феодосием, предоставив тому искать выход из сложившегося кризиса; однако положение изменилось к сентябрю 380 г. и оба диоцеза стали привлекательными для Грациана; очевидно, что к этому времени корпус Баутона и Арбогаста совершенно очистил их от варваров, и западный император, полагая, что достигнутая победа на этот раз была окончательной, поспешил воспользоваться успехом своих полководцев.

Фессалоник, Феодосий внезапно заболел,⁴¹ и состояние его было почти безнадежно⁴².

После этого в октябре-ноябре две варварские армии вторглись на Балканы. Одна из них под командованием Фритигерна атаковала Фессалию, Эпир и Грецию, а другая под предводительством Алатея и Сафрака устремилась в Паннонию⁴³. Это нашествие проходило одновременно с вторжением вандалов на Западе, не позволившим Грациану своевременно прийти на помощь подвергшимся нападению балканским провинциям⁴⁴. Виталлиан же, находившийся во главе военных сил Иллирика, оказался, по свидетельству Зосима, недостаточно способным для этого дела человеком⁴⁵. Когда же наконец Грациан прибыл в Паннонию во главе своей армии, то не отважился решить вопрос военным путем, а заключил с варварами федеративный договор, по которому последние обеспечивались продовольствием и получали в этой провинции земли для поселения⁴⁶.

380 год мы можем считать отправной точкой, положившей начало новому этапу развития римской военной системы. Отныне более не слышно об участии западных войск в военных действиях на Востоке. Феодосий оказался предоставленным самому себе, и с этого времени его политика в отношении варваров резко изменилась.

⁴¹ *Socr. Hist.* V, 6. — Сократ Схоластик утверждает, что Феодосий заболел сразу же после его совместного похода с Грацианом, еще не дойдя до Константинополя, т. е. в 379 г., а выздоровление его наступило лишь в ноябре 380 г. («в первое свое и пятое консульство Грациана») (*Socr. Hist.*, V, 6). Таким образом, согласно Сократу, Феодосий проболел около года, что, конечно же, явилось следствием ошибки историка, объединившего события двух кампаний.

⁴² *Jordan. Getica*, 141: *Theodosio fatali desperatione succumbente*.

⁴³ *Ibid.*

⁴⁴ *Jordan. Getica*, 141.

⁴⁵ *Zosim. Hist.* IV, 33.

⁴⁶ *Jordan. Getica*, 141. — А. Пиганьоль предполагает, что решение поселить варваров в качестве федератов в Паннонии было принято на последнем совещании с Феодосием в Сирмии (*Piganiol A. L'Empire chrétien* P. 222–223). В таком случае это означало бы, что совещание проходило в то время, когда варвары опустошали Паннонию, Фессалию, Эпир и Грецию. Тогда Феодосию было бы практически невозможно добраться из Сирмия до Фессалоник. К тому же подобное предположение противоречит данным наших источников: согласно утверждению Иордана, наступление готов было спровоцировано именно болезнью Феодосия (*Jordan. Getica*, 140).

Осознав, очевидно, свое бессилие продолжить борьбу в одиночку, восточный император предпочел бороться с варварами их же собственными руками.

В начале 381 г. к Феодосию перешел вместе со своей дружиной готский король Атанарих⁴⁷. После смерти Атанариха все его люди остались на службе у Феодосия, «слившись как бы в одно тело с римским войском»⁴⁸. А 3 октября 382 г. с этими готами был заключен договор, по которому они становились федератами и получали земли в Нижней Мёзии и Фракии⁴⁹. Казалось, что подобная стратегия немедленно дала положительный результат: варвары обеспечили охрану Дуная и на длительное время воспрепятствовали нападениям на римлян⁵⁰. Как сообщает Зосим, «земледельцы могли возделывать землю, а скот и его приплод могли без боязни пастись»⁵¹.

Варваризация восточной армии при Феодосии достигла, по видимому, своего апогея. Пакат в панегирике, произнесенном в честь Феодосия в 391 г., говорит, что император вербовал варваров лишь затем, чтобы удалить их от римской границы и что города Паннонии заполнены солдатами готами, гуннами и аланами⁵².

На какое-то время ситуация на Балканах действительно стабилизировалась. Зосим, повествуя об этом времени, утверждает, что Феодосий восполнил, таким образом, понесенный им ущерб⁵³. Временное затишье позволило восточному императору не только отправиться со всей своей армией на Запад для борьбы с Магном Максимом, но и провести там три года, приводя в порядок дела.

⁴⁷ *Jordan. Getica. 142; Cons. Const. An. 381. P. 243; Cons. Syagrio et Eucherio. I. His. Conss. ingresus est Aithanaricus rex Gothorum Constantinopolim die III id. Jan. 2. Eodem mense diem functus idem Athanarius VIII kal. Febr.*

⁴⁸ *Jordan. Getica, 145: cum milite velut unum corporis effecit. . .*

⁴⁹ В постановлениях константинопольского сената об этом событии сохранилась следующая запись: «Ipso anno universa gens Gothorum cum rege sue in Romaniam se tradiderunt die V non. Okt.»

⁵⁰ *Zosim. Hist. IV, 34: ἐπὶ πολὺ καλύσαι τὰς κατὰ Ῥωμαίων ἐφόδους.*

⁵¹ *Ibid. IV, 34: καὶ γεωργοῖς τὴν τῆς γῆς ἐπιμέλεια καὶ ὑποζυγίοις καὶ Θρέμμασι οὐκ ἄφοβοι.*

⁵² *Pacati Drepanii Panegyricus Theodosio Augusto dictus. 32. Panegyrici. Latini. Leipzig, 1911. T. I-II.*

⁵³ *Zosim. Hist. IV, 35.*

В успешных действиях Феодосия в борьбе с западными войсками заслуга его новых союзников была так же велика. Решающую роль в победе над Магном Максимом Амброзий приписывает франкским и сакским наемникам Феодосия⁵⁴. Против Евгения Феодосий повел армию, состоящую из регулярных римских подразделений, контингентов восточных народов (армян, арабов и др.), а также из более чем 20 тыс. федератов готов⁵⁵.

Чтобы обеспечивать большое количество федератов содержанием, Феодосий был вынужден увеличивать натуральные повинности и налоги⁵⁶. Поэтому уже при жизни Феодосия его проготская политика вызвала резкое недовольство римского населения, выражавшееся в его столкновениях с готами. Так, в Филадельфии на базаре римскими солдатами было перебито около двухсот готов⁵⁷, а в провинции Скифия Геронтий, начальник гарнизона города Томы, возмущенный наглостью солдат-готов, напал на них и многих убил⁵⁸. В Фессалониках жители города также убили несколько готских наемников, за это Феодосий собрал их на ипподроме и приказал готам всех перебить. Как сообщает наш источник, погибло около 7 тыс. человек⁵⁹.

Положение, создавшееся в армии при Феодосии, очевидно, оставалось некоторое время в силе и при его сыне Аркадии. Поэт Клавдиан в своих напаках на Руфина укоряет его за привлечение в ряды армии представителей различных племен северных варваров⁶⁰. Однако в 400 г. ненависть населения к солдатам-варварам обернулась избиением в Константинополе 7 тыс. готов.

В V в. регулярная римская армия продолжила свое существование. Указы Феодосия II от 443 г. свидетельствуют, что дунайскую границу наряду с федератами защищали как речные эскадры, так и пограничные войска регулярной армии. Император требовал, чтобы магистр оффиций регулярно докладывал ему о состоянии фор-

⁵⁴ *Ambr.* Ep. 40, 22.

⁵⁵ *Claudius Claudianus. Carmina.* Leipzig, 1893 (далее — *Claud.*). De tertio cons. Hon., 68; in laud. Stil., 11, 154; De bello Gild., 24; *Jordan.* Getica, 145.

⁵⁶ *Zosim.* Hist. IV, 29.

⁵⁷ *Ibid.* IV, 30.

⁵⁸ *Ibid.* IV, 40.

⁵⁹ *Theodoretos. Ecclesiastica. Historia.* PG 82 col. 881 — 1280. Berlin, 1954. V, 17.

⁶⁰ *Claud.* De tertio cons. Hon, 312.

тов и численности отрядов. Дуксам предписывалось ежедневно тренировать солдат и осуществлять ремонт укреплений⁶¹. Как отмечает А. Х. М. Джоунс, система обороны дунайской границы осталась без каких-либо изменений вплоть до VI в.⁶²

На персидской границе также продолжали нести службу солдаты-лимитаны, которые оставались там еще и в VI в.⁶³

Годы напряженной борьбы, последовавшей за битвой при Адрианополе, изменили характер и облик регулярной армии, но не привели к ее полному уничтожению, как это случилось на Западе. Подавление мятежа Гайны (401 г.), а затем и разрыв с Аттилой, запретившим своим подданным служить в римской армии (441 г.), положили конец стремительному превращению римской армии в ополчение, состоящее из разноплеменных варварских дружин во главе со своими вождями⁶⁴. Готы, ставшие в конце IV — начале V в. военным сословием и занимавшие в армии все ключевые посты, во второй половине V в. утратили свои доминирующие позиции, а во времена Юстиниана уже ничем не выделялись среди контингентов варварских народов, состоящих на службе у империи.

⁶¹Codex Justinianus, Corpus Iuris Civilis. Institutiones digesta. Berlin, 1970–1973. I, 31, 4.

⁶²Jones A. H. M. The Later Roman Empire (284–602). In 2 vol. Vol. II. Cambridge, 1980. P. 656.

⁶³Procopius. Opera omnia. In 4 t. Leipzig, 1962–1964. На рус. яз.: Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А. А. Чекаловой. М., 1993; Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1996.

⁶⁴Впрочем, даже при Феодосии наемники-варвары не заменили совершенно в армии подданных империи. Согласно данным «*Notitia Dignitatum*», при нем появились вновь созданные подразделения регулярной армии, а такие из них, как легионы баллистариев, вне всякого сомнения, были укомплектованы римскими гражданами (*Notitia dignitatum* / Ed. O. Seeck. Berlin, 1876. Or. VII, 21=57; Or. IX, 47).

М. И. Дмитриева

Пополары¹ в Сиене: путь к власти

В истории социальной борьбы в европейских средневековых городах обычно выделяют определенные этапы: сначала становление коммун, затем борьба членов цехов против городского патрициата, потом противоборство отдельных группировок народа. Однако существование общих закономерностей не исключает наличия региональных и локальных особенностей, уникальности истории каждого города. Изучение особенностей социально-политического развития позднесредневековой Сиены подтверждает эту мысль в полной мере.² XIV век стал для этого тосканского города эпохой «пополанской демократии», формы которой определили и его будущую социально-политическую историю. Поэтому изучение становления власти «пополо» в Сиене станет основной целью данной работы.

Итак, подобно многим другим итальянским городам, Сиена была основана римлянами как военная колония в I в. до н. э. (Saena или Sena Julia). Построенная на трех холмах, она с античных времен делилась на три основные части (*terzi*), которые в Средние века назывались Сан-Мартино, Камуллия, Читта, поэтому традиционно число должностных лиц, управлявших городом, — сначала консулов, а позже членов городского правительства, было кратным трем. В VIII в. Сиена стала резиденцией епископа, что впоследствии имело большое значение для установления политической власти города над его аграрной округой³.

¹Во Флоренции представители торгово-ремесленных слоев именовались пополанами, в Сиене — чаще пополарами.

²См., напр., статьи: *Moscadelli S.* Apparato burocratico sotto i Dodici (1355–1368) // *Bollettino senese di storia Patria Siena* (далее — BSSP). 89(1982). С. 29–118; *Ascheri M.* Siena nel rinascimento dal governo di ‘popolo’ al governo nobile // *I ceti dirigenti nella Toscana del Quattrocento*. Firenze, 1987. P. 405–431.

³С каролингских времен епископы, сменившие графов в качестве синьоров, создали традицию «исхождения» власти из города. См. *Бернадская Е. В.* Политический строй итальянских государств // *История Италии*. В 3 т. / Ред.: акад. С. Д. Сказкин [и др.]. Т. 1. М., 1970. С. 297.

Как и в других итальянских городах, в начале XII в. здесь установилась коммуна, главным законодательным органом власти стало «парламенто» — собрание горожан на площади у собора или на площади перед церковью св. Христофора, которое позже трансформировалось в систему советов. С 1125 г. на этих собраниях начали регулярно выдвигать троих или шестерых консулов — носителей высшей исполнительной власти. Консулы избирались на год, из числа представителей городской аристократии, которая в этот период была представлена семействами Марескотти, Скварчалупи, Малавольти, Ламбертини, Крешенци, Санседони, Сальвани, Джузеппи, Пальмери, Коденаччи, Макони и др.⁴ Участие в городском управлении пополаров — торговцев и ремесленников, было еще ограничено, но, постепенно богатея, они тоже «набирали вес» в экономической и общественно-политической жизни коммуны.

Став коммуной, Сиена активно расширяла свою территорию, покупая земли и вступая в войны с соседними городами-государствами Флоренцией, Пизой, Луккой и с отдельными феодальными семействами. В результате в орбиту влияния города попадали небольшие города и сельские поселения, продолжалось складывание города-государства⁵.

В конце XII в. (1186 г.) расширение городской территории потребовало изменений и в административном управлении, и высшая исполнительная власть коммуны перешла в руки подеста. Как и в других итальянских коммунах, на должность подеста Сиены, полномочия которого продолжались шесть месяцев, приглашался житель другого города, представитель дворянской фамилии. В его обязанности входило: созывать основной законодательный орган — Главный совет (*Consiglio Generale*), и председательствовать в нем, а также проявлять законодательную инициативу и руководить коммунальным ополчением во время военных действий. Становление подестата в городах Северной и Центральной Италии (произошедшее после походов Фридриха Барбароссы фактически повсеместно)

⁴ *Cherubini G.* I Mercanti e il potere // *Banchieri e mercanti di Siena*. Roma, 1987. P. 161–220; P. 174–175.

⁵ О складывании власти Сиены над округой см. напр.: *Redon O.* Les réseaux de pouvoir sur les campagnes siennoises à la fin du XIII siècle // *I ceti dirigenti dell' eta comunale nei secoli XII e XIII*. Pisa, 1982. P. 347–359.

отметило начало нового этапа в политической жизни коммун. Подеста — высший чиновник коммуны, пришедший на смену консулам, не имел корней в городе, стоял выше интересов фракций городской аристократии, боровшихся за власть в коммуне.

В XIII в. Сиена стала крупным экономическим центром Тосканы, успешно соперничая и в экономике, и в политике с соседней Флоренцией. Городская экономика в этот период развивалась как международная, базирующаяся на торговле⁶ и банковском деле. Еще в 1180 г. Сиена получила право чеканки монеты, хотя фактически ее монетный двор (зесса) был одним из старейших в Тоскане.⁷ «Дорога Франков», проходившая через город и связавшая его с Римом, очень содействовала его экономическому росту, поскольку именно благодаря ей сложились прямые политико-дипломатические отношения городской элиты с папством, и именно сиенские компании стали банкирами папского двора.⁸

Самой знаменитой из них стала «Компания Большого стола Буонсиньори», занимавшаяся сборами папских податей во многих диоцезах Европы. Вместе с банковскими предприятиями Салимбени, Толемеи, Пикколомини, Галлерани, Малавольти, Скварчалупи и множеством мелких компаний она превратила город в крупнейший центр международного ростовщичества.⁹ Магнаты, стоявшие во главе этих компаний, представляли собой верхушку городского общества XIII в., социальный состав которого хорошо демонстрирует практика так называемого аллираменто — налогообложения городского населения. Согласно документам «лиры», все горожане делились на три разряда (*minores, mediocres, maiores*), зависевшие

⁶Из-за своего расположения Сиена почти не принимала участия в заморской торговле, зато ее купцы вели торговлю в Лондоне, Фландрии и на Шампанских ярмарках, «где бьется экономический пульс жизни Европы». — *Гуковский М. А.* Итальянское Возрождение. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. А. Н. Немилова и А. С. Кангор-Гуковской. Л., 1990. С. 97.

⁷*Toniolo G.* Storia dell' economia sociale in Toscana nel Medio Evo. Lib. 1. Città del Vaticano, 1948. P. 71.

⁸*Cipolla C. M.* Per un profilo di storia economica senese // *Bancieri e mercanti di Siena.* Roma, 1987. P. 9–20. P. 12.

⁹Поэтому знаменитый английский медиевист Ф. Джонс охарактеризовал Сиену как «самую южную столицу торговой революции». — *Jones Ph. J.* *Economia e societa' nell' Italia medievale.* Torino, 1980. P. 27.

от величины имущества и соответствующей суммы налогообложения¹⁰. Категорию «меньших, младших» горожан составлял бедный люд города, эта группа была наиболее многочисленной, «средними» были купцы, зажиточные ремесленники, цеховые мастера, владельцы лавок, а в разряд «старших» горожан, или магнатов, попадали самые богатые люди города, владельцы торгово-банковских предприятий. Показательно, что самые значительные из них (и этот факт, по-видимому, тоже стоит отметить как одну из характерных особенностей сиенской социально-политической жизни) отличались «благородным происхождением»: Салимбени и Буонсиньори были потомками иноземных завоевателей, их предки — графы и бароны франкских и германских императоров, Пикколомини известны своими римскими корнями, Малавольти представляли аристократию консульского периода. Впрочем, с середины XII в. среди пяти главных семей городского нобилитета уже не было видимых отличий.¹¹

Из трех этих категорий городского населения только «старшие», или гранды, принимали участие в городском управлении, а «средний» и «младший» народ призывался только на общие собрания.¹² Вместе с тем торгово-банковская направленность городской экономики укрепила прослойку «среднего народа». На протяжении XIII в. изменения коснулись статуса всех слоев городского общества XIII в., ведь коммуна проводила политику освобождения крестьян округи, которые впоследствии пополняли ряды городского населения. «Ради выгоды и развития государства» — гласил закон, принятый в 1262 г., в соответствии с которым крестьянин, проживший в городе 4 месяца, мог стать свободным от своего господина.¹³

¹⁰Согласно сиенской хронике Паоло ди Томмазо Монтаури, первое налогообложение относится к 1198 г., по данным Анонимной хроники — к 1202 г. — *Cronaca senese, conosciuta sotto il nome di Paolo di Tommaso Montauri // Rerum Italicarum Scriptores. 1931–1939 (далее — R.I.S.). Т. XV, pt. 6. Bologna, 1937. P. 186; Cronaca senese dall'anno 1202 al 1362, con aggiunte posteriori fino al 1391 di autore anonimo della meta del secolo XIV // Ibid. P. 42.*

¹¹*Hook J. Siena. Una città e la sua storia. Firenze, 1988. P. 10–11.*

¹²*Sbaragli P. L. Mercanti di mezzana gente al potere in Siena // BSSP. XLIV(1937). Fasc. 1. P. 35–63. P. 36.*

¹³*Il Costituto del Comune di Siena dell'anno 1262 / Ed. L. Zdekauer. Milano, 1897. Цит. по: Рутенбург В. И. Восстание «обездоленных» в Сиене в 1371 г. и предшествующие ему народные восстания в 50–60-х годах XIV века // Средние века. Вып. 4. М., 1953. С. 152–181. С. 154.*

Мощный приток окрестных крестьян в Сиену привел к увеличению населения города, изменению его социальной структуры. На протяжении XIII в. число жителей Сиены увеличилось в 4–5 раз, хотя площадь города осталась прежней.¹⁴ Увеличение и укрепление торгово-ремесленного населения города — пополанов, повлияло и на развитие противоборства между ними и представителями городской знати — нобилиями.

Борьба за власть в коммуне между пополанами и нобилиями в Сиене XIII в., так же как и в других тосканских городах-коммунах, оказалась тесно переплетенной с общецентральным противостоянием гвельфов и гибеллинов.

Традиционная гибеллинская ориентация Сиены (которая тоже должна быть отмечена в качестве одной из характерных особенностей ее истории) имела причиной прежде всего торгово-экономическое и политическое соперничество города с соседней гвельфской Флоренцией. Это выразилось в серии войн между двумя республиками, которые они вели на протяжении XII–XIII вв. Внутри города социальное противостояние нобилей и пополанов было связано с поэтапным укреплением в социально-политической сфере позиций пополаров-гвельфов.¹⁵

Уже в 1240 г. подест, оставаясь главой исполнительной власти, разделил свои функции с правительством Двадцати четырех Синьоров (1240–?–1270),¹⁶ в котором половину членов составляли но-

¹⁴В 1318–1320 гг. население города исчислялось цифрой в 52 тыс. душ. См.: *Котельникова Л. А.* Феодализм и город в Италии в VIII–XV вв. М., 1987. С. 73.

¹⁵На существование такой связи указывали практически все исследователи социально-политического развития Сиены в XIII в. Как писал об этом еще в начале XX в. историк города Ф. Шевилл: «Нобили — социальная группа, определяемая рождением и богатством», управляли коммуной с начала ее существования, до тех пор пока «пополаны, представленные различными группами церковной, военной, цеховой организации города» не провозгласили их непригодными для выборов в правительство и не сконцентрировали власть в своих руках, чтобы «держат в страхе нобилей и сохранять мир». — *Schevill F.* Siena: History of a medieval Commune. L., 1909. P. 193.

¹⁶Из текста анонимной хроники середины XIV в. следует, что в 1240 г. Двадцать четыре победили другую партию — Двадцати семи, которая тоже боролась за власть в Сиене, пытаясь склонить на свою сторону подеста. Ее автор сообщает также о вооруженном характере этой борьбы и о том, что победители назначили «своего» подеста, в то время как большая часть сторонников

били, половину — пополары. В начале 50-х годов XIII в. в ответ на усиление гвельфской Флоренции это правительство заключило военно-политический союз с гибеллинскими Пизой и Пистойей, что привело Флоренцию к союзу с Орвието, Луккой и Генуей. С осени 1251 г. между двумя лагерями велись военные действия, кульминацией которых стала знаменитая битва у подножия замка Монтеапелти (4 сентября 1260 г.), когда на поле брани сошлись войска обоих лагерей, и гибеллинское ополчение Сиены разгромило блестящее и многочисленное гвельфское войско Флоренции и союзных ей городов.¹⁷ Результаты этого сражения на несколько лет определили расстановку политических сил в Центральной Италии,¹⁸ однако позиции гибеллинов продолжали объективно слабеть.

После смерти в 1250 г. Фридриха II Штауфена сиенские пополары узаконили свою «малую коммуну» во главе с Капитаном народа (1253 г.),¹⁹ которому подчинялись их военные отряды. С этого времени политический строй Сиены, подобно устройству других итальянских городских республик, был основан на сосуществовании двух коммун — городской и пополанской.²⁰

проигравших — бежала. См.: Cronaca senese dall'anno 1202 al 1362, con aggiunte posteriori fino al 1391 di autore anonimo della meta del secolo XIV. P. 52. Хотя в этих сообщениях нет прямых указаний на принадлежность Двадцати четырех к гибеллинам, а их противников — к гвельфам, они позволяют судить о наличии социальной борьбы в городе. Другие документы сиенского архива дополняют и уточняют информацию хрониста: они содержат данные о том, что, во-первых, гибеллинское правительство Двадцати четырех уже управляло городом в 1235 г., во-вторых, Двадцать четыре были представлены нобилиями, в то время как в числе их оппонентов — партии Двадцати семи — было три попоalara-гвельфа. (Ibid. agg. 1).

¹⁷ Великий Данте увековечил это событие в X песне «Ада», вспоминая страшную резню, окрасившую воды речки Арбии в багровый цвет. — *Данте Алигьери*. Божественная комедия. М., 1992. С. 53.

¹⁸ В начале 60-х годов Сиена возглавляла гибеллинский лагерь Тосканы, гибеллины пришли к власти даже во Флоренции.

¹⁹ В середине 1271 г. эта должность исчезла из общественной жизни Сиены, чтобы вновь быть восстановленной с приходом к власти правительства Девяти Синьоров. Она была восстановлена решением Главного совета в марте 1289 г. — *Bowsky W. M.* A Medieval Italian Commune. (Siena under the Nine, 1287–1355). Berkeley, 1981. P. 36.

²⁰ *Ковалевский М.* От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений. В 3 т. Т. 1. М., 1906. С. 349.

Между тем противоборство Папы Урбана IV и Манфреда — незаконнорожденного сына императора Фридриха II, продолжилось в «экономических формах»: Папа оказывал давление на Сиену в виде санкций в отношении сиенских купцов-гвельфинов, что пагубно отражалось на экономике Сиены. Поэтому в начале 60-х годов в гвельфский лагерь перешли магнаты Толомеи, Малавольти и Салимбени, стремившиеся укрепить таким образом свои международные банковские и торговые позиции.²¹ По сообщению сиенского анонимного хрониста, в 1262 г. гвельфов выслали из Сиены, а когда в 1264 г. им было разрешено вернуться, то это привело к раздору среди нобилей,²² и, по-видимому, ситуация продолжала осложняться, так как в следующем, 1265 г. сиенские гвельфы даже послали своих представителей к Карлу Анжуйскому с просьбой о поддержке.²³

Как известно, политическое торжество сторонников империи в Италии, и в Тоскане в частности, продолжалось недолго и закончилось с поражением Манфреда при Беневенте (26 февраля 1266 г.).²⁴ В анонимной сиенской хронике рассказывается, что в Сиене после смерти Манфреда начались «размолвки» между пополарами и нобилиями, и, желая сохранить мир в городе, правительство сформировало комиссию из 70 горожан, призванных реформировать городское управление.²⁵ Хронист не сообщает подробно о деятельности этой комиссии, но можно предположить, что она проводилась в интересах нобилей, так как стала причиной народного восстания. В ходе этого восстания была подожжена колокольня собора, где комиссия пыталась укрыться, и, как сообщил анонимный автор хроники, «погибли многие гвельфы».²⁶

²¹ *Bowsky W. M.* Op. cit. P. 35–36.

²² Cronaca senese di autore anonimo. P. 63.

²³ Ibid. P. 65.

²⁴ Флоренция восстановила прежние гвельфско-демократические порядки и укрепила связи с Папой и Карлом Анжуйским. Весьма показательно, что эта победа Карла Анжуйского была оплачена сиенской компанией Буонсиньори, ссудившей ему накануне битвы огромную сумму в 20 тыс. турецких ливров. В 60 — начале 70-х годов компания Буонсиньори выступала как банкир гвельфской партии в Европе. См.: *Гуковский М. А.* Итальянское возрождение. С. 105.

²⁵ Cronaca di autore anonimo. P. 66.

²⁶ Cronaca di autore anonimo. P. 66.

Сиена продолжала оставаться гибеллинской и после поражения и казни внука Фридриха II — Конрадина в 1268 г., когда почти вся Тоскана (за исключением ее и Пизы) стала гвельфской. Решающим фактором окончательного перехода Сиены в гвельфский лагерь стало поражение ее войска, возглавляемого руководителем гибеллинского правительства Двадцати четырех Синьоров — Провенцано Сальвани, в битве с флорентийцами у Колле ди Вальдельса в 1269 г. Флорентийский хронист Джованни Виллани передал значение этой битвы следующим образом: «Флорентийцы вывели гибеллинов из Сиены и восстановили мир между двумя коммунами. Они стали компаньонами и друзьями. И, таким образом, закончилась война, длившаяся между Флоренцией и Сиеной так долго».²⁷ Действительно, с этого момента Сиена стала одним из звеньев гвельфской тосканской Лиги, основную роль в которой играла Флоренция. Поэтому летом 1270 г. гибеллины покинули Сиену, куда возвратились изгнанные ранее гвельфы, которые и сформировали новое правительство Тридцати шести Синьоров (1270–1280), первое гвельфское правительство в истории коммуны: половину мест в нем занимали нобили, половину — богатые пополары.

Важной вехой на пути пополаров к верховной власти стала Конституция Сиены, принятая в 1274 г. Она носила откровенно гвельфский характер: постановила исключить гибеллинов из всех учреждений коммуны, конфисковать их имущество и разрушить дома²⁸ и неоднократно провозглашала в своих статьях верность Карлу Анжуйскому.²⁹

Законы, принятые сиенской коммуной в 1277 г. и известные под названием «народных уставов» («*statuti del popolo*»)³⁰, ознаменова-

²⁷ *Villani G.* Cronica con le continuazioni di Matteo e Filippo. Torino, 1979.

²⁸ Отдельная рубрика одной из них посвящена родственникам и потомкам бывшего главы правительства Двадцати четырех Провенцано Сальвани. В ней декретируется разрушение их семейного дворца. — *Francini G.* Appunti sulla costituzione guelfa del Comune di Siena secondo il Costituto del 1274 // BSSP. XLVI (1939), fasc. 1-II. P. 11–28. P. 13.

²⁹ *Ibid.* P.12, 24.

³⁰ По мнению исследователей, они были менее радикальны по сравнению с появившимися спустя несколько лет знаменитыми флорентийскими «Установлениями Справедливости» («*Ordinamenti della Giustizia*») 1293 г., хотя носили тот же характер. См.: *Рутенбург В. И.* Народные движения в городах Италии

ли победу пополаров-гвельфов в этом долгом противоборстве. Они исключили из городского правительства представителей так называемых «казати» («casati» — семьи городских магнатов)³¹ и провозгласили, что правительство должно быть сформировано из купцов и приверженцев гвельфской партии Сиены.³² Поэтому первое пополанское правительство богатых купцов — Девяти Синьоров (1287–1355), пришедшее к власти спустя десятилетие, уже не просто дополнило власть подеста (его номинального главы), а выступило в качестве самостоятельного и законного органа власти коммуны.³³ Закон, принятый Главным Советом в 1287 г., установил, что Девять «есть и должны быть купцами из числа купцов города Сиены или из числа “среднего народа” (“mezza gente”)».³⁴ Представители богатых пополаров законодательно обеспечили свои политические права: теперь вместе с прежней городской аристократией из правительства исключались также рыцари, судьи, нотариусы и врачи.³⁵

Таким образом, в новый XIV век Сиена вступила пополанской и гвельфской, однако социально-политические перемены продолжались. На протяжении XIV в. в Сиене сменилось несколько народных правительств, в которые входили представители социаль-

XIV–XV вв. М.; Л., 1958. С. 112.

³¹Consiglio Generale N21, fols 91 ff (28 di Marzo 1277). Цит. по: *Bowsky W. M.* The «Buon Governo» of Siena (1287–1355). A Medieval Italian Oligarchy // *Speculum*. 1962. XXXVII. P. 368–381. P. 370.

³²Doc. 10, 1277 maggio 28. Publ.: *Sbaragli L.* I mercanti di mezzana gente al potere di Siena // *BSSP*. XLIV(1937). P. 35–63, 59–62.

³³*Luchoire J.* Documenti per la storia dei rivolgimenti politici del comune di Siena dal 1354 al 1369. Lione, 1906. P. XX–XXI.

³⁴II Costituto del Comune di Siena volgarizzato nel 1309–1310. Цит. по: *Bowsky W. M.* Op. cit. P. 370. — Во Флоренции высшую власть с 1282 г. также осуществлял приорат — Совет из шести представителей старших цехов (Калималы, Судейского цеха, Камбио, Ланы), выборы в который происходили каждые два месяца. Подобно Сиене, здесь к власти тоже пришли представители богатых пополанов — крупной торговли, сукноделия и банковского дела. См.: *Баткин Л. М.* Период городских коммун // *История Италии*. В 3 т. Т. 1. С. 200–272, 239.

³⁵Выведение из списка возможных кандидатов представителей этих профессиональных категорий объясняется тем, что в 1262–1269 гг. они активно поддерживали гибеллинов, заняв, таким образом, оппозицию по отношению к купцам: *Wainwright V.* Conflict and popular government in fourteenth century Siena: il Monte dei Dodici, 1355–1368 // *I ceti dirigenti nella Toscana tardo comunale*. Firenze, 1983. P. 57–81. P. 62.

ных категорий, до того никогда не участвовавших во власти. Они представляли интересы разных слоев пополанов: правительство купеческой верхушки Девяти Синьоров (1287–1355) сменило правительство Двенадцати Синьоров (1355–1368) — глав цеховых корпораций, правительство Реформаторов (1368–1385) — правительство «мелкого народа».³⁶ Начиная с середины XIV в. участники народных правительств составляли своеобразные политические партии — так называемые «монти» («*monti*»), и к концу столетия в сиенской политической жизни фигурировали уже четыре «народные» партии: Девять, Двенадцать, Реформаторы и Пополары, а также партия нобилей.

Конец XIV столетия ознаменовался быстрой сменой коалиций: Десяти (1386–1387), Одиннадцати (1388–1398), Двенадцати Синьоров (1398–1399), слабость которых на фоне падения престижа Сиены в Тоскане привела к включению города в состав Миланского герцогства (1399–1404). После смерти Джангалеаццо Висконти и распада его государства Сиена вновь стала свободной. Республиканская форма правления продолжала сохраняться здесь вплоть до конца XV в. — установления тирании Петруччи.

Таким образом, Сиене дольше других городов-государств удалось сохранить республиканскую систему правления, а «пополанская демократия», установившаяся здесь в конце XIII в., оказалась долговечнее флорентийской. Ее становление привело к складыванию своеобразной социально-политической практики XIV в., позволившей городу сберечь относительную свободу в рамках государства Висконти и обусловившей ход социально-политической жизни Сиены в XV–XVI вв.

³⁶Состав правительства несколько раз обновлялся, но «мелкий народ» был в нем в большинстве. Все последующие народные правительства конца XIV–XV вв. формировались на основании коалиционного принципа.

Гуманистическая интерпретация анималистических образов в литературе и искусстве Треченто

Отношение к животным, их место и роль в произведении литературы и искусства итальянских мастеров претерпевают на протяжении XIV–XVI вв. значительную эволюцию, отражающую в немалой степени развитие гуманистических идей в эти столетия. Исследование внешнего мира самого по себе, безотносительно к человеку, первый гуманист эпохи Треченто Франческо Петрарка считал бессмысленным, перекликаясь в этом с Августином, писавшим, что познание тайн природы «не принесет никакой пользы, но люди хотят узнать их только, чтобы узнать».¹ У схоластов, занимающихся естественной философией, Петрарка как раз и находит интерес только к внешнему миру, он не приемлет их подхода и пишет о схоластах как о «поистине двуногих животных, изучающих четвероногих». В письме к другу, августинскому монаху и философу Дионисию да Борго Сан-Сеполькро в 1336 г. поэт призывает к изучению человеческой души и жизни: «В самом деле, спрашиваю я себя, к чему знать свойства зверей, птиц, рыб и змей, если не знать или не желать узнать природу человека, ради чего мы рождены, откуда приходим и куда идем».²

Двойственный характер изображения животных в произведениях живописи Треченто является своеобразной реакцией на идеи и средневековой схоластики, и гуманистического Возрождения. С одной стороны, в это время художники умели увидеть красоту животного, чему способствовали и натурные впечатления, и существовавшие специальные сборники рисунков отдельных видов животных.³

¹ *Августин Аврелий*. Исповедь. М., 1991. X. XXXV. 55.

² *Petrarca Fr. De sui ipsius et multorum ignorantia* // *Petrarca Fr. Prose*. Milano, 1955. P. 714.

³ Вазари приводит легенду о том, как деревенский мальчик Джотто рисовал с натуры овцу и поразил проходившего мимо Чимабуэ тем, что «в столь ма-

С другой стороны, становление антропоцентрической системы мира взамен прежней геоцентрической, определяющей особый статус человека как разумного существа, управляющего неразумной животной стихией, выразилось в искусстве XIV в. в целой панораме образов домашних животных, неизменно сопутствующих человеку в его делах (фрески Джотто в Капелле дель Арена в Падуе 1305 г.; Амброджо Лоренцетти «Последствия доброго правления» в сиенском Палаццо Пубблико 1337–1339 гг. и др.).⁴

В «Тайне» Петрарка называет человека «животным или, скорее, царем всех животных», «одаренным разумом и смертным животным».⁵ Это определение углубляется в двух отношениях: человек не просто наделен разумом, что отличает его от дикого зверя, он лишь настолько человек, насколько руководится разумом, сдерживающим его вожделения, и главное, если он проникнут сознанием своей смертности и, думая о ней, презирая преходящие земные вещи, жаждет бессмертной жизни.⁶ В античное определение человека Петрарка вводит христианские критерии нравственно-психологического порядка: осознание человеком своей смертности в отличие от животных неотделимо у него от мыслей о бессмертии.⁷ На наш взгляд, эти представления первого итальянского гуманиста тесным образом связаны с эволюцией, происходящей в иконографии Треченто. Именно в это время в произведениях искусства жи-

лых летах мог делать так хорошо». См.: *Вазари Дж.* Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. В 2 т. Т. I. М., 1956. С. 234.

⁴В XIV в., несомненно, примерами таких образов могут служить произведения Таддео Гадди «История Иова» в пизанском Кампосанто, Мазо ди Банко в Капелле Барди во флорентийской церкви Санта Кроче «Чудо о воскрешении быка» и др.

⁵*Петрарка Фр.* Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру // Петрарка Фр. Избранное. М., 1974. С. 63. По поводу возможности использования «Моей тайны» для изучения философских взглядов Петрарки существуют различные мнения; одни ученые (Э. Кассирер) считают ее в этом отношении наиболее значительным сочинением, другие (Д. Скьявоне) оценивают ее больше как источник, важный для понимания личности гуманиста, а П. М. Бицилли полагает, что это «банальное упражнение на излюбленную средневековую тему». См.: *Бицилли П. М.* Место Ренессанса в истории культуры. СПб., 1996. С. 23.

⁶*Петрарка Фр.* Моя тайна... С. 64.

⁷Подробному анализу произведения Петрарки «Моя тайна» посвящен раздел книги: *Ревякина Н. В.* Человек в гуманизме итальянского Возрождения. Иваново, 2000. С. 47–65 (глава «Открытие человека»).

вотные реагируют на происходящее так же, как и люди. Антропоморфическая трактовка может быть выражена в человекообразном складе их физиономии, строении глаз, выразительных взглядах.⁸ Во фреске пизанского Кампосанто «Триумф смерти» (ок. 1360 г.) увидавшие мертвецов лошади испытывают тот же страх и ужас, что и всадники, причем лошади дам более изящны и деликатны в проявлении чувств.

Яркий пример созвучия чувств, переживаемых человеком и животным в произведениях итальянского искусства Треченто, — иконография евангельского сюжета «Поклонение волхвов». В апокрифической легенде о волхвах повествуется о том, что до встречи под счастливой звездой они враждовали между собой, но весть о рождении Христа Спасителя примирила их. Во многих произведениях изобразительного искусства Треченто агрессивность животных, будь то лошади или верблюды, символизирует ссору трех волхвов. Так, у Джотто в падуанской фреске из Капеллы дель Арена 1304–1310 гг. изображением оскаленных, нервно переступающих копытами одногорбых верблюдов подчеркивается контраст между мирным, благостным состоянием души царей-волхвов, держащих в руках дары Спасителю, и враждой, которую они испытывали до появления Вифлеемской звезды. Андреа Ванни в «Поклонении волхвов» (ок. 1360 г.) также проецирует ссору магов на отношения между животными: его верблюды дерутся, сталкиваясь мордами и кусая друг друга.⁹

Наиболее драматично выглядит роспись на эту тему Якопо да Верона (1355–1442), созданная в оратории Сан Микеле в Падуе около 1397 г. Здесь взбешенный, рвущийся конь, которого не могут удержать даже несколько конюхов, опрокинул на землю одного из них. Наконец, в иконе Бартоло ди Фредди «Поклонение волхвов» из сиенской Пинакотеки (1370–1380 гг.) представлены сражающиеся лошади из свиты волхвов. Ряд западных искусствоведов видит источник этого изображения в истории о трех царях, написанной

⁸ *Weizsäcker H.* Das Pferd in der Kunst des Quattrocento // *Jahrbuch der Königlich preussischen Kunstsammlungen.* 1886. Bd. VII. S. 43.

⁹ Фреска Андреа Ванни (ок. 1332 — ок. 1414) «Поклонение волхвов» находится в Музее искусства в Новом Орлеане. Происходит из коллекции Samuel H. Kress.

на латыни настоятелем монастыря кармелитов Иоганном Гильдесгеймским около 1364 г. и переведенной на немецкий в 1389 г.¹⁰

Шарль Стерлинг в статье «Сражающиеся животные в “Поклонении волхвов”» ярко и подробно характеризует изображенную Бартоло ди Фреди сцену: «В картине представлены три кавалькады волхвов, встречающихся на распутье около Голгофы, — мотив, известный из Часословов и позже использованный Иеронимом Босхом в “Поклонении волхвов”. Темнота и густой туман спустились на землю. Мельхиор, старый и седой, пришедший из Сицилии, остановился по приказу Господа; Балтазар из Аравии, смуглый лицом, бородатый, олицетворяющий зрелость, задержался около горы Олив, а затем пошел вперед, как только туман рассеялся; Каспар, молодой, лицом румяный, безбородый, пришедший в сильном волнении из Тарсии к двум другим царям».¹¹

Появившееся в эпоху Треченто желание художника «наградить» образы животных чувствами человека в религиозных и светских сюжетах отражает гуманистические идеи раннего Ренессанса. И если Петрарка в своих произведениях сосредоточивает внимание на природе человека, на его отличиях от животных и от ангелов и месте в системе мироздания, то Салютати, например, переводит вопрос в моральный план: «Когда разум, общий у людей с ангелами, повелевает чувству, общему у людей с животными, следует жизнь активная и полная добродетелей, и эта жизнь является подлинно человеческой. Если же чувство господствует над разумом, то эта жизнь не человеческая, но вполне животная. Если же чувство при бездействии силы разума без сопротивления соединяется с разумом, то эта жизнь поднимается над человеческим состоянием и должна называться ангельской, а не человеческой».¹²

Мысль о характере богоподобной деятельности человека — деятельности ради всеобщего блага, составляет одно из главных понятий в мировоззрении гуманистов Треченто. Думается, что появление в это время первой политической аллегории (Амброджо

¹⁰Catalogue of the exhibition “Achtthundert Jahre Verehrung der Heiligen Drei Könige in Köln, 1164–1964” Cologne, 1963. P. 180–204.

¹¹*Sterling Ch.* Fighting animals in the adoration of the Magi // The Bulletin of Cleveland Museum of Art. 1974. December. P. 350.

¹²*Salutati C.* De laboribus Herculis. V. I–II. Zürich, 1951. S. 217.

Лоренцетти «Аллегория Доброго и Злого Правления»¹³, описание реальных, хроникально-достоверных событий в художественных памятниках (примером тому может служить упомянутое «Поклонение волхвов» Бартоло ди Фредди¹⁴), являются отражением этих понятий в изобразительном искусстве Италии XIV в. Религиозный символизм в изображениях животных в искусстве Треченто постепенно преодолевается новым отношением к природе и месту человека в универсуме. Однако мы не согласимся с мнением М. Н. Никогосяна¹⁵, который считает, что в этот период «животные воспринимаются как проявление чуждой человеку неразумной и агрессивной природной стихии». В XIV в. в произведениях искусства появляются образы животных — преданных друзей ученых-гуманистов. Так, Альтикьеро в 1379 г. в знаменитом портрете Франческо Петрарки в Зале Деи Джиганти в Падуе изобразил собаку, которая жила в доме великого поэта. Об этой собаке Петрарка рассказал в 1338 г. в письме к Джакомо Колонна. Упоминания о животном (очевидно, это был белый спаниель) находятся в письмах ученого 1352 и 1353 гг. Собака, написанная Альтикьеро — это и реальный портрет преданного друга поэта-гуманиста, и атрибут ученого-философа, о котором Дюрер уже в XVI в. скажет, что «собака является стандартным атрибутом мирного ученого в работе».¹⁶ Собака в гуманистической интерпретации образа испол-

¹³Фрески Амброджо Лоренцетти «Доброе и Злое Правление» и «Последствия Доброго и Злого Правления» были написаны в 1337–1339 гг. для Палаццо Пубблико в Сиене по заказу Совета Девяти.

¹⁴В 1976 г. американский исследователь Гордон Морэн обнаружил письмо, в котором указывалась точная дата создания Бартоло ди Фредди «Поклонения волхвов» — 1368 год. Тогда у него и ряда других историков и искусствоведов (например, Норман Мюллер) появилась возможность предположить, что сиенский мастер изобразил реальное событие. Дело в том, что в июне 1368 г. в Сиену приезжал с дипломатической миссией король Кипра. Его сопровождала свита из 300 всадников. Этот небывалый кортеж, подобного которому Сиена до тех пор не видела, описан в «Хронике» Нери ди Донато. Таким образом, картину Бартоло ди Фредди на евангельский сюжет можно считать изобразительным источником политической жизни Сиены.

¹⁵*Никогосян М. Н.* Животный мир в искусстве итальянского Возрождения // *Природа в культуре Возрождения*. М., 1992. С. 213.

¹⁶*Reutersward P.* The Dog in the Humanist's Study // *Konsthistorik tidskrift. Art Review published by the Society of History of Art. Argang L. N. 2.* Stockholm 1981. P. 54.

няет роль «наставника» ученого, направляющего его на путь истинный. Не случайно и в XV в. Беноццо Гоццолли в Сан Джиминьяно изобразит собаку рядом со св. Августином, читающим лекцию по философии и риторике. Отныне, в XIV–XV вв., возразим мы М. Н. Никогосяну, животное воспринимается так же — как преданный друг и «наставник» ученого-гуманиста.

Эволюционный процесс изменения отношения к животным в изобразительном искусстве и литературе огромного периода развития гуманизма мы бы разделили на следующие основные этапы.

1. Изучение свойств животных в тесной связи с исследованием природы человека приводит к антропоморфической трактовке анималистических образов. При этом и для художников, и для гуманистов, зачастую являвшихся их советчиками в композиционных программах, животное — существо низшее по сравнению с человеком: у него нет души, оно не может принять ангельскую субстанцию.

2. В XV в. сенсуализм гуманистов, в орбиту которого втягиваются и воля, и этика, и познание, приводит к максимальному сближению человека и животных. Так, Лоренцо Валла считает, что животные обладают памятью, разумом и волей, потому что обладают душой. «Бог сотворил и человека, и животных в живой душе [...] в ней присутствует дуновение жизни»¹⁷. Но Валла видит отличие человека от животных в том, что Бог из уст своих вдохнул вечную душу в человека и тела первых сделал своими руками. Произведения Пизанелло, наиболее значительной фигуры в анималистическом искусстве XV в., подтверждают справедливость этой гуманистической оценки животных. Работы художника отличаются не просто большим мастерством, но новым по существу интересом к животному¹⁸. Оно для Пизанелло уже не просто красивая форма, но живое существо и определенный индивидуум.

¹⁷ Валла Л. Перекапывание (пересмотр) всей диалектики вместе с основаниями всеобщей философии / Пер. В.А. Андрушко // Валла Л. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М., 1989. С. 329.

¹⁸ Пизанелло приписывается множество рисунков различного художественного уровня, в которых хоть как-то отразился новый подход, в том числе и исполненные его мастерской, и более ранние, хранившиеся в его сборнике. Критический разбор см.: *Fossi Todorow M. I disegni dei Pisanello e della sua Cerchia.* Firenze, 1964.

3. В гуманизме XVI в. все чаще появляются сочинения, в которых антропоцентризм обсуждается и ставится под сомнение не с помощью неоплатонизма, а совсем иным способом — земным: путем сравнения человека с земными обитателями — животными. Так, Макиавелли в «Золотом осле» выворачивает наизнанку традиционную идею антропоцентризма, демонстрируя природную ущербность человека и превосходство над ним животного¹⁹. Леонардо да Винчи тоже считал организацию и строение человека менее совершенными, чем у животных²⁰, и подчеркивал его врожденную злобу и жестокость, порой превосходящую звериную. «Первый зверь среди животных», «чудовище жестокое и бесчувственное» — таким предстает человек в его заметках, замысле «Битвы при Ангиари» и в рисунках наподобие того, где изображены рядом головы коней, льва и человека с одинаковой гримасой ярости²¹.

Как видим, гуманистическая интерпретация анималистических образов характерна для философских сочинений, произведений литературы и изобразительного искусства на протяжении XIV–XVI вв.

Однако, на наш взгляд, именно трактаты XIV в., раннегуманистического периода, посвященные животным, рассказывающие с большой любовью о том, как выбрать коня и как его содержать, где восхищаются устройством и жизнью мухи²², созвучные трога-

¹⁹ *Machiavelli N. Asino d'oro. VIII // Machiavelli N. Pensieri sugli uomini / Da G. Papini. Lanciano. 1910. P. 31.* — «Безжалостную сатиру на человека» видел в «Золотом осле» Р. И. Хлодовский. См.: *Хлодовский Р. И. Кризис пополанской культуры в зеркале поэзии флорентийского секретаря // Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988. С. 193.*

²⁰ «Нашел я в составе человеческого тела, что из всех составов животных оно имеет наиболее тупые и грубые ощущения и состоит из органов менее пронизательных и из участков менее восприимчивых к способности ощущения». — *Леонардо да Винчи. Избранные произведения: В 2 т. Т. I. М., 1935. С. 273. № 435.*

²¹ Там же. Т. I. С. 258. № 402; Т. 2. С. 398. № 998. — В своих так называемых «Предсказаниях», посвященных животным, Леонардо в гротескной форме показывает несправедливость и жестокость человека по отношению к животным и сочувствует им. См.: Там же. Т. 2. С. 377, № 889–890; С. 378, № 902–903; С. 379, № 907.

²² Альберти неоднократно приводит в пример людям поведение животных (любовь к детям и усердие, проявляемое при их выкармливании, чистота ла-

тельным и наивным, чувственным и страстным анималистическим образам в искусстве Треченто, приобретают особый смысл в контексте идеи антропоцентризма.

Проблема отношения к животным в период становления гуманизма представляется весьма существенной для понимания гуманизма в целом, ибо от того, какими видят гуманисты (гуманисты — советчики художников) природу, роль животных в жизни человека, зависят во многом этические и многие другие идеи гуманизма. Важна эта проблема для решения вопроса о судьбе гуманизма, его кризисе и уходе с исторической сцены. В данном смысле анализ развития иконографии анималистических образов позволяет ярче и нагляднее проследить стадии эволюции гуманистических идей, и мы надеемся на продолжение такого анализа в крупных и малых работах исследователей различных гуманитарных наук.

сточек и др.). Он даже пишет специальные работы, посвященные животным, например, сочинение о лошади («De equo animante tractatulus»), а в работе «Муха» он восхищается качествами и жизнью мухи. Его сочинение отличается от «Похвалы мухе» Лукиана, хотя, возможно, тот и повлиял на Альберти.

И. П. Потехина

Налоговая система св. престола в период Авиньонского пленения пап

Финансовое положение св. престола в эпоху Авиньонского пленения пап и, в частности, отдельные налоговые нововведения авиньонских понтификов привлекали внимание исследователей на протяжении многих десятилетий. При этом для создания полного представления о папской фискальной системе и четкого определения основных налоговых приоритетов этого периода историкам необходимо было в первую очередь сформулировать некоторые общие принципы описания существовавших в Средние века церковных поборов. Сразу отметим, что попытки классификации главных статей дохода средневекового папства вообще и папства XIV в. в частности предпринимались в исторической литературе с самого начала изучения данного вопроса (с 1881 г.).

Уже в конце XIX — начале XX в. в работах историков, занимавшихся изучением и описанием административно-финансовой системы папского престола, отчетливо прослеживается стремление тем или иным способом сгруппировать апостолические поборы на основании некоторых наиболее общих их черт. Основным критерием для создания подобных классификаций зачастую выступали простейшие технические аспекты самого процесса сбора денег. Именно так на две (примерно равные по числу входящих в них поборов) группы в зависимости от *места* непосредственного приема налогов (взимаемых соответственно в самой камере или в диоцезах, а позднее в коллекторатах) разделяют все доходы св. престола известные французские исследователи Ш. Самаран и Г. Молла.¹ На две группы предлагает подразделять главные доходные статьи римских понтификов и Э. Гёллер.² Правда, в основе его типологии лежит уже не различие касс поступления денег, а необходимость раз-

¹ *Samaran C., Mollat G. La fiscalité pontificale en France au XIVe siècle. Paris, 1905. P. 11–68* (далее — Samarан/Mollat. . .).

² *Die Einnahmen der apostolischen Kammer unter Johann XXII / Hrsg. von E. Göller. Paderborn, 1910. S. 20*ff.*

дельного рассмотрения тех церковных поборов, которые полностью поступали в распоряжение камеры, и тех, которые папам в соответствии с буллами Николая IV (1288–1292) приходилось делить с коллегией кардиналов.³ Столь же правомерным, по всей видимости, выглядело бы и разделение всех папских налогов на ординарные и экстраординарные, во многом сближающее церковную фискальную систему с фискальной системой светских государств. Позволяя детально рассмотреть методы работы папских финансовых агентов на местах, а также оценить благосостояние кардиналов и изучить политическую обстановку вокруг св. престола (приводившую к учреждению экстраординарных поборов), эти классификации, однако, не дают представления о каком-либо закономерном развитии налоговой системы папства и ее главных приоритетах в XIV столетии. Все они (за исключением разве что типологии Э. Гёллера, имеющей строгую хронологическую привязку, могут служить для описания папской налоговой системы на любой стадии ее существования, как до Авиньонского пленения пап, так и после него. В связи с этим гораздо большего внимания, по нашему мнению, заслуживает появившаяся также в начале XX в. и в дальнейшем воспринятая многими западными исследователями трехчастная «юридическая» классификация папских поборов, предложенная швейцарским историком Й. П. Киршем.⁴ Рассмотрению этой оригинальной типологии, выявлению главных ее преимуществ и обоснованию правомерности ее применения к папской налоговой системе периода Авиньонского пленения мы и посвятим настоящую статью.

Главным критерием для создания налоговой классификации, по

³См.: Bullarum, diplomatarum et privilegiorum sanctorum Romanorum pontificum Taurinensis editio. Augusta Taurinorum, 1857–1872. Т. IV. Р. 88. — Согласно постановлениям Николая IV Апостолическая камера должна была перечислять в пользу кардиналов половину общей суммы сборов серваций, визитаций и различного рода цензов. Поступления от остальных поборов взымались целиком в пользу Папы.

⁴*Kirsch J. P. L'administration des finances pontificales au XIVe siècle // Revue d'histoire ecclésiastique. 1900. Т. I. N2. Р. 279.* Впоследствии классификация Кирша, по-видимому, оказала влияние на таких исследователей, как И. Ренуар, П. Партнер и др. См.: *Renouard Y. Les relations des papes d'Avignon et des compagnies commerciales et bancaires de 1316 à 1378. Paris, 1941. Р. 20–31; Partner P. Papal Finance and the Papal State // History Today. 1957. Vol. VII. N11. Р. 766.*

собственному утверждению Й. П. Кирша, стала правовая подоснова, подводимая папством под каждый из взимаемых Апостолической камерой налогов. Исходя из этого, существовавшие в Средние века церковные поборы были разделены исследователем на три качественно отличающиеся группы. К первой из них оказались отнесены те апостолические сборы, которые понтифик взимал в свою пользу с непосредственных владений церкви — Патримония св. Петра, а затем и графства Венесен — по праву их верховного светского правителя.

Обращаясь к истории данной группы, мы можем отметить, что налоги, взимаемые папами с собственных владений апостольского престола, в 756 г. превратившихся в Патримоний св. Петра, на протяжении почти всей своей средневековой истории представляли собой обычные домениальные поборы. Сложившийся к началу XIV в. перечень этих налогов, собираемых папскими наместниками-ректорами, был довольно велик и в качестве основных доходных статей включал в себя такие поборы, как ежегодный «подымный» налог с каждого дома («*focaticum*»), военный налог («*tallia militum*») для содержания воинских отрядов ректора, и прокурации («*procuratio*»), получаемые наместником во время объезда вверенных ему территорий.⁵ Неизменным источником денежных поступлений почти во всех папских провинциях являлись разнообразные транзитные пошлины и судебные штрафы, а также поборы, связанные с функционированием ректорской курии (составление нотариальных актов, постановка печати и пр.) и различными папскими монополиями.⁶ Кроме этого, за аренду папской собственности крупными феодалами Патримония (приобретавшими права ви-

⁵ *Fabre P.* Un Registre Caméral du cardinal Albornoz en 1364 // *Mélanges d'archéologie et d'histoire.* 1887. T. VII. P. 185–193; *Schäfer K. H.* Deutsche Ritter und Edelknechte in Italien während des XIV Jahrhunderts. I Buch. Paderborn, 1911. S. 20–21, 28–29, 32–35, 36–39; *Eitel A.* Der Kirchenstaat unter Klemens V // *Abhandlungen zur Mittleren und Neueren Geschichte.* 1907. Hft I. S. 65–68; *Partner P.* The Papal State under Martin V. London, 1958. P. 143; *Jones P. J.* The Malatesta of Rimini and the Papal State. Cambridge, 1974. P. 5.

⁶ *Schäfer K. H.* Deutsche Ritter und Edelknechte... S. 20–41; *Gottlob A.* Aus der Camera Apostolica des 15. Jahrhunderts. Innsbruck, 1889. S. 137; *Eitel A.* Der Kirchenstaat unter Klemens V... S. 68; *Partner P.* The Papal State... P. 143; *Renouard Y.* Les relations... P. 24.

кариата) и городами-коммунами апостольской казне причитались многочисленные земельные и прочие ренты, именовавшиеся первоначально «*pensio*», а с XIII в. — «*census*».⁷

При благоприятных обстоятельствах перечисленные платежи, как явствует из источников, могли принести папству довольно заметные доходы — и даже тогда, когда понтифики перебравшись в Авиньон. Для примера отметим, что в наиболее благополучный для Патримония период 1367–1368 гг. денежная прибыль от него, по некоторым данным, составила около 126 тыс. флоринов,⁸ что в целом не намного отстает от совокупного годового дохода, который Апостолическая камера получала еще в понтификат Бенедикта XII (1334–1342).⁹ Тем не менее папы периода Авиньонского пленения вряд ли имели возможность постоянно получать доходы от Патримония в таком объеме, и причиной тому была не только необходимость делить эти поступления с кардиналами. Переезд на юг Франции и последовавшая за ним волна антипапских восстаний и междоусобиц, прокатившихся по Италии, подорвали основы фискальной администрации апеннинских провинций, в сущности лишив пап сколько-нибудь значительных патримониальных доходов — большая часть собранных средств растрачивалась папскими администраторами непосредственно на месте, не будучи даже отправленной в Авиньон.¹⁰ В результате в понтификат Иоанна XXII

⁷Gregorii I Papae Registrum epistolarum. T. I / Ed. P. Ewald et L. M. Hartmann. Berlin, 1891. P. 61–69, 311–312; *Jaffé Ph. Regesta pontificum Romanorum ab condita Ecclesia ad annum post Christum natum MCXCVIII* / Ed. secund. curav. P. Ewald, S. Loewenfeld, F. Kaltenbrunner. Leipzig, 1885–1888. nn 1067–1068, 1112, 1138, 1260 etc (далее — Jaffé. nn.); *Schwarzlose K. Die Verwaltung und die finanzielle Bedeutung der Patrimonien der römischen Kirche bis zur Gründung des Kirchenstaates // Zeitschrift für Kirchengeschichte*. 1890. Bd. XI. Heft I. S. 68, 73, 79; *Mollat G. Les papes d'avignon (1305–1378)*. Paris, 1912. P. 372–373; *Lunt W. E. Papal Revenues in the Middle Ages*. Vol. I. New York, 1934. P. 57, 59; *Jones P. J. The Malatesta of Rimini*. . . P. 5, 10.

⁸*Schäfer K. H. Deutsche Ritter*. . . S. 42–43 (документ Reg. Av. 198 f. 495^v от 1367–68 гг.).

⁹Die Ausgaben der apostolischen Kammer unter Johann XXII / Hrsg. von K. H. Schäfer. Paderborn, 1911. S. 16*–17*; *Lunt W. E. Papal Revenues*. . . Vol. I. P. 13–14; *Renouard Y. Les relations*. . . P. 32; *Guillemain B. I papi di Avignone, 1309–1376*. Milano, 2003. P. 140.

¹⁰*Renouard Y. Les relations*. . . P. 24–25.

(1316–1334), ведшего практически непрерывные войны на территории папского государства, годовой доход Апостолической камеры от итальянских владений церкви (Тосканы, Романьи, Марки, Кампаньи, Мареммы, Беневента и Сполето) составил в общей сложности 5171 флорин.¹¹ Парадоксально, но такую же (а подчас и большую) сумму авиньонскому папскому престолу ежегодно приносило приобретенное в 1274 г. графство Венессен — область, по площади и численности населения гораздо менее значительная, нежели полуостровные владения пап.¹²

Политическая и финансовая ситуация в Патримонии начала меняться к лучшему лишь в середине 50-х годов XIV в. — с началом деятельности папского легата, кардинала Эгидио Альборноза, восстановившего власть понтификов над папским государством и заметно укрепившего всю патримониальную организацию, включая и местные финансы.¹³ Однако успех его миссии 1353–1367 гг. оказался временным, и с началом легации следующего папского наместника в Папской области вновь вспыхнули беспорядки.¹⁴ Стремясь добиться повиновения со стороны своих подданных — феодальной знати и городских коммун, римская церковь вынуждена была раздать часть своих территорий в качестве викариатов, что, по сути, привело к разрушению всей фискальной администрации апеннинских провинций и пагубнейшим образом сказалось на объеме патримониальных поступлений камеры.

Вторая группа папских налогов, выделенная Й. П. Киршем, имела двойственную природу, и сбор входивших в нее платежей — из-

¹¹Die Einnahmen... S. 67*–70*, 288, 318, 320, 322, 329, 331, 334, 459, 467, 466, 481, 495. Приведенная сумма представляет собой патримониальный доход одной только *папской* камеры.

¹²*Baumgarten P. M.* Untersuchungen und Urkunden über die Camera Collegii Cardinalium für die Zeit von 1295 bis 1437. Leipzig, 1898. S. 150–157, 158–160; Die Einnahmen... S. 70*, 438ff.

¹³*Fabre P.* Un registre caméral du Cardinal Albornoz... P. 129–195; *Bullarum...* T. IV. P. 503–505; *Jones P. J.* The Malatesta of Rimini... P. 46–47; *Гуковский М. А.* Итальянское Возрождение. Л., 1990. С. 159–162; *Storia dei Papi.* Milano, 1995. P. 366; *Guillemain B.* I papi di Avignone... P. 110–114.

¹⁴*Antonelli M.* Vicende della dominazione pontificia nel Patrimonio di S. Pietro in Tuscia // Archivio della R. Società Romana di Storia Patria. 1902. Vol. XXV. Fasc. III–IV. P. 355–395; *Гуковский М. А.* Итальянское Возрождение... С. 161–162.

вестных под общим названием ценза св. Петра — был связан как со светскими сеньориальными правами папы, так и с его духовной властью. К числу этих налогов, согласно «Книге цензов» камерария Ченчо Савелли, составленной в 1192 г.,¹⁵ относились платежи подчиненных Папе церковей и монастырей, дани («census», «tributa») с некоторых светских владетелей Европы, а также «Денарий св. Петра», взимаемый на периферии католического мира.¹⁶

Своим происхождением ценз во всех его многочисленных проявлениях был обязан прежде всего эмфитевтической аренде, распространившейся во владениях церкви еще в период поздней античности.¹⁷ Со временем (примерно с конца VIII — начала IX в.) цензы, взимавшиеся с церковей и монастырей, помимо аренды папской собственности,¹⁸ начали ассоциироваться также с предоставлением *экземпции* — особой папской привилегии, путем символической передачи церковного имущества в собственность св. Петра («*allodium ac patrimonium b. Petri*»), освобождавшей его владельца от возможного вмешательства со стороны местных светских или духовных властей.¹⁹ В обмен на такую апостольскую «защиту» (не предполагав-

¹⁵Liber Censuum de l'Église Romaine, Le / Ed. P. Fabre, L. Duchesne. T. I. Paris, 1889ff. Об истории создания «Книги Цензов» Ченчо Савелли см.: *Fabre P. Étude sur le Liber Censuum de l'Église romaine.* Paris, 1892. P. 8–25.

¹⁶*Fabre P. Étude...* P. 26–148; *Daux C. Le Cens pontifical dans l'Église de France // Revue des questions historiques.* 1904. T. LXXV. P. 63–73; Die Einnahmen... P. 56*–65*; *Kirsch J. P.* 1) L'administration des finances... P. 280–282; 2) Die Finanzverwaltung des Kardinalkollegiums im XIII und XIV Jahrhundert // Kirchengeschichtliche Studien. 1895. Bd. II. Heft IV. S. 25–36; *Mollat G. Les papes...* P. 365–372, 373; *Samaran/Mollat...* P. 60–62; *Lunt W. E. Papal Revenues...* Vol. I. P. 61–71; *Renouard Y. Les relations...* P. 25–26 etc.

¹⁷*Daux C. Le Cens pontifical...* P. 64; *Fabre P. Étude...* P. 26; *Duchesne L. Les premiers temps de l'État pontifical (754–1073).* Paris, 1898. P. 48.

¹⁸*Jaffé Rh. Regesta pontificum...* nn. 2435, 2437, 2544, 2653, 3569, 3605, 3669–3670, 4129 etc; *Gallia christiana, in provincias ecclesiasticas distributa / Opera & studio Domni D. Sammarthani.* T. I. Instrum. Paris, 1715. P. 155. Cap. II.

¹⁹*Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Series latina.* T. CXIX. Paris, 1844–1890. Col. 1116–1118 (далее — PL); *Liber Censuum...* T. I. P. 2; *Jaffé Rh. Regesta pontificum...* nn. 2017, 2105; *Registrum Malmesburiense. The Register of Malmesbury Abbey / Ed. by J. S. Brewer.* Vol. I. L., 1879–1880. P. 346–347; *Gesta abbatum monasterii Sancti Albani a Thoma Walsingham...* compilata / Ed. by H. T. Riley. Vol. I. L., 1867–1869. P. 498–504 (App. C), 512–513 (App. D); *Muratori L. A. An-*

шую, впрочем, для пап права абсолютно свободно распоряжаться полученными владениями)²⁰ экзимированные церковные организации обязаны были выплачивать понтификам установленный соответствующей грамотой взнос, по аналогии с рентными платежами Патримония именуемый цензом («census»). Наибольшее количество подобных экземпционных привилегий было даровано в период с середины XI до середины XIII в., что как нельзя более соответствовало проводимой папством со времен Ключнийской реформы политике централизации и подчинения всей западной церкви.

В многом похожи на цензовые взносы экзимированных церковных учреждений были платежи, с XI в. вносимые в папскую курию некоторыми светскими государями и сеньорами. Стремясь получить формальную защиту ап. Петра, светские персоны провозглашали свои владения собственностью св. престола и, принося оммаж римскому первосвященнику, принимали на себя цензовые обязательства, отличавшиеся от церковных разве что большими размерами взноса. Подобным образом до конца XIII в. вассалами и данниками папы стали короли Польши, Арагона (с 1063), Дании, Чехии (с 1074), Венгрии, Португалии (с 1144), позднее Англии (с 1214), Неаполя (с 1265) и Сицилии (с 1282), а также многие более мелкие феодальные владетели.²¹ К этому же времени с цензами заметно сближается — как в представлении папских финансовых чиновников, так и в восприятии налогоплательщиков — еще один побор цензовой группы — «Денарий св. Петра», известный еще с конца VII — начала VIII в. и первоначально никакого отношения к признанию сюзеренитета понтифика, по-видимому, не имев-

tiquitates Italicae medii aevi sive Dissertationes. T. V. Mediolani, 1741. Col. 805ff; *Fabre P. Étude...* P. 38–40, 86.

²⁰Подробнее о папских экземпциях см.: *Die Einnahmen...* P. 56*–57*; *Fabre P. Étude...* P. 71–94.

²¹PL. T. CCXV. Col. 550–551; *Liber Censuum...* T. I. P. 16 (n. 1); *Foedera, conventiones, literae et cujuscunque generis acta publica...* / *Accurante Th. Rymer.* T. I. London, 1704–1706. P. 181, 374, 442, 444; *Muratori L. A. Antiquitates Italicae medii aevi...* Col. 840; *Kirsch J. P. Die Finanzverwaltung...* S. 23, 34 (n. 1), 35; *Baumgarten P. M. Untersuchungen und Urkunden...* S. CXL, 93, 138ff; *Fabre P. Étude...* P. 120–121, 123; *Lunt W. E. Papal Revenues...* Vol. I. P. 63; *Brilioth Y. Den påfliga beskattningen af Sverige intill den stora schismen.* Uppsala, 1915. S. 18–19.

ший.²² Сфера его применения в конце XIII — начале XIV в. ограничивалась Англией, Скандинавскими королевствами, Польшей, Чехией, Хорватией, Далмацией, а также землями, контролируемые Немецким орденом.²³

Представляя в течение какого-то времени одну из основных образующих папского бюджета, эти налоги, однако, никогда не приносили апостольскому престолу особо значительных сумм. Причиной тому была прежде всего нерегулярность ценовых платежей, приводившая к накоплению многолетних долгов как у церковных, так и у светских цензитариев, а также к утрате связей с некоторыми из них.²⁴ В XIV в. к этому, судя по частоте выплат и суммам задолженностей, добавилось, видимо, еще и отсутствие интереса к данной статье дохода со стороны самих пап.

Из материалов коллекторских отчетов, составленных по результатам поездок в германские диоцезы, видно, что за весь период Авиньонского пленения ценз св. Петра собирался на землях империи всего четыре раза, в то время как за другими платежами папские сборщики выезжали почти ежегодно.²⁵ Общая сумма немецких цензов, собранных в ходе этих поездок, составила 2046 флоринов и 50 турецких грошей, что не превышает и 1% совокупного дохода, полученного папскими коллекторами в империи за весь период пленения.²⁶ Разумеется, в других регионах Европы, где число

²²PL. T. CXLVI. Col. 1413; Matthaedi Parisiensis, monachi Sancti Albani, *Chronica Majora* / Ed. by H. R. Luard. L., 1872–1883. Vol. I. P. 330–331; *Jaffé Rh. Regesta pontificum...* nn. 2494; *Gesta abbatum monasterii Sancti Albani...* Vol. I. P. 5; *Muratori L. A. Antiquitates Italicae medii aevi...* Col. 827–828; *Jensen O. The «Denarius Sancti Petri» in England // Transactions of the Royal Historical Society. 1901. Vol. XV. P. 178–183.*

²³*Muratori L. A. Antiquitates Italicae medii aevi...* Col. 827–828; *Die Einnahmen...* S. 59*–62*; *Die päpstlichen Kollektorien in Deutschland während des XIV Jahrhunderts* / Hrsg. von J. P. Kirsch. Paderborn, 1894. S. XIV; *Jensen O. The «Denarius Sancti Petri»...* P. 198–199; *Briloth Y. Den päfliga beskattningen af Sverige...* S. 22–23, 25–28.

²⁴*Kirsch J. P. Die Finanzverwaltung...* S. 35, n. 1; *Baumgarten P. M. Untersuchungen und Urkunden...* S. CXLI, 141–143; *Die Einnahmen...* S. 62*ff, 29–32; *Samaran/Mollat...* P. 61, 108.

²⁵Die päpstlichen Kollektorien... P. XV, LXVI, 51–52. Ср.: Ibid. P. LXVI–LXX.

²⁶Ibid. — Сумма всех доходов, полученных папами на территориях империи, составляла 228 142 ³/₄ флоринов в различной чеканке, 26 855 французских золотых и серебряных монет разных типов и т. д.

экзимированных церковных учреждений было большим, поступления от ценза могли быть значительно выше. Однако и здесь, судя по многолетним долгам, рассматриваемый нами налог взимался нерегулярно и далеко не везде.²⁷

Сходным образом складывалась ситуация и с получением более крупных королевских «tributa». Так, долг неаполитанских королей, с 1265 г. обязавшихся выплачивать папскому престолу по 8 тыс. унций золота (40 тыс. флоринов) ежегодно, к 1308 г. — моменту вступления на престол Роберта Анжуйского — составил без малого 93 340 унций (т. е. 466 700 флоринов). Не получив возмещения этой задолженности от нового короля, папы в продолжение XIV в. вынуждены были неоднократно производить ремиссию его долга.²⁸ Английский ценз (1 тыс. марок стерлингов, или 4 тыс. флоринов), достаточно регулярно выплачивавшийся при Генрихе III (1216–1272), при его преемниках в конце XIII — начале XIV в. и вовсе перестал поступать в папскую казну — в 1316 г. сумма королевской задолженности должна была составить 26 тыс. марок стерлингов (т. е. 104 тыс. флоринов). Последняя из известных выплат этой дани имела место в июле 1333 г., а в 1366 г. английский парламент запретил сбор ценза на территории королевства.²⁹ Не лучшим образом в период Авиньонского пленения обстояли дела и с ценовыми выплатами Сицилии и Арагона.³⁰

Что касается «Денария св. Петра», то поступления от него, даже если и не были официально зафиксированы, как в Англии (на уровне 199 марок 6 шиллингов 8 пенсов ежегодно)³¹, приносили

²⁷ *Samaran/Mollat...* P. 61, 108; *Berlière U. Inventaire analytique des Libri Obligationum et Solutionum des Archives Vaticanes au point de vue des anciens diocèses de Cambrai, Liège, Thérouanne et Tournai.* Rome, 1904. P. VI–VII.

²⁸ *Die Einnahmen...* P. 62*ff, 29–32; *Baumgarten P. M. Untersuchungen und Urkunden...* P. 94–97.

²⁹ *Kirsch J. P. Die Finanzverwaltung...* P. 35, n. 1 (Obl. 11, 2, f. 10 «De censu regni Anglie»). См.: *Lunt W. E. Papal Revenues...* Vol. I. P. 64; Vol. II. P. 52–53; *Kirsch J. P. Die Finanzverwaltung...* P. 34–35; *Baumgarten P. M. Untersuchungen und Urkunden...* P. CXLI; *Die Einnahmen...* P. 64*.

³⁰ *Die Einnahmen...* P. 62*–65*; *Baumgarten P. M. Untersuchungen und Urkunden...* P. CXL, CLI, 94; *Kirsch J. P. Die Finanzverwaltung...* P. 23, 34 (n. 1); *Guillemain B. I papi di Avignone...* P. 43–44.

³¹ *Muratori L. A. Antiquitates Italicae medii aevi...* Col. 827–828; *Lunt W. E. William Testa and the Parliament of Carlisle // The English Historical Review*

папской казне весьма скромные суммы, составлявшие в среднем 100–200 марок в год с каждого из облагаемых государств.³² Ставка денария, как, собственно, и ставка ценза, была традиционно неизменной и равнялась 1 денарию (1 пенни в Англии, 1 пеннингу в Скандинавии и т. д.) с каждого жилого дома. Общая прибыль от побора колебалась, таким образом, исключительно под воздействием демографических перемен, происходивших в каждом конкретном регионе.³³

Именно это постоянство и невозможность реального увеличения цензовых и денариальных поступлений, по всей видимости, и стали главной причиной постепенного снижения роли цензов в общей налоговой политике св. престола. Относительная терпимость папской финансовой администрации к цензитариям-должникам, частые ремиссии цензовых долгов (особенно долгов крупных) и нерегулярность коллекторских поездок за цензами вполне недвусмысленно указывают на то, что в последние столетия средневековья — в том числе и в период Авиньонского пленения пап — сбор этих древнейших папских налогов осуществлялся лишь как дань традиции.

К третьей и последней группе апостолических поборов в соответствии с классификацией Й. П. Кирша следует относить основную массу налогов на доходы клира и церковные бенефиции, сбор которых первосвященник осуществлял исключительно *как глава церкви*. Сразу отметим, что в отличие от рассмотренных ранее патриониальных поборов и цензов новые налоги, оформившиеся в рамках папской налоговой системы лишь в XIII–XIV вв., представлялись для пап периода Авиньонского пленения сравнительно но-

(далее — EHR). 1926. Vol. XLI. N 163. P. 352, 354; *Brilioth Y. Den påfliga beskattningen af Sverige...* S. 338; *Lunt W. E. Papal Revenues...* Vol. I. P. 68; Vol. II. P. 65.

³² *Theiner A. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia*. T. I. Romae, 1860–1864. P. 274–281 (n. 360), 281ff (n. 361), 363–367, 394; *Baumgarten P. M. Untersuchungen und Urkunden...* S. 166–174; *Brilioth Y. Den påfliga beskattningen af Sverige...* S. 23, 313–315, 321, 340; *Lunt W. E. Papal Revenues...* Vol. I. P. 70–71; Vol. II. P. 73–74.

³³ В Англии, например, если верить словам Генриха II, деньги в счет денария должны были собираться «со всякого дома, из которого выходит дым» («ab omni domo a qua fumus exit»). См.: *Liebermann F. Peter's Pence and the Population of England about 1164* // EHR. 1896. Vol. XI. P. 744–747.

вым изобретением. Процесс взимания большинства из них основывался прежде всего на оценке имущества и потенциальных доходов каждого отдельного духовного лица, что позволяло варьировать объемы папских налоговых поступлений в зависимости от нужд понтифика и тем самым придавало фискальной системе св. престола гораздо большую мобильность и гибкость.

Первым известным налогом на доходы духовенства, сбор которого был официально провозглашен св. престолом, стала сороковая часть церковных доходов, в 1199 г. в течение года взимавшаяся со всех духовных бенефициариев по распоряжению Иннокентия III (1198–1216). Основным назначением собранных средств должна была стать помощь светским владетелям Европы в организации нового крестового похода.³⁴ Однако со временем — в особенности в XIV в., когда сбор этих налогов осуществлялся практически повсеместно и регулярно — налоги с доходов клира все чаще стали взиматься не «для помощи Св. Земле» («in subsidium Terrae Sanctae»), а для удовлетворения собственных нужд апостольского престола («pro oneribus Romanae Ecclesiae»).³⁵ Учрежденный таким образом новый церковный налог — к концу XIII столетия окончательно закрепленный в размере десятины³⁶ — изначально являлся по сути побором экстраординарным. Однако частота, с которой он использовался в XIII и особенно в XIV в., равно как и передача его сбора с 1228 г. в руки папских коллекторов, позволяет нам говорить о постепенном включении его в систему обычных, ординарных налогов.³⁷ Сходным образом развивался и примыкающий к «кресто-

³⁴Chronica Magistri Rogeri de Houedene / Ed. by W. Stubbs. Vol. IV. London, 1868–1871. P. 108–112; *Gottlob A.* Die päpstlichen Kreuzzugs-Steuern des 13 Jahrhunderts. Heiligenstadt, 1892. S. 184–186; *Housley N.* The Avignon Papacy and the Crusades, 1305–1378. Oxford, 1986. P. 162; *Потехина И. П.* Налоги на доходы клира в фискальной системе средневекового папства // Религия в мировой истории и культуре. СПб., 2004. С. 77–79.

³⁵The Red Book of the Exchequer / Ed. H. Hall. Part III. London, 1896. P. 1052; *Vetus registrum Sarisberniense alias dictum registrum S. Osmundi Episcopi* / Ed. W. H. Rich Jones. T. II. London, 1883–1884. P. 144–148; *Housley N.* The Avignon Papacy and the Crusades... P. 165ff.

³⁶См.: *Samaran/Mollat*... P. 13; *Mollat G.* Les papes... P. 366–367; *Renouard Y.* Les relations... P. 29; *Lunt W. E.* Papal Revenues... Vol. I. P. 74 etc.

³⁷Chronica Magistri Rogeri de Houedene... Vol. IV. P. 108–112; *Vetus registrum Sarisberniense*... T. II. P. 144–148; *Le Registre de Benoît XI* / Publ. par

носным» десятинам побор с духовенства, известный под названием «*subsidia caritativa*» («*subsidia gratuita*»), основная специфика которого первоначально (в конце XI–XII вв.) заключалась в том, что выплаты его были сугубо добровольными, поскольку целиком основывались на феодальных представлениях о помощи вассалов их синьору.³⁸

Сбор налогов на доходы клира мог быть провозглашен как на территории всего католического мира, так и на землях отдельных государств и крупных синьорий. Очевидно, что при таком охвате духовенства (и достаточной регулярности сборов) налоги с клира могли приносить папскому престолу весьма значительные прибыли. Действительно, в одной только Англии сумма сборов в течение XIII в., по подсчетам У. Ланта, возросла с 80 тыс. до 203 тыс. фунтов (ливров).³⁹ А поступившие в папскую казну за 18 лет понтификата Иоанна XXII субсидиальные платежи составили приблизительно 500 тыс. флоринов, т. е. около 27 800 флоринов в год.⁴⁰

В середине — второй половине XIII в. неуклонно возраставшие финансовые нужды папского престола привели к формированию на базе налогов на доходы клира еще одного — нового и чрезвычайно важного для пап — вида поборов. Речь идет о так называемых налогах на церковные бенефиции, основным плательщиком которых стала наиболее состоятельная и наиболее тесно связанная с папством группа духовенства — прелаты, чье должностное функционирование благодаря усилению папской власти в XIII–XIV вв. целиком зависело от апостольского престола.

C. Grandjean. Paris, 1883–1885. N. 1213–1214; *Acta conciliorum et epistolae decretales ac constitutiones Summorum Pontificum. Tomus VII.* / [Ed. J. Hardouin]. Parisiis, 1714. Col. 71–78. См. также: *Gottlob A.* Die päpstlichen Kreuzzugs-Steuern... S. 184–185; *Lunt W. E.* Papal Revenues... Vol. I. P. 11, 72; *Housley N.* The Avignon Papacy and the Crusades... P. 146–148, 149–152.

³⁸Die Einnahmen... S. 103*–106*; *Samaran/Mollat*... P. 56–60; *Mollat G.* Les papes... P. 371; *Lunt W. E.* Papal Revenues... Vol. I. P. 78–79; *Renouard Y.* Les relations... P. 28 etc.

³⁹О сборах десятин на территории Англии см.: *Lunt W. E.* The Valuation of Norwich. Oxford, 1926. P. 18, 100, 106 (цит. по: *Lunt W. E.* Papal Revenues... Vol. I. P. 74).

⁴⁰*Renouard Y.* Les relations... P. 28. Ср.: *Die Einnahmen*... S. 104*, 373–374, 488–489, 503–511, 549–556.

К бенефициальным налогам — по большей части позаимствованным папами из финансового обихода местных церковных властей — следует относить в первую очередь общие и малые сервиции («*servitia communia*», «*servitia minuta*»), взимаемые с высших прелатов в случае их посвящения или конфирмации в консистории; визитации, выплачиваемые наиболее состоятельными слоями духовенства при обязательном «визите к порогам апостолов Петра и Павла» («*visitatio ad limina apostolorum*»). К ним также принадлежали аннаты («*annata*», «*fructus medii anni*» или «*fructus primi anni*») — побор, взимаемый при посвящении и равный годовому доходу с бенефициев, не облагавшихся сервициями; вакансии («*fructus vacantes*», «*fructus intercalares*» или «*fructus medii temporis*»), представлявшие собой доходы от незамещенных бенефициев; прокурации («*procuratio*») — «судебный сбор», взимаемый прелатами во время инспекционных поездок по их епархиям; и, наконец, споллии («*spolia*») — не завещанное имущество клириков, умерших при тех или иных заранее оговоренных обстоятельствах.⁴¹

Развитие этих поборов было неразрывно связано с возобладавшими в XIII–XIV вв. представлениями об исключительном верховном праве папы («*plenitudo potestatis*») распоряжаться всеми церковными должностями и имениями, которые в данном случае и представляли собой основной объект обложения. На практике осуществление подобной прерогативы выражалось в применении так называемых папских резерваций — канонического принципа, позволявшего первосвященнику по своему усмотрению замещать (а следовательно, и облагать соответствующими налогами) любой бенефиций, принадлежащий к той или иной категории духовных владе-

⁴¹ *Göller E.* Der Liber taxarum der päpstliche Kammer // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1905. Bd. VIII. S. 113–173, 305–343; *Gottlob A.* Die Servientaxe im 13 Jahrhundert. Stuttgart, 1903; *Baumgarten P. M.* Untersuchungen und Urkunden. . . S. XCVII–CV, CXXI–CXXVI, 47–77, 82–93; *Kirsch J. P.* Die Finanzverwaltung. . . S. 5–24; Die Einnahmen. . . S. 20*–56*, 113*–115*, 105–283; *Kirsch J. P.* L'administration des finances. . . P. 283–285; *Mollat G.* Les papes. . . P. 364–365; *Lunt W. E.* Papal Revenues. . . Vol. I. P. 91–93. Die päpstlichen Annaten in Deutschland während des XIV Jahrhunderts / Hrsg. von J. P. Kirsch. Bd. I. Paderborn, 1903; Die päpstlichen Kollektorien. . . S. XXVI–XXIX etc; *Williman D.* The Right of Spoil of the Popes of Avignon, 1316–1415. Philadelphia, 1988. P. 1–2.

ний.⁴² Расширение количества резервируемых бенефициев, практиковавшееся папами на протяжении почти всего XIV столетия (буллы «Etsi in temporalium», «Ex debito», «Ad regimen», «Romani pontificis» и пр.),⁴³ таким образом, обеспечивало *постоянный рост* бенефициальных поступлений апостолической казны.

Неудивительно, что в условиях тяжелейшего политического кризиса, поразившего папство в XIV — начале XV в., именно этим налогам, заметно усилившим апостольский престол за счет централизации и финансового подчинения папе всей католической церкви, суждено было стать главной финансовой опорой авиньонского папства. О степени их значимости говорит уже то, что прибыли одних только сервиций (даже делимые папой с кардиналами) в продолжение XIV в. составляли до четверти годового дохода св. престола.⁴⁴ Не менее существенными были, по-видимому, и поступления от аннат и ваканций, в годы Авиньонского пленения, по нашим приблизительным оценкам, вместе приносивших папе от 40 тыс. до 60 тыс. флоринов в год.⁴⁵

Как следует из приведенного здесь беглого обзора, составленного в соответствии с типологией Кирша, классификация церковных налогов, предложенная этим историком, предоставляет гораздо более широкие возможности для исследования папской фискальной системы, нежели все те, которые были перечислены нами в начале настоящей статьи. Основное преимущество типологии Й. П. Кирша проявляется уже в самом выборе главного, определяющего критерия классификации, позволяющего, как мы видели, систематизировать основные статьи папского дохода не только по правовому (или, согласно И. Ренуару, качественному),⁴⁶ но и по хронологическому признаку. Демонстрируя теснейшую связь между церковно-

⁴²См.: Потехина И. П. Папские резервации XIII–XIV вв. и их истоки // Актуальные проблемы всеобщей истории. Вып. 4. Ростов н/Д., 2005. С. 35–49.

⁴³Corpus Juris Canonici editio Lipsiensis secunda / Ed. A. Friedberg. T. II. Lipsiae, 1879–1881. Col. 1207–1209, 1240–1242, 1258–1259, 1266–1267 etc; Bullarum... T. IV. P. 533–534.

⁴⁴Die Einnahmen... S. 46*, 105–283; Un tempo di prove (1274–1449) / A cura di M. Mollat du Jourdin e A. Vauchez. Roma, 1998. P. 68.

⁴⁵Die päpstlichen Kollektorien... S. LXVI–LXX 77–79; Un tempo di prove... P. 66–67; Guillemain B. I papi di Avignone... P. 45–46, 138–139 (doc. 6).

⁴⁶Renouard Y. Les relations... P. 23.

правовыми концепциями, проводимыми папским престолом, и его налоговой политикой, она дает возможность создать ясную и динамичную картину развития папского фискального дела, указать предназначение и проследить историю каждой конкретной группы поборов, одновременно увязав их эволюцию с развитием папской теократической доктрины, как известно, сыгравшей заметную роль в истории папства конца XIII — начала XIV в. Применение именно этой типологии — при условии включения в нее хотя бы приблизительных данных о прибыльности того или иного налога в XIV в., по нашему мнению, позволяет создать наиболее полное представление об основных направлениях налоговой политики авиньонского папства.

А. В. Майоров

Великая Хорватия Константина Багрянородного

Одним из важнейших источников сведений о древней истории хорватов, как и многих других славянских племен и народов, являются известия византийского императора Константина VII Багрянородного. В 30–31-й и ряде других глав созданного им трактата «Об управлении империей» содержатся указания, позволяющие определить географическое положение Великой Хорватии — древней прародины хорватских племен, с территории которой происходило их дальнейшее расселение в Центральной Европе и на Балканах.

Однако трактовка известий Константина Багрянородного о хорватах связана с необходимостью преодоления ряда противоречий. В некоторых случаях автор смешивает предикаты *великая* и *белая* в названии древней Хорватии («Великая Хорватия, называемая “Белой”»), но в то же время он ясно дает понять, что этноним «белохорваты» или «белые хорваты» — новое название, возникшее в процессе дальнейшего расселения хорватских племен:

«Хорваты же жили в то время (во время аварского завоевания Далмации. — А. М.) за Багиварией (Баварией. — А. М.), где с недавнего времени находятся белохорваты.

Прочие же хорваты остались у Франгии (империи франков. — А. М.) и с недавних пор называются белохорватами, т. е. “белыми хорватами”...¹

В литературе нет единого мнения в оценке известий Константина. Ряд исследователей предлагает для локализации Великой, или Белой, Хорватии обширную область в Северном Прикарпатье, охватывающую пространство от Нейсе и верховьев Эльбы на западе до Буга, верховьев Прута и Сирета на востоке, т. е. земли современных Чехии, Польши и Западной Украины².

¹ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей: текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева (далее — ОУИ). М., 1989. С. 131.

² Šafařík P. J. *Slovanské starožitnosti*. Т. II. Praha, 1837. S. 254, 406; Marqu-
© А. В. Майоров, 2005

Иногда территория древней Хорватии представляется в более усеченном виде — от Северо-Восточной Богемии и до верховьев Вислы³. Такую точку зрения в основном принимают комментаторы последних научных изданий трактата Константина⁴. В ряде работ в качестве территориального ядра Великой Хорватии выступают земли Малой Польши: здесь, в бассейне Верхней Вислы, располагалась славянская область *Chordab*, *Chravat*, *Chrvat*, о которой говорят арабские авторы IX–X вв.⁵

art J. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jh. Leipzig, 1903. S. 119 f., 129–139; *Niederle L.* 1) Slovánské starožitnosti. Praha, 1906. Dil. II. Sv. 1. S. 262–271; Praha, 1919. Dil. III. S. 184; Praha, 1924. Dil. IV. S. 155; 2) Славянские древности. М., 2000. С. 76–79; *Szelagowski A.* Kwestia ruska w świetli historii. Warszawa, 1911. S. 53 n.; *Hauptmann Lj.* 1) Dolazak Hrvata // Zbornik Kralja Tomislava. Zagreb, 1925. S. 88–120; 2) Das Regensburger Privileg von 1086 für das Bistum Prag // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichte. T. 62. Wien, 1954. S. 147; *Hrubý V.* Původní hranice biskupství pražského a hranice říše české v 10 století // Časopis Matice Moravské. T. 50. Brno, 1926. S. 95 n.; *Vernadsky G.* Great Moravia and White Chroatia // Journal of the American Oriental Society. 1945. Vol. 65. T. 3. P. 257–259; *Dvornik F.* The Making of Central and Eastern Europe. London, 1949. P. 268–297; *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. М., 1998. С. 69; *Vlahović P.* Current Theories about the Settlement of Slavs in the Contemporary Yugoslavian Countries and Their Anthropological Conformation // Ethnologica slavica. T. 4. Bratislava, 1972. P. 25–41; *Войтович Л.* «Білі» хорвати чи «карпатські» хорвати? // Миколаївщина. Збірник наукових статей. Т. 1. Львів, 1998. С. 62.

³ *Grafenauer B.* Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogenita o doseljenju Hrvata // Historijski zbornik. Zagreb, 1952. God. 5. S. 34–37; *Kronsteiner O.* Gab es unter den Alpenlawen eine kroatische ethnische Gruppe? // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1978. Bd. 24. S. 141; *Fine J. V. A. Jr.* The Early Medieval Balkans. A Critical Survey from the Sixth to the Late Twelfth Century. Ann Arbor, 1983. S. 56–57; *Goldstein I.* Hrvatski Rani Srednji Vijek. Zagreb, 1995. S. 29–32.

⁴ *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. Vol. II / Commentary by F. Dvornik, R. J. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman. Landon, 1962 (далее — DAI). P. 116; ОУИ. С. 370, прим. 14; С. 375, прим. 1; Die Byzantiner und ihre Nachbarn. Die *De administrando imperio* genannte Lehrschrift des Kaisers Konstantinos Porphyrogenetos für seinen Sohn Romanos / Übersetzt, eingeleitet und erklärt von K. Belke und P. Soustal. Wien, 1995 (далее — BIN). S. 161, Anm. 326.

⁵ *Ильинский Г.* Белая Хорватия // Slavia Occidentalis. T. 9. Poznań, 1930; *Lewicki T.* Państwo Wislan-Chorwatów w opisie Al-Masudiego // Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności. Kraków, 1948. S. 24–34; Historija naroda Jugoslavia. Zagreb, 1953. S. 91; *Lowmiański H.* Początki Pols-

Однако «малопольская теория» находит и немалое число противников, указывающих, что хорваты в древности не могли занимать столь обширную территорию, и, кроме того, нет достаточных доказательств их пребывания в верховьях Вислы и на землях исторической Малой Польши: здесь по данным различных источников издревле проживали польские племена. Взамен Великую Хорватию предлагается локализовать на более компактных территориях западной части ареала расселения хорватов — в пределах Северо-Восточной Чехии⁶. Предлагается также версия южного происхождения хорватов, прародина которых могла находиться на территории Карантании⁷.

Решение этого запутанного вопроса требует нового обращения к анализу хорватских известий Константина.

ki. T. II. Warszawa, 1964. S. 130–200; *Gaczyński J. Z.* Zarys dziejow plemiennych Małopolski // *Rocznik Przemyski*. Przemysł, 1968. T. 12; *Skowronek J., Tanty M., Wasilewski T.* Historia Słowian południowych i zachodnich. Warszawa, 1977. S. 23; *Repeta J.* Przegląd badań nad etnogenezą Łemków // *Wierchy*. 1993. T. 57. S. 194–195.

⁶ *Westberg F.* Ibrahim ibn Jakubs Reisebericht über die Slavenlande aus dem Jahre 965. SPb., 1898. S. 99 f.; *Chaloupecký V.* Stare slovensko. Bratislava, 1923. S. 31; *Widajewicz J.* 1) Państwo Wiślan. Kraków, 1947. S. 13–30; 2) Pierwotne dzieje Polski // *Przegląd Zachodni* (Poznań). 1952. № 11–12. S. 374–380; *Labuda G.* 1) Pierwsze państwo słowiańskie. Państwo Samona. Poznań, 1949. S. 194 n.; 2) Polska, Czechy, Rus' i kraj Łędzian w drugiej połowie X wieku // *Labuda G.* Studia nad początkami państwa polskiego. T. 2. Poznań, 1988. S. 193; *Lehr-Splawiński T.* Zagadnienie Chorwatów nadwiślańskich // *Pamiętnik Słowiański*. T. 2. Kraków, 1951; *Turek R.* Die frühmittelalterlichen Stämmegebiete in Böhmen. Praha, 1957. Passim, Mape 3; *Havlik L.* Tři kapitoly z najstarších česko-polských vztahů // *Slovenské historické studia*. 1961. T. 4. S. 17–26; *Nalepa J.* Lemkowie, Wołosi i Biali Chorwaci. Uwagi dotyczące kwestii genezy osadnictwa Ruskiego na Polskim Podkarpaciu // *Acta archaeologica carpathica*. Kraków, T. 34. S. 163–165.

⁷ *Margetić L.* 1) Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // *Zbornik Historijskog zavoda Jugoslovenska Akademija znanosti i umjetnosti*. Zagreb, 1977. Sv. 8; 2) Još o dolasku Hrvata // *Historijski Zbornik*. Zagreb, 1985. God. 38; 3) Još o pitanju vremena dolaska Hrvata // *Zgodovinski časopis*. Ljubljana, 1988. Let. 42. Št. 2; 4) Neka pitanja etnogeneze Hrvata // *Radovi. Zavod za hrvatsku povijest*. Zagreb, 1995. Sv. 28; *Klaić N.* 1) O problemima stare domovine, dolaska i pokrštenja dalmatinskih Hrvata // *Zgodovinski časopis*. Ljubljana, 1984. Let. 38. Št. 4; 2) *Poganska Stara ili Vela Hrvatska cara Konstantina Porfirogeneta* // *Croatica Christiana Periodica*. Zagreb, 1988. G. 12. B. 21.

I.

Прежде всего Великая Хорватия и населявшие ее жители во времена, когда царственный византийский историк создавал свой труд (948–952 гг.), были более других земель, населенных хорватами, доступны нападениям печенегов, о чем свидетельствует Константин в 31-й главе трактата:

«Она (Великая Хорватия. — А. М.) выставляет еще меньше конницы, как и пешего войска, сравнительно с крещеной Хорватией, так что является более доступной для грабежей и франков, и турок (венгров. — А. М.), и пачинаки-тов»⁸.

В конце IX в., одержав очередную победу над венграми и полностью вытеснив их из Северного Причерноморья, печенеги овладели пространством от Дона до Нижнего Дуная⁹. Их кочевья появились в том числе в нижнем течении Днестра и в Пруто-Днестровском междуречье, о чем можно судить по имеющимся археологическим данным. В частности, на территории современной Одесской области Украины найдены многочисленные погребения печенежских воинов, захороненных вместе с лошадьми по характерному обряду¹⁰. По палеоантропологическим данным следы пребывания тюркского населения выявляются и на более северных территориях центральной части Пруто-Днестровского междуречья¹¹.

Примечателен в связи с этим известный по поздним источникам (XVI в.) топоним *Silva Pieczyngarum*, обозначавший болотистый лес, располагавшийся между Стрвляжем, Верхним Днестром

⁸ОУИ. С. 141.

⁹*Diaconu P.* Les Petchenegues au Bas-Danube. Bucuresti, 1970. P. 11; История на Болгария. Т. 2. София, 1981. С. 313; *Malamut E.* L'image byzantine des Petchénègues // *Byzantinische Zeitschrift*. Bd. 88. München, 1995. S. 109; *Князьский И. О.* 1) Русь и Степь. М., 1996. С. 29; 2) Славяне, волохи и кочевники Днестровско-Карпатских земель (конец IX — середина XIII в.). Коломна, 1997. Гл. 1. — Подробную историографическую сводку по этому вопросу см.: ОУИ. С. 279–281, прим. 1.

¹⁰*Добролюбовский А. О.* Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев, 1986. С. 24, 100 и др.

¹¹*Великанова М. С.* Палеоантропология Пруто-Днестровского междуречья. М., 1975. С. 131 и др.

и Луквой, получивший свое название, очевидно, ввиду соседства с печенежской степью¹².

В трактате Константина Багрянородного имеются прямые указания на непосредственное соседство печенегов с некоторыми восточнославянскими племенами. Константин делит печенегов на восемь колен, каждое из которых образует свою «фему». Четыре «фемы» находятся к востоку от Днестра, и столько же — к западу. Далее автор уточняет:

«... фема Гназихопон соседит с Булгарией, фема Нижней Гилы соседит с Туркией, фема Харавой соседит с Росией, а фема Иавдиергим соседит с подплатежными стране Росии местностями, с ультинами, дервленинами, лензанинами и прочими славянами»¹³.

Из приведенного отрывка следует, что территория последней упомянутой в нем «фемы», называемой византийцами Иавдиергим, простиралась вплоть до земель, занятых восточнославянскими племенами, находившимися в даннической зависимости от «страны Росии». «Страна Росия» — это, вероятно, область Среднего Поднепровья с центром в Киеве, соответствующая понятию «Русская земля» в узком значении, известному по русским летописям¹⁴. «Подплатежные» ей племена также легко находят соответствия с известными по древнерусским и другим европейским источникам племенами уличей, древлян и лендзян (возможно, волянян)¹⁵.

По поводу локализации печенежских «фем», располагавшихся к западу от Днестра, высказано несколько различных предположений¹⁶. Как считает новейший исследователь вопроса И. О. Князь-

¹² *Kuczyński S. M.* Nieznany traktat polsko-ruski roku 1039 // *Slavia Antiqua*. 1956. Т. 5. S. 274.

¹³ ОУИ. С. 157.

¹⁴ См.: *Рогов А. И.* О понятии «Русь» и «Русская земля» (по памятникам письменности XI — начала XII вв.) // *Формирование раннефеодальных славянских народностей*. М., 1981; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1993. С. 60 сл.; *Кучкин В. А.* «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII вв. // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 1992—1993 годы. М., 1995; *Ведюшкина И. В.* «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII — первой трети XIII в. // Там же.

¹⁵ См.: ОУИ. С. 390, прим. 13—15.

¹⁶ *Györfly Gy.* Sur la question l'établissement des Petchénègues en Europe // *Acta Orientalia Academiae Hungaricae*. Budapest, 1972. Т. 25. P. 289—291; *Pritsak O.*

кий, земли печенежской «фемы» Иавдиертим располагались «по границе степи и лесостепи в Северо-Западном Причерноморье от левого берега Днестра до Поднепровья»¹⁷. Очевидно, что при таком размещении «фемы» среди ее соседей должны были оказаться и другие племена восточных славян, тем более, что сам Константин помимо перечисленных племен говорит о «прочих славянах», соседствующих с Иавдиертим. К числу таковых, по всей видимости, следует отнести славянские племена, занимавшие в первой половине X в. приднестровские земли. Исследователи причисляют к соседям печенегов в области Приднестровья племена тиверцев¹⁸. Но, вероятно, этим дело не исчерпывается.

Повесть временных лет в перечне племен, участвующих в походе Олега 907 г. на Византию называет их в соответствии с порядком географического размещения и помещает хорватов рядом с дулебами (волынянами) и тиверцами:

«Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки “Великая Скифь”»¹⁹.

Отсюда можно заключить, что тиверцы и волыняне, по старинке в последний раз названные дулебами, являются ближайшими соседями хорватов.

Южная граница расселения волынян, как и в более раннее время дулебов, по данным современных исследователей, проходила по водоразделу Припяти и Буга, а также верхнему течению Днестра²⁰. Но именно регион Верхнего Днестра по данным археологии и топонимики совпадает с ареалом расселения восточнославянских хорватов, большая часть памятников которых концентрируется как раз

The Pečenegs. A Case of Social and Economic Transformation // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1975. Т. I. P. 12 f.

¹⁷Князький И. О. Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003. С. 25.

¹⁸Там же.

¹⁹Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд. СПб., 1996. С. 152.

²⁰Lowmianski H. Początki Polski. Т. II. S. 107–108; Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 96; Баран В. Д. Слов’яни у VIII–IX ст. // Давня історія України. В 3-х тт. Т. 3. Київ, 2000. С. 96.

по левому берегу реки, вдоль Збруча, Серета и других днестровских притоков²¹.

Южные поселения и могильники волянян в Верхнеднестровском регионе также концентрируются вдоль левых притоков Днестра, где они расположены вперемежку с более многочисленными хорватскими памятниками²². Здесь же, в районе впадения в Днестр Луквы, располагался и упомянутый выше Печенежский лес (*Silva Pieszyngarum*), название которого, несомненно, связано с пребыванием поблизости печенегов.

Через земли восточнославянских хорватов, располагавшиеся к западу от Днестра, в X в. проходил один из трех основных путей, по которым печенеги совершали свои набеги на Венгрию. Как установил на основании изучения венгерских хроник Д. А. Рассовский, этот путь шел по верховьям рек Прута и Сирета на Тиссу и далее на Венгерскую равнину²³.

Совершенно очевидно, что свидетельство Константина Багрянородного о нападениях печенегов на земли «Великой Хорватии» должны относиться к региону Среднего и Верхнего Днестра и Украинского Прикарпатья. Во всяком случае, для такой локализации есть все необходимые основания, в то время как весьма затруднительно представить себе, что в данном случае источник имеет в виду какой-то более удаленный на запад район расселения хорватских племен, например, Белую Хорватию, располагавшуюся в пределах Северо-Восточной Чехии, до границ которой печенегам нужно было добираться минуя Карпаты и венгерские земли в Паннонии.

II.

Другим указанием Константина Багрянородного, важным для локализации Великой Хорватии в X в., являются сообщения 13-й главы, содержащей сведения о странах и народах, граничащих с венграми, обосновавшимися в Среднем Подунавье:

²¹ *Тимошук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини V–IX ст. Київ, 1976. С. 138, 139; *Седов В. В.* Восточные славяне... С. 126, 127 (карта 18).

²² Там же. С. 96.

²³ *Рассовский Д. А.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // *Seminarium Kondakovianum*. Т. VI. Прага, 1933. С. 3.

«[Знай], что к туркам прилегают следующие народы. С западной стороны от них — Франгия, с северной — пачинакиты, а с южной — . . . Великая Моравия, т. е. страна Сфендоплока (Святоплука. — *А. М.*), которая совершенно уничтожена этими самыми турками и захвачена ими. Хорваты же соседят с турками у гор»²⁴.

Сведения 13-й главы следует сопоставить с известиями гл. 40, также содержащей информацию о соседях венгров в Подунавье:

«Соседствуют с турками с восточной стороны болгары, где их разделяет река Истр, называемая также Дунаем, с северной стороны — пачинакиты, с более западной — франки, с южной — хорваты»²⁵.

Приведенные отрывки являются одними из самых спорных мест труда Константина, поскольку передаваемые в них сведения о соседях «турок» не находят соответствия с известными науке историческими фактами о местах проживания соседних с венграми народов в середине X в. — особенно это касается отнесения Великой Моравии к южным соседям венгров, а печенегов — к северным²⁶.

Чтобы объяснить имеющиеся в тексте источника противоречия, современные исследователи прибегают к разного рода предположениям. «Скорее всего, — полагают комментаторы российского издания труда Константина, — сбор материала вели несколько человек. Справка о соседних с “турками” народах, составленная одним из исполнителей, была отвергнута другим, собравшим значительный материал для гл. 40 и в том числе по тому же вопросу — о соседях “турок”. Отрывок 13.3–18 оказался, таким образом, своего рода “дубликатом”, которым Константин и распорядился по-своему, не слишком занимаясь поисками более стройной композиции»²⁷.

Многие комментаторы считают текст 13-й главы о соседях «турок» испорченным вариантом более основательного и исправного известия, содержащегося в гл. 40; последнее признается не только более соответствующим действительности, но и первичным по отношению к первому²⁸. Такое мнение во многом основывается на том, что в тексте известия 13-й главы имеется пропуск (после слов

²⁴ОУИ. С. 53.

²⁵Там же. С. 165–167.

²⁶DAI. Т. II. P. 7, 62; ОУИ. С. 337, прим. 1; BIN. S. 89, Anm. 89.

²⁷ОУИ. С. 336.

²⁸DAI. Т. II. P. 7.

«а с южной — . . . »), допущенный, вероятно, позднейшими переписчиками.

Исходя из этого, Р. Дженкинс предположил, что между артиклем *ή* и словом *μεγάλη* была пропущена целая строка, с добавлением которой испорченный текст получает следующее содержание: «а с южной — *Хорватия. Местность же эта была некогда Великой Моравией. . .*»²⁹. Г. Г. Литаврин также усматривает в южных соседях венгров по известиям 13-й главы хорватов, т. е. жителей Хорватского королевства в Далмации, поскольку такие сведения имеются в исправном сообщении 40-й главы³⁰. К такому же выводу приходят К. Бельке и П. Соушталъ³¹.

Мы не можем согласиться с подобными предположениями. Сведения о венграх 13-й главы составлены ранее времени написания трактата «Об управлении империи». Об этом свидетельствует тот факт, что венгры в данной главе отнесены к языческим народам, тогда как из сообщения Иоанна Скилицы известно, что в 948 г. венгерские вожди Булчу (Вулцус) и Дьюла приняли христианство в Константинополе, и это произошло при участии самого императора Константина³².

Судя по содержанию известий о соседях венгров 13-й и 40-й глав, они вовсе не дублируют друг друга, и решение по этому вопросу не может быть столь однозначным. В литературе неоднократно предпринимались попытки устранить имеющиеся в источнике противоречия, которые, однако, нельзя признать успешными. Подводя итог многолетней дискуссии по поводу локализации Хорватии 13-й главы трактата «Об управлении империи», Г. Ловмянский пришел к пессимистическому заключению, что данная дискуссия оказалась бесплодной.³³

Нам представляется, что сведения о соседях венгров, помещенные в разных разделах трактата византийского императора, противоречат друг другу, поскольку восходят не к одному, а к нескольким различным источникам. Эти источники возникли в разное время и

²⁹Ibid.

³⁰ОУИ. С. 338, прим. 5.

³¹BIN. S. 89, Anm. 89.

³²*Moravcsik Gy. Studia byzantina*. Budapest, 1967. P. 328–330.

³³*Lowmianski H. Początki Polski*. Т. II. S. 161.

отразили реалии быстро меняющейся политической обстановки в Среднем Подунавье конца IX — первой половины X в. Сведения о соседях венгров 13-й главы должны были возникнуть раньше соответствующих известий гл. 40 и в большей степени отражать реалии конца IX — начала X в., в то время как данные, помещенные в 40-й главе, более приближены ко времени творчества Константина.

К такому решению подводят несколько обстоятельств. В 13-й главе среди соседей «турок» значится Великая Моравия, названная «страной Сфендоплока». Уничтоженная венграми и франками в самом начале X в., эта славянская держава не могла соседствовать с венграми во времена императора Константина, и не случайно в известии 40-й главы она уже не упоминается, как и ее князь Святоплук, умерший в 894 г.

Отнесение Великой Моравии к числу южных соседей «турок», смутившее многих исследователей, получает удовлетворительное объяснение также лишь в контексте политических событий конца IX — начала X в. Как убедительно показал В. П. Шушарин, передаваемые Константином сведения о соседях «турок» могли поступить в Византию только от самих венгров. А представление о расположении великоморавских владений к югу от Дуная могло сложиться у венгров лишь в очень короткий период военных действий в Задунавье в 899–900 гг.³⁴ Кстати, сведения о печенегах как о северных соседях венгров, по общепринятому мнению, также более всего соответствуют обстановке конца IX в., когда венгры еще не преодолели Карпаты, и их станы располагались где-то в Восточной Галиции³⁵.

Известие 13-й главы о соседях «турок» имеет четкую композицию, не нарушенную в результате допущенного впоследствии пропуска части текста. В сообщении последовательно указываются соседи венгров с соблюдением ориентации по сторонам света. Такую же композицию имеют и известия 40-й главы: в обоих случаях четырем сторонам света соответствуют четверо соседей. В известиях 13-й главы три стороны приведены в прямое соответствие с прилегающими странами: с запада — Франгия, т. е. Восточно-Франкское

³⁴ Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблема этнического самосознания. М., 1997. С. 64–65.

³⁵DAI. Т. II. Р. 62; ОУИ. С. 338, прим. 4.

королевство, с севера — печенеги, с юга — Великая Моравия. Четвертым соседом со стороны «гор» названы хорваты, и наиболее естественным является отнесение их к еще не упомянутым восточным соседям, тем более, что там же, на востоке, расположены и отделяющие хорватов от венгров Карпатские горы.

Следовательно, нет оснований преувеличивать значение пропущенного в известии 13-й главы фрагмента, потеря которого будто бы изменила его основное содержание. Этот недостающий фрагмент, скорее всего, был незначительным по смыслу и не содержал существенной информации. Во всяком случае, реконструкция Р. Дженкинса, вводящая в оригинальный текст дополнительный элемент, полностью разрушает общий композиционный строй сообщения. Получается, что хорваты (или Хорватия) среди соседей «турок» упоминаются дважды, и оба раза на юге, в то время как восточное направление остается открытым. Стремясь привести сообщение 13-й главы в соответствие с данными гл. 40-й, исследователь приходит к еще большим противоречиям.

Важное значение в решении интересующих нас вопросов имеют данные археологии. Основная масса памятников начального периода освоения венграми Среднего Подунавья находится к северо-востоку от Дуная, и только незначительное количество их обнаружено в Задунавье, в его северо-восточной части — севернее озера Балатон и правого притока Дуная реки Шиио³⁶. Такое расположение ранних венгерских памятников исключает возможность соседства венгров в начальный период расселения с жителями далматинской Хорватии, простиравшейся от Адриатического моря до гор Капелла и от полуострова Истрия до города Сплита.

Однако в дальнейшем границы венгерского расселения неуклонно продвигались на запад, в том числе и в Задунавье, и к середине X в. венгры действительно вошли в контакт с далматинскими хорватами, став обитателями располагавшихся в непосредственной близости земель в междуречье Дравы и Савы³⁷. Этот засвидетельствованный данными топонимики и археологии факт находит под-

³⁶ *Erdélyi I.* Zur Frage der ethnischen Grenzen des landnehmenden Ungarntums // *Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften.* Bd. 6. Budapest, 1977. S. 77.

³⁷ *Шушарин В. П.* Ранний этап... С. 68–69, 186.

тверждение и у Константина Багрянородного. В 42-й главе трактата «Об управлении империей» сказано:

«Турки живут по ту сторону реки Дунай, в земле Моравии, а также по сю сторону, между Дунаем и рекой Савой»³⁸.

Сведения, использованные в 42-й главе, непосредственно относятся ко времени составления трактата³⁹. Им соответствует информация 40-й главы, говорящей о хорватах как о соседях венгров с юга. Оба известия отражают реалии одного и того же времени и, возможно, были получены из одного источника, каким могли быть сообщения венгерских вождей, крестившихся в Константинополе в 948 г.

Иное происхождение имеет информация гл. 13-й, поступившая в Константинополь, судя по всему, несколькими десятилетиями раньше. Это могло произойти во времена миссии клирика Гавриила, посетившего Венгрию в конце 20-х или начале 30-х годов X в.⁴⁰ По предположению В. П. Шушарина, упомянутый византийский посланник доставил в Константинополь первые сведения о расположении венгерских владений вблизи границ империи, использованные впоследствии императором Константином, и содержание этих известий «можно понять лишь при соотнесении их с данными о расселении мадьяр в Среднем Подунавье, которое продолжалось с конца IX по вторую половину X вв. (и позже)»⁴¹.

Исходя из вышесказанного, мы не можем согласиться с Г. Г. Литавриным, который, основываясь на данных 40-й главы, приходит к мнению, что в исправном протографе гл. 13 южными соседями венгров также были названы хорваты, и то были обитатели Хорватского королевства в Далмации⁴². Такая точка зрения не учитывает разницы происхождения известий о хорватах, помещенных в разных частях труда Константина: известия 40-й главы не могли служить источником известий гл. 13, так как появились позднее, между этими известиями, скорее, могла быть обратная взаимосвязь.

³⁸ОУИ. С. 171.

³⁹DAI. Т. II. P. 153–154; ОУИ. С. 400.

⁴⁰Об этой миссии см.: *Moravcsik Gy.* Byzantium and the Magyars. Budapest, 1970. P. 53–54.

⁴¹*Шушарин В. П.* Ранний этап... С. 138.

⁴²ОУИ. С. 339, прим. 8.

Трудно согласиться и с мнением Г. Фехера, Ф. Дворника и Д. Моравчика, полагавшими, что хорватами, которые «соседают с турками у гор», являются «белые хорваты», проживавшие к северу от Карпат⁴³. «Белые хорваты», скорее, могли быть обозначены как северные соседи «турок», но таковыми и в 13-й, и в 40-й главе названы печенеги.

По нашему мнению, говоря о соседстве венгров с хорватами «у гор», Константин и его венгерские информаторы имели в виду политическую ситуацию, сложившуюся в начальный период венгерского расселения в Среднем Подунавье. Следовательно, упомянутыми в 13-й главе «горами» не могли быть горы Капелла, а жившими около них хорватами — далматинские хорваты. Они были отделены от области венгерского расселения конца IX — начала X в. обширным пространством междуречья Савы и Дравы, занятого другим славянским населением и только к середине X в. освоенного венграми.

Зато области, прилегавшие к Карпатам, непосредственно смыкались с освоенной венграми территорией на первом этапе расселения в Подунавье, и именно Карпатские горы стали восточной границей их новой родины — границей между Венгрией и Великой Хорватией. Последняя, таким образом, располагалась к востоку от Венгрии, т. е. в том же регионе, где она локализуется на основании уже рассмотренных нами данных, — в Украинском Прикарпатье.

III.

Наконец, последним ориентиром для локализации Великой Хорватии служит указание Константина о возможном пути из нее к морю, который «занимает 30 дней», а море «называется “Черным”». Иными словами, Великая Хорватия находится на расстоянии в 30 дней пути от «Черного моря»:

⁴³DAI. Т. II. P. 63. — См. также: *Racki Fr.* Biela Hrvatska i biela Srbija // Rad Jugoslovenske Akademije Znanosti i Umjetnosti. T. LII. Zagreb, 1880. S. 145; *Fehér H.* Ungars Gebietsgrenzen in der Mitte des 10. Jahrhunderts // Ungarische Jahrbücher. 1922. Bd. 2; *Hauptmann Lj.* Dolazak Hrvata. S. 102; *Dekan I. T.* Prispěvek k otázce politických hranic Vel'kej Moravy // Historia Slovaca. T. 5. Bratislava. 1947. S. 207.

«Она (Великая Хорватия. — А. М.) не обладает ни длинными судами, ни кондорами, ни торговыми кораблями, ибо лежит вдали от моря, — путь от тамошних мест до моря занимает 30 дней. А море, которого они достигают через 30 дней, называется «Черным»»⁴⁴.

Комментаторы последних изданий труда Константина, исходя из тождества Великой Хорватии и Белой Хорватии и располагая эту историческую область к северу от Карпат и Судетов, приходят к выводу, что под «Черным» морем император имел в виду море Балтийское⁴⁵. По мнению А. Ломы, в известии византийского императора речь могла идти не только о Балтийском, но и о Северном морях, а хорватские и сербские территории, отделенные от моря 30 днями пути, были расположены в верховьях Эльбы, Одера и Вислы⁴⁶.

Такая точка зрения, разумеется, имеет право на существование, но доводы, приведенные в ее поддержку, представляются далеко не бесспорными.

Не все исследователи разделяют это мнение, придерживаясь другой трактовки греч. *ἡ σκοτεινὴ Θάλασσα* = Черное море⁴⁷. То обстоятельство, что обычно в греческих памятниках, в том числе и у Константина, Черное море именуется *Πόντος*, совершенно не исключает употребления наряду с ним других названий. Встречающееся же в некоторых византийских памятниках использование выражения «черный(-ая)» в значении *северный* и даже *арктический*, представляемое как решающий аргумент для отождествления *ἡ σκοτεινὴ Θάλασσα* с *Балтийским морем*⁴⁸, едва ли подходит

⁴⁴ОУИ. С. 141.

⁴⁵DAI. Т. II. P. 130; ОУИ. С. 378, прим. 19; BIN. S. 171, Anm. 362.

⁴⁶Loma A. Serbisches und kroatisches Sprachgut bei Konstantin Porphyrogenetos // Сборник радова Византолошког института. Књ. 38. Београд. 1999–2000. С. 92.

⁴⁷Niederle L. Slovanské starožitnosti. Dil. II. Sv. 1. S. 275; Modelski T. Z onomastyki i terminologiji sredniowecznej // Kwartalnik Historyczny. T. 34. Kraków, 1920. S. 16; Županić N. Značenje barvnega atributa v imenu Crvena Hrvata // Etnolog. Glasnik Slovenskega etnografskega muzeja. T. 10/11. Ljubljana, 1937–1938. S. 355 sl.; Widajewicz J. Państwo Wiślan. S. 15; Lowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 166; Gaczyński J. Z. Zarys dziejow plemiennych Małopolski. S. 57; Боїмович Л. В. «Білі» хорвати чи «карпатські» хорвати. С. 51.

⁴⁸Labuda G. Pierwsze państwo słowiańskie. S. 212; Ludat H. Ostsee und Mare Balticum // Zeitschrift für Schleswig-Holsteinische Geschichte. 1952. Bd. 76. S. 1 f;

к данному случаю. У Константина ни разу не упоминаются названия с корнем *ἀρκτός*, нет упоминаний о Балтийском или Северном морях, и, похоже, его географический кругозор не простирался так далеко на север.

Кроме того, в византийской историографии существовала традиция, по которой Балтийское море вообще не воспринималось в качестве особого географического объекта и морем как таковым не считалось, — в нем видели лишь часть Атлантического океана, именуемого *Западным океаном*.

Так, в «Истории» Феофилакта Симокатты рассказывается, что во время войны с аварами в плен к византийцам попали трое славян из числа их союзников, которые вместо оружия имели при себе кифары. На допросе у императора Маврикия пленные сообщили, что:

«... по племени они славяне и живут у оконечности Западного океана; что хаган (аваров. — *А. М.*) отправил послов вплоть до тамошних [племен], чтобы собрать воинские силы, и прельщал старейшин богатыми дарами»⁴⁹.

Этот же эпизод почти дословно повторяется в «Хронографии» Феофана Исповедника, где пленные именуют себя славянами, расселившимися «на краю Западного Океана»⁵⁰.

Славянами, о которых говорится в данных известиях, могли быть только племена, расселившиеся между устьями Эльбы и Одера, т. е. на побережье Балтийского моря. Таким образом, именно Балтийское море скрывается за определением «оконечность (край) Западного океана»⁵¹. Название «Западный океан» (*ὁ ἐσπέριος Ὠκεανός*) было известно и Константину Багрянородному, в сочинении которого оно выступает в своем основном значении — «Атлантический океан»⁵².

Исходя из сказанного, можно предположить, что Константин Багрянородный, говоря о море, к которому шел долгий путь из Великой Хорватии, не смог точно определить, какое именно море

Nalepa J. Lemkowie, Wołosi i Biali Chorwaci. S. 164.

⁴⁹Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. М., 1995. С. 17.

⁵⁰Там же. С. 255.

⁵¹*Herrmann J.* Byzanz und die Slawen «äm aussersten Ende des Westlichen Ozeanz» // *Klio* (Berlin). 1972. Bd. 54. S. 317–318.

⁵²ОУИ. С. 92–93.

имеется в виду, иначе бы он использовал одно из более употребительных и узнаваемых названий, например, «Понт» или «Западный океан». Тем самым в случае с *ἡ σκοτεινὴ Θάλασσα* мы имеем дело с греческой передачей подлинного хорватского названия, сообщенного императору его информаторами.

Как полагает А. Лома, обозначение Балтийского или Северного моря как «Черного (Темного)» могло возникнуть в средневековой Европе под тюркским влиянием, будучи связанным с древнеиранской системой цветовых обозначений сторон света, в которой черный цвет соответствовал северу⁵³. Однако такое предположение не находит опоры в источниках. Нам не известны случаи использования в средневековой литературе названий с подобным значением применительно к Балтийскому или Северному морям.

Что же касается Черного моря, то принятое в греческой литературе его обозначение как *Πόντος Ἀξεινος* («Море Негостеприимное»), по мнению ряда исследователей, происходит от др.-иранск. основы **axšaena-* («темный») ⁵⁴. Впоследствии это название было эвфимизировано и приобрело форму *Πόντος Εὐξεινος*⁵⁵. Употребленное Константином название *ἡ σκοτεινὴ Θάλασσα* имеет ту же грамматическую основу и выступает в первоначальном, заимствованном у иранских народов значении — «море черное (темное)». В новогреческом языке распространяется еще более соответствующая первоначальному смысловому значению форма названия Черного моря — *Μαύρη Θάλασσα*⁵⁶.

Таким образом, из двух предложенных в литературе вариантов локализации употребленного византийским императором гидронима *ἡ σκοτεινὴ Θάλασσα* («черное (темное) море»), к которому шел путь из Великой Хорватии, отождествление его с Черным морем представляется нам более достоверным.

⁵³ Loma A. Serbisches und kroatisches Sprachgut... С. 92.

⁵⁴ Vasmer M. 1) Osteuropäische Orstnamen. Dorpat, 1921. S. 4 f.; 2) Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrußland. Leipzig, 1923. S. 20. — См. также: Bulletin de la Societé de Linguistique. [Paris] T. 25. P. 61; T. 30. P. 61; Zeitschrift für Orstnamenforschung. [München] Bd. 12. S. 253.

⁵⁵ Irmischer J. Die Benennung des Schwarzen Meeres bei den Byzantinern // Byzantinoslavica. T. 23. Praha, 1962. S. 16 f.

⁵⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. СПб., 1996. С. 345.

По расчетам Т. Левицкого, за один день плавания по реке удавалось преодолевать расстояние примерно в 30 км, а за 30 дней — соответственно 900 км, что составляет фактическое расстояние между Черным морем и бассейном Сана, если плыть по Днестру⁵⁷. По наблюдениям Л. В. Войтовича, за день плавания вверх по течению реки удавалось преодолевать расстояние примерно в 25–35 км, вниз — 80 км, однако по Днестру, «с его бесчисленными изгибами и поворотами вниз за день пройти более 50 км не удастся. Простые подсчеты показывают, что за 30 дней до Черного моря можно было добраться где-то из района Перемышля»⁵⁸.

Этот древнейший городской центр в Прикарпатье, вероятно, можно считать географическим центром расселения восточнославянского племенного союза хорватов, известного по сообщениям Повести временных лет. С опорой на данные топонимики и исторической географии Н. П. Барсов определял область проживания летописных хорватов на обширном пространстве по склонам Татранских Карпат от истоков Тисы и Прута на юге до Днестра на востоке и Вислы на севере⁵⁹. По данным В. В. Седова, подвергнувшего более строгому отбору географические названия, образованные от этнонима *хорваты*, «славянское племя хорватов было юго-западным соседом дулебов и занимало северные и южные области Восточного Прикарпатья, ныне входящие в территории Украины, Польши, Словакии и Венгрии»⁶⁰.

Украинское Прикарпатье, где племена хорватов обитали со времен славянского расселения, по нашему мнению, и составляло территорию Великой Хорватии, о которой писал Константин Багрянородный в середине X в. В пределах Восточной Галиции помещали первоначальную Хорватию А. А. Шахматов, С. М. Середонин и другие исследователи⁶¹. Новейшие историки и археологи уверенно

⁵⁷ *Lewicki T.* Polska i kraje sąsiednie w świetle Księgi Rogera geografę arabskiego w XII w. w al. Idrisięgo. Cz. 2. Warszawa, 1954. S. 120 n.; *Gaczyński J. Z.* Zarys dziejów plemiennych Małopolski. S. 57.

⁵⁸ *Войтович Л. В.* «Білі» хорвати чи «карпатські» хорвати? С. 51.

⁵⁹ *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 94–95.

⁶⁰ *Седов В. В.* Восточные славяне... С. 125.

⁶¹ *Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 32–33; *Середонин С. М.* Историческая география. Пг., 1916. С. 148–152; *Смішко М. Ю.*

связывают изначальную территорию расселения хорватов с позднейшей Галицкой землей⁶².

В пользу такого решения свидетельствуют и данные современной лингвистики. Сравнительное языкознание обнаруживает многочисленные черты сходства украинского языка карпатской зоны с сербохорватским и другими южнославянскими языками, что указывает на их общее происхождение. В частности, это касается многочисленных лексических совпадений, особенно в части социальной терминологии. Характерно, что западнославянские языки подобного сходства не обнаруживают. Областью формирования отмеченной языковой общности является Украинское Прикарпатье или более обширные территории Восточной Европы, где должны были проживать древние предки современных носителей сербохорватского и некоторых других языков балканских славян⁶³.

Карпатські кургани першої половини I тис. н. е. Київ, 1960. С. 151–152.

⁶² *Пеняк С. І.* Ранньослов'янське і давньоруське населення Закарпаття VI–XIII ст. Київ, 1980. С. 162–165; *Ауліх В. В.* Населення південно-західного пограниччя Київської Русі // Київська Русь: Культура, традиції. Київ, 1982; *Русанова І. П., Тимошук Б. А.* Древнерусское Поднестровье. М., 1983. С. 22; *Тимошук Б. А.* Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С. 174; *Отриск В. Г.* До питання про етнічну історію Східних Карпат X–XIII ст. // *Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie w średniowieczu. Materiały z konferencji.* Rzeszów, 1996.

⁶³ *Ивић П.* Српски народ и његов језик. Београд, 1981. С. 16 сл. — См. также: *Милов Л. В.* RUZZI «Баварского географа» и так называемые «русичи» // *Отечественная история.* 2000. № 1. С. 97–99.

«Народ дикий»: бедуины в средневековой европейской литературе

Впервые кочевые народы, обитающие в странах, сопредельных со Святой Землей, называются «бедуинами» в «Истории», написанной Альбертом из Акки. Примечательно, что два рассказанных им эпизода роднит одна черта: христиане, и тут нет никаких сомнений, ведут себя вероломно по отношению к кочевникам. Описывая события 1112 г., Альберт упоминает:

«О том, как король Балдуин ограбил идумейских купцов (курсив мой. — Н. С.). Проведя там [в Птолемаиде] праздничную неделю после Пасхи, он взял с собой двести всадников и сто пехотинцев, и отправился в долину Моисея, расположенную в Аравии, чтобы захватить там какую-либо добычу и раздать ее неимущим и лишенным средств рыцарям, дабы приободрить тех, кто пал духом. [...] Стоило только вступить в пределы Аравии, как вдруг в руках короля и его приближенных оказались не сумевшие спастись бегством идумей, которых теперь называют бедуинами. Это были люди торговые с невообразимым множеством различных товаров, которые они везли на мулах и верблюдах, и все их богатства: как золото, так и серебро, драгоценные камни, разного рода и вида, равно как окраса, пурпурные ткани были захвачены. Взяли в плен и многих из них самих, доставили в Иерусалим и посадили под стражу, а захваченная у них добыча была поделена между воинами»¹.

Вторая история также характеризует крестоносцев не с лучшей стороны:

«О четырех тысячах идумейских пастухов, которые в День Святой Пасхи преследовали христианских рыцарей и убивали повсюду. На втором году правления Балдуина де Бурга, девятого короля Иерусалимского, правителя города Роха, некие сарацины из царства Аравии, некогда племя идумеев, которых нынешние люди называют бедуинами, погнались, стремясь к изобилию трав, свои стада, насчитывавшие более тридцати тысяч верблюдов, сто тысяч быков, неслыханное множеством отар коз и овец, из своих пределов на пастбища, расположенные по окраине Дамасского царства, ибо они получили на то соизволение и согласие правителя дамасской страны, с которым договори-

¹ Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana / Ed. M. P. Mayer et M. Sainte-Marie Mevil // Recueil des historiens des croisades [Document électronique]. Historiens occidentaux. Tome quatrième / Publ. par les soins de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. P., 1995. P. 693.

лись об этом за определенное количество византийцев. И вот из земель Египта, Аравии и идумеев совершили свой исход все эти тысячи голов скота, а также более четырех тысяч охранявших стада всадников и пеших, с луками и колчанами, мечами и копьями, и полным изобилием всего необходимого провианта. Они мирно и заботливо охраняли свой стада, пасшиеся по окраине Дамасского царства, и ничего не опасались, доверяя Дохину, правителю Дамаска, с соизволения и по милости которого они распространились по пастбищам со своими женами и детьми, как оно в обычае у язычников. Молва об этих пастухах, пришедших сюда из дальних мест, достигла ушей Гозелина де Куртенэ, который получил дар от короля Балдуина, брата Годфрида, земли и бенефиции Табарии, а все потому, что он происходил от благородных родителей, и был сыном тетки Балдуина де Бурга, ставшего королем Иерусалимским. Этот Гозелин, узнав о том, что в столь отдаленном и безлюдном месте собралось огромное стадо, не откладывая, сообщил об этом Годфриду де Бурсу, а также брату его, Вильгельму, убеждая обоих братьев отправиться за добычей. И они, послушавшись его слов, призвали сто шестьдесят всадников, мужей весьма искусных в сражении и жаждавших добычи, равно как и шестьсот неустрашимых пехотинцев, [вооруженных] луками, копьями и мечами, и так отправились в то самое место, где расположились пастухи и их стражи, могучие воины, арабы, египтяне и идумеи, и где по пастбищам разбрелись стада коров, коз и овец. По прибытии на место Гозелину с пятьюдесятью всадниками было назначено совершить обход справа. Вильгельм, получив такой же отряд всадников, облаченных в шлемы и панцири, должен был располагаться поблизости, по левую руку, чтобы в нужный момент прийти сотоварищам на помощь в сражении. Годфрид де Бурс вместе с отрядом в шестьдесят всадников, укрепленным всеми пешими силами, расположился посередине и отважно напал на пастухов и их стражей, чтобы увести добычу, и хотя он всеми силами желал совершить грабеж, однако не мог преодолеть сопротивления защитников стада. Четыре тысячи, услышав условные знаки и пение рога, в мгновение ока собрались к уводимым стадам, и они, окружив Годфрида и его людей со всех сторон, мужественно сражались с ними до тех пор, пока Годфрид вместе с немногими оставшимися, порядка сорока, своими людьми, не будучи в силах противостоять подобному натиску, не погибли от стрел, мечей и копий. Могучие мужи, до того дня они были непобедимыми в сражениях, каждый из них владел доходами с земель и земельной собственностью, под началом у каждого из них находилось по несколько воинов, у кого двадцать, у кого десять, у кого пять, самое меньшее — два. Лишь восьмерых увели в плен, остальные же погибли от вражеского оружия. Вильгельм же, услышав шум доносившегося сражения, вскочил на лошадь и поспешил вместе со своими прийти попавшим в беду на помощь, но отправился через кустарник и пустыню не той дорогой и, таким образом, ничем не смог помочь сотоварищам, оказавшимся в великой опасности. Гозелин же, узнав о превратностях судьбы и гибели тех, кто были мужественнее его, и сам отважно устремился к безжалостной деснице, однако не смог оказать уже убитым и изможденным сотоварищам никакой помощи. Утверждают, однако, что в этом сражении полегло более двух сотен сарацин. Что же касается христианской пехоты, то из ее числа едва ли десяток людей смогли бежать окольными и тернистыми путями.

Случилось же это жесточайшее избиение выдающихся рыцарей в день Воскрешения Господнего, когда все правоверные католики должны воздерживаться от трудов и всевозможных распрей, обратившись к раздаче милостыни и молитвам. Мы полагаем, что они по той причине были отданы в руки недругов, что в день святой день возжелали совершить грабеж, посягнув и лишились помощи своих, отправившихся не той дорогой. *О том, как король Балдуин Второй собрал войско, чтобы отомстить врагам, и как идумеи умилостивили его деньгами.* Ужасная новость о гибели сильных мужей в подобном плачевном сражении, равно как и о безвременной кончине и неудаче, постигших вышеупомянутых князей, чьим советом и помощью день ото дня поддерживалась и приумножалась Церковь Иерусалимская, достигла ушей короля Балдуина, который, покинув Иерусалим, находился в это время во Птолемаиде. Подобные слухи, и в особенности весть о смерти возлюбленного рыцаря Годфрида, преисполнили его сердце горькой печалью, и отвернул он свой лик от всякой радости. Да и все сердца, которые в эти дни наполняли пасхальное веселье, обратились по всем улицам и площадям города Птолемаиды к слезам и трауру. Спешно призвав жителей города Иерусалима к отмщению за убитых собратьев, король набрал из всех мест, где обитали христиане, армию и направился к Бефану с шестью тысячами воинов, повелев поставить там свои шатры на равнине. Той же ночью иерусалимское ополчение и все прочие из собравшихся стали тяготиться и дорогой и тревожиться от того, что город Дамаск, расположенный весьма близко, обороняется турецким оружием. Пока они пребывали в замешательстве, идумеи, напуганные внезапным прибытием короля, не полагаясь на турков и мало им доверяя, объявили, что отдадут королю четыре тысячи византийцев за убийство его людей, и так по его милости и с его согласия с этих пор смогут мирно и в безопасности охранять свои стада, не опасаясь нападения войска. На что король по совету своих людей согласился, сознавая, что его войско упорно не желает идти дальше. Получив множество золота, король возвратился в Птолемаиду, повелев раздать милостыню и справить множество месс за упокой души Годфрида и душ прочих убиенных»².

Следует обратить внимание на ряд деталей. Во-первых, кочевники — народ не бедный, у них есть что отнять (и для находящихся на территории Святой Земли рыцарей подобный грабеж — явление само собой разумеющееся). То, что автор морально оправдывает грабеж, следует из того факта, что в укор рыцарям ставится лишь то, что они совершили свое нападение на Пасху, и потому на них и обрушилась кара, и они потерпели поражение. Грабители (а то и трусы, чего стоит одна мотивация нападения, где подчеркивается, что стада находятся «в безлюдном месте») изображены в результате как герои, павшие смертью храбрых. Во-вторых, на четко проводимую Альбертом идентификацию «идумеи» — «бе-

²Ibid. P. 710-711.

дуины». В-третьих, Альберт как историк крестоносного движения констатирует, что противоположная сторона обладает рядом положительных качеств, способна оказать сопротивление и отстаивать свои интересы. Бедуины, несомненно, достойные противники рыцарей-христиан, по отношению к ним христианский король, пусть даже и за деньги, готов брать на себя определенные обязательства (аналогичные тем, что до этого исполнял по отношению к ним мусульманский правитель). Примечателен формульный характер выстраиваемого Альбертом описания кочевников, углубление в детали, благодаря чему мы оказываемся очень хорошо информированы о состоянии имущества бедуинов, их вооружении и способности передвижения. И хотя сама ситуация (а этот эпизод является финальным в «Истории» Альберта) весьма далека от христианского идеала, примечательно, что перед нами первое свидетельство о столкновении крестоносцев с кочевым населением.

В «Книге о завоевании Святой Земли Саладином» (1187 г.) бедуины упоминаются в списке народов наряду с турками, кординами, сирийцами, арабами, аланами, каффечаками, идумеями, туркоманами, сарацинами и египтянами, а в ходе рассказа о взятии города Иоппы отмечается, что именно жадные до добычи туркоманы и бедуины набросились на имущество христиан. Послание 1188 г., адресованное Саладином Фридриху Барбароссе, также очерчивает пару бедуинов — «которые, если мы их выставим навстречу недругам нашим, выстоят» — и туркоманы, «если обрушим их на врагов наших, то изничтожат оных»³.

В рассказе о путешествии в Египет и Сирию Бурхарда из Страсбурга, посланца и нотариуса императора Фридриха Барбароссы, в 1175 г. посетившего с дипломатической миссией владения султана Саладина (этот рассказ о поездке сохранился как в отдельных списках, так и в составе «Славянской хроники» Арнольда из Любека (ум. между 1211 и 1214 гг.)), бедуины описываются как единственные люди, знающие путь через пустыню:

«Из Вавилона я отправился по пустыне в Дамаск и провел в пустыне двадцать дней, в течение которых мне не встретилась плодородная земля. В пу-

³Das Itinerarium peregrinorum: Eine zeitgenössische ehgliche Chronik zum dritten Kreuzzug in ursprünglicher Gestalt / Herausgegeben. Und krit. Untersucht von H. E. Mayer. Stuttgart, 1962. S. 284.

стыне же почва песчаная, распределенная по горам и долам, и за редким исключением там не встретишь ни прямо стоящего побега, ни ничтожного деревца. Климат в этих местах весьма неумеренный — зимой там невероятно холодно, а летом невероятно жарко. Путь по этой стране очень труден и непознаваем, ибо порывы ветра так заносят дороги песком, что они не ведомы никому, кроме бедуинов, которые часто там путешествуют и сопровождают других путешественников подобно тому, как корабельщики везут путешествующих по морю. Надо сказать, что в пустыне обитают львы, страусы, кабаны, дикие быки, онагры или дикие ослы и зайцы. Вода встречается очень редко, разве что один раз за четыре или пять дней пути. Эта пустыня одним боком упирается в Индийское море. А другим боком пустыня упирается в море Красное, рядом с которым я провел два дня. Также я видел семьдесят две пальмы, рядом с которыми Моисей иссек воду, разбив скалу. А еще я проследовал в двух днях пути от горы Синай. Надо сказать, что величину и пределы этой пустыни никогда не познает ни один человек, ибо она непроходима наподобие моря»⁴.

В датируемом концом XII в. анонимном сочинении «О Святых местах, а также людях и зверях, живущих в Палестине» приводится список христианских и нехристианских народов, обитающих в Святой Земле. Это сочинение оказало определяющее влияние на развитие описательной литературы о Палестине. Заданному им модусу повествования следует и труд, приписывавшийся Аймару-монаху, и «Трехчастное послание Папе Иннокентию III»⁵, и «Иерусалимская история» Якова де Витри, и карты Палестины из рукописей произведений Матвея Парижского⁶, и «История Святой Земли» Оливера де Падерборна. Примечательно, что помимо противостоящих друг другу католиков и сарацин, в Палестине, по словам автора, обитают народы иных конфессий (греки, сирийцы и т. д.), а также народы, чье вероисповедание не может быть четко определено (ассасины, туркоманы, бедуины, ессеи). Описание бедуинов изобилует многочисленными деталями:

«А еще есть бедуины, дикие люди, которых в народе называют дикими»⁷

⁴Arnoldi Chronica Slavorum ex rec. I. M. Lappenbergi / In usum schol. ex Monumentis Germaniae Historicis recudi fecit G. H. Pertz. Hannoverae, 1868. P. 272.

⁵Горелов Н. С. «Трехчастное послание к Папе Иннокентию III о мужах агарянских»: реляция и ее читатели // Вестник Восточного института. Т. 5. СПб., 1999. № 1(9). С. 94–118.

⁶Itinéraires a Jerusalem et Descriptions de la Terre sainte rediges en francais aux XI, XII, XIII siecles / Publ. Par H. Michelant et G. Raynaud. Geneve, 1882. P. 129–130.

⁷Досл. «лесными».

турками, они постоянно живут в шатрах и не имеют ни родины, ни дома. У них множество скота и всякой живности, которую они пасут, получив разрешение, то на землях сарацин, то на землях христиан. Их множество, они разделяются по провинциям турмам⁸, питаются мясом и молоком, одеваются в овечьи и козьи шкуры, постоянно спят под открытым небом, и ничто, кроме сильного ливня, им не страшно. Шатры делают из шкур животных. Они — приятели фортуны: присоединяются к тому, кто берет верх над людьми. Они отпетые предатели, редкостные разбойники. Носят красные шапки и плащи⁹, вокруг шапок обвязанные. Когда мы одерживаем верх над сарацинами, тогда они наши друзья и братья. Если же сарацины одерживают верх над христианами, переходят к ним. Гнева христиан, они восхваляют иудеев, и точно также перед сарацинами — христиан. У них нет никакой другой веры, кроме той, которая идет от страха. Говорят, Магомет был из них. Письмена у них сарацинские, но весьма искаженные¹⁰.

Этому описанию следует участник Пятого крестового похода, автор «Восточной, или Иерусалимской истории» Яков де Витри (ум. в 1240 г.):

«Бедуины изначально ведут свое происхождение от арабов, и из их рода, как говорят, был выходцем Магомет. Они тверды в том, что день своей смерти, определенный им от Бога, ни избежать не могут, ни изменить, а поэтому никогда не выходят сражаться в доспехах, а надевают разве что ночные рубахи и наподобие женщин обматывают свои головы плащами. Они пользуются только мечами и копьями, луками и стрелами — как это принято у остальных сарацин — сражаться презирают. Они легко и беззаботно обращаются в бегство, однако остальных сарацин считают робкими и малодушными, ибо те выпускают дротики и стрелы издалека. Они предают не только христиан, но и сарацин: обманщики, люди переменчивые, приятели фортуны, они всегда следуют обоими путями. Когда понимают, кто одерживает верх, с охотой переходят на их сторону. На голове носят круглые шапки и накидки. Живут в шатрах из шкур животных, одеваются, по большей части, в овечьи и козьи шкуры. У них никогда не бывает определенного места жительства. На равнинах и пастбищах они распределяются турмами по трибам. Живут то тут, то там, и, истощив плодородие [одного] пастбища, обходят другие места. Они питаются молоком и вводят с собой множество животных. Сами они весьма праздные: как лошадей, так и мелкий скот оставляют на попечение жен. Из восточных народов,

⁸Или толпами — под турмой обычно понимается отряд в 30 человек.

⁹Естественно, речь идет о платках или накидках, которыми бедуины покрывали голову. Смещение понятий произошло из-за того, что европейские авторы не имели в своем распоряжении необходимой терминологии для описания подобного головного убора.

¹⁰*Kedar B. Z. The Tractatus de locis et statu sancta terre ierosolimitane // The Crusades and their sources: Essays Presented to Bernard Hamilton // Ed. By J. France and W. G. Zajac. Brookfield, 1998. P. 131.*

которые придерживаются закона Магомета, некоторые, подобно христианам, молятся на восход солнца, потому что отцы их, которые были христианами, оставили им этот обычай. А поэтому они считаются сарацинами — еретиками и безбожниками. А некоторые из них почитают само Солнце Верховным богом, потому что среди всех видимых созданий оно отличается самой превосходной красотой»¹¹.

Магистр Дитмар, посетивший Святую Землю в 1217 г., заимствует сведения о бедуинах из сочинения «О Святых местах, а также людях и зверях, живущих в Палестине», равно как и в реляции нотариуса Бурхарда:

«Есть еще бедуины, безобразные и плохо одетые, зато удивительные наездники, лучшие грабители. А называют их дикими турками. У них нет никакой земли, они живут под открытым небом, домов у них нет, а если пойдет дождь, то ложатся в шатрах. Владеют множеством скота. Они странствуют вместе со своим скотом из одной области в другую, продают христиан сарацинам и сарацин христианам. На головах у них — красные шапки высотой в локоть и плащи, вокруг шапок [обвязанные]. Их образ жизни схож со скитальцами¹² во Франции»¹³.

Дополняя книжную информацию тем, что ему удалось наблюдать лично, он продолжает:

«Кармил-гора представляет собой горную цепь, простирающуюся к югу над морем на расстояние двух дней пути, а в ширину — на расстояние одного дня. Эти горы покрыты пастбищами и травянисты, там отменный выпас для скота, да и сам вид радует глаз. В тех местах в изобилии обитают львы, леопарды, медведи, олени, серны, дикие козы, свирепое, еще более ужасное, чем лев, животное, которое местные жители называют “лонзан”, павианы, которых

¹¹Gesta Deis per Francos sive orientalium expeditionum regni Francorum Hierosolymitani historia a variis de illius aevi scriptoribus litteris commendata / Ed. Bongars. Hanau, 1611. P. 1062. — В послании, отправленном из Египта 22 сентября 1218 г. Яков де Витри также упоминает бедуинов, когда описывает остров, расположенный за городом Дамиейтой. По его словам, «этот остров охраняли более двух тысяч сарацин, которых называют бедуинами» (Lettres de Jacques de Vitry / Ed. par R. V. C. Huynens. Leiden, 1960. P. 104). В послании от 18 апреля 1221 г. Яков де Витри сообщает, что от случая к случаю «бедуины, у которых быстроходные кони», брали воинов-крестоносцев в плен, в особенности в тех случаях, когда удавалось нанести рану лошади, на которой ехал всадник. Султан за каждого пленного, равно как и за голову христианина, выплачивал вознаграждение (Ibid. P. 136, 138).

¹²Досл. «теми, кто скитается на повозках с места на место», хотя основное значение этого слова — «колесный мастер».

¹³Mag. Thietmari Peregrinatio / Rec. J. Laurent. Hamburg, 1857. P. 52.

называют лесными собаками, волки размером с лис и бесчисленное множество коз, размером меньше наших, с длинными хвостами. Во время перемирия к этим горам ежегодно в месяце феврале съезжаются христиане, тамплиеры и немецкие госпитальеры: они разбивают шатры прямо на лугах, проводят время в радости и веселье, а отпущенные пастишь кони щиплют траву и набираются сил. У них этот праздник называется “арас”¹⁴. Сарацины-бедуины во время перемирия также приезжают туда, чтобы соревноваться друг с другом. Ведь бедуины удивительно искусны в верховой езде. Они устраивают что-то вроде состязания: вешают обруч на кол и на всем скаку пытаются перескочить через него. Тот из соперников, кто не сможет проскочить через круг, поднимается всеми на смех. Военачальник бедуинов объявляет его проигравшим. Согласно светской обходительности христианские рыцари выказывают бедуинам уважение и вручают им подарки»¹⁵.

Рассказывая о своем опыте путешествия через пустыню, Дитмар говорит:

«Я достиг горы, которая по-латински называется Петрой, по-французски Монреаль, по-сарацински Шобак. На вершине этой горы расположен отличный замок, окруженный тремя рядами стен и столь укрепленный, что я не видел ничего надежнее. Он принадлежит султану Вавилонии. Округу населяют сарацины и христиане. Там я воспользовался гостеприимством одной французской вдовы, которая рассказала мне, как добраться до горы Синай, и дала в дорогу хлеба дважды испеченного, сыру, изюма, инжиру и вина. А еще она отвела меня к бедуинам, которые на верблюдах и доставили меня к горе Синай, ибо никому более неведом путь через пустыню. Она получила обещание, подтвержденное приличествующими их вере и закону клятвами, что они привезут меня назад: живого или мертвого. И вот вместе со своими проводниками-бедуинами я отправился через страну Эдом, землю отменную и плодородную. [...] Я отправился через пустыню Фаран и достиг песчаной равнины, расположенной между горами, а особенность этой равнины в том, что ветер надувает песок вниз с гор, ибо сами горы целиком состоят из песка. А дует он так сильно, что путники подвергаются там большой опасности, ибо ветер сыпет песок, словно снег или град, и засыпает колодцы, заметает дороги, заносит путников. И никто, кроме бедуинов, не может обнаружить, где дорога — только им введом эта область и только они знают пути по ней. Я пересек эту равнину зимой, но едва

¹⁴По-французски *haras* — конный завод или конюшня.

¹⁵*Ibid.* P. 22–23. — Иоанн Вюрцбургский отмечает, что арабы и парфы приезжали ежегодно на рынок Медан: «Равнина эта называется “Медан” потому, что Дан течет посредине, по-сарацински “внутренний двор” будет “медан”, а по-латински — “платея”. Рынком же Медан прозывается потому, что с наступлением лета туда съезжается большое число людей, привозящих с собой всевозможные товары, и там же собирается множество арабов и парфан, чтобы на этой равнине кормиться и пасти свой скот на протяжении всего лета» (*Peregrinationes Tres: Seawulf, John of Wurzburg, Theodericus* / Ed. by R. B. C. Huygens. Turnholti, 1994. P. 105).

смог вынести стоявшую там жару. Из-за нестерпимого зноя никто не может пересечь эту равнину летом. [...] Надо сказать, что в этой пустыне подстерегают многочисленные опасности: часто встречаются львы, я видел их следы, а также смертоносные черви и змеи. А также ливни — ибо, когда идет дождь, вода, собравшаяся в горах, затопляет пустыню до такой степени, что никто не может избежать подобного бедствия. Жар, чья беспощадность доводит путников до изнеможения. Нехватка воды, ибо вода встречается не чаще чем раз в пять, а то и шесть дней. А также разбойники, дикие арабы и бедуины, чьего нападения приходится опасаться. Летом эту пустыню никто пересечь не может. Птицы там встречаются очень редко»¹⁶.

Гайтон, автор «Цветника историй земель Востока» (1307 г.), упоминает о бедуинах, описывая в IV книге своего сочинения боевую мощь египетского султана:

«Находящиеся в Сирии силы султана Египта составляют около пяти тысяч рыцарей, которые получают свое содержание благодаря доходам с земель. Кроме того, у султана большое число вооруженных бедуинов и туркоманов, диких племен, которые оказывают ему немалую помощь и поддержку — в особенности во время осады или покорения какой-нибудь области, ибо они отправляются [воевать] без всякой платы, рассчитывая только на какую-нибудь добычу. К обороне или участию в сражениях султан может склонить этих самых бедуинов и туркоманов только большими подарками. И если султан захочет привести их к послушанию, то не сможет, ибо туркоманы уйдут в горы, а бедуины отправятся в пустыни Аравии»¹⁷.

Среди факторов, определяющих неблагоприятное время для похода против мусульман, Гайтон называет следующие:

«Когда сарадины находятся в мире или заключают перемирие с нубийцами и сарадинами из пустыни Египта, дабы те действовали им во вред и не затевали

¹⁶Mag. Thietmari Peregrinatio / Rec. J. Laurent. Hamburg, 1857. P. 37–41.

¹⁷Recueil des historiens des croisades [Document électronique]. Documents arméniens, documents latins et français relatifs à l'Arménie. Tome second / Publ. par les soins de l'Académie royale des inscriptions et des belles-lettres. P., 1995. P. 224. — Латинская версия сочинения Гайтона излагает суть несколько иначе: «Находящиеся в Сирии силы султана Египта составляют около пяти тысяч рыцарей, которые получают свое содержание с земель и доходов. Кроме того, у султана большое число вооруженных бедуинов и турок, странников и иноземцев, которые оказывают ему немалую помощь и поддержку — в особенности во время осады какого-нибудь города, ибо отправляются [воевать] без всякой платы, рассчитывая только на добычу. К участию в сражениях или к какой-либо другой службе он их может склонить только подарками. И если султан захочет им приказать что-нибудь, это у него не выйдет, ибо бедуины и турки без промедления уйдут прочь. Туркоманы поднимаются высоко в горы, а бедуины устремляются в пустыни Аравии» (Ibid. P. 344).

войны. А еще когда туркоманы и бедуины, находящиеся в Сирии и в Египте, соблюдают верность египетскому султану»¹⁸.

И, наоборот:

«... когда нубийцы или бедуины ведут войну против султана — подобная война настолько ослабляет его мощь, что он уже не в состоянии покинуть пределы Египта, чтобы защитить Сирию»¹⁹.

И ниже, предлагая заключить союз с монголами, Гайтон подчеркивает:

«Ведь из страха перед татарами бедуины и туркоманы не осмелятся приблизиться к христианскому войску»²⁰.

Сир Жан де Жуанвиль (ум. в 1316 г.), сподвижник короля Людовика Святого, вспоминая о событиях Седьмого крестового похода, описал бедуинов следующим образом:

«Пока мы разбили турок и преследовали их, то, поскольку никто из наших не остался в лагере сарацин, бедуины, очень многочисленное племя, отправились туда и унесли с собой все, что оставили сарацины — так что в сарацинском лагере не осталось ни одной вещи. И я могу только сказать, что бедуины, которые являются сарацинскими подданными, никогда не несли наказание за вещь, которую они украли, потому что воровство у них в обычае и привычке, и они всегда нападают на того, кто слабее. Поскольку это относится к делу, я поведаю вам о том, что за народ эти бедуины. Бедуины не веруют в закон Магомета, они придерживаются закона Али, дяди Магомета, а еще они веруют в Горного Старца, который взращивает ассасинов. И они веруют, что когда примут смерть за своего повелителя или ради чего-то доброго, души их отправляются в лучший и более счастливый мир, чем прежде, и поэтому ничто не может остановить ассасинов, когда они погибают, выполняя волю Горного Старца. Но о Горном Старце мы расскажем далее, а теперь поговорим о бедуинах. Бедуины не живут ни в городах, ни крепостях, ни замках, но располагаются в открытом поле, и их слуги, жены и дети укрываются ночью или днем, когда плохая погода, в убежище, сделанном из расставленных по кругу обручей, связанных сверху — совсем как кресла, которыми пользуются дамы в наших краях, — и на этот круг набрасывают овечьи шкуры, пропитанные квасцами, которые у них называются шкурами дамасскими. У самих бедуинов есть широкие накидки из шкур, которыми они прикрывают свое тело, ноги и даже ступни. Если по вечерам льет дождь или ночью плохая погода, они укрываются своими накидками, снимают уздечки с лошадей и позволяют коням свободно пастись позади. Едва наступает утро, они расстилают свои накидки на солнце, высушивают их и

¹⁸Ibid. P. 239–240, 352.

¹⁹Ibid. P. 241, 354.

²⁰Ibid. P. 250, 361.

надевают снова, так что и не скажешь, что эти вещи намокли с вечера. Они веруют, что никто не умрет иначе, как в предназначенный ему час, поэтому они и не облачаются в доспехи, и своих детей они пугают словами: «Пусть тебе станет страшно, как франку, облачившемуся в доспехи из ужаса перед смертью!» На битву они не берут ничего, кроме мечей и копий. Они одеты в дерюгу, словно священники, головы у них замотаны в полотно, которое продето под подбородком. Народ это некрасивый и безобразный, ибо волосы у них на голове и бороде абсолютно черные. Они питаются молоком своих животных, и арендуют у богатых людей пастбища, на которых пасут свой скот. Их числа точно никто не знает, их можно встретить как там, так и в королевстве Иерусалимском и во всех землях, находящихся во владении сарацинов и неверных, которым они ежегодно платят большую дань. С тех пор, как возвратился из-за моря, повидал я и в сей стране неверных христиан, которые придерживаются веры бедуинов и утверждают, что никто не может умереть иначе, как в свой [т. е. предначертанный] час. И это убеждение столь же противно вере, как и утверждение о том, что не в силах Божьих прийти нам на помощь. Ибо тогда глухими должны быть мы — те, кто служит Богу, — если мы не веруем, что во власти Его продлить наши жизни и оградить нас от зла и бед: ведь нам следует верить в Того, Кто способен сотворить подобное»²¹.

Жуанвиль подчеркивает, что бедуинам свойственны провиденциализм и дерзкая отвага. Подобные сюжеты присутствовали еще в реляции нотариуса Бурхарда, который рассказывал о своей встрече с дикими племенами во время путешествия по Средиземному морю:

«А еще неподалеку от Мальты расположен другой остров — Пантелярия, где обитают сарацины. Они не подчиняются ничьей власти, люди они грубые и дикие, обитают в пещерах земли, а когда на них нападает большое войско, то они вместе со всей своей утварью укрываются в этих самых пещерах, ибо хотя и не могут защитить себя в бою, то, по крайней мере, спасаются бегством. Эти люди по большей части живут скотоводством, а не возделыванием земли, ибо земля у них не родит хлеба. Проследовав далее, я через шесть дней прибыл в варварскую страну, населенную арабами. Это племя людей обитает не в домах, а под открытым небом — и повсюду земля их. Они утверждают: [земная] жизнь столь коротка, что, полагаясь на воздаяние Господне, не стоит строить дома и жить в них. Землю они возделывают редко и живут в основном скотоводством. Мужчины и женщины ходят почти голые, разве что прикрывают срамные места дешевыми тканями. Народ этот — ничтожнейший и лишенный всякого блага, беззащитный и голый, черный, уродливый и немощный»²².

Идеи и представления о «диких людях», бытовавшие в ученой

²¹Joinville. Histoire de Saint Louis: text original / Ramene par N. de Wailly. P., 1868. P. 104–107.

²²Arnoldi Chronica Slavorum... P. 266.

традиции²³, теперь могли быть проверены и подтверждены (или опровергнуты) практическими наблюдениями.

В «Описании Святой Земли», составленном Буркхардом с Сионской горы в 1283 г., бедуины снова оказываются в паре с туркоманами, еще одним народом, ведущим кочевой образ жизни:

«Кроме того, в Святой земле обитают мадианиты, которые ныне называются бедуинами, и туркоманы, которые занимаются разведением скота и верблюдов, коих у них чрезмерное изобилие. У них нет определенного места жизни, они переселяются вместе со своими шатрами в любое место, где только обнаружат пастбища. Они очень воинственные, не пользуются, сражаясь, ничем, кроме мечей и копий. Стрелы они презирают, утверждая, что великий позор похищать человеческую жизнь стрелой. В сражениях они храбры, не надевают ничего, кроме обуви из красной кожи, а выше большой и просторной сорочки, голову же оборачивают тканью. Они наводняют всю Сирию, и во множестве обитают на реке Иордан, от Ливана до пустыни Фаран, ибо там горы для коз и овец и пастбища для быков и верблюдов. В их местах рождаются большие овцы, а овны — в особенности, и у них такие большие хвосты, что из одного хвоста можно приготовить пищу на трех-четырёх человек»²⁴.

Францисканец Саймон Симеон описал в своем «Итинерарии» путешествие из Ирландии в Иерусалим, сделанное им в 1322–1324 гг. (его книга сохранилась в кодексе середины XIV в., где также представлены путешествия Гильома Рубрука и Одорико де Порденоне). Не проявляя особой терпимости, Саймон рассказывает о впечатлениях, сложившихся у него во время путешествия из Каира через пустыню:

«Из этого самого города Каира, мы, наняв за 72 драхмы сарацина-погонщика и двух верблюдов, на которых погрузились сами, отбыли на утро праздника святого апостола Андрея [1 декабря 1323 г.] и, подобно овцам среди волков, отправились в долгий путь через широкую песчаную пустыню, где народ Израиля провел 40 лет. Пустыня эта примыкает прямо к городу. По дороге мы повстречали султана, возвращавшегося с охоты со своей огромной и наводящей ужас свитой верхом на конях, ослах и верблюдах. Словно саранча, эта свита покрыла все пространство пустыни на протяжении пяти миль. И в подтверждение этому надо сказать, что, как мы слышали от многих людей: каждый раз, когда он отправляется охотиться или выезжает за пределы города, его сопровождают тридцать тысяч всадников, и это не считая стада верблюдов, толпы ослов и полчища людей, число которых столь велико, что

²³См. исследования: *Bernheimer R. Wild Men in the Middle Ages: A Study in Art, Sentiment, and Demonology. Cambridge (Mass.), 1952; Boas G. Essays on Primitivism and Related Ideas in the Middle Ages. Baltimore, 1948. P. 129–153.*

²⁴*Laurent J. C. Peregrinatores Medii Aevi Quator. Leipzig, 1864. P. 89–90.*

никому и не ведомо. А еще они ведут с собой множество скота, чтобы обеспечить всем пропитание. На этих самых верблюдах и ослах перевозят шатры, хлеб, воду и прочее необходимое для поддержания жизни, поскольку в пустыне вода встречается очень редко или не попадает вовсе. А еще там нет ничего, что могло бы пригодиться человеку, за исключением разве маленьких и жалких деревьев, которые встречаются лишь изредка. Из-за своей низкорослости и приземистости они не даруют путникам никакой тени или иного утешения — разве что арабы или бедуины разводят большой огонь, используя ветки этих деревьев, верблюжий помет и испражнения прочих животных, высохшие на солнце, и пекут в золе хлеб, который еще совсем горячим поедают с маслом или медом — словно собаки — и никакой иной хлеб или другая пища не сравнится для них с этим лакомством. Они по образу и подобию зверей обитают в этой самой пустыне в низких, продолговатых и черных шатрах, внутри которых они с трудом могут встать и куда они пролезают, извиваясь по песку, словно змеи. Лучше находиться в большой и доброй компании, если придется путешествовать среди них — в особенности ночью, ибо они весьма охотно совершают зло по отношению к путникам, поступая по волчьим законам, а не по человеческим. У них великое изобилие верблюдов, которых они за большое вознаграждение одалживают сарацинам, чтобы доставить тех до самой Мекки, где покоится, как говорят, тело ничтожной свиньи, то есть Магомета. К тому же вместе с купцами они проделывают путь до Иерусалима, Дамаска и прочих городов. Все потому, что через пустыню очень сложно путешествовать, если нет верблюдов, в чем мы убедились на собственном опыте и можем подтвердить со слов путников-пилигримов. Чтобы переместить свой лагерь с места на место, они грузят шатры и прочее имущество на верблюдов. А делается это так. Сначала, когда верблюд ложится на землю, рядом с горбом, который находится у него на спине, они закрепляют большое выгнутое седло, а к этому седлу привязывают две большие клетки — одну с правого бока, другую с левого. Туда они помещают своих жен, отпрысков, шатры, мельницы, воду, муку, домашний скарб и прочее, необходимое для жизни, состоящее, по большей части, из козьего молока, масла и хлеба, о котором говорилось выше. Мед у них бывает трех видов: один обычный, получаемый от пчел, и еще двух, получаемых искусственно. Один из плодов некоего дерева под названием “каруб”²⁵ и еще один из тростника, из которого делают сахар. Так вот, они следуют, не отставая, за своими козами, вооруженные только мечами, висящими у них за спиной, дубинками и копьями с древками, сделанными обычно из цельного тростника. Знатные у них одеваются совсем как сарацины, разве что у их одежды рукава и полы длиннее и очень похожи на белые рясы серой братии. Вышеупомянутые погонщики верблюдов одеваются точно таким же образом, кроме того, надевают толстую одежду из грубой шерсти или верблюжьей щетины. По форме она очень похожа на тунику с короткими рукавами или на тарбард, за исключением того, что эта одежда не сходится по бокам и нигде не прошита. Прочее, что можно добавить к описанию этих волков, мы опускаем. [...] Следует отметить, что в вышеупомянутой пустыне на расстоянии одного дня пути можно

²⁵ Араб. хarrūb — рожковое дерево.

обнаружить обнесенные стенами места под названием “дно”, где все путники, не внося никакой платы, могут спокойно отдохнуть в безопасности и напоить водой своих животных. Все это было обустроено султаном и предназначено для отдыха и безопасности странников, ибо в этой пустыне живут арабы или бедуины, о которых речь уже шла выше, которые поджидают путников, словно лев добычу в своей пещере»²⁶.

Примечательно, что, описывая посещение Кандии на Крите, Саймон отмечает:

«За пределами города мы видели народ, следующий греческому обряду и утверждающий, что ведут свое происхождение от Каина. Изредка они задерживаются на одном месте дольше, чем на тридцать дней, но постоянно — словно и вправду прокляты Богом — по истечении тридцати дней перемещаются с равнины на равнину вместе со своими шатрами, маленькими, продолговатыми, черными и приземистыми, совсем как у арабов, или странствуют от пещеры к пещере, ибо, едва пройдет указанный срок, место их обитания наполняется червями и прочей гадостью, жить в окружении которой становится невозможно»²⁷.

Из контекста очевидно, что речь идет о цыганах, но, рассказывая о них, Саймон опирается на свои наблюдения, сделанные во время пребывания на Синае. Побывавший в 1335 г. в Палестине и Египте монах-августинец Джакопо из Вероны так рассказывает о своем путешествии через пустыню (гл. 7):

«На праздник блаженного отца нашего Августина (28 августа), уставу которого я служу и в чьем ордене я состоял и состою уже на протяжении двадцати пяти лет и четырех месяцев, я покинул город Газу и направился через пустыню Аравийскую в сторону горы Синай. Это воистину пустыня, ибо там нет никаких благ. Так на протяжении первых трех дней мы скитались по мельчайшим пескам того, что именуется песчаным морем, ибо ветра иногда, а скорее постоянно, приводят этот песок в движение и поднимают там из него горы, по сему там опасно идти — ветры слишком сильные. Надо сказать, что в пустыне до самой Святой Екатерины не найти ни одного жилища. Но там встречается немало людей-арабов, вроде диких, которые обитают в этой пустыне то тут, то там вместе со своими семьями под покровом шкур животных, а также и заодно с ослами, верблюдами и козами. Едва завидят идущих паломников, тут же устремляются к ним и просят хлеба, ибо они изголодавшиеся, черные и голые, а как дадут им, с благодарностью уходят, но иногда надоедают подающим. И надо отметить, что язык сарацинский — это язык арабский. Путешествуя три дня по песчаному морю, на четвертый день мы достигли некой равнины, рас-

²⁶*Itinerarium Symonis Semeonis ab Hybernia ad Terram Sanctam* / Ed. M. Esposito. Dublin, 1960. *Scriptores Latini Hiberniae*. Vol. IV. P. 98–104.

²⁷*Ibid.* P. 44.

положенной между двумя горами, где течет бурный поток и где расположены некие ямы, наполненные водой, дурной и горькой. Ей мы наполнили наши бурдюки, висевшие на верблюдах. Эту воду пьют арабы и весь скот, обитающий в округе на расстоянии трех дней пути. Затем на протяжении следующих трех дней, путешествуя по равнине, то песчаной, то каменной, мы достигли долины, где оказалась круглая яма наподобие колодца. И там мы набрали воды, которая также была горькой, но ее пьют все обитающие в этих местах, и там мы повстречали многие тысячи верблюдов, которые вместе с арабами приходят, чтобы испить воды. Затем, путешествуя на протяжении еще двух дней по долине каменной и иногда песчаной, мы спустились с некой горы на одну равнину, где земля была белой, словно снег, и достигли места, которое называется Нокале, что на нашем языке означает отруби, остающиеся от муки, и там расположен некий большой колодец, который называется колодцем султана, и туда стекается множество дорог из различных мест, а было это на восьмой день блаженного Августина (15 сентября). Там мы повстречали сарацинов, прибывших из Ламеха, города, где находится гроб нечестивого Магомета и где обитают наставники этой отвратительной веры, и число их, словно песок морской, и они побывали с паломничеством в Ламехе, как это у них ежегодно заведено, а еще утверждают, что они очищаются ото всех своих грехов, если предпримут подобное паломничество. Воистину тех, кто там в то время оказался, насчитывалось более семнадцати тысяч, и они стояли упорядоченно, наподобие какого-нибудь войска, поделенные на города и провинции, откуда пришли. И верблюдов там было числом более шести тысяч, среди которых было более трех тысяч верблюдов с попонами, и на них располагались одно или два закрытых покрывалом жилища, в которых помещались знатные дамы и господа. И там было такое скопление шатров, развернутых и поставленных, будто войско собралось осадить какой город на равнине. В тот день мы провели там до вечера, но так и не смогли набрать воды из колодца, ибо их было слишком много, и они ничего нам не говорили, но только спрашивали, направляемся ли мы на “гор Сина”, то есть гору Синай, ибо “гор” у них означает “гора”. В девятом часу они отправились своей дорогой, уступив место тем, кто прибыл, и которых было еще больше [. . .]. И при отъезде сначала следовали верблюды в пополах и наиболее знатные, а одни сотнями, другие по пятьдесят, третьи по десять. О Боже, в каком порядке они отправлялись каждой своей дорогой: кто в Каир, кто в Дамиету, кто в Газу, — каждый по своим местам. Почему подобного не совершают христиане ради Господа своего Иисуса Христа, ибо редко посещают церкви поблизости и того реже находящийся далеко Гроб Господень, желая скорее служить этому миру, чем Господу, телу, а не душе, собственной воле, а не воле Божьей. По правую руку относительно пути, ведущего от колодца султана к Святой Екатерине, на расстоянии пяти миль расположено поле, где растут розы Блаженной Девы, которые, как говорят, весьма помогают женщинам, и я пошел туда, и взял их в свои руки. На значительном расстоянии, в двадцати милях, по пути, ведущему от колодца к Святой Екатерине, посреди некой пустоши или равнины возвышается некая круглая весьма высокая гора, на которой стоят две башни, и она называется Колебмалея [Colebmalea], что по-нашему означает “сердце размышления”. И там встречается мелкий песок,

который покрывается солью, похожей на корку, и мы взяли с собой этой соли. Затем мы отправились от колодца султана по иному пути, чем сарацины, и после трех дней путешествия по пустыне достигли некой большой горы, где была отличная вода, и мы наполнили ей наши бурдюки. Затем мы пересекли гору и спустились с другой стороны, а гора это была высокая, и мы оказались на какой-то равнине, затем, путешествуя в течение двух дней по узкой долине, расположенной между двумя горами, мы достигли места, где вода бьет из горы, и это та самая вода, которую высек Моисей. [...] Отправившись дальше, мы достигли очень высокой горы, на которую взойшли с большим трудом, и посреди пути наверх расположен маленький источник, мы стали подниматься еще выше, и обнаружили еще один источник с садом, полным винограда, олив, фиг, и за этим источником, на расстоянии двух миль, в долине, заключенной между двумя горами, расположен достопочтенный монастырь Святой Екатерины, где мы оказались в воскресенье, десятого сентября, в третьем часу, уставшие, изнуренные и едва живые. Хвала Господу, приведшему нас туда в здравии!»²⁸.

Ниже, описывая региональное деление владений султана Египта и Аравии, Джакопо подчеркивает:

«О подразделениях его провинций. Вот как они поделены султаном. Он лично правит и владеет всем Египтом. И правда, что в Александрии сидит его эмир, а еще и в Дамiette, и в Каире, и в Вавилонии, и этих эмиров, или управителей, он сменяет по своей воле — в любой год и любой месяц, как того пожелает. В Аравии у него сидит мелик-эмир, который управляет всей этой провинцией. А надо сказать, что Аравия — это единая провинция, в которой проживают более чем сто тысяч человек, у которых нет ни городов, ни крепостей, ни жилищ. Они обитают то тут, то там в пустынных местах под покровом шкур животных, ходят почти голые и питаются жареным хлебом, который делают каждый день. Когда они отправляются в Газу или Каир, или в ближние города, то продают верблюдов, козлят и овец, покупают муку и увозят ее на верблюдах. Когда захотят есть, смешивают муку с водой и разводят огонь, и готовят на нем хлеб. Они ведут жалкую жизнь, постоянно пьют воду и редко, а то и никогда не едят ничего иного, разве что если по случаю забьют овцу, козленка или верблюда. Все это я видел сам, когда путешествовал по пустыне к Святой Екатерине, как на пути к Синаю, так и обратно. Однако эти арабы ежегодно отдают многие тысячи верблюдов в качестве дани султану и царю своему, который проживает в Каире, что весьма полезно для них, ибо на верблюдах в Египет доставляется все необходимое. Но на границе Аравии, на берегу Индийского моря расположен город Ламех, где проживает Великий Кади, или Халиф, и их первосвященник. И это именно по пустыне Аравийской скитались на протяжении сорока лет дети Израиля, и там нет ни одной реки и никакого изобилия вод. Но на некоторых равнинах в пустыне копают ямы и иногда обнаруживают отменную воду, а иногда нет. Равно как и в горах есть родники,

²⁸Liber Perigrinationis di Jacopo da Verona / A cura di U. Monneret de Villard. Roma, 1950. P. 70–72.

или источники, где вода бьет малыми ключами, но люди делают углубления, собирают в них воду, и пьют оттуда»²⁹.

В «Итинерарии» Вельгельма де Болдензеле (1336 г.) мы вновь встречаемся с бедуинами:

«Спустившись с горы Синай, я путешествовал по пустыне в сторону Сирии в течение тринадцати дней. Вся эта пустыня вместе с той — между Каиром и горою Синай, — о которой я поминал выше, называется Аравией, и на ее просторах обитает неисчислимое множество арабов, которые иначе называются бедуинами, и они размещаются в местах, где могут получить воду из ручейков, ключей и источников, по крайней мере, в небольшом количестве, ибо там ощущается превеликий недостаток воды, так что на протяжении двух дней пути ее едва ли можно обнаружить, и она то появляется в одно время, то высыхает в другое. Обитают эти люди в шатрах из войлока и шкур и питаются, в основном, тем, что дают верблюды и козы. Они не сеют, не жнут, полей не имеют. Хлеба у них нет, разве что привозят его несколько раз в год из Сирии и Египта. Это люди грубые, сильные и быстрые. Из оружия они носят большой щит и копье. Они передвигаются, сидя на верблюдах, которых мы называем дромадерами, и за один день совершают, если захотят, множество переходов. Голову и шею они заворачивают в большое льняное полотнище. Они вообще не используют луков в отличие от остальных сарацин. Они мало заботятся о султани; он же осммотрительно привлекает их предводителей на свою сторону подарками, и это потому, что, как говорят, когда обитатели этой пустыни захотят и объединятся, они с легкостью смогут одолеть султана и захватить весь Египет и Сирию»³⁰.

По стопам Вильгельма де Болдензеле идет анонимный автор «Путешествия сэра Джона МанDEVИЛЛЯ» (сер. XIV в.), который рассказывает о Синайской пустыне (гл. IX):

«В этой пустыне обитает множество арабов, которых люди называют бедуинами или аскопардами, и у этого народа много дурных привычек. У них нет домов, а только шатры, которые они делают из шкур, а именно: из шкур верблюдов и прочих зверей, которых они едят, и под ними спят. Они селятся в местах, где можно найти воду, на берегу Красного моря или где-либо еще, ибо в этой пустыне большой недостаток воды, и часто случается так, что в месте, где человек в одно время находит воду, в другое это ему уже не удается. И по этой причине они не устраивают там жилищ. Народ, о котором я повествую, не обрабатывает земли и не трудится вовсе, ибо они не едят хлеба, но если случится так, что они поселятся возле хорошего города, они отправляются туда и едят хлеб время от времени. И они жарят мясо и рыбу прямо на горячих камнях на солнце. Они — люди сильные и хорошо сражающиеся, и этого народа бесчисленное множество. И они ни о чем не заботятся и ничего

²⁹Ibid. P. 89–90.

³⁰Itinerarius Guilelmi de Boldensele / Ed. G. Grotefend // Zeitschrift der historisce Vereins fur Niedersachsen. Jahrgang 1852. Hannover, 1855. S. 257.

не делают, только гоняются за зверями, чтобы съесть их. И они совсем не пекутся о своей жизни, и поэтому они совсем не боятся султана или какого-либо другого правителя, но готовы к войне с ними, если те чем-либо их обидят. И они часто воюют с султаном, например, так было, когда я находился у него. Они не носят никакого другого оружия, кроме одного щита и одного копыя. И обматывают головы и шеи большим белым льняным полотном. Они весьма злоумышленные, бесчестные и зловредные»³¹.

Лудольф из Судхайма в «Книге о путешествии в Святую Землю» (20–30-е годы XIV в.) описывает свой переход через Сирийскую пустыню:

«Запасись в монастыре необходимыми припасами, [я проследовал] в течение тринадцати дней через пустыню по направлению к Сирии. Это недобрая и наипаснейшая дунья расположена в Аравии, ибо эта вся земля, как обитаемая, так и пустынная, называется Аравией. В этой пустыне ощущается большой недостаток воды, и там обитают похожие на диких и неисчислимые люди, которых называют бедуинами. Выступающие сотнями и тысячами и обитающие в шатрах, сделанных из войлока и шкур, вместе с мелким и крупным скотом странствуют они по пустыне. И в местах, где могут обнаружить хоть немного воды, [текущей] в ручейках и источниках, пасут стада своего крупного и мелкого скота и живут, питаясь молоком верблюдов и мелкой скотины. Они никогда не едят хлеба, не сеют, не жнут, но живут, подобно лесным зверям, и лица у них устрашающие, черные, бородатые, а сами они жестокие и стремительные, и, сидя на дромадерах, за один день перемещаются в поисках мест, где можно обнаружить воду, так далеко, как им угодно. Из-за нестерпимого жара солнца они заматывают голову длинным льняным полотенцем. Они пользуются луками. В этой пустыне на протяжении двух или трех дней пути с трудом можно обнаружить воду. А в местах, где вода сегодня есть, завтра она уже высыхает. Также на месте, которое час назад было абсолютно ровным, по прошествии часа внезапно возникает огромный холм из песка, и он оказывается то тут, то там, но никогда не пребывает на одном месте. Из-за этого в пустыне подчас трудно определить путь иначе как по горам, а этим бедуинам ведомы дороги пустыни, ибо она — их дом. Этим самым бедуинам нет никакого дела до султана, они и не подчиняются ему ни в чем, султан же с давних времен осторожно дарами и ласками приманивает их и угрождает им. Ведь они, если захотят, с легкостью могут покорить и разорить всю страну султана. Эту пустыню пересекла Пресвятая Дева Мария вместе с Иисусом, когда бежала из Иудеи от лица Ирода, и на всем пути, по которому она, как считается, следовала, расгут сухие розы, которые в этих краях называют розами Иерихона. Эти розы бедуины собирают в пустыне и отдают паломникам в обмен на хлеб. А еще эти розы с большой охотой покупают сарацинские женщины, и воду, в которую розы положены, они пьют во время беременности и говорят, что это очень хорошо и весьма полезно.

³¹Mandeville's Travels / Texts and translations by M. Letts . London, 1953. Vol. I–II. P. 262–263.

В этой пустыне такое множество опасностей исходит от ветров, песков, диких людей, змей, львов, драконов и прочих ядовитых и наиопаснейших животных, что об этом слишком долго рассказывать. Итак, путь в южном направлении через эту пустыню достигает начала Земли Обетованной: некогда прекрасного, а ныне заброшенного города под названием Вирсавия. Как видно, этот город был некогда украшен множеством красивых церквей, некоторые из них стоят и поныне»³².

В «Истории трех кельнских волхвов» — описательном сочинении, построенном на информации, почерпнутой как из итинерариев паломников, так и из литературных источников, например, «Послания пресвитера Иоанна» (XII в.), Иоанн Хильдесгаймский, следуя рассказу Лудольфа, упоминает о розах Иерихона и тех, кто их собирает (гл. 27):

«Во многих местах и на дорогах, которые Святая Мария вместе с Младенцем Иисусом миновала на пути туда и обратно, до сих пор растут сухие розы, которые называются розами Иерихона, и сарацинские женщины охотно употребляют их во время родов. То место в Египте, где жила Святая Дева Мария и ее младенец, находится на расстоянии пятнадцати дней пути от Вавилона, вдоль дороги, по которой она ехала, растут только эти розы и никакие иные, и оные собирают люди, называемые бедуинами, кочующие вместе со своими стадами по пустыне из одного места в другое, и продают их в огромном количестве пересекающим пустыню в обмен на хлеб»³³.

Столь же кратким сообщением ограничивается итальянский нотариус Николо де Мартони, побывавший в Египте и Палестине в 1394–1395 гг.:

«Об арабах. В пустыне нам неоднократно попадалось навстречу множество арабов со своими женами, семьями и скотом. Они обитают в этих пределах, то тут, то там, ибо из-за Божьего проклятия лишены постоянного места жительства: ведь они ведут свой род от фараона. Во многих местах их женщины выходили на дорогу вместе с детьми и просили нас из любви к Богу подать им хлеба»³⁴.

³²Ludolfi rectoris ecclesia parrochialis in Suchem De Itinere Terre Sancte / Rec. Fr. Deycks // Publicat. d. Stuttgarter Literar. Vereins. 1851. T. XXV. S. 69–70; Ludolphus de Sudheim. De itinere Terre Sancte / Rec. G. A. Neumann // Archives de l'Orient Latin, 1884. T. II: Document. P. 348.

³³The Three Kings of Cologne: an early English translation of the «Historia Trium Regium» by John of Hildesheim / Edited from mss., together with the Latin text, by C. Horstmann. L., 1886. P. 246.

³⁴Relation du Pelerinage a Jerusalem de Nicolas de Martoni, Notaire Italien (1394–1395) / Ed. Leon Le Grand // Revue de l'Orient Latin. 1895. T. III. P. 606.

Подводя итоги, следует сказать, что в данной статье приводятся все сведения о бедуинах, содержащиеся в латинских источниках вплоть до середины XIV в. Бедуины как четко определенный этноним впервые появляются в конце XII в. в реляции нотариуса Бурхарда, и с тех пор этот термин получает широкое распространение. Известия Альберта из Акки, равно как и рассказ пьаченцкого паломника (ок. 570 г.) говорят о том, что европейцы встречались с арабами-кочевниками, живущими в пустыне, и ранее:

«Путешествуя в течение шести дней по пустыне, мы везли воду с собой на верблюдах — и выпивали секстарий утром и секстарий вечером на человека, а когда вода в кожаном сосуде становилась горькой, мы добавляли в нее песок, и она превращалась в пресную. Жены сарацинов, а то и семьи, приходя из пустыни, с плачем сидели вдоль пути, показывая беременный живот, и просили хлеба у проезжающих. Из отдаленных областей пустыни приходили их мужья с мехами, наполненными холодной водой, выменивали для себя хлеб, и приносили пучки корений, запах которых сладостней всех прочих благовоний. Они ничем не стеснены, ибо на них проклятие, и дни свои они проводят в презрении. Народ же, который странствует по этой большой пустыне, числом двенадцать тысяч»³⁵.

Нотарий Бурхард и автор сочинения «О Святых местах, а также людях и зверях, живущих в Палестине» предложили парадигму описания и определили терминологию, которым затем стали следовать практически все, бравшие в руки перо, чтобы рассказать о Святой Земле и сопредельных странах. Достаточно сравнить описание проделанного в 870 г. путешествия через пустыню монаха Бернарда, чтобы увидеть, насколько приведенные выше цитаты находятся в русле единой традиции:

«Из Таниса мы отправились в город Фаран: в том месте, где, предупрежденный ангелом, Иосиф укрылся вместе с Матерью и Младенцем, ныне стоит церковь в честь Блаженной Марии. В этом городе множество верблюдов, которых за плату у местных жителей арендуют прибывшие, чтобы перевозить свои грузы по пустыне — а этот путь занимает 6 дней. Пустыня начинается прямо за городом, и справедливо это место пустыней называется, потому как там ни травы, ни семена, за исключением только пальмовых деревьев, не растут, и сияет оно белизной, словно равнина, укрытая снегом. По середине пути расположены два постоянных двора — один называется эль-Бара, другой — эль-Бахара, где можно у христиан и язычников купить товары, необходимые для путников. А вокруг них на земле не растет ничего, кроме того, о чем было сказано выше.

³⁵Ps.-Antonini Placentini Itinerarium / Cura et studio P. Geyer // Itineraria et alia geographica. Turnholti, 1965. P. 147, 170.

От Альбахары начинается плодородная земля, которая простирается до города Самсона — Газы, изобилующей всевозможными вещами»³⁶.

Обращает на себя внимание тенденция: нехристианские реалии, введенные в обиход нотарием Бурхардом и сочинением «О Святой земле» территориально расположены за пределами Палестины. Вниманию читателей и, как позднее оказалось, паломников был предложен круг новых достопримечательностей: это источающая масло икона св. Девы Марии в Сайднайе³⁷, роца бальзама в Египте³⁸, два необычных народа — кочевники-бедуины и убийцы-ассасины. Но если ассасины, как считалось, были истреблены монголами, масло могло пропасть и иссякнуть, а роца бальзама пострадала во время волнений, бедуины продолжают кочевать на Ближнем Востоке и по сей день.

³⁶*Itinera Hierosolymitana et Descriptiones Terrae Sanctae Bellis Sacris Anteriora et Latina Lingua Exarata* / Ed. T. Tobler et A. Molinier. Geneve, 1879. P. 313–314.

³⁷См. *Горелов Н. С.* Чудо иконы Святой Девы Марии в Сайднайе // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 4 / Под. ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2003. С. 134–155.

³⁸*Горелов Н. С.* Бальзам на душу // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 5 / Под. ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2005. С. 224–245.

Л. И. Киселева

**Отдел рукописей
Российской национальной библиотеки —
сокровищница для студента-медиевиста**

Студентам, обучающимся на кафедре истории Средних веков Санкт-Петербургского университета, очень повезло. В Российской национальной библиотеке хранятся сокровища в виде драгоценных рукописей эпохи Средних веков и раннего нового времени. Они насчитывают около одной тысячи рукописных книг и более восьми тысяч документов. Памятники письменности происходят из Англии, Дании, Швеции, Испании, Нидерландов, Германии, Италии, Польши. Но более всего — из Франции.

В библиотеку они попали главным образом от частных коллекционеров. Основу западноевропейского фонда составляют две коллекции: одна — Петра Петровича Дубровского, поступившая в 1805 г., и вторая — Петра Корнильевича Сухтелена, приобретенная в 1836 г., насчитывающая 262 средневековые книги и несколько сот документов.

Коллекция П. П. Дубровского количественно превосходит коллекцию П. К. Сухтелена. Современники оценивали ее как «золотые россыпи». Сам П. П. Дубровский понимал значимость своей коллекции. В 1812 г. он писал директору Публичной библиотеки А. Н. Оленину: «...Сие собрание давно уже известно всему свету и удивило множество ученых мужей в Германии, Англии и Франции. Сочинители нового дипломатического трактата поставили его в число пяти знаменитейших в Европе, перед которыми во многих местах оно берет первый шаг, и хотя смешано теперь с другими, однако же превосходит всех по древности, по комплекту различных писем от IV века до изобретения книгопечатания, также по свежести миниатюрной работы, ведущей непрерывную нить от упадка римской живописи до времен Рафаила (Рафаэля). Великое множество автографов и неизданных сочинений делает сие собрание бесценным. Оно превосходит многие королевские, как то швед-

ское, датское, прусское, саксонское, гишпанское и португальское, как можно убедиться из каталогов сих библиотек, почему и было оценено в Англии за глазами в семь тысяч гиней» (Архив РНБ. 1805. Д. № 40. Док. № 20).

Огромную ценность имеют документы по истории Франции XIII–XVII вв. Это письма французских королей, государственных деятелей, чиновников судебных учреждений, грамоты муниципальных советов, аббатств, донесения послов из других европейских стран, многочисленные инструкции, прошения. Большой комплекс содержит документы по истории гражданских войн во Франции за 1559–1563 гг. и по истории внешней политики Франции 1547–1547 гг.

Интересную часть документов составляют письма государственных и политических деятелей Франции XV в. В их составе письма Людовика XI и письма, адресованные ему (1461–1482), переписка Карла VIII, письма Людовика Орлеанского (будущего Людовика XII), письма, адресованные Анне и Пьеру Боже (регентше Карла VIII и ее супругу) за 1489–1497 гг.¹ Кроме того, в составе французских документов имеется более 200 писем Карла IX, 350 писем Генриха III, около 700 — Екатерины Медичи и адресованные ей. Корреспонденция Генриха IV насчитывает около 750 писем. Более 1400 писем происходят из архива канцлера Франции Пьера Сегье.

Интересными для медиевистов являются 76 грамот XIII–XV вв. женского аббатства Сент-Антуан де Шам в Париже (Saint-Antoine-des-Champs), основанного в XII в. и закрытого во время Великой французской революции. В составе этого небольшого собрания 53 грамоты, относящиеся к XIII в., 16 — к XIV в. и 4 — к XV в. Большинство из них — частные акты, удостоверенные официальными властями. Все они представляют интерес для истории монастырского землевладения во Франции XIII–XV вв., отношений сеньоров с вассалами, имущественных прав женщин, истории отдельных владений. В их составе больше всего грамот-дарственных на землю, дома, ренты, десятины, а также акты продажи имущества и

¹Каталог писем государственных и политических деятелей Франции XV в. из собрания П. П. Дубровского / Сост. Т. П. Воронова. Науч. ред. Ю. П. Малинин. СПб., 1993.

рент. Эти грамоты особенно интересны тем, что дают возможность исследовать их с точки зрения дипломатики. Они отражают складывание феодальных правовых норм, деятельности церковных и светских канцелярий. К этим документам примыкают материалы ученых писателей и художников. Они недостаточно использованы и изучены, но являются важными источниками по истории культуры разных стран Европы. Они отражают уровень развития науки и литературы своего времени.

В основном эти материалы датируются концом средневековья и ранним новым временем. Самый значительный комплекс документов ученых и писателей составляют материалы, относящиеся к голландским филологам Якобу Перизонию (1651–1715) и Теодору Рикию (1640–1690). Оба филолога исследовали и комментировали сочинения античных авторов. Имеются письма Теодора Безы (1519–1605), французского ученого, ученика Кальвина, Бьондо Микель-Анжело (1497–1560), итальянского медика, Тихо Браге (1546–1601), датского астронома, Исаака Казабона (1559–1614), швейцарского филолога и гуманиста, Эразма Роттердамского (1467–1536), Гуго Гроция (1583–1645), голландского ученого, Юста Липсия (1547–1606), нидерландского ученого и историка, Марка Вельзера (1558–1614), немецкого историка и филолога, и других.

Около 200 писем писателей и ученых Германии датируются XVI–XVII вв. Кроме того, имеются материалы, относящиеся к различным германским государствам XVII в. Например, прошения, мемуары графа Геннен, адресованные испанскому королю Филиппу IV, германской императрице Марии-Анне, испанским наместникам в Нидерландах и послам в Кельне (на французском, испанском, немецком, латинском языках) и др.

Кроме документальных материалов важное место в Отделе рукописей РНБ занимают рукописные книги, важные для науки, искусства и культуры. Они охватывают период Средних веков, Возрождения и раннего нового времени. Среди них имеются сочинения античных, христианских авторов, отцов церкви, средневековых ученых, гуманистов и т. п. Количественно преобладают рукописные книги французского происхождения (на латинском и французском языках), значительно меньше итальянских, германских, фламандских книг.

Для медиевиста-историка важны все рукописи, независимо от происхождения. В целом они дают материал для изучения истории, общей культуры эпохи Средних веков.

В собрании Отдела рукописей РНБ можно найти авторские сочинения, хроники, анонимные произведения, рукописи с текстами проповедей, книги Священного Писания, богослужебные, теологические.

Самые древние рукописи относятся к V–VIII вв. В их числе — произведение св. Августина. Ряд ученых полагают, что рукопись была написана в Гиппоне при жизни автора. Строгий и скромный ее вид напоминает римские традиции. Книга изготовлена из пергамена, ее формат приближается к квадрату. Она написана крупным каллиграфическим письмом (унциалом), сохраняющим форму римского письма. Слова, как в римскую эпоху, не отделены друг от друга. Украшением являются лишь выделенные цветом заголовки и виньетки. Рукопись, которой 1500 лет, сохранила на своих страницах следы собственной истории. Мы узнаем, что в IX в. она находилась в монастыре Корби (Франция), затем в 1638 г. по распоряжению кардинала Ришелье эта рукопись вместе с другими наиболее древними была перемещена в аббатство Сен-Жермен-де-Пре, которое тогда находилось под Парижем (ныне в одном из районов города). В конце XVIII в. ценнейшая рукопись была приобретена П. П. Дубровским.

В составе этой же коллекции хранится один папирусный лист из рукописи VII в. с текстом проповеди св. Августина, разъясняющей пользу искреннего покаяния. Книги, написанные на папирусе, чрезвычайно редки. Их сохранилось всего несколько единиц. Эксперимент изготовления из папируса книги в форме кодекса вместо свитка оказался неудачным из-за непрочности материала, особенно при многократном обращении к книге. Еще во II в. папирус был заменен пергаменом (хорошо обработанной кожей овец, телят, коз, свиней).

Папирусный лист, хранящийся в РНБ (РНБ. ОР. Lat.F.раруг.I. 1), происходит из книги, созданной, по мнению ученых, в мастерской письма (*scriptorium*) Луксейского монастыря, основанного ирландским монахом Колумбаном в 590 г. на северо-востоке Бургундии. По неизвестным причинам кодекс был разделен на 2 части.

Одна часть в настоящее время хранится в Публичной библиотеке Женевы (53 листа), вторая — в Национальной библиотеке Франции (63 листа). Папирусный лист РНБ происходит из части, хранящейся в Париже.

Древнейшие рукописи связаны с ранним периодом распространения христианства в Европе. Большую роль в этом сыграли монахи, поселявшиеся общинами в монастырях, объединявшиеся в более крупные организации — ордена. Первый монашеский орден в Европе создал Бенедикт Нурсийский (480–543), одна из задач которого заключалась в переписке Священного Писания. Первая мастерская письма была создана около 540 г. Кассиодором (487–575), которого называют «последним римлянином и первым человеком средневековья». Он родился в senatorской семье, занимался политикой. В 19 лет он уже был квестором дворца (министром финансов), затем управляющим, но в 60 лет удалился в свое имение на берегу Тарентского залива, где основал монастырь и мастерскую по переписке книг. В этой первой мастерской письма была написана в VI в. рукопись с сочинениями Псевдо-Руфина, Фульгенция, Оригена, Иеронима (РНБ, ОР, Lat.Q.v.I. 6–10).² Рукопись украшена красными рубриками и виньетками. На первом листе, написанным полуунциалом — помета на верхнем поле, как полагает О. А. Добиаш-Рождественская, сделана рукой самого Кассиодора. В ней предписывается исправить подозрительный текст автора (РНБ, ОР, Lat.Q.v.I. 6).

В собрании РНБ имеется сочинение самого Кассиодора «Церковная история», переписанное почти три столетия спустя после его смерти — между 814–821 гг. О месте создания этого кодекса ученые высказывают разные мнения. Одни полагают, что рукопись была скопирована на юго-востоке Бретани по приказу Адаларда писцом из скриптория Корби, другие считают, что кодекс переписан в аббатстве Корби, третьи — что «Церковная история» Кассиодора была выполнена монахами аббатства Сан-Филибер на острове Нуармуте и подарена Адаларду.

Настоящей драгоценностью являются также две рукописи

²П. П. Дубровский разделил сборник: сочинение каждого автора было переплетено в отдельную книгу.

VIII в. с островов Великобритании. «Церковная история английского народа», написанная знаменитым историком, пресвитером монастыря Ярроу (Yarrow) Бедой, прозванным Почтенным (Venerabilis). Это произведение — единственный источник древнейшей истории Англии до 731 г. Кроме того, на одном листе (107-м) записан текст гимна на староанглийском языке первого поэта-англосакса Кедмона. Это первое и единственное свидетельство такого рода.

Вторая рукопись — «Четвероевангелие» с прологом св. Иеронима — была создана в одном из скрипториев на Британских островах (РНБ, ОР, Lat.F.v.I. 8). Рукопись необыкновенна по своему изяществу и красоте, выполнена крупным каллиграфическим письмом с превосходными инициалами, каждый из которых заключен в многоцветную рамку и занимает целый лист. Эти четыре листа напоминают узоры ярких тканей или сочетание драгоценных камней. Основу композиции составляют линии, переплетенные с фигурами фантастических животных из легенд и мифов, изображения которых благодаря двумерности превращаются в орнамент. От этих листов невозможно отвести глаз: так динамична, гибка и изящна линия, так стилизованы и вместе с тем чрезвычайно живы и выразительны изображенные животные с разинутыми пастьми, сверкающими глазами, заглатьяющие друг друга, прикусившие свои хвосты или запутавшиеся в тончайшей кружевной сетке. Привлекательны тонкие и изящные сочетания красок — желтой, изумрудно-зеленой, нежно-голубой, красной всех оттенков. В качестве белого цвета использован тон пергамена, из которого изготовлена рукописная книга.

Древние рукописи были написаны в мастерских письма (скрипториях) монастырей — культурных центрах раннего средневековья. Благодаря детальному изучению структуры книг, письма, особенностей украшения возможно изучать деятельность скрипториев. 36 древнейших рукописей РНБ происходят из монастыря Корби (Франция). Монастырь был основан в середине VII в. королем франков Хлотарем III (657–661) и его матерью Бальтильдой. В мастерской письма Корби работали англосаксы, ирландцы, франки. Несмотря на то, что рукописи Корби изучались многими учеными, тем не менее они представляют интерес до сих пор, ибо в насто-

ящее время готовятся переиздания текстов и с этой целью могут быть использованы рукописные книги РНБ.

В библиотеке Корбийского монастыря были и сочинения античных авторов: Колумеллы, Цицерона, Марциана Капеллы, Евтропия. Для историков также интересна хроника Первого крестового похода Бертольда Перегрини XII в.

В течение всего средневековья главной книгой была Библия. Ее текст использовали для составления богослужебных книг, проповедей. Авторы многократно цитировали ее текст. До 1564 г. (время канонизации) в текст Библии вносились дополнения. Это касалось главным образом предисловий.

В Парижском университете в XIII–XIV вв. на теологическом факультете изучали Библию в течение четырех лет (из 6 лет обучения). Это обстоятельство привело к изменению внешнего вида книги. Ее большой формат был не очень удобен как для профессоров, так и для студентов. Жизнь требовала изменений. Удобнее всего было поместить текст Библии в небольшом томе. Для этой цели стали использовать тонкий пергамен, текст разместили в две колонки, ввели заголовки, нумерацию глав, каждая глава начиналась инициалом. Такие Библии, названные впоследствии «университетскими», в большом количестве производили в 1240–1280 гг., и они имели огромный спрос. Внешний вид и организация текста Библии в столь совершенной форме сохранились до настоящего времени.

В РНБ имеется такая Библия, в одном томе которой насчитывается 655 листов (РНБ, ОР, Lat.O.v.1.38). Для нее использован тончайший пергамен, изготовленный из шкурки не родившихся ягнят и называемый «девичьей кожей». Письмо, которым написан текст, очень мелкое (1,2×1 мм), сходно с бисером, но оно такое красивое и совершенное, что не представляет особого труда для чтения. Этот книжный шедевр принадлежал Карлу IX, королю Франции (1560–1574), о чем свидетельствует его собственноручная подпись: «C'este bible est a nos R. Charles» («Эта библия наша [король] Карл»). Позднее Библия вошла в состав библиотеки Пьера Сегье (1588–1672), канцлера Франции.

Богослужебные книги также представляют интерес для историков. Формирование, изменение текстов и их корректирование дает представление о деятельности церкви, религиозных деятелей в

каждом отдельном регионе Европы. Известно, что до канонизации каждый приход имел свой состав литургии. Кроме того, эти книги украшались историзованными инициалами (т. е. инициал с миниатюрой) и в этом случае становились объектом изучения искусства книги. Богатые аббатства или отдельные церкви имели возможность заказать книги известным и знаменитым художникам. Например, Реймский миссал для церкви св. Никеза в Реймсе выполнен в одном из лучших ателье Парижа.

Историки, естественно, интересуют в первую очередь исторические сочинения. В Отделе рукописей имеется несколько хроник. Всемирная хроника написана на французском языке нормандским дворянином Жаном де Курси (1350–1431). Изложение начинается с ветхозаветных событий и завершается царствованием легендарного короля Артура. Главное место среди исторических источников такого рода занимают «Большие французские хроники». В одной рукописи содержится текст сен-денийской хроники, в которой описаны события до начала правления Карла VI (Fr. F. v. IV N 1 (1-3), вторая (Эрм. Фр. 88) излагает переработанный текст Сен-Дени в угоду герцогу Бургундии Филиппу Доброму. Еще одна рукопись «Хроника Луи I Бурбона» (1337–1410), по сути, является биографией герцога, написанной Жаном д'Орвилем (Fr. Q. v. IV N 2). Неизученной остается рукопись с текстом «Амбуазской хроники» (Fr. F. v. IV N 7), которая является политическим трактатом. В нем под вымышленными именами, заимствованными из римской истории, скрываются вполне реальные лица, жившие в конце XV — начале XVI в. В миниатюре в сцене поднесения книги Жоржем Амбуазским, первым министром короля, изображен Людовик XII.

В фонде Отдела рукописей хранятся манускрипты энциклопедического характера, к примеру, замечательное сочинение «Книги сокровищ», написанное учителем Данте Брунетто Латини. Автор излагает представление о происхождении Земли, планет, характеризует все научные достижения XIII в., обсуждает политические, экономические и этические проблемы Франции и Италии.

Важное значение для историка имеют сохранившиеся списки (разных веков) сочинений античных авторов и переводы их на европейские языки. Среди них многочисленные сочинения Цицерона, Плутарха, Сенеки, Квинта Курция, Овидия и особенно Вергилия.

Следует отметить, что сочинениями античных авторов интересовались не только гуманисты, списки IX–XV вв. их сочинений сохранились в библиотеках многих монастырей.

Литературные произведения также являются важными историческими источниками. Особое место в этом плане принадлежит «Роману о Трое» поэта XII в. Бенуа де Сент-Мора, созданному при дворе Генриха II Плантагенета. Он пересказал на французском языке «Историю разрушения Трои» Дареса Фригийца и «Дневник Троянской войны» Диктиса Критянина. В Отделе рукописей РНБ хранится список XIV в. с превосходными миниатюрами (Fr. F. v. XIV N 3) и более поздние списки XV в. (Fr. F. v. XIV N 6,12). Несколько рукописей входят в цикл романов о рыцарях Круглого стола, например «Роман об Иосифе Аримафейском» французского поэта XIII в. Роберта де Борона (Fr. F. v. XV N 5) и «Роман о Ланселоте» Кретьена де Труа (Fr. F. v. XV N 2). Из этих рукописей можно почерпнуть много фактов, важных для истории.

Большую помощь в поиске фактов, в интерпретации и оценке событий отдаленных эпох могут оказать и другие литературные сочинения, такие как «Роман о Розе» Гийома де Лориса и Жана де Мён (Fr. F. v. XIV N 5), Александра де Берне, Жербера де Мойтреля, Никола де Марживаля, Жервэ дю Бю, Алена Шартье, Ренэ Анжуйского и др.

Творческое наследие гуманистов бережно сохраняется в Отделе рукописей РНБ, это 32 рукописи, содержащие 130 произведений, по которым можно судить о достижениях эпохи Возрождения. Некоторые произведения представлены замечательными кодексами. Среди них сочинение Франческо Петрарки «Триумфы», «О средствах против счастливой и несчастной судьбы», написанной в 1388 г., «Филоколо» Бокаччо в списке XV в., три сочинения Лоренцо Валлы «О свободе воли», Верджеро Пьетро Паоло «О благородных нравах и свободных науках», а также труды Марсилио Фичино, Гуарино Веронского, Анжело Полициано, Бруни Леонардо Арежино «Замечания к событиям своего времени».

Богатый фонд западных рукописей раскрывает перед историком-палеографом огромные возможности, поскольку в сокровищнице Отдела рукописей хранятся манускрипты, написанные разными типами книжного и документального письма: книжными каллигра-

фическими, обычными, курсивными, переходными, начиная от прервосходного унциала и завершая гуманистическим письмом.

Кроме изучения отдельных рукописей, их текста, их письма открывается возможность изучения целого комплекса книг одной общественной библиотеки или библиотеки одного владельца. В рукописях сохранились старые шифры, наклейки, экслибрисы, имена владельцев, что позволяет проследить историю каждого кодекса и составить мнение о ее владельце или владельцах.

В Российской национальной библиотеке хранятся книги из библиотек французских королей (Людовика XII и Карла IX). Большая библиотека была у герцога Бургундии Филиппа Доброго (1419–1467). В собрании РНБ насчитывается 9 рукописей из этой библиотеки. Они разного содержания, что свидетельствует о разнообразии интересов их владельца. Другая знаменитая библиотека средневековья — библиотека короля Неаполя и Сицилии, феодала Франции, поэта и художника Ренэ Анжуйского.³

Кроме этих широко известных библиотек в собрании РНБ имеются рукописи из других, весьма интересных и важных коллекций. Исследование миграции книг, состава библиотек дает возможность детально изучить культуру и образованность людей Средних веков.

Многие книги содержат разные записи, сделанные в разное время, в конце книг, на переплетах, на полях и т. п. Из них можно получить важные и интересные сведения. Иногда узнаем о дате основания монастыря, о происходивших событиях, о рождении детей, свадьбах, доходах. В одной рукописи XII в. имеется список книг, хранившихся в то время в монастыре.

Наличие большого фонда книг эпохи Средних веков и раннего нового времени дает возможность изучить искусство создания книги, организацию работы, так как многие элементы подготовительной деятельности сохранились в самих рукописях. Все это позволяет сравнить работу, осуществлявшуюся в монастырских мастерских письма — скрипториях, и в светских ателье, организованных в городах и при университетах. Переписчики, пергаменщики, переплетчики, иллюстраторы объединялись, как и ремесленники, в группы,

³ *Шиммарев В.* Следы библиотеки Ренэ Анжуйского в рукописных собраниях Публичной библиотеки // Средневековье в рукописях Публичной библиотеки. Вып. II. Л., 1927. С. 143–192.

основанные на разделении труда. Если в монастырском скриптории переписчики были одновременно и художниками, и переплетчиками, то в новых условиях каждый занимался своим профессиональным делом. Более того, работа иллюстраторов была разделена между несколькими художниками. Главный мастер рисовал эскиз, другой накладывал золото, третий раскрашивал, четвертый рисовал бордюр и т. д. Такое разделение труда ускоряло изготовление книг и улучшало их качество. Лучше всего эта система была организована в Париже, особенно в Иль-де-Франсе.

Многие рукописные книги иллюстрировались миниатюрами и историзованными инициалами и предоставляют возможность изучать искусство рукописной книги, начиная от изготовления пергамента, создания корпуса книги, каллиграфии, украшения (бордюры, историзованные инициалы и миниатюры) и завершая ее историей.

Знание рукописных источников способствует не только расширению кругозора медиевиста, пополнению новыми сведениями, но и подготовке к серьезной научной работе. И хотя многие рукописи изучались, еще большее их число ждет своих исследователей.

II. ПУБЛИКАЦИИ

ЦЕЛЬ ВОЙНЫ И МИРА

Записка канцлера Л'Опиталья, призванная побудить Карла IX дать мир своим подданным

Перевод и комментарий И. В. Кривушина, Е. С. Кривушиной

Мишель де Л'Опиталь (1505/1506–1573 гг.), французский государственный деятель и мыслитель, родился ок. 1505 г. в Эгеперсе (Овернь) в семье личного врача коннетабля Шарля Бурбона. Учился в Тулузе, но после раскрытия заговора коннетабля Бурбона и его бегства из Франции в 1523 г. вместе с отцом уехал в Италию. В 1523–1529 гг. изучал право и литературу в Падуанском университете. Некоторое время служил в Риме в должности аудитора высшего папского суда (Сакра Рота). Ок. 1534 г. вернулся на родину. Был адвокатом. В 1537 г. стал советником Парижского парламента. В 1547–1548 г. по поручению Генриха II выполнял посольскую миссию на Тридентском соборе, переехавшем в Болонью. По возвращении (конец 1548 г.) был назначен канцлером герцогства Беррийского. В 1553 г. стал докладчиком по кассационным прошениям при Королевском совете, в 1554 г. — первым президентом Палаты Счетов. В 1559 г. вошел в состав Королевского совета. 1 апреля 1560 г. получил должность канцлера Франции.

В условиях обострения в 1560-х гг. борьбы католиков и гугенотов активно поддержал усилия королевы-матери Екатерины Медичи по примирению враждующих партий. Считал догматические и обрядовые разногласия между ними несущественными, а их распри — разрушительными для королевства. Проводил политику религиозной терпимости. Был инициатором Орлеанского ордонанса 31 января 1561 г. и Сен-Жерменского эдикта 15 января 1562 г., провозгласивших свободу совести и ограниченную свободу протестантского культа. Католи-

ческие лидеры подозревали в нем тайного гугенота, тем более, что и его жена, и его дети исповедовали кальвинистскую веру. В 1562 г. Папа Пий IV потребовал отставки М. де Л'Опиталья. В период Первой религиозной войны 1562–1563 гг. канцлер удалился в свой замок Винье близ Этампа и вернулся на свой пост только после заключения Амбуазского мира 19 марта 1563 г.

Попытка гугенотов захватить короля Карла IX в замке Мо 26–28 сентября 1567 г. привела к отказу двора от политики веротерпимости и спровоцировала Вторую религиозную войну 1567–1568 гг. Политическое влияние М. де Л'Опиталья резко упало. 6 февраля 1658 г. он получил королевский указ о своей отставке и 24 мая передал государственные печати своему преемнику, сохранив, однако, звание канцлера. Уединился в Винье, посвятив себя литературным занятиям. Едва избежал гибели во время резни гугенотов в конце августа 1572 г. (Варфоломеевская ночь), когда в его замок ворвалась толпа разъяренных крестьян-католиков. Умер в Винье 13 марта 1573 г.

М. де Л'Опиталь оставил значительное литературное наследство в виде речей, политических и правовых трактатов, поэтических опусов на латинском языке.

Памятная записка «Цель войны и мира», обращенная к Карлу IX, является одним из главных произведений М. де Л'Опиталья. Написанная после отставки (по одной версии — в 1568 г., по другой — в 1570 г.), она отражает его представления о происхождении, характере и путях выхода из охватившего Францию религиозно-политического кризиса.

Перевод записки «Цель войны и мира» выполнен И. В. Кривушиным и Е. С. Кривушиной по изданию: *Michel de L'Hospital. Mémoire, adressé à Charles IX et à Catherine de Médicis, sur la nécessité de mettre un terme à la guerre civile // Michel de L'Hospital. Oeuvres complètes, précédées d'un essai sur sa vie et ses ouvrages* par P. J. S. Duféy. Vol. 4. P., 1824. P. 175–214.

Цель войны — это мир, который достигается или путем соглашения, или путем полной и безоговорочной победы. Путь соглашения кажется малонадежным из-за взаимного недоверия, из-за взаимных оскорблений и проявлений ненависти, из-за существования двух различных религий и некоторых семей, раздираемых спорами. Кроме того, он кажется недостойным для этой славной и победоносной короны, не говоря уже о средствах <его достижения>, настолько запутанных, что нельзя различить в них ни головы, ни хвоста, ни ясности, ни умения.

Победа, как и все остальные вещи, над которыми мы не властны и которые находятся единственно в руках Божьих, может быть лишь сомнительной; прошлое нас учит, насколько она трудна, а примеры других государств — насколько она опасна и неопределенна.

Правда, у короля больше людей, [чем у его противников]; но известно, что битв, выигранных меньшим числом, вдвое больше, чем битв, выигранных огромными армиями, из чего все князья и народы рассудили и признали, что они [победы] даруются небом.

Я думаю, дело короля — более справедливое, <чем дело гугенотов>; но Бог пользуется такими способами и ситуациями, которые он считает подходящими, чтобы наказать нас за наши вопиющие несправедливости; в древности Он воспользовался вавилонянами, чтобы обуздать Свой народ, а недавно турками и им подобными.

Итак, мы не можем ни отрицать, ни скрыть, что Его гнев по справедливости воспламенился против нас; совершенно очевидно, что те люди, какими бы дурными мы их ни считали, являются орудием Его мести, и мы на самом деле видим, что вплоть до настоящего времени все вещи следовали друг за другом с неизменной закономерностью, невзирая на наши слова и надежды: у них [этих людей] мало средств, я с этим согласен; но они очень экономно ими распоряжаются, так что, хотя у нас больше <средств>, чем у них, они расходуются нами неразумно, и поэтому у нас их <оказывается в действительности> меньше; у нас также больше возможностей, чем у них, чтобы их добыть, но, так как мы более небрежны в наших делах, чем они, их [возможностей] меньше; ибо нужда всегда открывает им <пути> для их получения.

Все те, кто верен своей партии, заложат последнюю рубашку, чтобы сохранить жизнь и свободу, будучи твердо убежденными в том, что в наших намерениях — лишить их и того, и другого.

Впрочем, есть могущественные властители и чужеземные народы, которые полагают, что те вправе так поступать, и они до сих пор действовали соответственно, по крайней мере сейчас, когда они вступили <с ними> в союз и открыто участвуют в их предприятиях¹.

Это не люди, набранные, где попало, которых отыскивали за несколько дней, безрассудно возбудили и подняли на мятеж и <которые действуют> без приказа, без командующего и без порядка; нет, это люди закаленные, решительные, доведенные до отчаяния

¹Католики пользовались военной и политической поддержкой Испании и папства, гугеноты — Англии и немецких протестантских князей.

и однако держащиеся сплоченно и в едином строю, которые не терпят, чтобы их разъединили какими-то хитростями и уловками. Так как от этой сплоченности и единства зависят безопасность и покой их жизни, жилищ, жен и детей, их почести и положение, они остаются твердыми, готовыми скорее умереть все, как один, чем переносить гнет и господство своих врагов.

Необходимость и отчаяние делают их удивительно послушными и дисциплинированными, и они почитают своих вождей, которые не дают воли собственному честолюбию, и их тесный союз скреплен той самой необходимостью, которую древние называли нитью согласия.

Напротив, лагерь короля <погряз> в ссорах, зависти и смутах. Там честолюбие переливается через край, там властвует жадность, там каждый желает выдвинуться; дисциплина подорвана, распущенность безмерна; намерения разобщены; соперничество — мать разобщенности — царствует там до такой степени, что один хочет одного, другой — другого; один тянет в одну сторону, другой — в другую; один хочет мира и желает его, другой совершенно не желает и ненавидит его.

Те, чьи дети, братья и родственники принадлежат к той [гугенотской] партии, а сами они присоединились к противоположной (число их не так уж и мало), идут на эту войну лишь с сожалением; другие оказываются там [в лагере короля] на всякий случай; третьи — ради добычи, думая, что им удастся легче обделать свои дела здесь, чем на другой стороне.

Многие идут туда, терзаясь угрызениями совести, поскольку в душе верны религии², против которой их хотят заставить сражаться. Солдаты, как правило, находятся там только для того, чтобы брать добычу и разбойничать; короче, этот лагерь составлен из собранных отовсюду лоскутков, что обычно бывает и будет всегда. Уже видны первые признаки того, что недовольство, подозрения и странные небылицы заставляют солдат покидать лагерь и разбегаться; к этому можно еще добавить беспокойство и нетерпение, свойственные французу, который не может долго оставаться без дела во время военной кампании, если перед ним [нетерпением] не

²Протестантской.

возвести как можно скорее преграды, которые как мы уже сказали обеспечивают порядок <в стане> наших врагов.

Но, скажете вы, король воспользуется чужеземцами, которые, если он будет им хорошо платить, сослужат ему такую службу против врагов, какую он пожелает, и он будет распоряжаться ими, как ему заблагорассудится, невзирая на недовольство и ропот. Все это ерунда. Те, кто знает французов и чужеземцев, никогда не поверят таким речам; ибо королевская казна никогда не смогла бы заплатить жалование даже чужеземцам, так как средства уже исчерпаны и нет быстрых способов их где-нибудь добыть. Итак, что касается чужеземцев, у вас больше нет слуг. Что касается французского племени, то его дух уже испарился и из бочки, и из осадка, как говорят, что является самым худшим из того, что я вижу; и если будут удовлетворять чужака, пренебрегая французом, что ему останется? Бедность, презрение, зависть, ревность и недовольство, что ему предпочли — вместо того чтобы вознаградить за добрую службу — испанцев, итальянцев, швейцарцев и немцев, которые, быть может, первыми его и ограбят и сожгут его дом.

Можно не сомневаться, что он, в лучшем случае, оставит лагерь, если не произойдет худшего, а без него чужеземец будет нам бесполезен, поскольку невозможно заставить его сражаться, если француз не проложит ему дорогу; так что в любом случае, а не только из-за скудости казны, королю не будут хорошо служить.

Более того, даже если всего того, о чем сказано, не произойдет, сила чужеземцев все равно останется слабой поддержкой: во-первых, страна им неизвестна, что является немалой помехой. Швейцарец умеет только защищаться, итальянец — только изображать из себя <войку>, бургундцев мало, немцы нам подозрительны из-за различия наших религий, и будучи наемниками, они станут обирать нас больше, чем врага, и завтра изменят и покинут нас; а если случится, если они дадут себя победить (что вполне возможно), то нам и нашей армии придет конец.

К тому же швейцарец, больной и усталый, обычно не может выдержать и полгода в военных походах из-за мерзости и грязи, которые им [походам] сопутствуют; так что надо бояться, как бы чума, которая, как говорят, уже вспыхнула среди них, не поразила

армию, и как бы она, при недостатке продовольствия, не оставила нас без войска, как только начнется жара.

Но можно навсегда очистить страну <от гугенотов> одним успешным сражением. Это бы удалось, если бы все они пали на поле боя; но об этом скорее можно только мечтать, чем серьезно обсуждать; сейчас не те времена, когда назначали день и место битвы, чтобы упорно сражаться до полного поражения и окончательного разгрома той или другой стороны. Но если древние были изобретательны и заботливы, чтобы доблестно сражаться, то наши нынешние полководцы проявляют такую же заботу и изобретательность лишь для того, чтобы обеспечить свое отступление. По правде говоря, до сих пор они только и делали, что избегали битвы.

Гибель трех, четырех, пяти и шести тысяч человек, конечно, их ослабит, но не уничтожит полностью; однако она воспламенит их ярость, укрепит их дисциплину и заставит их действовать с большей осмотрительностью, чем раньше: а у победителя все будет в беспорядке, поскольку самодовольство — обычный спутник победы. У них есть города, где они могут отдохнуть, собраться, произвести разведку и вредить нам без всякого риска: короче, все придется начинать заново.

Ганнибал³ и бесчисленное множество других <полководцев> испытывали на себе, что успех во многих битвах — ненадежный залог общей победы⁴.

Что касается князей и народов, о которых мы читали, что они были вычеркнуты <из истории> за один день, так это были люди, лишённые мужества, без дисциплины, без ресурсов и совершенно незакаленные в битвах: с другой стороны, такого не случилось с древними галлами, жившими по ту сторону гор⁵, и с лигура-

³Ганнибал (247/246–183 гг. до н. э.) — карфагенский полководец; во время Второй Пунической войны (218–201 гг. до н. э.) одержал ряд блестящих побед над римлянами (при Тицине в 218 г., у Тразименского озера в 217 г., при Каннах в 216 г. до н. э.), однако не смог поставить Рим на колени; после поражения Ганнибала при Заме в 202 г. до н. э. Карфагену пришлось капитулировать.

⁴Ср. речь Ганнибала перед битвой при Заме (*Liv.* XXX. 30 19–21).

⁵Т. е. по ту сторону Альп. Речь идет о галлах-трансальпинах (*Polyb.* II. 15. 9).

ми⁶, хотя и проигравшими пятьдесят битв, но которых так никогда и не смогли уничтожить⁷. У наших ворот стояли льежцы и фламандцы, которых разбивали более, чем раз в год, и это еще свежо в нашей памяти⁸, и тем не менее они продолжают петушиться.

<Будет ли так, что> после выигранной битвы их [гугенотов] убедят принять выдвинутые условия или с ними легко разделяются после нескольких поражений?

Что касается условий, я ничего об этом не скажу, кроме того, что известно всем, — что они выберут скорее смерть, как они всегда делали, чем отдать в рабство свою совесть, настолько они уверены, что от ее свободы зависят полный покой и сохранность их самих и их жилищ. Неужели только и остается уничтожить их всех поголовно? Другого выхода я не вижу, и даже если таковой и существовал бы, во что я не верю, то он был бы сопряжен с такими трудностями, с такими потерями и временем, что пришлось бы, прежде чем завершить это дело, наполнить нашу бедную страну огнем, кровью, убийствами, чумой, голодом и в конце концов отдать нашу бедную Францию, опустошенную и несчастную, жестокому чужеземцу, который и займет опустевшее гнездо.

Бедная Шампань уже столь беспощадно разорена и столь обездолена, что бедный народ умирает от голода и бедствий⁹.

Ибо этот пожар является всеобщим, и он уже охватил многие провинции Франции; однако же все эти бедствия, какими бы ужас-

⁶Лигуры — группа племен, населявших в середине I тыс. до н. э. предгорья Приморских Альп и западную часть Северной Италии к югу от долины Падуса (совр. По). Покорены римлянами в результате серии войн во второй половине III — первой половине II в. до н. э.

⁷Краткий перечень войн галлов-трансальпинов с Римом см.: *Polyb.* II. 18–34. О войнах лигуров с греками см.: *Iustin.* *Epit.* XLIII. 3. 13; 5. 1; об их войнах с римлянами см.: *Liv.* XXXV. 40. 2; XXXVI. 38. 1–4; etc.

⁸Имеется в виду последняя франко-испанская война (1552–1559 гг.), на втором этапе которой (1557–1559 гг.) основные военные действия происходили на границе с испанскими Нидерландами. На самом деле французы нередко оказывались побежденными фламандцами. Так, в 1557–1558 гг. испано-фламандские войска под командованием графа Эгмонта дважды нанесли им сокрушительное поражение — при Сен-Кантене (10 августа 1557 г.) и при Гравлине (13 июля 1558 г.).

⁹Шампань особенно пострадала от военных действий во время Второй религиозной войны 1567–1568 гг.

ными они ни были, — только слабый набросок того, что случится в дальнейшем, если ныне без всякой надежды на мир сердца воспламеняются яростью от любого пустяка, и это только первый акт трагедии.

Более того, из королевства в великой тайне вывозили и продолжают вывозить огромные средства; никто этого как бы и не подозревает, но каждый это знает и видит; в результате мы вскоре останемся совершенно без денег, что помешает деятельности рынков и обмену товаров, особенно продаже наших плодов, главного богатства королевства.

Я все же надеюсь, что дело поправится: наших детей и их потомков спасет их невинность, ибо невозможно предположить, чтобы новорожденного привязали к отцу, а невинного к виновному. Видели ли когда-либо такой же огромный заговор, как наш, погашенный или подавленный силой оружия, когда бы пепел умерших или изгнанных не разжег сразу еще больший пожар и желание <сыновей> отомстить и вернуть свое отнятое и присвоенное незаконным образом имущество, на которое они будут претендовать, не заставило их вновь объединиться и заключить союз для начала новой войны? То есть, вместо того чтобы похоронить этот гражданский раскол между людьми, его выпестовали бы и из маленькой группы заговорщиков вырастили бы страшную гидру.

Вообще-то не следует бояться, что при снесенной голове останется сильным остальное <тело>. Но в нашем случае потеря даже нескольких голов¹⁰ не способна лишить их [гугенотов] мужества, потому что у них есть еще много других, причем из самых лучших и доблестных в Европе¹¹; кроме того, у них имеется достаточно здравого смысла, чтобы из двух крайностей выбрать наименее опасную. Это означает, что они скорее рискнут в последний раз испытать судьбу, чем сдадутся на милость своих врагов, которые для них хуже смертельных.

Таким образом, продолжительность войны может привести

¹⁰М. де Л'Опиталь обыгрывает двузначность слова «chef»: «голова гидры» и «вожди» партии протестантов.

¹¹М. де Л'Опиталь имеет в виду прежде всего адмирала Гаспара де Колиньи (1519–1572 гг.), прославившегося героической защитой от испанцев Сен-Каптена в 1557 г.

только к тому, что наша бедная Франция наполнится разрушениями и убийствами, станет свирепой, дикой и беспощадной, без всякой человечности, почтения или какого-либо уважения и еще более увеличит, распалит и утяжелит гнев Бога против нее.

Но если, наоборот, тем людям удалось бы выиграть битву, то все было бы иначе; ибо, проигрывая ее им, мы подверглись бы риску быть оставленными своими союзниками; а у них [гугенотов] — общие причина, опасность, дело и исход, и, погрузившись все на один и тот же корабль, они подвергаются одной и той же участи; вот почему их нельзя победить, а их врагам — увеличиться в числе; напротив же, у короля много союзников и слуг, готовых отвернуться от него, если он будет терпеть неудачи; это как раз те, кто следует за его партией только потому, что она — самая сильная, и они опасаются ее могущества; и та же самая причина, которая заставляет их сегодня следовать за ним, побудит их завтра оставить его и присоединиться к более сильной партии: свидетельство тому — союзники герцога Бургундского¹², которые все враз покинули его после первого проигранного сражения со швейцарцами¹³.

Бесконечное число людей веры¹⁴, которые, чтобы только спастись и избежать опасности, последовали за армией короля, вдруг сменили свою одежду¹⁵, и не следует думать, что эта потеря была незначительной; ибо кто захочет посмотреть попристальнее, обнаружит, что треть армии состоит из сторонников другой веры, которые только и ждут, чтобы примириться со своими единоверцами: что касается наемников, то, вероятно, одни из них сделают выбор, а все остальные успокоятся, как это обычно бывает во всех гражданских войнах.

Да не позволит мне Бог дожить до такой катастрофы; ибо я увижу то, чего всегда опасался, — разорение моей страны и гибель государства моего короля; и какие бы сладкие речи ни произносили

¹²Карла Смелого (1433–1477 гг.), герцога Бургундии с 1467 г.

¹³Речь идет о поражении Карла Смелого в битве при Грансоне 2 марта 1476 г., после которого от него отступились Галеаццо-Мария Сфорца, герцог Миланский, Рене д'Анжу, король Сицилийский, и Иоланда Валуа, герцогиня Савойская (*Philippe de Comynes. Memoires. V. 1–2*).

¹⁴Протестантов.

¹⁵Т.е. перешли в другой лагерь.

ныне наши противники, я не знаю, на что дурман от победы толкнет тех, кто в своих несчастьях возвышен душой и полон мужества; никакие красивые слова не могут смягчить горечь того, что делают вопреки воле и в сомнениях; речь идет о подчинении тому, кого некогда победили.

Но мне скажут, что король пойдет на открытое сражение, если только будет держать победу в кулаке или за шиворот. Я вам отвечу, что это все слова, и, как обычно говорится, человек предполагает, а Бог располагает.

Во-первых, незначительный случай, малейший промах, любовью пустяк могут привести к поражению; древние, которые были несравненно лучше дисциплинированы, чем мы, называли это случайностью и всевластием Фортуны.

Кроме того, часто бывает, что многочисленность армии, на которую мы делаем ставку в сражении, порождает беспорядок и пренебрежение к дисциплине. Этому пренебрежению <сопутствует> презрение к своему врагу, которого нужда заставляет оставаться всегда и бдительным, и отважным, которому не на что надеяться, кроме как на отчаянное сопротивление, какими бы малыми силами он ни располагал, и который одерживает верх над большими и прорывает строй врагов повсюду, вооружившись непобедимым оружием — отчаянием, которое Тиберий обычно называл «последним блюдом».

Этого «последнего блюда» не было у доброго короля Иоанна при Пуатье, когда его большая и мощная армия была разбита очень маленьким войском, доведенным до отчаяния¹⁶; также еще свежа в памяти <судьба> армии короля Франциска у Павии¹⁷.

Никогда они не придут к соглашению с нами, пока не будут равными или почти равными по силам; и вы не сможете их к нему

¹⁶19 сентября 1356 г. при Пуатье двадцатитысячная французская армия во главе с королем Иоанном II Валуа (правил в 1350–1364 гг.) потерпела сокрушительное поражение от шеститысячной английской армии под командованием принца Эдуарда («Черного принца»); французы потеряли четыре с половиной тысячи человек; в плен попал сам король.

¹⁷28 февраля 1525 г. двадцатитрехтысячное имперское войско Карла V наголову разгромило превосходящие силы французов (28 тыс. человек) при Павии в Миланском герцогстве; в плен был взят французский король Франциск I (правил в 1515–1547 гг.).

принудить, так как они владеют городами, заставами, портами и реками.

Но есть еще одно препятствие, более скрытое и более губительное, чем все остальное, а именно продолжительность этой несчастной войны; а поскольку по названным выше причинам она может быть только крайне длительной, она неизбежно приведет нас к презрению и пренебрежению властью короля, законами и правосудием, сладость которых мы уже отведали; к греховности, или, скорее, распущенности или погружению во всевозможные пороки, когда хулят государственную власть и отвращаются от нее; и в целом ко всему тому, что отдаляет подданного от его долга.

Так что, если эта война продолжится, ни мы, ни наши дети, ни те, кто родятся от них, не смогут увидеть смягчившиеся сердца, готовые вновь принять бремя повиновения. Я говорю как о тех, так и о других¹⁸; ибо сила привычки во всем столь велика, что она побеждает природу, и особенно в грехе распущенности — это пропасть, в которую очень легко низвергнуться, но из которой невозможно выбраться.

Вот почему тот мудрый римлянин говорил, что самые злые и ненавистные преступления становились обычными из-за привычки; так что можно сказать, что продолжение этой несчастной войны не принесет ничего другого, кроме сонма диких чудовищ, смердящих и отвратительных, которые в конце концов населят нашу бедную Францию.

Кроме того, авторитет короля рискует сильно пострадать в глазах чужеземцев, когда те увидят, что он сможет образумить своих подданных лишь в результате чрезвычайно продолжительной войны и полной гибели и разорения своего королевства.

Есть еще и другая тайная чума — это то, что развращенность наших нравов столь велика и беспутство французского дворянства столь огромно, что многие сеньоры и военачальники, принадлежащие к партии короля, открыто нарушая данную ему клятву верности — пожертвовать своей жизнью и состоянием ради служения ему (а при таком обязательстве и условии они ведь получают в держание от него свои земли), ворчат и досадают, что их не воз-

¹⁸И о католиках, и о гугенотах.

награждают так, как они хотят, и хвастливо и напрямик заявляют, что если их помощь не будет оценена по заслугам, они покинут его.

Это показывает, что они служат своему честолюбию и жадности, а не своему повелителю; нынешним людям свойственно также и другое глубокое заблуждение — каждый, вплоть до самых ничтожных, из тех, кто прячет оружие в курятнике, хвалится, что именно он защитил корону короля.

Что касается придворных, которые должны были бы быть более скромными и более благоразумными, чем остальные, то они бесстыдно узурпируют самые славные и величественные титулы, о которых они могут только мечтать, не будучи в состоянии скрыть болезнь своего ума.

Что до вельмож, то они так громко шумят и трубят о своих заслугах, что те, кто их слышит, полагает, что король перед ними в большом долгу, а народ, глупый и невежественный, — что без них не было бы ни короля, ни королевства.

Все это — очень плохой знак; ибо в конце концов и чужеземец, и француз как бы окажутся защитниками короны, король будет обладать ею только благодаря им и, в итоге, станет слугой и того и другого, так что ему придется поступиться многим, чтобы их отблагодарить. Наконец, ошипав его, они вынудят Его Величество почтить их самыми изысканными дарами. И они будут считать пенсии данью и знаком уважения со стороны короны, как это делали короли Англии.

А что было бы, спрашиваю я вас, если бы действительно благодаря им король добился полной победы, когда и сейчас, не сделав ничего, а только ограбив народ, они громко кричат о своих подвигах и заслугах?

Одно из самых великих несчастий, какое только может произойти с правителем, так это оказаться весьма обязанным им за одно или несколько потраченных усилий, поскольку станут думать, будто он отчасти получает от них в держание свое королевство. Однако до этого уже дошли, и даже еще дальше, ибо ни о чем другом сегодня не говорят и не трубят.

<Мы видим>, как возвышают и возвеличивают некоторых людей, которым предоставляют власть над покорным и грубым народом и над чужеземцами и свободу по отношению к своему королю;

это слишком опасная вещь для государства и настоящий рассадник для фракций и гражданских войн во Франции, особенно принимая во внимание возраст короля и монсеньоров его братьев¹⁹. Какой же тут порядок? По правде, мы очень больны, поскольку нам противопоказаны и война, и мир, и мы не можем переносить ни болезни, ни лекарства.

Многие придерживаются того мнения, что, поскольку королю предназначено творить правосудие, поддерживать добрых и наказывать злых (именно с этой целью он облачен высшей властью и не может и не должен совершать ошибок, согласно своему призванию) и по справедливости карать мечом тех, кто с мечом несправедливо восстал, чтобы нарушить покой в его государстве, преступить законы и попортить правосудие, он обязан, несмотря на то, что они пока еще его подданные, а вовсе не настоящие враги, относиться к ним как к мятежникам, т. е. сгнившим и испорченным членам, которые необходимо отсечь, с какими бы рисками и потерями это ни было связано.

Эти, без сомнения, благовидные и красивые слова, однако, таят в себе ложь и опасность.

Что касается опасности, о ней мы уже говорили выше; добавим к этому, что ход прошедших перед нашими глазами событий, который поразил самые ясные умы, и очевидная порочность всех полов и возрастов не позволяют нам оставаться в неведении и сомневаться в том, что все это — Божьи кары, которые мы сами вызываем, усиливаем и увеличиваем, навлекая на себя Его гнев из-за нашего упорства в грехе и жестокости.

И как можно не гневить Бога, если неустанно мстить друг другу, невзирая на Него?

Что касается обмана, то он совершенно очевиден, и высказанный выше совет совершенно претит справедливости, Богу, ее создателю, власти и долгу короля; ибо как и медицина стремится к излечению больных, так и правосудие действует во славу Бога, стремясь к исправлению людей, а не к жестокости и крови, оскорблению и поношению природы и попранию человечности.

¹⁹Карлу IX в 1570 г. было двадцать лет, Генриху Анжуйскому — девятнадцать, а Франциску Алансонскому — шестнадцать.

Конечно, следует удалить сгнивший член, но лишь тогда, когда нет надежды на излечение; ибо если имеется хоть малейший проблеск улучшения, врач был бы убийцей или палачом, если бы его отсек.

Таким образом, сегодня, прежде чем вынести подобный разговор, когда речь идет не о жизни одного или ста, или тысячи, но о многих тысячах и миллионах человек, которые все являются подданными одного короля и детьми одной семьи, хотя они и развращены, нужно поступить так — быстро исследовать болезнь и посмотреть, излечима ли она, и тогда применить лекарства по необходимости.

Иначе это было бы то же самое, что заживо похоронить больного ребенка, не испробовав всех средств для его спасения.

Наверняка, из всех тех, кто сегодня взялся за оружие, ни один не стремится сбросить бремя королевской власти, ибо это противно их религиозным принципам.

Нет ни одного, кто бы не считал его своим королем от природы, сувереном и единственным повелителем: ни один из них не хочет признавать иного господина, никто не ставит под сомнение справедливые и законные права Его Величества. Все стоят на том, что его нужно всячески почитать, служить и повиноваться.

Вы мне ответите, что их поступки, совершенно противоположные, опровергают эти прекрасные слова, и что они не повинуются так, как это надлежит делать. Опыт показывает, что вместо того, чтобы исполнять закон своего повелителя, они сами хотят им повелевать.

Сказать по правде, они, как и большинство других, отравлены страстью, которая движет ими и возбуждает их вопреки их первоначальным замыслам и намерениям; и, как больные, которые, пристращаясь обычно к вещам, совершенно вредным для их здоровья, тем не менее не перестают желать своего выздоровления, так и большинство этих бедных людей думает, что поступает правильно, поступая дурно; именно эта причина заставила взяться за оружие многих дворян, которые могли жить счастливо в своих домах, и лишила разума стольких людей, <до того> мудрых и предусмотрительных.

Они что, действительно, повредились в уме? Да, несомненно; и,

по моему мнению, творить над ними насилие и преследовать их огнем и мечом означало бы грубо попирать человечность и воевать с природой, вместо того чтобы использовать средства для ее излечения. Каждый знает, что правосудие как таковое наказывает тех, которые делают зло сознательно и намеренно: поэтому оно должно быть снисходительным к тем, кто творит его по неведению и кто из-за своего увечья может споткнуться.

Таким образом, более чем очевидно, что страх толкнул и бросил их в эту схватку, ибо если считать, что они вредят сознательно, было бы глупо думать, что они осмелились бы или даже помыслили бы посягнуть на государство без всякого явного права или поддержки.

Можно ли представить, что люди такого положения, подвергнув риску себя и оставив свой привычный образ жизни, почести, состояние, жилища, жен и детей ради пустых обещаний или надежды или, точнее сказать, рады грез и мечтаний, вдруг возымели намерение установить вооруженным путем новый порядок, используя для столь великого предприятия такие ненадежные средства и орудия? Едва ли.

Тогда что же? Чего же они добивались своим оружием? Я вам скажу, что, возможно, у них сложилось ложное представление о правительстве. Как бы то ни было, они, очевидно, стали сомневаться в своей безопасности и решили обеспечить ее: на это они направили все свои мысли и все свои намерения.

Говорить, что у них совсем не было серьезных оснований, значило бы либо лукавить, либо быть в неведении, и я обращаю мои слова только к тем, которые, принадлежа ко двору, видели и слышали, как все происходило в недавнем прошлом касательно этого дела, и которые могут, исходя из истины, беспристрастно судить о нем.

Таким образом, страх и надежда, эти два жестоких тирана душ, дали им в руки оружие и самую справедливую, превыше всех законов, цель, и они овладели ими и владеют до сих пор. И поскольку они — люди, а не ангелы, найдут ли странным, что, будучи людьми, в сердцах которых не только записан, но и божественным образом отпечатан первый закон природы — защищать свою жизнь и свободу от угнетения, они решили вооружиться и бороться против тех, кто хотел их разорить и поработить.

Такова истинная и единственная причина всех их происков, которые впоследствии, вопреки их первоначальным намерениям, обернулись военными действиями и которые, я не буду этого отрицать, заслуживают, если их рассматривать отдельно, строгого осуждения и наказания; но, ставя на другую чашу весов спасение королевства, сохранение государства и покой народа, я скажу, что тот, кто начнет разубеждать короля оставить без ответа эту нанесенную ему обиду ради <блага> государства, никогда не станет добрым французом, а будет врагом своей родины и своих сограждан.

Ибо, как и отец, два сына которого в ссоре, не побуждает их к бою, чтобы избавиться от того, кто ему менее приятен, и жить мирно с победителем, но старается их примирить и сделать так, чтобы они были двумя крепкими опорами его старости, так и король, полный любви и отеческого милосердия, не может терпеть кровавого и вероломного упорства в уничтожении столь огромного числа своих подданных, если есть средство вернуть их к долгу и примирить их, поскольку в этом заключено спасение государства.

Нужно решиться, как это некогда сделал римский сенат во времена диктатора Валерия²⁰, добиться этого и преодолеть все препятствия, которые могут возникнуть, основываясь на строгости закона, как говорил Луций Папирий²¹, так как на этом зиждется покой и спасение народа, самый высший и справедливый из всех законов²², и жертвуя, по совету другого римлянина, во имя рода, имени и отечества, которые для нас общие, и во имя необходимости всем тем, от чего мы можем отказаться, не нанося ущерба этому имени, роду и отечеству.

Средства, которые я для этого нахожу, — это прекратить как можно скорее взаимные оскорбления и насилия, заставить всех сложить оружие и с помощью милосердного закона привести заблудших к повинновению своему властителю, кладя конец этой кровавой и жестокой войне.

²⁰Речь идет о Мании Валерии, диктаторе 494 г. до н. э. См.: *Liv.* II. 31. 7–32. 1.

²¹Луций Папирий Курсор — римский военный и государственный деятель; начальник конницы в 340 и 320 гг. до н. э., консул в 326, 320, 319, 315 и 131 гг., диктатор в 325 и 310 гг.

²²См.: *Liv.* VIII. 34. 2–11.

Какой конец! — воскликнете вы. — Не будет ли он постыдным, если король капитулирует перед своими подданными? В это упрутся и на том стоят многие люди нашего времени — одни по слабости ума, другие из лукавства.

Но этот аргумент, столь блестящий, столь благовидный и столь искусно позолоченный, в действительности чистый обман и смердящее изобретение врага рода человеческого, всех добропорядочных людей и истины: ибо дать закон своим подданным, предписать им образ жизни, наложить на них наказания и муки, если они нарушат его волю, обезоружить их, обложить их податями, получать от них клятву верности — это что, по вашему мнению, капитулировать? Нет, это означает разрешить спор о праве каждого на основе равного уважения повиноваться и повелевать одновременно, давая залогов или заложников с каждой стороны ради гарантии; но когда один повинуется закону, а другой его устанавливает, разве это не что иное, как плод его победы?

Однако, возразите вы мне, король дарует им условия, которые они не могли бы добыть без оружия; да, это правда. Но если бы король, делая это, уступал часть своего права и своей власти, мне нечего было бы ответить, хотя (если уж говорить об этом откровенно и по правде) какое же это право, если оно препятствует общественному благу и вредит государству, как говорил Аппий Клавдий²³ по поводу прав трибунов римского народа²⁴.

Итак, посмотрим, что король отдает им по договорам. Дает ли он им положение или земли? облегчает ли он для них бремя налогов? предоставляет ли он им полномочия и должности? Ничего подобного.

Что же он им дает? Он дает им свободу совести или, скорее, он оставляет их совесть на свободе. Это вы называете капитулировать?

Разве это капитулировать, когда подданный обещает в качестве условия признавать своего повелителя и оставаться ему верным?

Если бы король отнял у них свободу, которую они у него просят, они бы были его рабами, а не его подданными: ибо королевская власть осуществляется лишь над свободными людьми; следовательно

²³ Аппий Клавдий Красс — римский политический деятель; военный трибун с консульской властью в 403 г. до н. э.

²⁴ *Liv.* V. 3. 2–10; 6. 15–17.

но, предоставляя им эту свободу, он истинно утверждает себя как их властитель и их покровитель, а они объявляют себя его подданными, обязанными поддерживать его государство.

Ныне нет ничего более постыдного, чем называть это капитуляцией и <утверждать>, что, ограничивая свободу людей узкими рамками, можно предохранить от порчи религию и душу; говорить так — значит хитро исказить слово и саму вещь, ибо одна свобода — это еще не свобода.

Грубая свобода тела и человеческих поступков гнусна и не достойна того прекрасного качества, которое принадлежит уму, самой божественной его части и самому прекрасному из его проявлений, а именно благочестию.

Мне сразу же возразят, что это не свобода, а губительнейшая распущенность. Королевский совет, верховные суды нашего королевства, другие самые могущественные и мудрые чины христианского мира размышляли об этом и судили совсем иначе; ибо они уже давно постановили, что совершенно необходимо оставить в покое умы и души людей, так как их нельзя согнуть ни огнем, ни железом, но только разумом, который владычествует над людьми; этому были примеры в истории, среди них — пример императора, <жившего> три столетия назад, самого великого из когда-либо царствовавших на земле²⁵.

Было ли тогда столько же причин допустить эту свободу, как ныне причин отнять ее или ограничить? И неужели все это ради того, чтобы пленить и поработить людей?

Разве установление ее [свободы] сегодня во Франции не что иное, как подтверждение того, что уже давно король и его совет постановили и узаконили, и того, что необходимо будет вновь узаконить, если в этом будет нужда, ибо речь идет о спасении и авторитете государства и покое всего народа?

Наш король сохранит за собой звание и титул доброго государя, если он заставит и тех и других повиноваться своим эдиктам и соблюдать клятву верности, что является поддержкой и опорой его государства. И, наоборот, я думаю, что ослаблять всякими хит-

²⁵Речь идет о Фридрихе II Гогенштауфене, германском императоре в 1220–1250 гг., известном своей веротерпимостью.

ростями его волю к столь спасительному и святому примирению, да еще угрожая оставить его, если он будет неотступно добиваться этого, означало бы просто воевать со своим королем и приводить в смятение его государство. Разве это не значит тиранить его и давать на него? Те, кто держится такого мнения, оставаясь в тени и вдали от выстрелов, желают, чтобы король продолжал свои стениания и скорее подверг гибели свое государство вместе с его добрыми подданными, чем остался без победы над ними. Это говорит об отсутствии у них всякого человеколюбия и что разум их расстроен и испорчен ненавистью, мстительностью и страстью, чему в прошлом было достаточно доказательств, когда, следуя их кровожадным советам и мнениям, которые суть истинные портреты и образы их ума, наше бедное королевство оказывалось на волосок от гибели.

Сегодня, когда они их высказывают чаще, чем когда-либо, их нельзя считать ни кем иным, как заклятыми врагами этого государства: всех тех, чьи советы были далеки от общественного <блага>, поскольку давались не ради спасения народа, а диктовались личными обидами, уже давно называли таковыми благодаря приговору Агалы Сервилия²⁶; и хотя они приукрашивают их, ссылаясь на честь короля, чтобы быть выслушанными с большей благосклонностью, выказывая свое чрезмерное усердие в сохранении его власти, однако тот, кто захочет сорвать маску с таких лицемеров, увидит, что они используют этот аргумент в дурных целях и этими благовидными и полными фальши словами о чести и о <недопустимости> капитуляции вводят Его Величество в заблуждение.

Нет ничего более почетного и прекрасного для короля, чем дать закон своим подданным, не уменьшая собственных полномочий. Нет ничего более похвального для мудрого правителя, сознающего, что гражданские мятежи и распри являются смертью для великого государства, чем давать ему из предосторожности подходящее лекарство и так умело направлять умы, что позволит ему излечить их раны и тем самым спасти от гибели своих подданных и свои владения.

²⁶ Речь идет об убийстве в 439 г. до н.э. Гаем Сервилием Агалой, начальником конницы, Спурия Мелия, устроившего заговор против Римской республики (*Liv.* IV. 13–15). См. также: *Liv.* IV. 57. 3–5; VI. 19. 2.

Наши короли, предшественники Его Величества, расширили наше государство скорее осторожностью, чем оружием²⁷; истинная и естественная осторожность заключается в том, чтобы уступать иногда времени и всегда необходимости.

Таким же способом часто умиротворяли гражданские распри римлян, и нередко случалось, что сенат, идя на большие уступки народу, не только удовлетворял его, но и как бы побеждал его этим неожиданным актом, после чего следовали чудесное согласие и немедленное повиновение черни²⁸.

Наоборот, когда тот же самый сенат, сойдя с этого пути и забыв о примере и осторожности своих отцов, стал непреклонным, не желая поступаться ничем из своей священной власти в пользу Цезаря²⁹, а затем и Антония³⁰, он дал пример и урок на все времена всем правителям и народам, <показав>, что те, кто пытается управлять государством, должны забыть о своих пристрастиях, оставить в стороне всю свою ненависть и недоброжелательство и оставить ради славы Бога и народа свои распри и свою вражду из боязни, что упорствуя, как это делали римляне, они погубят, как и те, и империю, и государство.

Тех же, кто пытается возвеличиться и отомстить за оскорбления в ущерб чести короля, которой они прикрываются, желая погасить кровью народа огонь, который они сами же и разожгли и продол-

²⁷Ср.: *Liv.* XXX. 42. 17. — Значительная часть территориальных приобретений французского королевского Дома являлась результатом покупки, брачных союзов или была получена в качестве наследства. Именно таким путем Филипп I приобрел Берри (1100 г.), Филипп II Август — Артуа (1180 г.), Филипп IV — Наварру и Шампань (1285 г.), Филипп VI — Дофине (1349 г.), Людовик XI — Бургундию и Пикардию (1477 г.), Анжу (1480 г.), Мен и Прованс (1481 г.), Франциск I — Бретань (1532 г.).

²⁸См.: *Liv.* I. 17. 7–11; II. 9. 5–9; II. 24; II. 31. 7–33. 1; II. 56–57; V. 30. 8–31. 1. ²⁹Гай Юлий Цезарь (100–44 гг. до н. э.) — римский военный и политический деятель; в результате гражданской войны с Гнеем Помпеем Великим в 49–45 гг. до н. э. захватил власть в Римской республике и фактически оттеснил сенат от управления государством; погиб в результате заговора сенатской аристократии.

³⁰Марк Антоний (82–30 гг. до н. э.) — римский военный и политический деятель, соратник Юлия Цезаря. После убийства Цезаря, вступив в союз с Гаем Октавием (будущим Октавианом Августом) и Марком Эмилием Лепидом, в 44–42 гг. до н. э. нанес поражение партии сенатской аристократии; с этого времени сенат окончательно утратил какую-либо реальную политическую роль.

жают поддерживать на гибель и горе нашего государства, следует считать не кем иным, как предателями и изменниками дела короля и родины.

Тем не менее именно они являются кормчими этого великого корабля, которых избрали и которые сражаются против бури и против неба; но добрый кормчий никогда не воюет с бурей, он спускает паруса и остается спокойным, пока не снимется с якоря, чтобы уверенно плыть по волнам, недавно еще вздувшимся и вздыбленным, которые могли потопить его.

Разумное дитя никогда не ожесточается против своего гневающегося на него отца, но смиряется и успокаивает его, и добрый отец награждает его своим благословением и наследством.

Так же поступит и Бог по отношению к нашему королю, если он смирится. Коснувшись его одной рукой, он еще более возвысит его другой и наградит новыми милостями и неожиданными благами.

И если какой-нибудь злобный подстрекатель хочет еще фехтовать словами «капитуляция» и «мир», я продолжаю утверждать, что оставаться господином и управлять на основе закона теми, против кого сражались, — это победа, и эта победа без крови будет полезнее и выгоднее для Его Величества благодаря пользе, которую она принесет его народу, чем тысячи других побед, от которых выгадает и удостоится чести не король, а только несколько военачальников, сенаторов и других военных, которые возвысятся за счет его умаления и тайком похитят у него преданность его любимых и верных подданных и слуг.

Более того, это заставит Его Величество взять на себя огромные и бесконечные обязательства, что есть полурабство, и тогда он будет должником своих подданных из той и из другой партии, которые попытаются заставить его служить их желаниям; это очень опасно, принимая во внимание время, в которое мы живем.

Не великие победы и ратные подвиги дали Квинту Фабию³¹ имя величайшего³², но умелое примирение некоторых сословий горо-

³¹Квинт Фабий Максим Руллиан — римский военный и государственный деятель; курульный эдил в 331 и 299 г. до н. э., начальник конницы в 325 г., интеррекс в 321 г., консул в 322, 310, 108, 297, 295 гг.; диктатор в 315 г.

³²Maximus.

да³³: тот же титул «величайшего» по праву будет дан нашему королю, если он умиротворит свой народ. Титул подлинно высокий и великолепный, которого Карл I³⁴, названный Великим³⁵, не мог обрести, несмотря на всю свою военную славу³⁶.

Завершить росчерком пера то, чему не могут положить конец тысячи людей и потоки их крови, является столь же божественным делом.

Кто же не пожелает Франции покоя, а ее королю — столь августейшего триумфа, который превзойдет по величию все победы предшествующих ему королей? Его слава будет намного более прекрасной; как говорил Цезарь о Цицероне, последний распространил свое имя и свою добродетель гораздо дальше пределов его власти³⁷. Он увенчается такой редкой похвалой за то, что погасил огромный факел смуты, от которого обычно другие государства, какими бы великими они ни были, испепеляются и погибают.

Когда же окончится эта печальная и жестокая война, то засверкает столь радостный и столь желанный мир, что я по праву назову его «дорогим и священным завоеванием»; оно сделает Его Величество грозой всей Европы, уже познавшей могущество этих двух сил, которые король подчинит своей власти.

И, как и народ Рима называл свой город счастливым, непобедимым и вечным из-за согласия сословий³⁸, также и мы, вместе с ними, скажем, что этим миром король и Франция станут счастливыми, непобедимыми и увенчанными вечной похвалой.

³³Рима. См.: Liv. IX. 46. 14–15.

³⁴Карл I Великий (742–814 гг.) — король Нейстрии в 768–771 гг., король франков в 771–814 гг., император Запада с 800 г.

³⁵Карл I имел прозвище «Великий» (Magnus), но не «Величайший» (Maximus). См.: *Nithardus. Historia*. I. 1.

³⁶В результате завоевательных походов Карла Великого к франкскому государству были присоединены Аквитания (769 г.), Саксония (772–799 гг.), королевство лангобардов (Средняя и Северная Италия; 773–774 гг.), Северо-Восточная Испания (778, 801 и 806 гг.), Бретань (786 и 799–800 гг.), Бавария (787–788 гг.), поставлены в зависимость чехи (805 г.), разгромлены авары (791–803 гг.) и норманны (804–811 гг.). См.: *Einhardus. Vita Caroli Magni*. V–XV.

³⁷«Его триумф и лавры достойнее триумфа и лавров полководца, ибо расширивший пределы римского духа предпочтителен тому, кто расширил пределы римского господства».

³⁸Liv. V. 7. 10.

Но, скажете вы, главари и участники заговора упорствуют; таким образом вы вскармливаете змею в своем чреве и укрепляете вашего врага; на самом же деле внутри чрева течет поток, у которого нет источника и который немедленно засохнет, как только изменит свое течение. У этих главарей, которых так боятся, нет собственных источников или их совсем мало; ручейки, которые стекают к ним, довольно широки, но это не их прямое и естественное течение, по странной случайности они отклонились и приняли это направление только ради того, чтобы спастись от насилия и гнета, которому их подвергают.

Мне кажется, что они скорее предпочли бы, чтобы этот страх и недоверие исчезли, или нам придется счесть их безумцами; но они нам как раз доказали обратное — что они подчиняются своему королю, хотят удостоиться его милости, служить ему, как никто другой, как по обязанности и естественному долгу, так и по тому, что они видят в этом больше возможностей для сохранения своего положения и дальнейшей карьеры.

И если бы, начиная с 1562 г.³⁹, ими разумно управляли, Франция была бы счастлива; но те, которые их отталкивали, жалили и донимали тысячами и тысячами несправедливостей, коварных уловок и клеветнических обвинений, надеясь их ослабить и подавить, только укрепили их, а тайные переговоры, предательства и лиги вызвали у них чрезмерное недоверие, поэтому они, избрав путь отчаяния, воздвигли со своей стороны такие великие <союзы>, что сегодня трудно, даже совершенно невозможно справиться с ними; ибо советники нашего короля, вместо того чтобы тихо потушить костер, так сильно раздули его, что пламя готово сжечь их самих и уже поглотило самых главных среди них⁴⁰.

³⁹Год начала религиозных войн.

⁴⁰К 1570 г. из вождей протестантов и католиков «первого призыва» не осталось в живых почти никого: Антуан де Бурбон, король Наваррский, был сражен шальной пулей при осаде Руана (1562 г.), маршал Жак де Сент-Андре погиб в битве при Дре (1562 г.), герцог Франсуа де Гиз был убит под стенами Орлеана (1563 г.), коннетабль Анн де Монморанс пал в сражении при Сен-Дени (1567 г.), принц Луи де Конде погиб в битве при Жарнаке (1569 г.). Последний из этой плеяды — Гаспар де Колиньи — будет убит в 1572 г. в Варфоломеевскую ночь.

Вот они-то и есть первые подстрекатели и истинные виновники этих бедственных волнений, чтобы не сказать хуже: я говорю о придворных и о всех других вельможах, которые с ними жестоко обращались и наполнили страхом, увлекая за собой народ, куда им заблагорассудится, натравливая его, как собак, на этих бедных людей, так что они, в конце концов, посягнули на то, на что и не мыслили посягать и чего не должны были делать.

Тем не менее, прежде чем осудить их деяния, я прошу вас ответить, положи руку на сердце: существует ли такой благодушный и спокойный человек, которого нельзя бы было в конце концов напугать?

Что это за «гражданский мир», если каждый в своем доме испытывает влияние и горечь войны? Так говорил Вергиний, римлянин⁴¹. Наверняка этим бедным людям показалось, что то, чего они должны были бояться, а именно смерти или изгнания, было менее жестоким и более терпимым, чем то, от чего они страдали и что уже перенесли.

Мы должны были бы сгореть от стыда за то, что мир оказался для них опаснее, чем война, наша дружба опаснее, чем наша ненависть, наши речи опаснее, чем наше оружие, и за то, что удары, нанесенные им, не имели ничего общего с правосудием и государственной властью.

Я хорошо знаю, что мои слова посчитают резкими и что мне следовало бы говорить более мягко; но необходимость, помимо моей воли, вырывает у меня слова из самой глубины сердца и заставляет меня, вопреки правилам двора, предпочесть суровую правду сладкой лести.

Ибо таить и скрывать истину, когда речь идет о спасении народа и о сохранении власти своего короля, — значит обманывать всех и предавать своего повелителя.

Многовековой опыт, владыка законов, преподал нам прекрасный урок, чтобы мы терпимо относились к ним; но мы сделали обратное: и не нужно спрашивать, какие ошибки мы совершили по

⁴¹Liv. III. 47. 2. — Луций Вергиний — римский центурион, который в 449 г. до н. э. убил свою дочь красавицу Вергинию, чтобы не позволить децимиру Аппию Клавдию силой овладеть ею; эти события привели к падению режима децимвиров (Liv. III. 44–54).

отношению к государству или какие <ошибки> мы не совершили, ибо мы совершили их все.

Единственное средство, которое нам сегодня остается, чтобы разрушить их тайные союзы, — это лишить их самой потребности в них, распустив сначала наши <союзы>, которые, стремясь их уничтожить, лишь приближают нашу гибель⁴²; обращаться с ними как с друзьями, с полноправными подданными, с членами, как и мы, государства и частью тела, головой которого является король.

Ибо, если посмотреть на события более пристально, можно обнаружить, что с ними до этого обращались как с мятежниками, что и заставило их ради своего спасения прибегнуть к необычным средствам и двигать камни; я не знаю, есть ли на свете такой святой и совершенный человек, который не сделал бы того же самого, ибо защита и самосохранение — нерушимый закон природы, более сильный, чем все другие законы.

Именно это побудило их взяться за оружие и породило такие ужасные разрушения и бесчинства; ибо меры, которые предпринимали против них со всех сторон, осуществлялись столь грубо и откровенно, нерасположение было столь очевидным, презрение столь открытым, переговоры с испанцами об их истреблении, угрозы отмены эдикта⁴³, обнародование <решений> собора⁴⁴ столь известными, одним словом, несправедливость столь явной, словно они на самом деле заслуживали угощения, которое им пришлось бы отдавать, если бы они не избежали пиршества.

Дикие звери чувствуют приближение бури и ищут укрытия; нет

⁴²Этот совет М. де Л'Опиталь был реализован королевской властью только через семь лет: эдикт в Пуатье 1577 г. объявил о роспуске всех организаций как католиков, так и гугенотов.

⁴³Речь идет о Сен-Жерменском эдикте 15 января 1562 г., предоставившем кальвинистам ограниченную свободу вероисповедания.

⁴⁴Имеется в виду Тридентский церковный собор, проходивший в 1545–1549, 1551–1552 и 1562–1563 гг., на котором восторжествовала ультракатолическая партия; решения Собора закрыли всякую возможность для достижения догматического компромисса с протестантами. В феврале 1564 г. М. де Л'Опиталь решительно выступил против обнародования тридентских постановлений во Франции и добился от Королевского совета запрета на их публикацию на том основании, что они не совместимы с обычаями французской (галликанской) церкви.

ничего странного в том, что и люди поступают так же. Наши угрозы были посланницами наших заговоров, подобно тому как молния — посланница грома. Мы им дали возможность увидеть и ощутить наши приготовления. Перестанем же удивляться, что они оставили свой дом и укрылись в лесах.

Я не хочу, конечно, оправдывать их за это; но любой разумный человек посчитал бы их скорее достойными жалости, чем наказания.

Более того, когда они увидят, что им не надо бояться за себя, их пыл без всякого сомнения угаснет, они вернутся назад и займутся своими домашними делами.

Иначе они не были бы французами; и нужно верить, что они оставили их только из-за крайней и насущной необходимости, поскольку чувство победило естество; есть истинное лекарство против этой гражданской болезни, которая, если ее лечить средствами от других недугов, обостряется и разгорается, как говорил Камилл⁴⁵; эту <болезнь> с полным правом можно сравнить с половодьем, когда нужно не строить преград воде, а дать ей возможность постепенно стечь.

В каждой стране всегда найдутся мятежные умы, запалы для волнений и новшеств, которых мало-помалу надо бы удалять из тех мест, где у них имеются единомышленники и где они осуществляют свои замыслы. Другим же не следует выказывать никаких знаков недоверия: ибо это может превратить их в наших врагов, как бы они ни были настроены.

Враг тот, кто считает нас врагами: это так естественно, что мы видим даже рабов, устраивающих заговоры против своих хозяев, если они начинают замечать в них какое-то сомнение в их преданности.

Особенно необходимо строго и примерно наказывать нарушителей эдиктов и больше не позволять пренебрегать ими, а требовать их строгого исполнения, невзирая на лица.

В результате будет счастливо поддерживаться мир, достижение

⁴⁵Plut. Cam. IX. Марк Фурий Камилл (ум. 364 г. до н.э.) — римский полководец и государственный деятель; цензор 403 г. до н.э., военный трибун с консульской властью в 401, 398, 394, 386, 384, 381 гг., интеррекс в 397, 392, 389 гг., диктатор в 396, 390, 389, 368, 367 гг.

и соблюдение которого является предназначением и обязанностью короля. К этой цели направлено восстановление государств и сеньорий по всей земле; а именно к заключению мира, сладость и желание которого суть начало начал для королей и законов и который связал самого сильного с самым слабым и побудил одних добровольно подчиниться другим.

Однако истинный и естественный долг доброго короля — объявить себя покровителем, опекуном и защитником <мира>, если Бог ниспошлет его, и заставлять верно хранить и соблюдать этот <мир>, строго наказывая его врагов и нарушителей.

Царь Нума Помпилий⁴⁶, хотя и минуло столько веков, до сих еще остается в чести за то, что заботился о мире так же, как о своем государстве и о своей жизни⁴⁷. Такое милосердие, блиставшее в царе-язычнике, гораздо более подходит владыке французов, носящему имя и титул христианнейшего короля.

Властитель же, ненавидящий мир и питающийся главным образом кровью своих подданных, которые являются его членами, утрачивает по праву это столь прекрасное имя и приобретает другое — отвратительнейшее имя тирана, то есть врага рода человеческого и природы.

Любовь властителя во все времена сравнивалась с отеческой: отец, жестокий по отношению к своим детям, — противоестественное и мерзкое чудовище, вызывающее гнев у истинного и общего Отца людей и природы.

Да сгинут же эти прокаженные, вероломно и кровожадно пытающиеся в угоду своей мстительности исказить то, что Бог обращает к наивной и естественной доброте, милосердию и мягкости нашего короля, королевы его матери, монсеньоров ее детей, и желающие отвратить их от исконной, столь славной и скорее христианской, чем человеческой, мягкосердечности по отношению к подданным, которая <унаследована от> их отцов, <прежних> королей Франции, и которая является единственным благом; мягкосердечие, а не тирания, кровопролитие и жестокость, издавна поддерживало эту прекрасную корону, которой французы всегда

⁴⁶Нума Помпилий — второй после Ромула римский царь, правивший в 715–673 гг. до н. э.

⁴⁷Liv. I. 19. 2–4; I. 21. 1, 6; Plut. Numa. XX; Eutr. Brev. I. 3.

подчинялись и которой служили со всей своей искренностью и верностью.

Такие люди — дурные авгуры⁴⁸ для нашей короны, и, кажется, они хотят, следуя своим собственным предсказаниям, приблизить ее [короны] судьбу, т. е. суд Бога над этим благородным домом Франции, пороча святыи вещи и уничтожая взаимопонимание между людьми.

Единственное средство предотвратить зло — это милосердие короля, которое он должен проявить к своему народу, и тогда он узнает милосердие Бога; пусть он не запирает своего сердца, и Бог откроет ему Свое; пусть он простит народу его оскорбления, и тот воздаст ему с лихвой, принеся ему клятву вечно и верно пребывать в покое и счастье. Пусть король забудет и оставит все свое нерасположение к подданным, и они искупят свою вину тем, что будут почитать и всегда служить ему со всем их усердием.

⁴⁸Авгуры — в Древнем Риме жрецы, выполнявшие функцию государственных предсказателей важных политических и военных событий.

В. Н. Бенешевич

**Федор Иванович Успенский
как основатель и руководитель
Русско-Византийской комиссии Академии наук**

Публикация Г. Е. Лебедевой и В. А. Якубского

Доклад под таким названием был прочитан В. Н. Бенешевичем (1874–1938) на торжественном заседании, посвященном памяти действительного члена Академии наук Федора Ивановича Успенского, скончавшегося 10 сентября 1928 г. Заседание состоялось в малом конференц-зале Академии наук 26 октября того же года в два часа дня. В нем приняли участие Академия наук СССР, Государственная академия истории материальной культуры, Русско-Византийская комиссия АН, Российское палестинское общество, Кружок друзей греческого и латинского языков. С докладами выступили академики А. П. Карпинский, В. П. Бузескул, С. А. Жебелёв, профессора В. Н. Бенешевич и Б. П. Маленин.

Владимир Николаевич Бенешевич (1874–1938), один из ближайших сотрудников и единомышленников покойного, в трудные для страны — и для отечественной науки — послереволюционные годы был рядом с ним. Как никто другой знал перипетии той борьбы, которую вел Ф. И. Успенский, дабы наперекор обстоятельствам спасти оказавшуюся не ко времени российскую византистику, докладчик с искренним чувством рассказал об этом.

Опубликованный в сборнике «Памяти академика Федора Ивановича Успенского. 1845–1928» (Л., Изд-во АН СССР, 1929) его доклад прочно вошел в нашу историографию. Со ссылками и без ссылок на него авторы черпали у Бенешевича информацию. Между тем сборник 1929 г. далеко не точно воспроизвел содержание того, о чем говорил докладчик. В этом убеждает обращение к находящемуся в Петербургском филиале Архива РАН фонду академика Ф. И. Успенского, где хранится папка с материалами, собранными В. Н. Бенешевичем и содержащими главным образом отклики европейских академий, других учреждений, отдельных лиц на смерть Федора Ивановича.

Среди этих материалов находятся и машинописные экземпляры докладов В. П. Бузескула и В. Н. Бенешевича, прочитанных ими на упомянутом выше торжественном заседании. Карандашная помета в верхнем правом углу первой страницы доклада Бенешевича, трудно сказать, кем сделанная, предупреждает, что в сборнике «Памяти академика Федора Ивановича Успенского» текст напечатан в сокращенном виде (аналогичная помета есть и на докладе Бузескула, которого мы здесь не касаемся). Сопоставление же архивного текста (ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 170. Л. 1325–1347) с печатным подтвердило, что сокращения действительно имели место. Более того, они затронули весьма су-

щественные разделы доклада В. Н. Бенешевича, и вообще купюрами дело не ограничилось. По существу перед нами две разные редакции.

Чем были вызваны переделки? В ряде случаев ощутима авторская правка. По-видимому, В. Н. Бенешевичу принадлежит появившийся в книге 1929 г. вводный абзац, где кратко, но со знанием дела охарактеризована деятельность Ф. И. Успенского в дореволюционную пору. Впрочем, времени на то, чтобы править доклад, у автора почти не было. Уже в ноябре того же 1928 года ученый был арестован и вскоре отправлен на Соловки. Как известно, таким способом власти обезопасили себя от нежелательного с их точки зрения избрания Бенешевича в действительные члены Академии наук (см.: Медведев И. П. Научное творчество В. Н. Бенешевича в оценке Ф. И. Успенского (По случаю представления в академика на выборах 1927–1929 гг.) // Деятели русской науки XIX–XX вв. Вып. 2. СПб., 2000). Свою лепту в переделку доклада внес издательский редактор. Во всяком случае от него, можно думать, пошла замена имени и отчества академика, всегда полностью воспроизводимых в машинописном варианте, на инициалы «Ф.И.».

Но ни стремлением автора улучшить свой текст, ни издательскими заботами о сокращении листажа не объяснить изъятие из доклада как раз пассажей, касавшихся бедственного положения науки и ее деятелей в Советской России. Так, бесследно исчезло проникнутое горечью и в то же время крайне выразительное, по-своему характерное для Федора Ивановича, датированное 1920 г. его рассуждение о возврате «во многих отношениях» к состоянию студенческих лет. Едва ли тут обошлось без вмешательства цензуры. На ее счет, думается, следует записать, например, и исчезновение из доклада фраз об открывавшихся перед отечественным византиноведением в годы мировой войны перспективах.

Чем бы ни объяснялись купюры в издании 1929 г., редакция 1928 г., на наш взгляд, представляет значительный историографический интерес и заслуживает опубликования.

В докладе 10 апреля (28 марта) 1918 г.¹ Федор Иванович «решил после продолжительных колебаний и размышлений привлечь внимание ОИФ АН к тем традициям», которые, казалось ему, «находились в глубоком несоответствии с переживаемыми тогда настроениями». Федор Иванович имел в виду «академические традиции по изучению Византии, которые всегда находили благожелательный отклик в Европе», где «даже преувеличенно оценивались достигаемые в России успехи по изучению Византии». Но даже в прежнее время, как указывал Федор Иванович, несмотря на важность, не было принято серьезных мер для укрепления положения в самой Академии наук «той области изучения, которая по важно-

¹ИАН. 1918. С. 911–912; Виз[антийский] вр[емяник] XXI. 11, 1917–22. С. 137–139.

сти и национально-политическому значению занимает первое место вслед за русской историей»; не замечается ни прямой преемственности академиков-византинистов в XIX–XX веках, ни собственно академических научных предприятий, ни даже учреждения кафедры византиноведения». Оказались поэтому необходимы «некоторые экстренные меры к сохранению и утверждению в Академии наук традиций византиноведения», а именно: организовать Постоянную комиссию для углубления и расширения при Академии изучения трудов Константина Порфирородного.

План и метод работы в подробностях должна выработать сама комиссия, но уже немедленно работа может быть начата изучением трудов Константина Порфирородного в разных направлениях: составление исторического именованослова, т.е. словаря деятелей, упоминаемых у Константина, составление словаря географических имен у него же; углубление славянских и русско-византийских исследований на основе трудов Константина Багрянородного и критический обзор и свод всей обширной литературы о Константине Порфирородном, накопившейся как в России, так и у славян и на Западе. Предвиденная Федором Ивановичем существенная подробность — приобретение фотографической копии с единственного списка «Придворного Устава», потому что результат изучения этого памятника Комиссией должен был выразиться в новом критическом комментарии и снабженном переводом издании его. В качестве второй «насуточной и также неотложной задачи» Комиссии поставлено дополнение греческого глоссария Дюканжа «подбором пропущенных и неизвестных в его время слов, извлеченных из писателей, найденных в последние столетия и в особенности из надписей и папирусов». Впоследствии Комиссия должна была «ввести в круг своих занятий Черноморское побережье и, в частности, специально Трапезунт». Деятельность Комиссии «Константин Багрянородный» должна быть обеспечена подготовкой для нее сотрудников, поощрением ее работ по русским и славянским древностям и истории и средствами на издание трудов ее».

Но это программа работ временная, предназначенная для немедленного осуществления. Вопрос о задачах русского византиноведения с точки зрения вновь накопившихся материалов был затронут Федором Ивановичем еще в 1916 г. на страницах «Ви-

зантийского временника», там им была представлена широкая программа предстоявшей русским ученым работы в связи с успехами как синеллографии и папирологии, так и византиноведения на Западе и в России. Очередными задачами Федор Иванович выдвинул пересмотр прежних взглядов на административную систему Византии путем изучения табелей о рангах IX–X вв., установление промежуточных стадий между учреждениями X в. и временем Юстиниана, наблюдения над земельным и экономическим строем и жизнью сельской общины. Федор Иванович настаивал на капитальном значении периода IX–X вв. в развитии основных черт византинизма и на наличии в нем «показательных явлений», «которые должны установить основание и необходимую точку отправления для дальнейших обобщений». И тогда уже Федор Иванович указывал на необходимость реорганизации византийских занятий в России: «может быть, была бы желательна в будущем большая централизация в византийских изучениях, некоторая общая программа, которая преследовала бы определенные задачи и цели»; однако при этом Федор Иванович делал многозначительную оговорку: «нужно надеяться, что это будет достигнуто без каких-либо особенных мер (принуждения), по взаимному молчаливому соглашению».

Так как с окончанием войны ожидалось возобновление деятельности Русского Археологического института в Константинополе, то состоявшийся в 1915 г. переход редакции «Византийского временника» в руки редакторов «Известий Российской Академии наук» сам по себе означал уже приближение большей централизации византийских занятий в России. Занятие Трапезунда в 1916 г. открывало для любознательности русских ученых громадную, важную и мало изученную область, куда Федор Иванович отправился во главе экспедиции в 1916–1917 гг. Еще более широкие, лучше сказать, необъятные и увлекательные перспективы открывались для русского византиноведения в связи с новой постановкой вопроса об участии русских ученых в исследовании древностей Греции и Италии и особенно в разработке дохристианских, христианских и мусульманских древностей Египта, Малой Азии, Сирии, Палестины, Месопотамии, Аравии силами новых научных учреждений в Иерусалиме, Афинах и Риме, связанных с Русским Археологиче-

ским институтом в Константинополе и с однородными учеными учреждениями других наций. В истории русского византиноведения должна была наступить новая эра, когда не только были бы выполнены громадные указания Федора Ивановича, но пришлось бы русским ученым выйти далеко за их пределы.

Таким образом, программа работы для Комиссии «Константин Порфирородный», выставленная в 1918 г., была только осколком давно созревшего у Федора Ивановича грандиозного плана. Но она выдвигала задачи существенно необходимые и приуроченные к силам и интересам наличного в Петрограде состава русских ученых и особенно подчеркивала необходимость организовать и поддерживать работу. ОИФ Академии наук живо откликнулось на призыв Федора Ивановича: в образованную под его председательством Комиссию «Константин Порфирородный» вошло шесть академиков немедленно, а вскоре к ним присоединились еще шесть, так что два Отделения Академии Наук почти целиком оказались в составе Комиссии. На первом заседании 1 июня (19 мая) участвовало еще около 20 лиц, откликнувшихся на зов Федора Ивановича; число их увеличилось впоследствии до 30 с лишком. Это были все живые силы в области византиноведения, сохранившиеся после гибели всех очагов его в б.Петербурге. Комиссия развила свою деятельность среди неимоверно тяжелых условий для научной работы и жизни, так как Академия наук не могла представить в распоряжение Федора Ивановича ни сколько-нибудь достаточные средства, ни возможность печатать труды Комиссии; научная литература по византиноведению и смежным областям еле-еле просачивалась, связи с заграничными учеными учреждениями и лицами не были налажены; смерть косила ряды Комиссии: из 12 членов-академиков умерли 7, из других членов скончались 6, кроме того, несколько выехало за границу. В 1920 году сам Федор Иванович так характеризовал свое собственное положение: «Ныне, имея уж 75 лет за плечами, я снова возвратился во многих отношениях к прежнему состоянию (т. е. первых месяцев своего студенчества — 1867 г.). Я лишен всего имущества, оставленного в Константинополе по случаю поспешной эвакуации его русскими учреждениями при объявлении войны. Что оставалось у меня, то находится на дне Черного моря вследствие крушения госпитального судна «Вперед» от турецкой мины

в 1917 г. Как тогда, так и теперь, не имея ни собственной библиотеки, ни кабинета, я должен заниматься в общественной библиотеке и за отсутствием достаточных средств плохо питаться и нередко голодать. Разница разве в том, что прежде было много надежд, смелости и энергии, а ныне к себе могу применить слова: «Когда состаришься, постороннее лицо тебя опояшет и поведет, куда не хочешь». Тем не менее Федор Иванович продолжал стоять на своем посту, и Комиссия самоотверженно работала по намеченному им плану, преимущественно по эпохе Константина Порфирородного.

К концу 1922 г. в жизни Комиссии наметилась необходимость перемен. С одной стороны, в Ленинграде зародились и окрепли очаги византийских студий при богатейших отделах византийского искусства и археологии в ряде ученых учреждений; с другой стороны, для Комиссии выяснилась необходимость расширить круг своих работ под влиянием как налаживавшихся постепенно связей с Западом, так и роста интересов внутри самой Комиссии. После того, как Международный союз академий взял на себя переработку латинского глоссария Дюканжа, Федор Иванович возбудил 14 февраля 1923 г. в ОИФ мысль о необходимости взяться за подготовку к переизданию греческого глоссария Дюканжа силами особой Комиссии, тогда же под его председательством и образованной. Так как, однако, эта мысль уже намечена была Федором Ивановичем для Комиссии «Константин Порфирородный», то решено было в мае слить обе Комиссии в одну под названием Русско-Византийская историко-словарная комиссия, а для осуществления инициативы и самостоятельного участия русских ученых в выполнении сложной задачи, поддающейся только соединенным усилиям русских и иностранных ученых учреждений, оказалось необходимым объединить в общей работе все имеющиеся в СССР научные силы эллинистов и части славистов и ориенталистов. Федор Иванович решил мобилизовать те силы, которые в настоящее время находятся в пределах досягаемости, уверенный в том, что при их содействии Академия наук могла бы смело выступить в почетное сотрудничество по словарю Дюканжа с Союзом академий. Если Комиссия «Константин Порфирородный» объединила и поддержала в трудные годы византистов Петрограда, то РВК явилась центром объединения для

византинистов Ленинграда и прочих мест в СССР, где только еще сохранились собратья по специальности.

В 1925 г. возникла в РВК еще одна задача, для осуществления которой создана была особая подкомиссия: изучение экономических и торговых связей древней Руси с Византией и Востоком, для чего намечено было критическое издание договоров Руси с греками X в., обследование торговых путей из Византии в Центральную Азию, предметов торговли и т. д. Федор Иванович не только формально председательствовал и направлял работу членов РВК, но и сам шел впереди всех как рядовой работник. Если подсчитать число сделанных им докладов, то оказывается, что никто из членов РВК с ним по энергии работы сравниться не может. Результатом работы РВК в настоящее время являются: громадное собрание материала для подготовки к переизданию греческого глоссария Дюканжа, переводы и исследования трудов Константина Порфирородного, в особенности его «Придворного Устава», который, кстати сказать, сфотографирован весь целиком, сводка данных из восточных писателей о путях на Восток с картой самих путей, исследование пути «из варяг в греки» и ряд отдельных исследований по истории искусства и археологии Византии. Но самое замечательное в работе РВК было все-таки то, что делал в ней сам Федор Иванович. Если считать, что «История Византийской империи» завершила сорокалетнюю работу Федора Ивановича, то ряд его докладов в РВК проникнут был мыслью внести в этот основной труд дополнения и поправки, требуемые успехами востоковедения, особенно русского, и связанным с ними изменением взглядов Федора Ивановича на значение элементов восточной культуры в истории и Византии, и древней Руси.

Но Федор Иванович с самого образования Комиссии «Константин Багрянородный» в 1918 г. ясно видел, что на выполнение задач, возложенных им же и ходом развития науки на РВК, не хватит ни его слабеющих физических сил, ни самоотверженного сотрудничества рдеющих рядов византинистов, и с 1923 г. стал хлопотать об укреплении положения РВК и обеспечении ее помещением, средствами, пособиями и штатными сотрудниками. Однако сама Академия наук находилась в столь затруднительном положении, что в начале могла уделить Федору Ивановичу то два, то четыре рубля

на все нужды РВК и лишь впоследствии изыскала средства удовлетворить пожелания Федора Ивановича, но далеко не в том размере, который ему казался необходимым.

Федор Иванович указывал на то, что «РВК отчасти уже объединяет, а по идее должна привлечь к своей работе всех работников в области византиноведения; и сама эта работа, с одной стороны, есть подведение итогов сделанному; если русскому византиноведению суждено погибнуть, с другой стороны, она может явиться одним из лучших средств к поддержанию и выявлению как силы научных традиций в России, так и новых научных задач и новых путей в разработке необозримого материала».

Связывая свое имя с предприятием столь ответственным и важным, Федор Иванович энергично ходатайствовал об оказании ему всемерной поддержки: «Я не могу к 80-му году жизни ставить себя в тяжелое положение человека, поддерживающего несбыточные надежды, и вместе с тем компрометировать Академию наук в глазах западноевропейского ученого мира. Но, с другой стороны, следует обратить внимание Академии наук и на то, что прекращением существования РВК будет нанесен тяжкий удар той науке, создание которой в России и содействие укреплению ее в Европе составляют одну из важнейших и почетнейших заслуг Академии наук». Поэтому Федор Иванович заканчивал просьбой «возбудить пред Правительством особое ходатайство о дополнительном кредите, указав, что интересы науки, честь Академии, наконец, слава России, как культурного государства, требуют экстренных мер для своей защиты».

Сохранению традиций и обеспечению преемственности византиноведной работы русских ученых РВК должна была служить, по мнению Федора Ивановича, лишь в качестве переходного учреждения: как необходимое дополнение ее, Федором Ивановичем задуман был Кабинет византиноведения, предназначенный для «наглядного проведения преемственности византийских штудий в Академии наук с XVIII в. до последнего времени», а затем оба учреждения должны были объединиться в Византийский институт, мысль о котором занимала Федора Ивановича и в день последнего отъезда в больницу.

Федор Иванович неустанно старался обеспечить ближайшую

судьбу своего любимого детища последних лет, ставшего ему не менее дорогим, чем Русский Археологический институт в Константинополе в предшествовавшие годы. Последнее его заявление в Президиум Академии наук в мае 1928 г. содержит в себе фразу, потрясающую своей трагической тоской: «Не могу равнодушно и спокойно переносить бездомное и необеспеченное существование РВК и полное забвение, проявляемое в отношении кабинета византиноведения, хотя этот первостепенной важности вопрос получил уже в Академии наук и принципиальное свое разрешение в положительном смысле. При моем преклонном возрасте, ненадежном здоровье каждый месяц жизни стоит года; но эти месяцы проходят для меня в удручающем ожидании». Заканчивается это заявление бодрящей нотой: «Питаю надежду, что ходатайство мое на этот раз увенчается успехом, тем более, что за годы моего ожидания Академия наук сумела найти средства для создания новых научных институтов и многочисленных комиссий, надлежащим образом обеспеченных». Действительно, Федор Иванович горячо желал видеть свои пожелания осуществленными еще при своей жизни и тяжело переживал всякое промедление на этом пути; но каждый успех АН в деле создания научных учреждений окрылял его надеждой на успех его собственных неустанных ходатайств. В спокойные часы душевных бесед Федор Иванович часто возвращался к тем мыслям, которые он высказывал в своих ходатайствах о РВК перед Академией наук, но любил переводить на реальную почву смысл таких кратких выражений, как «честь Академии наук», «слава России как культурного государства», «сохранение научных традиций», которые он без глубокого волнения не мог произносить.

Два факта постоянно и преимущественно выдвигались при этом Федором Ивановичем. Первый заключался в бесконечном разнообразии, богатстве и важности того византийского наследия, которое хранят как музеи, так и история и даже современная жизнь народов СССР.

Для византийской археологии и истории искусства очень много делают разнообразные научные учреждения СССР; рядом с ними РВК занимает не в жизни, а в глазах Федора Ивановича самостоятельное положение, так как она, не вторгаясь в работу, ведущуюся в других местах и не отвлекая от нее преданных ей сил, ставит себе

самостоятельные задачи в других областях византийской истории, привлекая к работе лиц, которые иначе не нашли бы применения своим интересам и знаниям, и объединяет всех вообще византинистов в дружную рабочую семью. Изучение государственного, экономического и финансового строя Византии, глубоко захватывавшее самого Федора Ивановича, естественно должно было стать одной из главных задач РВК. Но внимание Федора Ивановича было привлечено и к той задаче, которая разрабатывается в последнее время в Академии наук особой комиссией по истории знаний.

Кто предан исследованиям Византии, по выражению Федора Ивановича, «находящимся, по-видимому, в глубоком несоответствии с переживаемыми настроениями», хотя «занимающим по важности первое место вслед за русской историей», тот не может не разделить тревоги Федора Ивановича, угнетаемого мыслью об их утрате; мысль об одиночестве и беспомощности легко приходит при этом в голову и создает страхи там, где их нет; трудность задач, поставленных Федором Ивановичем в РВК, может вызвать сомнения в силах для их решения и заставить от них отступить. Но если бы даже такие настроения нашли себе место в среде отдельных лиц и даже учреждений, то самую действенную помощь и поддержку русское византиноведение нашло бы в бесконечном разнообразии, богатстве и важности того материала, который хранят музеи СССР, а для обработки его необходимы та организованность и единение, та широта плана и глубина мысли, которую старался провести Федор Иванович в РВК. Дело в том, что в истории физики, математики и прикладных наук значение византийских писателей выступило в новом свете благодаря ряду предпринятых академиями Европы попыток собрать все произведения, написанные на греческом языке в различных областях астрономии, астрологии, химии, медицины, математики и т. д. Византийцы оказываются не только хранителями традиций классической древности или эллинистической эпохи, но и творцами новых идей. Исследования недавно умершего французского ученого P. Duhem, посвященные Леонардо да Винчи, показали, что родоначальников современной нам научной мысли следует, с конца XIII в., искать в университетах Парижа и Оксфорда, где возникли учения о движении земли, о множественности миров, пустоте, бесконечно больших величинах и энергии, идущие вразрез с

авторитетом Аристотеля и являвшиеся основой для смелых построений Леонардо да Винчи. Открывая предшественников Галилея в лице не только забытых, но и презрительно заброшенных схоластиков Сорбонны XIII–XIV вв., Duhem не может указать для них ни одного более древнего предшественника, чем византийский писатель Иоанн Грамматик Филопон VII в.; через посредство арабов его идеи об энергии проникли на Запад и нашли себе отзвук и других византийских ученых. Исследования в других областях византийской жизни раскрывают много важного. Византийская техника оказалась полна изобретательности в военном деле, строительном искусстве, между прочим, пришла к мысли о возможности построить аппарат для полетов в воздухе. Византийские путешественники предпринимали поездки с чисто научной целью — для определения формы Земли. Экономическая и финансовая организация византийского государства вызвала к себе особый интерес, потому что она объясняет наново ряд внутренних событий в культурной истории и государственном строе Византии. Наконец, мероприятия Византии по охране народного здоровья, по призрению бедных и по развитию просвещения отчасти поставлены на очередь для более глубокого изучения, отчасти только в последнее время впервые выдвинуты в поле зрения исследователей.

Другой факт, из которого исходил Федор Иванович в оценке положения Комиссии, заключался в том, что византийские штудии в СССР не стоят одиноко и беспомощно: византиноведение на Западе, в Греции и в славянских странах развилось в самостоятельную богатую силами, берущуюся за новые и сложные задачи и уверенную в своем будущем отрасль науки. Образовались центры византиноведения во Франции, Италии, Венгрии, Болгарии, Сербии, Румынии и Греции. Уже возникло семь новых журналов специально или в значительной мере византиноведных («Byzantinisch-Neugriechische Jahrbucher», «Ἐπιστημονικὴ Ἑταιρεία Βυζαντινῶν Σπουδῶν» и «Ἑλληνικά» в Афинах, «Studi Bizantini» в Риме, «Byzantion» в Брюсселе, и еще готовится один — «Rivista di Studi Bizantini e Neellenici» в Риме). Смотр сил, произведенный на двух международных конгрессах (в 1924 г. в Бухаресте и в 1927 г. в Белграде), показал, что они весьма значительны, хотя не из всех стран представители могли приехать в Белград, так что интерес к Византии покоится на чрезвычай-

но прочных основах, не только издавна установленных, но и вновь открываемых и углубляемых. Для истории естествознания, математики и прикладных наук значение византийских писателей выступило в новом свете благодаря ряду предпринятых академиями Европы попыток собрать все произведения, написанные на греческом языке в различных областях: астрономии, астрологии, химии, археологии, медицины, математики и т. д. Византийцы оказываются не только хранителями традиций классической древности или эллинской эпохи, но и творцами новых идей.

В византиноведении последнего времени наблюдается то явление, которое можно характеризовать, перефразируя крылатое выражение Вертело: византиноведение и открывает, и как бы вновь создает предмет своего изучения. Это особенно ярко сказалось в истории византийского искусства, которая не только сильно расширила свой материал, но и смотрит на него совсем иными глазами, и находит в старом много нового и важного, благодаря, главным образом, трудам Н. П. Кондакова и его школы.

В этом развитии византиноведения одно из виднейших мест в течение последних пятидесяти лет принадлежит незабвенному Федору Ивановичу. Он не только сам исполнил до конца свой долг перед наукой, но и указал путь, на котором ждал исполнения долга от своих преемников.

Сила фактов, питавших надежду Федора Ивановича на успех его широких замыслов, остается, конечно, непоколебимой, и она должна будет служить основой и поддержкой для дальнейшей работы РВК. Смерть основателя и руководителя заставит усилить свою работу потому, что ушел тот, кто в работе был первым труженником, и потому, что на Комиссии лежит долг сделать все для осуществления заветных желаний Федора Ивановича.

РЕЗЮМЕ СТАТЕЙ

G. E. Lebedeva, V. A. Yakubskii. The first Chair. Notes from the past of the Department of Medieval History of the Saint-Petersburg State University.

N. N. Rozental was a graduate student of I. M. Grevs. Rozental's name rarely appears in the works of historians, writing on the Middle Ages, and never in connection with the department of medieval history of Petrograd-Leningrad University. This despite the fact that he became its first chair. But Rozental deserves our attention not only for this reason. The fate of this undoubtedly talented scholar was characteristic of that of many post-revolutionary historians. Rozental and Grevs went different ways. Grevs never recognized the innovations in politics and in science that followed the revolution, while his student adapted easily to the new Soviet environment.

V. M. Tjulenev. Sulpicius and Rufinus: Two Conception of the Church History of the IV Century.

This paper analyzes the conceptions of the church history of IV century which were found in the Christian historiography of the beginning of V century. The author draw our attention to the fact how difference the image of history in the "Chronicle" of Sulpicius Severus and the conception of church history in "Historia ecclesiastica" of Rufinus of Aquilea. The author states that Sulpicius suggesting that all Christians (orthodoxies and pagans) formed church found the conflict which destroyed the church. Rufinus including only Catholics in members of Church described the triumph of truth in the battle with errors.

L. M. Arzhakova. S. M. Solovyev and his 'History of the Poland's Fall'.

This article is an analysis of S.M. Solovyev's famous monograph which was the very first one initiating intensive studies of Polish history in the second half of XIX Century Russia. Caused mainly by the Great Rebellion of 1863 this book was a sort of the intellectual reflection of broadly recognized historian with a very strong believes in the state potential. Thinking that the fall of Polish government was predictable, he stressed the impact of the Reformers as the most distractive one.

A. J. Prokopjev. To discover of ‘social’? The Power Elite of Confessional Germany in the Modern Historiography.

A striking feature of recent historical writing has been the widespread revival of interest in European nobilities. Since the mid-1970s, scholars have rediscovered power elite of Early Modern Germany as a historical phenomenon. This rediscovery has been accompanied by broad recognition of the elite's crucial influence mostly in political and religious life, central and local government, cultural patronage, and even economic enterprise. In opposite to the XIX century the inter-war period slowly gave the way to the method of structural analysis, broadening the range of topics studied by historians (Paul Kirn, Ernst Kantorowitsch, Otto Hintze). These changes facilitated an increasing interest in the subject of nobility. Among the German scholars, Otto Brunner's "Land und Herrschaft" and "Adeliges Landleben und Europaisches Geist" seemed to be a kind of programming text. Brunner's book was in the forefront of a broadly developed reaction against traditional legal and constitutional history focused almost entirely on the role of the monarch and that of the State. Instead of that he emphasized the importance of nobility ethos, lordship, in its widest sense, and redirected scholar's attention from institutions to the nobility. The article deals with a problem of perception of Brunner's ideas in late decades of XX century alongside with others aspects of XVII century social history, particularly with Confessionalisazion, family history etc.

S. E. Fyodorov. The Early Stuart Aristocracy: Historiography.

Since the end of the XVIIth Century the Early Stuart aristocracy has been analyzed both as a group of various individuals and families or as a monolithic block of the nobility. For many years these two approaches has gained a certain success but mostly for the English peerage. Both Irish and Scottish nobility were not particularly studied as a separate bodies. This article is raising some major questions and, is attempting to suggest some principal answers. It is not seeking to recapitulate old controversies, but, concentrating on significant recent discussions, is trying show that only integrate studies based on its British context will have great force for explanation.

A. Mitrofanov. Reception of the Acts of 4–5th Centuries Italian Councils in the Latin Canonic Collections of Italian Origin.

In the second part of 20th Century the studies of the medieval Canon law stimulated breathless interest in the way of how the lawyers of the High

Middle Ages, apprehended ancient canon sources. The most representative sources useful for us to distinguish the main directions and disposition of the reception of Late Roman church law in the Early Middle Ages are the statements of the local Synods of the 4–5th Centuries. Italian councils' statements of this period are extremely important because Italy at the time of the Roman Empire collapse continued to be a spiritual 'nerve' of the Western church life; such a point clearly demonstrates both the process of reception of Later Roman church law and the level of the changes in developments of the Roman canonical practice up to the Fourth Ecumenical Council.

L. Samutkina Daniel's 'Seventy Weeks of Years' in the Greek Anonymous 'Pascal Chronicle' of VII c.

The article describes the place of Daniel's prophet about "seventy weeks of years", written in the Book of Daniel (Dan. 9:24–27), in the Greek anonymous "Paschal Chronicle" of VII c. Christian chronograph has used three interpretations of this prophet.

L. V. Isakova. The Monophysite Schism in the Chronicle of Eutychius of Alexandria.

The article is devoted to the analysis of the information of the Chronicle of Eutychius of Alexandria about the history of monophysite heresy, which played an important part in the fate of Early Byzantine. Some aspects of the Byzantine political and church life brought the religious idea into the mass protest movement of Egypt and the eastern provinces against the despotism of Konstantinople in the V–VIth centuries and led to church schism in the VIIth century.

M. A. Morozov. Some Problems to Study the Documents of Athos Monasteries.

Monasteries of Athos start to play an obvious role in political, social and economic life of Byzantine Empire. The major mass source from which we scoop the information on the organization of economy of Athos monasteries, and also on ways it has become a landed complex of Athos, is kept in archive of Holy Mountain. Some periods of their studying are allocated in the article.

A. V. Bannikov Roman Military System's Crisis After the Battle of Adrianople.

After the defeat of the Roman troops in the battle of Adrianople (378) Theodosius I attempted already at the beginning of his reign to draw the

barbarians in the ranks of the regular army of the Empire. In 380s he began to pursue a policy of more active cooperation with the Goths giving them the rights of *foederati*. However, the barbarian irregular contingents with their national leaders as commanders did not replace absolutely the regular army, and the last one continued to exist during the Vth century. In the second half of the Vth century the Goths lost their dominating positions in the Roman army and under Justinian were distinguished by nothing amongst the contingents of different peoples being on the service of the Empire.

M. Dmitrieva. Siennese “popolari”: the Way to The Power.

The article gives an analysis one of the most interesting period of the city's history. Thirteenth century Siena became an arena of the social and political struggle between the nobles (“nobili”) and people (“popolari”). This struggle was connected with the Guelph-Ghibelline conflict and the Siena's rivalry with neighbouring Florence. Therefore, it was both the failure of the Empire of Goghenstaufen and the victory of Florentine guelfs (1269) that changed Siena's foreign and domestic policies. Guelph's government of the Thirtysix (1270–1280) gained the power, the new Constitution (1274) was adopted, and so-called *statuti del popolo* (1277) took an effect. As a result, the nobles were removed and the first popular government of the Nine (1287–1355) was established. Some forms of the Siennase's popular democracy were functioned up to the end of Fifteenth century.

A. V. Romanchuk. Humanistic Interpretation of the Animalistic Images in the Literature and Fine Arts of the Trecento.

The article concentrates on the problem of changing attitudes to animals in the Italian literature and fine arts during the period of the development of humanism. Through the analysis of animalistic iconography (the works by Giotto, Arena Chapel, Padua; by Ambrogio Lorenzetti, Allegory of Good and of Bad Government, Palazzo Pubblico, Siena; The Triumph of Death, Camposanto, Pisa; by Andrea Vanni, Adoration of the Magi, Samuel H. Kress Collection; by Jacopo da Verona, Adoration of the Magi, Padua, Church of San Michele; by Bartolo di Fredi, Adoration of the Magi, the Pinacoteca, Siena; by Altichiero, The portrait of Petrarch with dog, Padua, in the Sala dei Giganti; by Benozzo Gozzoli, The Image of St. Augustine, Gimignano, Church of St. Augustine and many animalistic drawings by Pisanello and by Leonardo da Vinci), and of fragments from the philosophic works of St. Augustine, Fr. Petrarch, C. Salutati, L. Valla and Leonardo da Vinci the author follows stages of the development of some humanistic ideas.

I. P. Potekhina. The System of Taxation of the Holy See during the Captivity at Avignon.

The article is dedicated to the analysis of the history and methods of classification of the main taxes imposed by the medieval papacy — especially during the period of so called Babylonian Captivity of popes. The author marks that among different classifications of papal revenues created by European scholars, this represented by J. P. Kirsch (1900) appears to be the best one. Not only it allows us to investigate the whole history of the papal finance, but also establishes a close connection between the fiscal policy of the Holy See and the development of its theocratic doctrines. To improve this theoretic achievement of J. P. Kirsch in order to gain more prolific classification of different incomes of the avignonese papacy and thus to form a true notion entirely of the fiscal system of the apostolic see, I. P. Potekhina also adds to the text of her article some information connected with the amounts of some of the papal taxes.

A. V. Majorov. The Great Croatian of Constantine Porfirogenet.

The article deals with the information of Byzantine emperor Constantine Porfirogenet about the Great Croatian. It defines the geographical position and history importance of Croatian as the great-great motherland of croatians.

N. Gorelov. Wild Tribe of Bedouins as Described by Latin Sources on Crusades and Travel.

This article examines all references to nomadic Bedouin tribes in Latin sources from the early Crusades down to middle of the XIV century. The first mention of Arabic nomads emerges at the end of the XII century. In the same texts, also appear references to the garden of balm nearby the royal residence at Cairo and the sect of Assassins. It can be proved that Bedouins were known to Europeans even before that time and usually identified as Edomites or the Nomadic Saracens. They were renowned for their extreme courage, religious indifference, and unique ability to travel around the Desert of Sinai. For centuries, Bedouin tribes ranked high among the attractions available to Holy Land pilgrims. They were a perennial must-see in every tourist handbook.

L. I. Kiselyeva. The Russian National Library Manuscript's Department — a Treasure-House for Medieval History Students.

The Manuscripts Division of the Russian National Library comprises over a thousand medieval manuscript books and almost eight thousand documents. The real value of the collection is well appreciated by students of medieval history. Historical sources come from England, Sweden, Spain, the Netherlands, Italy and Germany, but almost from France. All French historical documents are very rare and valuable ones. They include letters written by the Kings of France namely by Louis XI, Louis XII, Charles VIII, Charles IX, etc. There are also letters of French scholars and authors, philosophical or theological treatises, medieval romances, courtly poems and many other medieval or Renaissance works.

All historical and literary sources are useful for studies of history, medieval writing, libraries, and the European medieval culture at large.

Michel De L'Hospital. The Aim of the War and Peace. Translated by I. V. Krivushin and E. S. Krivushina.

The memoir 'The aim of the war and peace' is one of the most important political writings of Michel de L'Hospital, the chancellor of France in 1560–1568 and the leader of the 'politiques', a moderate faction in the Huguenot Wars. This text represents his reflections on the origin and character of the deep politico-religious crisis in France and on the ways to overcome it. The publication is the first Russian translation of the memoir.

V. N. Beneshevich. F. I. Uspenskii — Founder and Leader of the Russian-Byzantine Commission of the USSR Academy of Sciences. (Published by G. E. Lebedeva and V. A. Yakubskii).

«F. I. Uspenskii — Founder and Leader of the Russian-Byzantine Commission of the USSR Academy of Sciences» was the title of a presentation made by V. N. Beneshevich (1874–1938) at the meeting of the Academy of Sciences, held to celebrate the memory of F. I. Uspenskii, on 10 April 1928. V. N. Beneshevich, one of Uspenskii's closest colleagues, and one who shared his views, worked with him during those post-revolutionary years which were difficult for the country and for its scholarship. The St. Petersburg filial of the Russian Academy's Archive contains the unedited text of Beneshevich's presentation. A comparison of this text with that included in a collection, published in 1929, shows convincingly that significant sections of the original text were omitted from the 1929 version. In effect we have two different texts. Whatever the reasons for the edits in the 1929 publication, the 1928 version in our view is of sufficient historiographical interest to warrant publication.

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ

Лебедева Г. Е., Якубский В. А. Первый заведующий (из прошлого кафедры истории Средних веков СПбГУ)	3
Тюленев В. М. Руфин и Сульпиций: два взгляда на церковную историю IV в.	15
Аржакова Л. М. С. М. Соловьев и его «История падения Польши» ..	33
Прокопьев А. Ю. Открытие социального? Княжеская элита конфессиональной эпохи в современной немецкой историографии	50
Федоров С. Е. Раннегюгартовская аристократия: историографический аспект	91
Митрофанов А. Ю. Рецепция итало-византийского церковного права IV–V вв. в латинских канонических собраниях италийского происхождения	124
Самуткина Л. А. Седмины пророка Даниила в «Пасхальной хронике» VII в.	146
Исакова Л. В. Монофиситский раскол в Хронике Евтихия Александрийского	161
Морозов М. А. К истории изучения документов Афонских монастырей	181
Банников А. В. Кризис римской военной системы после битвы при Адрианополе	189
Дмитриева М. И. Пополары в Сиене: путь к власти	199
Романчук А. В. Гуманистическая интерпретация анималистических образов в литературе и искусстве Треченто	209
Потехина И. П. Налоговая система св. престола в период Авиньонского пленения пап	217
Майоров А. В. Великая Хорватия Константина Багрянородного	232
Горелов Н. С. «Народ дикий»: бедуины в средневековой европейской литературе	250
Киселева Л. И. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки — сокровищница для студента-медиевиста	271

II. ПУБЛИКАЦИИ

Цель войны и мира. Записка канцлера Л'Опитала, призванная побудить Карла IX дать мир своим подданным. Перевод и комментарий И. В. Кривушина, Е. С. Кривушиной	282
Бенешевич В. Н. Федор Иванович Успенский как основатель и руководитель Русско-Византийской комиссии Академии наук. Публикация Г. Е. Лебедевой и В. А. Якубского	310
Резюме статей	322

Научное издание

**Проблемы социальной истории и культуры
Средних веков и раннего нового времени**

Выпуск 6

Межвузовский сборник

Редактор *И. П. Комиссарова*
Художественный редактор *Е. И. Егорова*
Верстка *И. М. Беловой*

Лицензия ИД № 05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 24.03.2006. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,29.
Тираж 300. Заказ № 84

Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21

Тел. (812) 328-96-17; факс (812) 328-44-22

E-mail: editor@unipress.ru

www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:

С.-Петербург, 6-я линия В.О., д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.